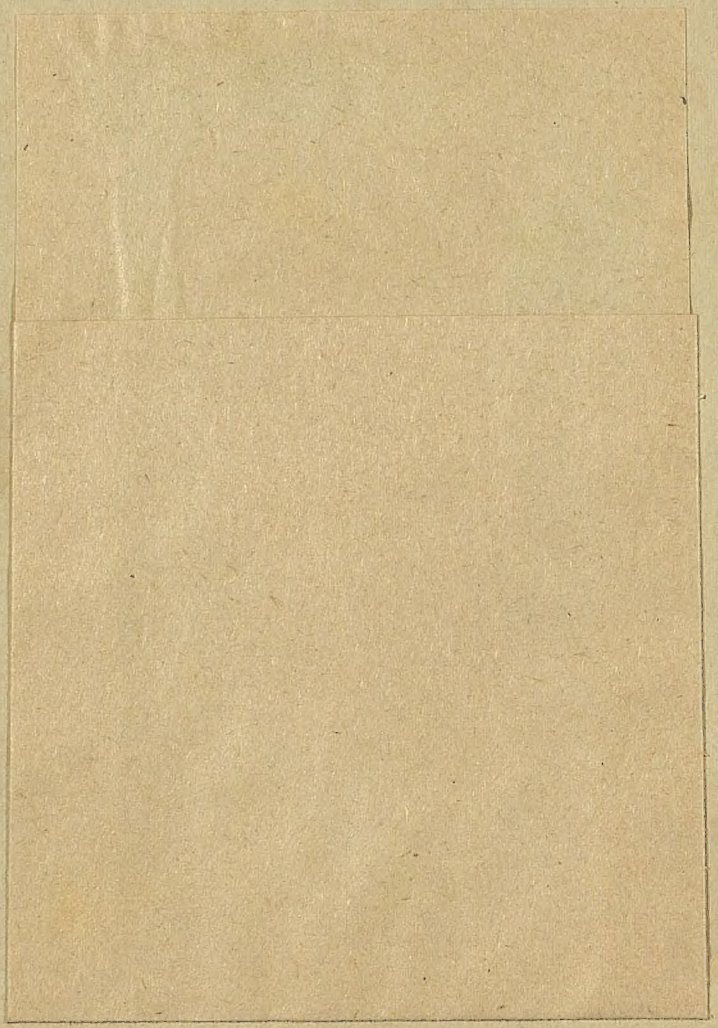
Фер. Старина
№ 1 NR
1903 г.



Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Краснодарского Совета
Профессиональных Союзов.

A

Центральная Работа
Библиотека-Читальня
Московскаго Совета
Профессиональных Союзов.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ XXXIV-й. ЯНВАРЬ. 1903 годъ.

Книга на дом не выдается.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Александръ I и его приближенные до эпохи Сперанскаго.** (Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. 5—36
II. **Русская жизнь въ началѣ XIX в.** Н. Дубровина. 37—65
III. **Разрытіе могилы кн. А. Д. Меншикова, спустя сто лѣтъ послѣ его кончины.** 67—72
IV. **Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.** Н. Гутьяра..... 73—93
V. **Изъ прошлаго.** Ужасные дни. П. Д. Паренсова. 95—121
VI. **Характерная ошибка.** (По дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника графа Берга о дополнительныхъ суммахъ вѣдомству просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на 1865 г. Профессора Дм. В. Цвѣтаева..... 123—129
VII. **Записки Э. И. Стогова..** 131—148
VIII. **Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.** 149—164
IX. **Россія и папскій престолъ. 1580—1601 гг.** Извлеченіе В. В. Тимощукъ..... 165—185
X. **Княгиня Д. Х. Ливенъ и ея переписка съ разными лицами.....** 187—200
XI. **Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.** Д. Г. Анучина. (Окончаніе). 201—210
XII. **Записная книжка „Русской Старины“:** Послѣдствія ухаживанія на Невскомъ проспектѣ въ ноябрѣ 1829 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (стр. 66).—Болѣзнь князя Г. Г. Орлова и назначеніе надъ нимъ опеки. Рескриптъ импер. Екатерины II братьямъ Орловымъ. 31-го дек. 1782 г. Сообщ. Д. П. Струковъ (94).—Оригинальная подписка. Сообщилъ Б. Адамовичъ. — О считаніи оберъ-церемоніймейстера во второмъ классѣ. Высочайшее повелѣніе 16-го ноября 1827 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (122).—О сохраненіи нашивокъ нижними воинскими чинами въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (130).—Просьба француза Висто 22-го марта 1829 г. именоваться Безсоновымъ. Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій (186).
XIII. **Библіографич. листокъ** (на оберткѣ).

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Воспоминанія А. Е. Лабзиной. Сообщ. Б. Модзалевскій.
2) Портретъ **Валеріана Александровича Панаева.**

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъяческая, № 39.
1903.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января 1903 года.

Библіографическій листокъ.

В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь. Профессора Н. Ѳ. Сумцова. Харьковъ. 1902 г.

Въ разсматриваемой нами книгѣ, составляющей отдѣльный оттискъ изъ Сборника Историко-филологическаго общества (14-й томъ, 1902 г.), помѣщены статьи профессора Сумцова, обрисовывающія, главнымъ образомъ, личность В. А. Жуковскаго, какъ человѣка и художника, а также и статья, касающаяся творчества Н. В Гоголя.

Мы остановимся прежде всего на статьѣ «В. А. Жуковскій, какъ филантропъ». В. А. Жуковскій знаменитъ, какъ писатель и филантропъ. Его доброта,—говоритъ Н. Ѳ. Сумцовъ,—отличалась огромной устойчивостію и привлекала къ нему людей разныхъ положеній, отъ особъ царской фамиліи до простыхъ крестьянъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ въ письмахъ къ своему воспитателю генералу Мердеру (1833 г.) постоянно называлъ Жуковскаго «добрымъ», «безцѣннымъ». «Записки» А. О. Россетъ-Смирновой—настоящій дифирамбъ добротѣ Жуковскаго: онъ «воплощеніе безконечной доброты, Пушкинъ говорилъ о немъ: «онъ почти слишкомъ добръ. Во всей его обширной особѣ не найдется достаточно желчи, чтобы убить зловредную муху».

Въ русскихъ историческихъ журналахъ, въ разныхъ историческихъ сборникахъ, въ мемуарахъ и письмахъ разныхъ дѣятелей первой половины XIX столѣтія разбросано множество сообщеній о филантропической дѣятельности Жуковскаго. Чѣмъ ближе мы знакомимся съ подробностями личной жизни Василія Андреевича, тѣмъ болѣе выступаетъ наружу несмѣтная сумма добра, накопленная имъ въ теченіе полувѣка на широкомъ пространствѣ отъ Енисея до Рейна.

Встрѣчая у Жуковскаго на каждомъ шагу проявленія добраго чувства, въ его колоссальной частной перепискѣ, въ сочиненіяхъ, въ сферѣ личныхъ отношеній, въ кругу семейныхъ и общественныхъ отношеній,—естественно возникаетъ вопросъ: какія обстоятельства личной жизни поэта воспитали и развили вложенное въ его сердце отъ природы гуманное настроеніе?—Несомнѣнно, на Жуковскаго сильно повліялъ тотъ женскій кругъ, въ которомъ онъ провелъ свои молодые годы. Природные задатки сердечности и доброты возросли подъ мягкимъ воздѣйствіемъ его многочисленныхъ родственницъ. Жуковскій росъ, окруженный цѣлымъ роемъ милыхъ и добрыхъ дѣвушекъ. Оставляя Дерптъ, по желанію своей старшей сестры Протасовой, Василій Андреевичъ въ 1815 г. писалъ ея дочери, своей любимой племянницѣ, Марьѣ Андреевнѣ: «я никогда не забуду, что всѣмъ тѣмъ счастіемъ, какое имѣю въ жизни, обязанъ тебѣ, что ты давала лучшія намѣренія, что все лучшее во мнѣ было соединено съ привязанностью къ тебѣ, что, наконецъ, тебѣ же я былъ обязанъ самымъ прекраснымъ движеніемъ сердца, которое рѣшилось на пожертвованіе тобою».

Любовь къ Марьѣ Андреевнѣ была для Жуковскаго горестнымъ испытаніемъ, но она закалила его сердце въ стремленіи къ самопожертвованію ради блага ближняго, готовности поступаться личными интересами. Нельзя отрицать вліяніе другой его талантливой племянницы, Авдотьи Петровны Кирѣевской, по второму мужу Елагиной,—женщины высокихъ нравственныхъ качествъ и прекрасно образованной. Жуковскій называлъ ее своей поэзіей. По отзыву Кавелина, она участвовала въ движеніи русской литературы и русской мысли болѣе, чѣмъ многіе писатели и ученые по ремеслу.

Въ числѣ лицъ, близкихъ къ Жуковскому, дружба съ которыми могла содѣйствовать развитію филантропическаго настроенія,—былъ старый пріятель и неизмѣнный другъ Василія Андреевича—Александръ Иванов. Тургеневъ унаслѣдовавшій отъ отца своего, славнаго сочлена новиковскаго дружескаго ученаго общества, И. П. Тургенева, доброе сердце и дѣятельную любовь къ ближнимъ. Во многихъ благотворительныхъ дѣлахъ А. И. Тургеневъ шелъ рука объ руку съ Жуковскимъ, напримѣръ, въ хлопотахъ за Мещевскаго, Баратынскаго, Шевченка. Въ дѣлѣ сформированія въ Жуковскомъ нравственной личности нѣкоторую роль сыгралъ «Арзамасъ», дружеское литературное общество, возникшее въ Петербургѣ въ 1816 г.

В. А. Жуковскій идею добра ставилъ всегда на первомъ планѣ и подчинялъ ей свою дѣятельность, свои помыслы и желанія. Въ 1832 г. въ письмѣ къ своему великому ученику, наслѣднику цесаревичу, позднѣе Царю-Освободителю Александру II, Жуковскій говоритъ: «Примѣръ добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто живетъ вмѣстѣ съ нами; память добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оставить тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ». Такимъ образомъ, въ идеѣ добра для Жуковскаго сливалось представленіе объ обязанностяхъ человѣка въ настоящей жизни и о правѣ на признательность потомства послѣ смерти.

Во многихъ стихотвореніяхъ пробивается человѣколюбивая тенденція, «да бѣдный труженикъ душою расцвѣтетъ» («Къ поэзіи» 1805 г.). Лучшая часть богатаго литературнаго наслѣдства, оставленнаго Жуковскимъ,—переводы его изъ Шиллера, Гербеля, Грея, построена на тепломъ, гуманномъ чувствѣ. Изъ оригинальныхъ стихотвореній къ этому теченію прямо примыкаютъ: «Свѣтлана», «Добрая мать», «Воспоминаніе», «Письмо къ Александру Тургеневу» и прозаическія къ нему примѣчанія и мн. другія. Чисто филантропическій характеръ имѣетъ стихотвореніе «Сиротка».

Съ особенною яркостью благородная смѣлость и настойчивость въ достиженіи добрыхъ

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

М. Д. К.

1903.

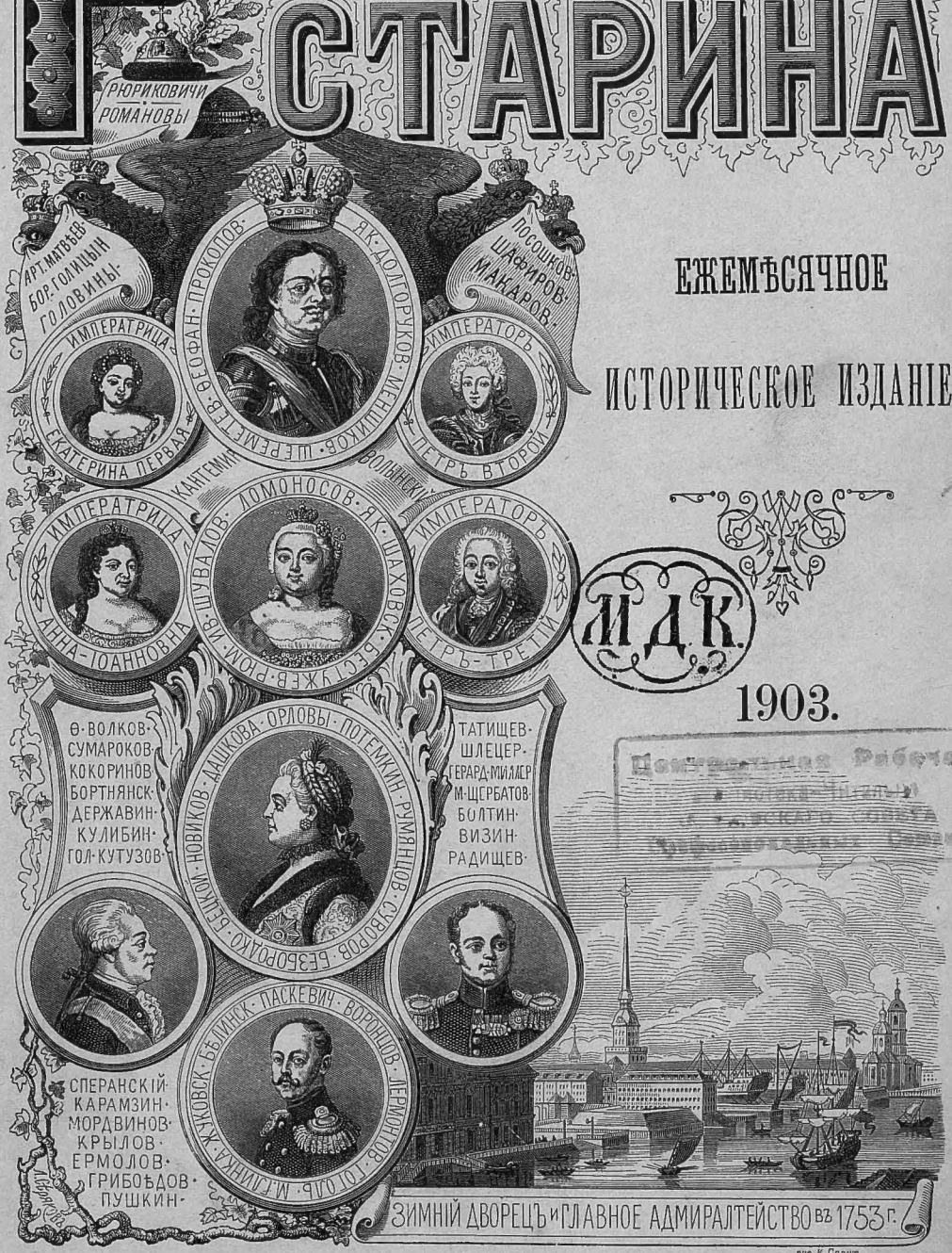


РИС. К. БРОЖЪ.

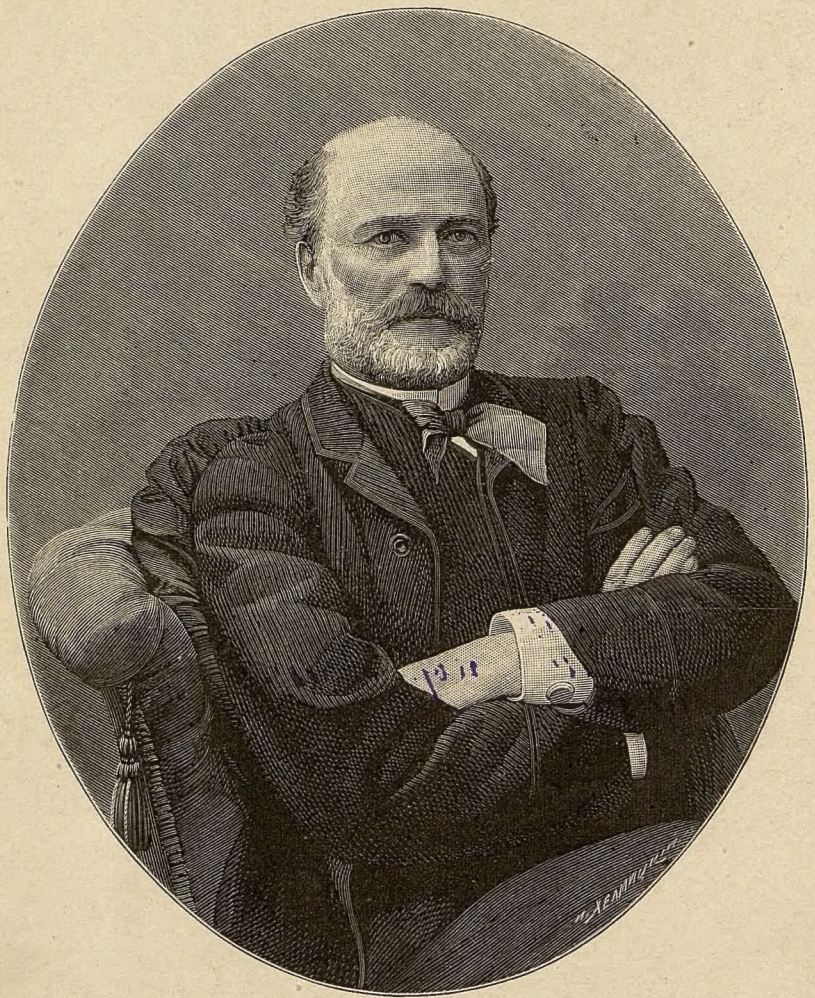
ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 9 ДЕКАБРЯ 1902 г.

ТИП. ТОВАР. „ОБЩ. ПОЛЬЗА". Б. ПОДЪЯЧ., 39.

Центральная Рабочая
Библиотека-Читальня
Петербургского Совета
Профессиональных Союзов.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

дозв. ценз. СПБ., 9 ДЕКАБРЯ 1902 г. тип. тов. „ОБЩ. ПОЛЬЗА", Б. ПОДЪЯЧ., 39.



ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

ПАНАЕВЪ.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1903.

ЯНВАРЬ.— ФЕВРАЛЬ.— МАРТЪ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ТРИНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяч., № 39.
1903.

[illegible]

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1903 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и разсказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе разсказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и разсказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполнѣ обезпеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить **1-го числа** каждаго мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по **30** к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

ИСТОРІЯ

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. Ѳ. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами. Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться въ Товарищество «Общественная Польза», СПБ. Большая Подъяческая, № 39.

Александръ I

И ЕГО ПРИБЛИЖЕННЫЕ ДО ЭПОХИ СПЕРАНСКАГО.

Неизданная глава изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа).

(Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Бычкова).

Ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года преобразила судьбы Россіи. Мрачныя ея тайны возвели на престолъ молодого монарха, которому предстояло пройти черезъ тяжелую школу испытаній, ошибокъ и бѣдствій, но который, при всемъ томъ, будетъ занимать самобытное мѣсто въ нашей исторіи, даже и тогда, когда исторія въ Россіи перестанетъ быть однимъ безусловнымъ панегирикомъ.

Жизнь и судьбы Сперанскаго были тѣсно связаны съ жизнью и судьбами Александра. Описывая первыя, нужно непремѣнно коснуться и послѣднихъ, восходя даже къ тому времени, когда онѣ были еще раздѣльны.

«Императоръ Александръ, блистательный участникъ достопамятныхъ событій первой четверти XIX-го вѣка, есть одинъ изъ тѣхъ монарховъ новѣйшаго времени, которые оставили по себѣ самое великое имя въ исторіи и положили неизгладимую печать свою въ лѣтописи европейскихъ знаменитостей. Обширныя приращенія, которыми расширилась при немъ Россія; пожаръ Москвы; страшное пораженіе союзной арміи въ 1812 году; освобожденіе Германіи и низложеніе Наполеона,—все это вмѣстѣ даетъ его царствованію характеръ увлекательнаго интереса и изумительнаго величія. По массѣ и важности соединенныхъ въ немъ

происшествій, этому царствованію едва-ли можно найти подобное въ цѣлой исторіи рода человѣческаго».

Такъ начинается характеристика Александра I-го въ сочиненіи англичанина Алисона, изданномъ подъ заглавіемъ: «Исторія Европы отъ начала французской революціи до возстановленія Бурбоновъ». Эту книгу очень настойчиво рекомендовалъ намъ, именно по вѣрности изображенія въ ней русскаго монарха, человѣкъ, знавшій его, конечно, очень близко, но котораго мнѣніе было болѣе приговоромъ преданнаго сердца, нежели строго безпристрастнаго разсудка. Мы разумѣемъ здѣсь извѣстнаго лейбъ-медика Александра Wylie, звуки англійской фамиліи котораго переложились у насъ въ русскую форму Вилье. «Oh, quel homme, quel homme c' était qu' Alexandre!» [1]), говаривалъ онъ намъ часто, въ порывѣ сердечнаго восторга: чувство умилительное, но подъ вліяніемъ котораго трудно писать исторію. Портретъ Алисона весь почти составленъ изъ такихъ же восторженныхъ восклицаній. Сверхъ того, онъ болѣе общеповѣствовательный, нежели индивидуальный, и Александръ изображенъ въ немъ внѣ круга его приближенныхъ, которыхъ очертаніе столь важно для собственной его характеристики [2]).

Обстоятельства и усердные поиски сосредоточили въ нашихъ рукахъ довольно значительное число такихъ матеріаловъ, которые до сихъ поръ существуютъ только въ рукописяхъ и, частью, совершенно неизвѣстны публикѣ. Сверхъ того, мы прислушивались—разумѣется, съ строгимъ критическимъ разборомъ—къ разсказамъ людей, жившихъ и дѣйствовавшихъ въ ту эпоху, и перечитали съ такимъ же разборомъ, что только могли изъ напечатаннаго о ней въ Россіи и за границею. Несмотря на то, приступая къ біографической характеристикѣ императора Александра I-го, мы отнюдь не имѣемъ самолюбиваго притязанія составить что-нибудь полное, прагматическое, или произнести послѣднее слово. Мы старались достигнуть только того, чтобы наша компиляція—болѣе здѣсь читатель не найдетъ ничего—была, по возможности, точна, правдива и безпристрастна.

Въ царственной жизни Александра I-го ясно и рѣзко обозначаются три періода: первый—до послѣдней исполинской борьбы его съ Наполео-

---

[1]) Т. е. О, что за человѣкъ былъ Александръ!

[2]) Не только у Алисона и въ сотняхъ общихъ историческихъ сочиненій, біографическихъ сборниковъ, энциклопедій, словарей и проч., но и въ книгахъ, исключительно посвященныхъ жизни и дѣяніямъ Александра, имена Новосильцова, Сперанскаго, Аракчеева и проч. упоминаются лишь вскользь, безъ цвѣта и безъ жизни. Но какова же правдивость, какова полнота, какова даже возможность біографіи императора Александра I, безъ включенія въ нее названныхъ нами лицъ? Это все равно, что исторія Генриха IV безъ Сюлли, или Людовика XIII безъ Ришелье!

номъ; второй—отъ начала этой борьбы до низверженія его соперника; третій—отъ общаго мира до кончины Александра. Настоящій очеркъ посвященъ одному первому, такъ сказать, приготовительному періоду, сколько, впрочемъ, подобное разграниченіе доступно въ общей характеристикѣ.

Императоръ Александръ не принадлежалъ, конечно, ни въ какомъ отношеніи, къ числу натуръ обыкновенныхъ. Съ самыми счастливыми природными способностями, съ блестящимъ даромъ бесѣды, съ необычайною находчивостью въ отвѣтахъ и рѣчахъ, съ изумительною памятью, онъ соединялъ въ себѣ рѣдкую воспріимчивость къ совершенно разнороднымъ, иногда даже совершенно между собою противоположнымъ впечатлѣніямъ. Въ умственномъ отношеніи преобладающими его качествами были особенная тонкость и прозорливость. Сердцемъ и чертами лица онъ болѣе всѣхъ братьевъ походилъ на свою бабку. И онъ, какъ Екатерина II, былъ не безъ добродушнаго сочувствія къ ближнему, но въ обоихъ это сочувствіе, сверхъ внутренняго влеченія, немало возбуждалось и тщеславіемъ. Оба дарили охотнѣе тѣмъ, у которыхъ уже и безъ того было много, и оба болѣе любили оказывать милости, нежели воздавать за заслуги, хотя, впрочемъ, Александръ былъ вообще менѣе расточителенъ на награды, особливо денежныя, нежели Екатерина II [1]). И бабка, и внукъ легко составляли себѣ хорошее о комъ-либо мнѣніе, но такъ же легко и перемѣняли его, а послѣ уже неохотно прощали свою ошибку и не любили снова обращаться къ тому, кто имѣлъ несчастіе подпасть ихъ неудовольствію. «Государь такъ памятенъ,—говаривалъ Трощинскій [2]), одинъ изъ ближайшихъ къ нему въ началѣ его царствованія,—что ежели о комъ разъ одинъ услышитъ худое, то уже никогда не забудетъ». И бабка, и внукъ умѣли, по минутному вдохновенію, произносить сердечныя и умныя слова, которыя навсегда врѣзывались въ память слышавшаго ихъ. Наконецъ, и бабка, и внукъ въ высшей степени владѣли искусствомъ покорять себѣ умы и проникать въ душу каждаго, утаивая между тѣмъ отъ другихъ собственныя свои ощущенія и помыслы. Монархамъ вообще не трудно казаться умнѣе и любезнѣе другихъ людей; но въ Александрѣ и рѣчь, и привѣтъ, и вся наружность имѣли еще, въ

---

[1]) За кровопролитнѣйшую изъ битвъ, сраженіе Бородинское, Кутузову пожаловано было единовременно 100 тысячъ руб. ассигнаціями. Четыремъ братьямъ Васильчиковымъ, которые, всѣ въ генеральскихъ чинахъ, честно отслужили войны 1812—1814 гг., на просьбу о денежной ссудѣ, отвѣтствовано было, что она имъ выдастся, если они, въ обезпеченіе ея, представятъ залогомъ имѣніе. Такихъ примѣровъ было много.

[2]) Записки Н. С. Ильинскаго.—Этого мѣста нѣтъ въ печатномъ изданіи этихъ Записокъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1879 года.

добавокъ, видъ какой-то вкрадчивой откровенности, даже какого-то простосердечія, которыми тотчасъ привлекались сердца, какъ волшебнымъ взглядомъ прекрасной женщины. Онъ родился точно такъ же дипломатомъ, какъ Наполеонъ полководцемъ. Никто лучше его не умѣлъ тронуть и убѣдить, болѣе владычествовать надъ лицами и надъ массами. Читая газетныя извѣстія о восторгѣ, съ которымъ въ 1813 году принимали русскаго монарха въ Германіи, и объ упоеніи, съ какимъ, при каждомъ случаѣ, бѣжалъ ему навстрѣчу народъ, Сперанскій, во время своего заточенія въ Перми, говорилъ [1]): «Вѣрьте, что тутъ нѣтъ лжи; будь человѣкъ съ каменнымъ сердцемъ, и тотъ не устоитъ противъ обращенія государя: плѣнится и воспламенится. Это сущій прельститель...». Другой, повидимому, мало значущій, но одно время (въ 1812 г.) чрезвычайно близкій къ Александру человѣкъ, правитель секретной канцеляріи министра полиціи Балашова де-Сангленъ, выражается о немъ въ своихъ Запискахъ подобнымъ же образомъ: «Одаренный необыкновеннымъ обаяніемъ и искусствомъ ослѣплять и приковывать сердца—пишетъ онъ [2])—государь умѣлъ, внѣшнимъ величіемъ чувствъ, облагораживать самые свои недостатки».

Многіе любили Александра почти такою страстію, какую, казалось бы, можно вообразить себѣ только между лицами разнаго пола.

Все описанное нами было, впрочемъ, плодомъ не исключительно однихъ врожденныхъ наклонностей или дарованій. Воспитаніе и сила внѣшнихъ обстоятельствъ всегда имѣютъ важное вліяніе на человѣка: въ Александрѣ они, такъ сказать, создали и опредѣлили весь его характеръ.

Судьба, съ самаго младенчества, поставила его между двумя противоборствовавшими началами: между бабкою, похитившею престолъ, и отцомъ, устраненнымъ отъ законнаго своего наслѣдія и стоявшимъ постоянно во главѣ оппозиціи. Первый наставникъ будущаго самодержца, умный и добродушный, но чрезъ мѣру восторженный швейцарецъ Лагарпъ, вращался болѣе въ мечтательныхъ теоріяхъ, нежели въ дѣйствительной жизни, и дотого преданъ былъ идеямъ своего времени, что, когда закипѣла французская революція, то славилъ первыми своими героями Барраса и аббата Сіеса [3]). Среднія степени въ умственномъ образованіи порфироднаго отрока занимали люди съ неоспоримыми достоинствами: благоразумный, кроткій, посвящавшій себя болѣе литературѣ, нежели двору, Николаи, ученый Эпинусъ, Остервальдъ, Палласъ, Крафтъ и другіе. Но за то, во главѣ воспитанія нравственнаго,

---

[1]) Записки пермскаго купца Попова.
[2]) Записки де-Санглена.
[3]) Слышано отъ великаго князя Михаила Павловича.

дѣйствовалъ Николай Ивановичъ Салтыковъ (послѣ графъ и наконецъ князь), одинъ изъ хитрѣйшихъ царедворцевъ своего вѣка. Пока Лагарпъ проповѣдывалъ своему питомцу либеральныя и филантропическія идеи, Салтыковъ воздѣлывалъ его характеръ совсѣмъ въ иномъ направленіи, уча его и въ теоріи и на практикѣ, какъ угождать въ одно и то же время властолюбивой бабкѣ и подозрительному отцу [1]).

---

[1]) Салтыковъ, хотя и возведенъ былъ потомъ Александромъ на вершину почестей, не имѣлъ никакихъ выдающихся достоинствъ, ни какъ государственный человѣкъ, ни какъ частное лицо. Вотъ что пишетъ о немъ въ своихъ Запискахъ И. И. Дмитріевъ: «Въ обѣихъ столицахъ, особенно же въ Москвѣ, почитали его весьма дальновиднымъ и хитрымъ, несмотря на его наружное смиреніе. Это заключеніе основывалось болѣе на томъ, что онъ, при трехъ правленіяхъ, пользовался въ равной силѣ царскимъ благоволеніемъ. Не отрицаю приписываемыхъ ему достоинствъ, но, разсматривая его, какъ государственнаго человѣка, я не знаю, когда и чѣмъ онъ заслужилъ столь высокое о немъ мнѣніе. Въ лѣтахъ мужества, во время войны съ турками, оконченной Кайнарджискимъ миромъ, онъ былъ, такъ сказать, рядовымъ генераломъ; ни въ одной реляціи не шумѣло имя его. Предсѣдательствуя потомъ въ Военной коллегіи, имѣя случай во всемъ пространствѣ развить способности государственнаго ума, онъ держался того хода въ дѣлахъ, какой былъ заведенъ предмѣстникомъ его, княземъ Потемкинымъ. Лучшаго было только то, что скорѣе подписывались имъ бумаги. Я не помню, чтобы онъ когда-нибудь сказалъ въ Совѣтѣ или Комитетѣ рѣшительное, собственное мнѣніе; брося нѣсколько словъ, ничего незначущихъ, онъ обыкновенно приставалъ къ тому, кто былъ, на его счету, важнѣе прочихъ, т. е. случайнѣе. Послѣ сего трудно ли было такъ долго держаться на своемъ мѣстѣ!» (И. И. Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизнь, Москва. 1866, стр. 203). Это было въ 1810—1812 гг. А вотъ что писалъ о томъ же Салтыковѣ въ своихъ Запискахъ статсъ-секретарь императрицы Екатерины А. М. Грибовскій, въ 1792 г.: «Салтыковъ почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, т. е. весьма твердо зналъ придворную науку, но о дѣлахъ государственныхъ имѣлъ знаніе не превосходное; однакожъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ, всѣ почти государственныя дѣла были сообщаемы на его уваженіе, но я не помню, чтобы хотя по одному далъ онъ мнѣніе противное. Въ дѣлахъ же, собственно ему порученныхъ, управляемъ былъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ графинею неограниченно. Писалъ, собственною рукою, по старинному, затруднительно. Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго: случайнымъ раболѣпствовалъ, а упадшихъ чуждался. Сей то человѣкъ представлялъ въ сіе время первое почти при дворѣ лицо, былъ генералъ-аншефъ, имѣлъ всѣ россійскіе ордена, предсѣдательствовалъ въ Военной коллегіи, которая была въ полномъ своемъ дѣйствіи, и главнымъ образомъ при воспитаніи великихъ князей. Жилъ во дворцѣ со всею фамиліею, на всемъ придворномъ содержаніи, стоившемъ въ годъ 200 тысячъ рублей, въ которое время пріобрѣлъ, черезъ сбереженіе своихъ доходовъ, около 10 тысячъ душъ, да жалованныхъ имѣлъ 6 тысячъ душъ и родовыхъ столько же; впрочемъ, былъ крайне скупъ» (Записки А. М. Грибовскаго, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1899 года, книга первая, стр. 3—4).

То въ Царскомъ Селѣ и Петербургѣ—въ штатскомъ кафтанѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ бантами, нерѣдкій свидѣтель распашныхъ бесѣдъ Екатерины съ Зубовымъ, сидѣвшимъ возлѣ нея въ халатѣ [1]), то въ Гатчинѣ и Павловскѣ—въ солдатскомъ мундирѣ, въ ботфортахъ, въ жесткихъ перчаткахъ, съ ружьемъ, съ строгою военною выправкою, посреди маленькихъ гатчинскихъ героевъ,—юноша рано и скоро выучился являться, съ равнымъ приличіемъ и ловкостью, въ обѣихъ маскахъ. Товарищи его дѣтства и молодости и придворные кавалеры были также все люди съ совершенно различнымъ образованіемъ и самаго различнаго направленія: оба Чарторыжскіе, князь Александръ Голицынъ, Новосильцовъ, графъ Павелъ Строгановъ, князь Александръ Салтыковъ (сынъ), Будбергъ, Ахвердовъ, наконецъ, Михаилъ Никитичъ Муравьевъ—лучшій, послѣ Карамзина, писатель въ прозѣ того времени, но плативший дань своему вѣку и мечтавшій о народной свободѣ, пока она была еще прекрасною мечтою, а не ужасною истиной,—тутъ были перемѣшаны всѣ элементы. Не менѣе рѣзкія противоположности существовали и между обоими дворами: большимъ и тѣмъ, въ которомъ родился молодой великій князь. Въ первомъ, среди широкой роскоши и восточнаго великолѣпія, было царство внѣшней непринужденности и самыхъ разнообразныхъ общественныхъ удовольствій; каждый жилъ тутъ въ наслажденіяхъ и надеждѣ; на каждомъ болѣе или менѣе отражались лучи того блеска, которымъ сіяли Екатерина и ея любимцы; всѣ исповѣдывали одно ученіе: обожаніе Екатерины. При суровомъ дворѣ великаго князя Павла, напротивъ, господствовали скука бездѣйственной праздности, неудовольствіе, ропотъ, отреченія всякаго рода, а всѣ свѣтскія увеселенія замѣнялись парадами, ученіями и деспотическою военною дисциплиною—все въ миніатюрныхъ, разумѣется, размѣрахъ [2]). Императрица съ усмѣшкою смо-

---

[1]) Слышано отъ князя А. Н. Голицына.

[2]) Извѣстно, что Павелъ, бывъ наслѣдникомъ, состоялъ генералъ-адмираломъ и президентомъ Адмиралтействъ-коллегіи. Во флотѣ были баталіоны, которые назывались морскими и употреблялись на корабляхъ для десантовъ. Изъ нихъ-то составляемы были войска великаго князя въ Гатчинѣ и Павловскѣ. Кадеты морскаго корпуса, оказавшіеся неспособными къ морской службѣ, поступали въ морскіе баталіоны, а оттуда переводились въ баталіоны гатчинскіе и павловскіе. И они, и люди—при существовавшей въ прочихъ войскахъ другой совсѣмъ формѣ—одѣты были совершенно на тогдашній прусскій образецъ: въ короткихъ мундирахъ съ лацканами, въ черныхъ штиблетахъ, гренадеры въ шапкахъ такихъ, какъ теперь у Павловскаго полка, а мушкетеры въ маленькихъ трехугольныхъ шляпахъ, безъ петлицъ, съ одною только пуговкою (См. Записки графа Е. Ѳ. Комаровскаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1897 г., т. 69, стр. 343).

трѣла на эти нестрашныя ей игрушки; но Александръ и тутъ учился приноравливаться во всемъ и ко всему и вкрадываться въ довѣріе обѣихъ сторонъ, хотя въ душѣ, какъ увидимъ ниже, глубоко чувствовалъ тягость двусмысленнаго своего положенія. При воспитаніи, ограничивавшемся наиболѣе внѣшнимъ блескомъ и всестороннею угодливостью, внушеніе молодому человѣку высшаго религіознаго и нравственнаго чувства, было, конечно, оставлено совсѣмъ въ сторонѣ. Въ 1818 году, въ разговорѣ съ прусскимъ епископомъ Эйлертомъ, Александръ самъ сознавался [1]), что только искупленію Европы отъ погибели обязанъ былъ своимъ собственнымъ нравственнымъ искупленіемъ. «Императрица Екатерина—говорилъ онъ—была проницательная, умная, великая государыня, но, что касается воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при Петербургскомъ дворѣ было—какъ почти вездѣ. Я чувствовалъ въ себѣ пустоту, и въ душѣ моей неясно носилось какое-то предчувствіе, но я жилъ и разсѣевался. Пожаръ Москвы просвѣтилъ мою душу, а судъ Божій на обледенѣлыхъ поляхъ битвъ наполнилъ мое сердце такою теплотою вѣры, какой я до тѣхъ поръ не ощущалъ. Тогда я позналъ Бога, какъ открываетъ Его Священное Писаніе; съ тѣхъ только поръ я понялъ и понимаю Его волю и Его законъ, и во мнѣ созрѣла твердая рѣшимость посвятить себя и свое царствованіе Его имени и славѣ [2])». Съ другой стороны, какъ воспитаніе Александра, полуфранцузское и полурусское, не было ни вполнѣ царскимъ, ни вполнѣ философическимъ, то въ воспріимчивой головѣ молодого человѣка образовалось странное смѣшеніе философскихъ и филантропическихъ повѣрій XVIII вѣка съ принципами прирожденнаго самовластія.

Екатерина разсудила за благо женить своихъ внуковъ въ самой еще нѣжной ихъ молодости. Такіе браки рѣдко бываютъ счастливы.

---

[1]) Charakterzüge und historische Fragmente aus dem Leben des Königs von Preussen Friedrich Wilhelm III.

[2]) Это былъ первый шагъ. Извѣстно, что потомъ Александръ, отъ прежняго равнодушія, перешелъ даже къ піэтизму. Отношенія его къ г-жѣ Крюднеръ и къ Юнгу-Штиллингу знала вся Европа. Спутникъ первой, женевскій пасторъ Эмпейтазъ, влагаетъ въ уста русскаго самодержца слѣдующія слова, сказаныя имъ, будто-бы, г-жѣ Крюднеръ: «Dans mes conférences avec mes ministres qui sont loin d'avoir mes principes, lorsqu'ils sont d'avis contraire, au lieu de disputer, je prie intérieurement, et je les vois se rapprocher peu à peu des principes de la charité et de la justice» (Notice sur Alexandre, empereur de Russie, par Empeytaz (Genève. 1828), p. 21). (Переводъ: При совѣщаніяхъ съ моими министрами, которые далеко не раздѣляютъ моихъ убѣжденій, въ случаѣ, если они не согласны съ моимъ мнѣніемъ, я, вмѣсто того, чтобы вступать съ ними въ споры, внутренно возношу молитвы, и вижу, какъ они мало-по-малу склоняются къ началамъ милосердія и справедливости).

18-тилѣтнему Александру дали кроткую и возвышенную духомъ, но только очень немногими понятую Елисавету Баденскую. Въ первое время молодая чета блаженствовала взаимною любовью; но Александръ скоро охладѣлъ къ своей супругѣ, наиболѣе, какъ говорили, отъ чрезвычайной холодности ея темперамента [1]). Еслибъ онъ долѣе остался вѣренъ союзу, подѣйствовавшему на него, въ первое время, очень благодѣтельно, то, быть можетъ, изгладилась бы, или, по крайней мѣрѣ, смягчилась бы та черта двуличія, которую всѣ начинали уже въ немъ замѣчать. Напротивъ того, обстоятельства направлялись какъ бы именно къ тому, чтобы еще болѣе ее развить. Даже въ началѣ своего союза, когда была еще вся супружеская нѣжность, великому князю нерѣдко приходилось попирать самыя высокія и драгоцѣнныя чувства подъ тяжкою личиною, чтобы только удалить отъ себя преслѣдованія. Такъ, напримѣръ, едва вѣрится, чтобы 19-тилѣтній юноша, въ которомъ кипѣніе крови, должно было, казалось, преодолѣвать всѣ разсчеты, рѣшился изложить на бумагѣ то, что мы читаемъ въ письмѣ его къ одному изъ ближайшихъ тогдашнихъ его друзей, посланнику нашему въ Константинополѣ, Виктору Павловичу Кочубею:

«Nous aurions été bien heureux avec ma femme—писалъ онъ 15-го ноября 1795 года [2]) — et nous le sommes toujours entre nous deux sans la comtesse Schouvaloff, qui est malheureusement placée auprès de ma femme. C'est un diable incarné avec ses éternelles intrigues. Elle a été cause du malheur de Rostopchine [3]) et elle nous cause bien des chagrins. Elle, le comte Golowkin, que vous connaissez, et M-r Miatleff ont tourné la tête au comte Souboff et l'ont fait entrer dans une passion, qui tôt ou tard lui cassera la tête. Il est amoureux de ma femme depuis le premier été de mon mariage, c'est à dire depuis un an et quelques mois. Jugez dans quelle position embarassante cela doit mettre ma femme qui, réellement, se conduit comme un ange; mais pourtant vous avouerez que la conduite que l'on doit tenir avec lui est furieusement embarassante, d'autant plus que tout le public en est informé. Si on le traite bien, c'est comme si on approuvait son amour, et si on le traite froidement pour l'en corriger, l'impératrice, qui ignore le fait, peut trouver mauvais qu'on ne distingue pas un homme, pour lequel elle a des bontés. Le milieu qu'il faut tenir est extrêmement difficile à garder, surtout dans un public aussi méchant et aussi prêt à faire des méchancetés que celui d'ici. Enfin

---

[1]) Слышано отъ князя А. Н. Голицына.

[2]) Архивъ князя Кочубея.

[3]) Растопчинъ въ то время, за какую-то ѣдкую насмѣшку надъ Барятинскимъ и Шуваловымъ, былъ удаленъ отъ двора.

jusqu'à présent cela va bien, grâce aux conseils de bons amis et aux principes de ma femme, qui me rend bien heureux pour mon particulier, car je ne peux l'être totalement, à cause d'autres circonstances que je crains réellement de vous annoncer par des lettres» [1]).

Между тѣмъ посреди, или именно вслѣдствіе этихъ неудовольствій, молодой великій князь предавался и разнымъ мечтательнымъ планамъ, которые, безъ сомнѣнія, должно отнести болѣе къ какой-нибудь минутной вспышкѣ или къ воздушнымъ замкамъ его возраста, нежели къ точному и положительному намѣренію, хотя та же самая идея, видимая тутъ въ проблескѣ, проявлялась снова въ Александрѣ, какъ извѣстно, и подъ

---

[1]) Переводъ: Мы съ женою могли бы быть вполнѣ счастливы,—и, дѣйствительно, мы счастливы, оставаясь вдвоемъ,—если бы не было графини Шуваловой, которая, къ прискорбію, состоитъ при особѣ моей жены. Это олицетворенный діаволъ съ вѣчными своими интригами. Она была причиною несчастія Растопчина и намъ причиняетъ немало огорченій. Она, графъ Головкинъ, котораго вы знаете, и Мятлевъ вскружили голову графу Зубову, которымъ овладѣла страсть, что̀ рано или поздно можетъ кончиться для него печально. Онъ влюбленъ въ мою жену съ перваго же года нашей женитьбы, т. е. вотъ уже годъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Судите сами, въ какое затруднительное положеніе это ставитъ мою жену, которая—надо отдать ей полную справедливость—ведетъ себя какъ ангелъ, но все-же, нельзя не сознаться, страшно затруднительно, какъ вести себя по отношенію къ Зубову, тѣмъ болѣе, что его влюбленность въ мою жену всѣмъ извѣстна. Хорошо относиться къ нему—это какъ-бы оправдывать его страсть, если же относиться къ нему холодно съ цѣлью отучить его, то императрицѣ, не знающей о страсти графа Зубова, можетъ быть непріятно, что не оказываютъ вниманія лицу, къ которому она благоволитъ. Держаться золотой середины чрезвычайно трудно, особенно вращаясь въ обществѣ столь зломъ и столь способномъ дѣлать непріятности, каково здѣшнее. Но доселѣ все обстоитъ благополучно, благодаря совѣтамъ добрыхъ друзей и твердымъ нравственнымъ правиламъ моей жены, и въ частной, домашней жизни я весьма счастливъ; вполнѣ же счастливымъ я не могу быть, вслѣдствіе обстоятельствъ, о которыхъ, по истинѣ, боюсь вамъ сообщать на письмѣ.

Въ концѣ этого письма, по случаю полученія Кочубеемъ какого-то ордена, будущій монархъ и раздаватель милостей, — вѣрный ученикъ Лагарповъ, — прибавлялъ: „A propos, je vous félicite avec la croix. Elle m'a fait assez de plaisir, mais je suis trop philosophe pour m'en réjouir infiniment, car il y a tant de gueux qui la portent". (Переводъ: Кстати, поздравляю васъ съ полученіемъ ордена. Эта награда доставила мнѣ удовольствіе, но я слишкомъ философъ, чтобы чрезвычайно этому радоваться, такъ какъ столько бездѣльниковъ украшено орденами). Это убѣжденіе не измѣнилось въ немъ и послѣ. Спустя пятнадцать лѣтъ, на девятомъ году своего царствованія, Александръ (какъ говорится въ Запискахъ Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова), отдѣляя въ себѣ человѣка отъ государя, говорилъ М. А. Нарышкиной: „Comme homme, je considère les cordons pour une sottise". (Переводъ: Какъ человѣкъ, я смотрю на ордена какъ на глупость).

конецъ его царствованія. Въ этомъ отношеніи другое письмо къ тому же самому лицу, писанное нѣсколькими мѣсяцами позже (10 мая 1796 г.), еще примѣчательнѣе перваго. Оно, съ разныхъ сторонъ, бросаетъ новый свѣтъ на характеръ Александра и лучше всего свидѣтельствуетъ о томъ боязливомъ притворствѣ, къ которому вынуждала его сила обстоятельствъ. Хотя почти ребяческое и въ мысли, и въ редакціи, и въ самомъ правописаніи, письмо должно быть сохранено для исторіи. Оно помѣщено отъ слова до слова, тоже во французскомъ подлинникѣ, въ книгѣ нашей «Восшествіе на престолъ императора Николая I-го» [1]). Приводимъ текстъ этого письма въ русскомъ переводѣ:

«Настоящее письмо, мой любезный другъ, вручитъ вамъ г. Гаррикъ, о которомъ я уже писалъ вамъ прежде. Это даетъ мнѣ случай поговорить съ вами откровенно о многомъ.

«Сознайтесь, дорогой другъ, что вы дѣйствительно дурно поступаете, не извѣщая меня ни о чемъ, лично васъ касающемся; только теперь я узналъ, что вы взяли отпускъ и ѣдете лѣчиться въ Италію, а оттуда на нѣкоторое время въ Англію. Отчего вы мнѣ объ этомъ не написали ни слова? Я начинаю думать, что вы или сомнѣваетесь въ моей дружбѣ къ вамъ, или не имѣете достаточнаго ко мнѣ довѣрія, которое, смѣло могу сказать, вполнѣ заслуживаю моею безпредѣльною къ вамъ дружбою. Во имя ея, умоляю васъ, передавайте мнѣ все, что до васъ относится, чѣмъ, вѣрьте, доставите мнѣ самое большое удовольствіе. Впрочемъ, признаюсь, я восхищенъ, что вы разстались съ мѣстомъ, которое приносило вамъ только однѣ непріятности, не вознаграждая за нихъ никакими наслажденіями.

«Г. Гаррикъ очень милый малой. Онъ провелъ здѣсь нѣсколько времени и ѣдетъ теперь въ Крымъ, откуда отправится въ Константинополь. Считаю его очень счастливымъ, потому что онъ будетъ имѣть случай видѣть васъ, и даже въ нѣкоторомъ отношеніи завидую его положенію, тѣмъ болѣе, что отнюдь недоволенъ своимъ. Я чрезвычайно радъ, что рѣчь объ этомъ зашла сама собою, безъ чего очень затруднился бы завести ее. Да, милый другъ, повторю снова: мое положеніе меня вовсе не удовлетворяетъ. Оно слишкомъ блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствіе. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякій разъ страдаю, когда долженъ являться на придворную сцену, и кровь портится во мнѣ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣш-

[1]) Восшествіе на престолъ императора Николая I-го, пятое изданіе, дополненное (третье для публики), Спб. 1857, стр. 3—7. То же письмо помѣщено въ трудѣ Н. К. Шильдера „Императоръ Александръ I“, т. I (Спб. 1897), стр. 276—278, причемъ фамиліи упоминаемыхъ въ письмѣ лицъ, означенныя въ книгѣ Корфа лишь начальными буквами, приведены полностью.

нихъ отличій, не стоющихъ, въ моихъ глазахъ, мѣднаго гроша. Я чувствую себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями; а между тѣмъ они занимаютъ здѣсь высшія мѣста, какъ напр. Зубовъ, Пассекъ, князь Барятинскій, оба Салтыковы, Мятлевъ и множество другихъ, которыхъ не стоитъ даже называть и которые, будучи надменны съ низшими, пресмыкаются передъ тѣмъ, кого боятся. Однимъ словомъ, мой любезный другъ, я сознаю, что не рожденъ для того высокаго сана, который ношу теперь, и еще менѣе для предназначеннаго мнѣ въ будущемъ, отъ котораго я далъ себѣ клятву отказаться тѣмъ или другимъ образомъ.

«Вотъ, любезный другъ, важная тайна, которую я уже давно хотѣлъ передать вамъ; считаю излишнимъ просить васъ не сообщать о ней никому, потому что вы сами поймете, какъ дорого я могъ бы за нее поплатиться. Я просилъ г. Гаррика сжечь это письмо, если бы ему не удалось лично вамъ его вручить, и никому не передавать для доставленія его къ вамъ.

«Я обсудилъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. Надобно вамъ сказать, что первая мысль о немъ родилась у меня еще прежде, чѣмъ я съ вами познакомился, и что я не замедлилъ придти къ настоящему моему рѣшенію.

«Въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ; грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управляются дурно; порядокъ, кажется, изгнанъ отовсюду, а имперія, несмотря на то, стремится лишь къ расширенію своихъ предѣловъ. При такомъ ходѣ вещей возможно ли одному человѣку управлять государствомъ, а тѣмъ болѣе исправить укоренившіяся въ немъ злоупотребленія; это выше силъ не только человѣка, одареннаго, подобно мнѣ, обыкновенными способностями, но даже и генія, а я постоянно держался правила, что лучше совсѣмъ не браться за дѣло, чѣмъ исполнять его дурно. Слѣдуя этому правилу, я и принялъ то рѣшеніе, о которомъ сказалъ вамъ выше. Мой планъ состоитъ въ томъ, чтобы, по отреченіи отъ этого труднаго поприща (я не могу еще положительно назначить срокъ сего отреченія), поселиться съ женою на берегахъ Рейна, гдѣ буду жить спокойно частнымъ человѣкомъ, полагая мое счастіе въ обществѣ друзей и въ изученіи природы.

«Вы вольны смѣяться надо мною и говорить, что это намѣреніе несбыточное; но подождите исполненія и уже тогда произнесите приговоръ. Знаю, что вы осудите меня, но не могу поступить иначе, потому что покой совѣсти ставлю первымъ для себя закономъ, а могла ли бы она оставаться спокойною, если бы я взялся за дѣло не по моимъ силамъ. Вотъ, мой милый другъ, что я такъ давно желалъ сообщить вамъ. Теперь, когда все высказано, мнѣ только остается увѣрить васъ, что гдѣ бы я ни былъ, счастливымъ или несчастнымъ, богатымъ или

бѣднымъ, ваша дружба ко мнѣ будетъ всегда однимъ изъ величайшихъ для меня утѣшеній; моя же къ вамъ, вѣрьте, кончится только съ жизнію.

«Прощайте, мой дорогой и истинный другъ; увидѣть васъ было бы для меня, пока, самымъ счастливымъ событіемъ.

«Жена моя вамъ кланяется; ея мысли совершенно согласны съ моими».

То качество, которое въ частномъ человѣкѣ мы назвали бы порокомъ, но которое монархамъ не всѣми вмѣняется въ укоризну, именно лукавое притворство, въ Александрѣ до высшей степени изощрилось по вступленіи на престолъ его отца.

Память Екатерины была ненавистна Павлу даже въ самыхъ ея дѣлахъ. Увлекаясь однимъ чувствомъ озлобленія ко всему прошлому, онъ хотѣлъ преобразовать Россію и устремился къ общей ломкѣ. Еще не погасли надгробныя свѣчи надъ тѣломъ его матери, какъ уже былъ разрушенъ и разсѣянъ волшебный ея дворъ. И внутри дворца, и внѣ его, все вдругъ перемѣнилось. Траурныя платья дамъ, странный нарядъ, въ который одѣли мужчинъ, новый языкъ, которымъ всѣ заговорили, новые пріемы, къ которымъ всякій старался поддѣлаться, наконецъ, ежеминутныя во всемъ перемѣны, такъ всѣхъ переурочили на другой ладъ, что, встрѣчаясь, не узнавали другъ друга, спрашивая, не получали отвѣта, говоря, не могли одинъ другого понять. А. С. Шишковъ, свидѣтель этого внезапнаго превращенія, въ Запискахъ своихъ пишетъ:

«Я вошелъ въ залу (въ день кончины Екатерины), и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно съ изображенною на лицахъ скорбію и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли; вездѣ въ немъ и вокругъ него появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли какъ бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнутою головою, непримѣтны въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ, день тому назадъ, никто не помышлялъ, никто почти не зналъ ихъ, бѣгали, повелѣвали, учреждали. Въ одинъ часъ все такъ перемѣнилось, что, казалось, насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе» [1]).

Преслѣдуя память матери своей, новый императоръ съ особенною торжественностью поклонялся праху отца и, извлекая его изъ могилы,

---

[1]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, Берлинъ. 1870, т. I, стр. 9—10.

вѣнчая во гробѣ, только воскресилъ неуваженіе къ давно забытому и ничѣмъ не заслужившему памяти государю. Во всемъ этомъ было болѣе печальнаго, нежели смѣшного.

Едва-ли существовалъ когда государь, въ которомъ соединялось бы столько разительныхъ противоположностей, какъ въ Павлѣ. То довѣрчивый, любящій, добрый, мягкосердечный, великодушный, настоящій рыцарь Среднихъ вѣковъ, то подозрительный до изступленія, исполненный ненависти къ людямъ, жестокій до свирѣпости, безпощадный и неумолимый, какъ восточный тираннъ,—онъ въ душѣ желалъ, однако, добро и только не умѣлъ его дѣлать. Бывъ надѣленъ отъ природы многими качествами для стяжанія любви, онъ обратился, напротивъ, въ предметъ общей ненависти, въ страшилище для всѣхъ, и самъ взаимно всѣхъ страшился: придворныхъ, министровъ, жены, дѣтей [1]). Давно не виданная въ Россіи строгость, часто переходившая въ суровое жестокосердіе, заняла мѣсто многолѣтней снисходительности. Безсознательныя милости и опалы, незаслуженныя награды и наказанія, все это непрерывно смѣнялось одно другимъ. Никакая несправедливость не устрашала Павла и даже не казалась ему такою: помазанникъ Божій, онъ твердо вѣровалъ въ свою непогрѣшимость и во всѣхъ жестокихъ приказахъ своихъ видѣлъ — волю небесъ. Словомъ, все четырехлѣтнее царствованіе представляло одну длинную цѣпь опрометчивостей и нелѣпостей. Прежніе опытные государственные сановники были вытѣснены или сами удалились. Новые быстро выдвигались и, мелькнувъ, столь же быстро опять падали и исчезали. Держались постоянно только двое: одинъ—прежній камердинеръ государевъ, вознесенный имъ, безъ особыхъ заслугъ, на степень оберъ-шталмейстера, графа и андреевскаго кавалера; другой — человѣкъ тоже безъ генія и высшихъ дарованій, но съ большою распорядительностью, при томъ изумительно-дѣятельный,

---

[1]) Въ Запискахъ графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго, состоявшаго, въ первые годы царствованія Павла, адъютантомъ при цесаревичѣ Константинѣ, встрѣчается слѣдующій любопытный анекдотъ. Однажды цесаревичъ провинился противъ государя какою-то погрѣшностью по военной службѣ и на другой день, не посмѣвъ самъ явиться передъ раздраженнымъ родителемъ, поручилъ оправдать себя, по возможности, своему адъютанту. Объясненіе это происходило въ петергофскомъ саду. „Государь—пишетъ Комаровскій—началъ мнѣ при семъ разсказывать, какъ всѣ противъ него, т. е. императрица и наслѣдникъ, и что онъ окруженъ шпіонами. Въ эту минуту прошелъ вдали парикмахерскій ученикъ. Государь, показывая на него, сказалъ мнѣ: Ты видишь этого мальчишку? Я не увѣренъ, что и ему повелѣно было тоже за мною присматривать; что его величество доселѣ полагался на привязанность одного только Константина Павловича, но наканунѣ сдѣланный имъ проступокъ заставилъ государя думать, что и онъ предался противной партіи". (См. „Историческій Вѣстникъ" 1897 года, т. 69, стр. 353—354).

Государственный архив Московской обл. библиотеки

твердый, выносливый—артиллерійскій офицеръ, рекомендованный нѣкогда генераломъ Меллисино [1]) для образованія артил- лерійской роты и стяжавшій милость устройствомъ нѣсколькихъ удачныхъ фейерверковъ, а еще болѣе страстью къ военнымъ ученіямъ и жестокою дисциплинарною строгостью къ подчиненнымъ. Мы говоримъ о Кутайсовѣ и Аракчеевѣ [2]). Впослѣдствіи къ нимъ присоединенъ былъ еще лифляндецъ Паленъ, получившій черезъ любимца Екатерины Зубова начальство надъ остзейскими губерніями. Павелъ, узнавъ его въ проѣздъ черезъ Ригу, возложилъ на него званіе втораго с.-петербургскаго военнаго губернатора [3]). Здѣсь онъ былъ осыпанъ милостями и облеченъ полнымъ довѣріемъ, но, одинаково со всѣми другими, безпрестанно находился подъ Дамокловымъ мечемъ.

Александру, въ бытность великимъ княземъ, некогда было изучить законодательные и правительственные виды своей бабки, которой онъ лишился на 20-мъ году, слышавъ прежде и послѣ, въ родительскомъ своемъ кругу, почти одни противъ нея порицанія. Естественно, что, въ этомъ малозрѣломъ возрастѣ, онъ увлекся въ вихрь нововведеній своего отца и устремилъ главную свою дѣятельность на предпринятое новымъ императоромъ преобразованіе и совершенное переустройство военной части, представляя при немъ, такъ сказать, роль старшаго адъютанта.

Но необдуманность распоряженій Павла по внутреннему управленію; необдуманная его суровость въ сношеніяхъ съ иностранными дворами, наконецъ, оскорблявшіе чувство и нерѣдко противные здравому разсудку поступки его, въ которыхъ и великій князь, по служебнымъ своимъ званіямъ, невольно долженъ былъ принимать непосредственное участіе или служить исполнителемъ,—все это болѣе и болѣе затрудняло положеніе молодого человѣка, отражаясь и на его характерѣ. Цѣлые четыре года онъ не смѣлъ имѣть ни личнаго убѣжденія, ни самостоятельно изъявлять свои мысли. Бывъ поставленъ въ ежедневное соприкосновеніе съ людьми столь различныхъ свойствъ, каковы были Кутайсовъ, Аракчеевъ и Паленъ, онъ, среди толпы ежедневно возвышавшихся и падавшихъ любимцевъ, находился въ состояніи вѣчнаго напряженія и, несмотря на то, уже искусясь въ дарѣ таить истинныя свои чувства про одного себя, умѣлъ сберегать добрыя ко всѣмъ отно-

---

[1]) Masson's Geheime Denkwürdigkeiten, т. I, стр. 119.

[2]) И Аракчеевъ, впрочемъ, дважды подвергся опалѣ: сперва онъ былъ лишенъ командованія Преображенскимъ полкомъ, а потомъ, въ званіи инспектора артиллеріи, за происшедшую въ арсеналѣ покражу, уволенъ отъ этого званія и, временно, совсѣмъ отъ службы.

[3]) Первымъ былъ наслѣдникъ престола, цесаревичъ Александръ, назначенный на эту должность въ самую минуту воцаренія Павла, одновременно съ опредѣленіемъ Аракчеева с.-петербургскимъ комендантомъ.

шенія. Иногда, правда, и у него вырывался невольный вопль отчаянія, проглядывала даже снова прежняя мысль все бросить; но это была одна минутная вспышка, испарявшаяся въ планахъ, которыхъ несбыточность самъ онъ видѣлъ и сознавалъ. Такъ, въ іюнѣ 1797 г. онъ писалъ Аракчееву: «Я долженъ сказать тебѣ, что меня очень хорошо сегодня приняли и ничего о прошедшемъ не упоминали. Еще вчерась мнѣ милостивые отзывы были чрезъ мою жену, такъ какъ, напримѣръ, чтобы я не сердился на него (государя) и т. п. Впрочемъ, сіе не перемѣняетъ моего желанія идти въ отставку, но, по несчастію, мудрено, чтобъ оно сбылось». По словамъ Н. И. Тургенева [1]), великій князь не скрывалъ своего неудовольствія и въ письмахъ къ Лагарпу. «Il voyait avec peine—пишетъ Тургеневъ—le gout de son père pour les parades militaires et peignait sous de tristes couleurs le sêjour de St. Pétersbourg, où, disait-il, un caporal est préféré à un homme instruit et utile [2])».

Между тѣмъ ни внѣшнее усердіе и слѣпая покорность великаго князя, ни уничиженныя его исканія не могли укротить ревниваго къ своей власти Павла. Другъ Александра, Адамъ Чарторыжскій, былъ удаленъ отъ двора; переписка великаго князя съ нимъ и другими приверженцами окружена надзоромъ еще строжайшимъ, нежели было при Екатеринѣ. Раздражительность государя становилась все необузданнѣе; мрачныя его подозрѣнія все тягостнѣе [3]), поступки все безумнѣе. Мѣра терпѣнія переполнилась...

Въ ночь на 12-е марта послѣдовала кончина Павла I... Когда Паленъ явился къ новому императору, то нашелъ его одѣтымъ [4]). При донесеніи ему о происшедшемъ, Александръ сказалъ Палену [5]):

— Monsieur, quelle page dans l'histoire! [6]).

---

[1]) La Russie et les Russes.

[2]) Переводъ: Съ грустнымъ чувствомъ относился онъ къ любви своего отца къ военнымъ парадамъ и мрачными красками описывалъ пребываніе въ Петербургѣ, гдѣ, по его словамъ, капралу даютъ предпочтеніе передъ образованнымъ и полезнымъ человѣкомъ.

[3]) „Надобно думать—пишетъ въ своихъ Запискахъ графъ Комаровскій,—что императоръ Павелъ имѣлъ уже нѣкоторое подозрѣніе объ измѣнѣ: ибо за нѣсколько недѣль до плачевнаго событія велѣлъ Обольянинову привесть обоихъ великихъ князей (т. е. Александра и Константина) къ присягѣ на вѣрность ему въ церкви Михайловскаго замка, что и было исполнено. Цесаревичъ (Константинъ Павловичъ) показывалъ мнѣ мѣсто въ церкви, гдѣ сіе происходило“. (См. «Историческій Вѣстникъ» 1897 года, т. 69, стр. 657, примѣчаніе).

[4]) Lefebre, Histoire des cabinets de l'Europe, t. I, p. 155. Прусская дипломатическая переписка въ Mémoires d'un homme d'état, t. II, p. 390.

[5]) Histoire d'Alexandre I, par Rabbe, t. II, p. 34.

[6]) Какая это печальная страница въ исторіи!

*

— Sire, les autres la feront oublier [1]), отвѣчалъ Паленъ.

На другой день Александръ посѣтилъ графа Стединга, шведскаго (съ 1790 г.) посланника при нашемъ дворѣ, очень имъ любимаго, и бросился къ нему на шею съ восклицаніемъ: «Je suis l'homme le plus malheureux de la terre» [2]).

— Vous devez l'être, sire! [3]), отвѣчалъ Стединтъ [4]).

Манифестъ о восшествіи на престолъ (поднесенный Трощинскимъ) превознесъ правленіе бабки и умолчалъ о правленіи отца. «Воспріемля наслѣдственно императорскій всероссійскій престолъ,—сказано было тутъ —мы воспріемлемъ купно и обязанность управлять Богомъ намъ врученный народъ по законамъ и по сердцу въ Бозѣ почивающей, августѣйшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великія, коея память намъ и всему отечеству вѣчно пребудетъ любезна».

Александръ вступилъ на престолъ съ самыми счастливыми предзнаменованіями. Никто еще не зналъ тогда—и изъ вышеизложеннаго довольно явствуютъ причины этого—истинныхъ его свойствъ, которыя могли обнаружиться только при дѣйствіи самостоятельномъ; но масса всегда наклонна обольщать себя надеждами и судить по внѣшнимъ противоположностямъ. Довольно было блестящей красоты новаго императора, его формъ, взгляда, привѣтовъ, кротости въ обращеніи и разговорѣ, чтобы, послѣ грознаго отца, сыну казаться ниспосланнымъ съ неба геніемъ благодати.

Россія вздохнула свободно отъ тяготѣвшихъ надъ нею страшныхъ дней. Всѣ готовились блаженствовать. «Радость (при восшествіи на престолъ Александра)—писалъ Шишковъ—была всеобщая. Безпрестанные слухи о заточеніяхъ и наказаніяхъ, всякаго рода страхи и опасности, чтобы нечаянно не провиниться, исчезли. Всѣхъ умы и сердца успокоились. Крѣпость опустѣла отъ заключенныхъ въ ней, и на вратахъ ея, неизвѣстною рукою, написано было, какъ пишется на обывательскихъ домахъ, уволенныхъ отъ постановленія солдатъ: свободенъ отъ постоя. Всѣ ожидали возстановленія прежняго въ правительствѣ духа и устройства. Въ тысячѣ стихотвореніяхъ и на разныхъ языкахъ повторялись восторги и похвалы обѣщанію Александра (идти по стопамъ своей бабки). Самый поворотъ солнца отъ холодной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны, казалось, предвѣщалъ, съ уничтоженіемъ худовведенныхъ новизнъ, оборотъ на старый благотворный образъ правленія... [5])». Такихъ изображеній

---

[1]) Государь, послѣдующія страницы заставятъ о ней забыть.

[2]) Я самый несчастный изъ людей.

[3]) Да, государь, вы, дѣйствительно, должны себя чувствовать таковымъ.

[4]) Mémoires du comte de Stedingk, t. II, p. 12.

[5]) Записки, мнѣнія и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. I, стр. 81—82.

общаго ликованія мы могли бы привести еще множество, но ограничимся здѣсь картиною изъ Записокъ лица совсѣмъ другого направленія, чѣмъ Шишковъ, и хотя не славившагося никогда своею правдивостью, но со стороны котораго въ настоящемъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ, нельзя предполагать ни лжи, ни лицепріятія. Мы говоримъ о Булгаринѣ. Вотъ что онъ пишетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» [1]):

«Самому Тациту не достало бы красокъ для изображенія той живой картины общаго восторга, который овладѣлъ сердцами при вѣсти о воцареніи Александра... Знакомые обнимались и цѣловались на улицѣ, какъ въ первый день Свѣтлаго праздника, поздравляя другъ друга съ новымъ государемъ, котораго обожали, прежде чѣмъ онъ взялъ въ руки бразды правленія и на которомъ опочивали всѣ надежды. Во всѣхъ семействахъ провозглашались тосты за его вожделѣнное здравіе; церкви наполнены были молельщиками. Народъ толпился на Дворцовой площади, чтобы видѣть ангельскій ликъ своего государя, въ чертахъ котораго живо изображались кротость, милосердіе и человѣколюбіе. Радостныя восклицанія повсюду встрѣчали и сопровождали его. Во всей исторіи рода человѣческаго едва-ли есть нѣсколько примѣровъ подобной общей радости, и весьма немногіе государи вступали на престолъ при такихъ обильныхъ надеждахъ».

Между тѣмъ не могло быть перемѣны разительнѣе той, какая произошла въ Александрѣ съ его воцареніемъ. Забывъ прежнія идиллическія мечты объ отреченіи и пастушеской жизни, онъ всталъ твердою ногою на новомъ своемъ поприщѣ и превратился въ другого человѣка, сохранивъ отъ прежняго только свою скрытность. Одинъ изъ самыхъ старинныхъ и близкихъ его служителей, гардеробмейстеръ Гесслеръ [2]), разсказывалъ, что выраженіе и самыя черты лица молодого великаго князя, спустя нѣсколько лишь дней по восшествіи его на престолъ, такъ вдругъ перемѣнились, что прежніе портреты совсѣмъ перестали на него походить. Кто, по словамъ манифеста, ожидалъ, что Александръ дѣйствительно возвратится къ началамъ и правиламъ Екатерины, ошибался не менѣе тѣхъ, которые надѣялись имѣть вліяніе потому, что пользовались его милостью прежде, пока она была только, такъ сказать отблескомъ милости другихъ. Люди обоихъ предшедшихъ царствованій были ему почти одинаково неугодны. Одинъ только Аракчеевъ, приковавшій къ себѣ расположеніе отца, постигъ и сына, и умѣлъ пройти, невредимо и господствуя, чрезъ все его царствованіе [3]). Вскорѣ ока-

---

[1]) ч. II, стр. 2—4.

[2]) Записки барона Г. А. Розенкампфа.

[3]) Еще Павелъ въ ночь передъ вступленіемъ своимъ на престолъ вложилъ руку Аракчеева въ Александрову, со словами: «Будьте вѣчными друзьями»,

залось, что въ новомъ правленіи нѣтъ и не будетъ, въ существѣ, никакой системы, никакой путеводной нити, потому что характеромъ правителя ея была волнообразная измѣнчивость въ наклонностяхъ, безъ твердыхъ правительственныхъ началъ и безъ всякой постоянной цѣли стремленія, по крайней мѣрѣ, до той эпохи, когда онъ сдѣлался орудіемъ Провидѣнія въ міровой брани. Образъ его мыслей и дѣйствій представлялъ вѣчное колебаніе, вѣчное ощупываніе между системами противоположными, вѣчное передвиженіе отъ одного взгляда къ другому. Подъ вліяніемъ зоркой своей мнительности никому вполнѣ не довѣряя, онъ, пока одержимъ былъ какою-нибудь идеею, не покорялся никакой силѣ убѣжденій, и только время и случайныя внезапныя впечатлѣнія обращали его къ другой мысли.

Вотъ нѣсколько замѣтокъ о немъ иностранныхъ писателей.

«Съ добрымъ и чувствительнымъ сердцемъ, воображеніемъ почти восточнымъ, разумѣніемъ, выходившимъ изъ ряда обыкновенныхъ, умомъ гибкимъ и тонкимъ (нѣкоторые прибавляютъ и лукавымъ)—Александръ соединялъ самыя изящныя манеры и весьма тщательное воспитаніе, но, къ несчастію, все это сопровождалось характеромъ самымъ подвижнымъ, безъ твердости, безъ выдержки, характеромъ, который заставлялъ его иногда принимать участіе въ злѣ, сколько оно ни было ему въ душѣ ненавистно [1])».

«По кротости и нѣжности императора въ его обращеніи—писалъ своему королю упомянутый выше Стедингъ [2])—надо бы полагать, что все улаживается съ нимъ чрезвычайно легко; но на дѣлѣ выходитъ иное, и если его трудно въ чемъ-нибудь убѣдить, то еще гораздо труднѣе заставить отказаться отъ мысли, которая единожды имъ возобладала».

Это писано было въ 1806 г.; а вотъ что, семнадцать лѣтъ позже, графъ Лаферонѣ, долго бывшій французскимъ посломъ при нашемъ дворѣ, говорилъ о томъ же предметѣ, въ нотѣ своему министерству отъ 19 мая 1823 года [3]): «Я всякій день болѣе и болѣе затрудняюсь понять и узнать характеръ императора Александра. Едва-ли кто можетъ говорить съ бо́льшимъ, чѣмъ онъ, тономъ искренности и правдивости; бесѣда съ нимъ оставляетъ всегда самое благопріятное впечатлѣніе и, послѣ такой бесѣды, вы уносите твердую увѣренность, что онъ соединяетъ въ

Александръ сдержалъ этотъ завѣтъ своего отца. Извѣстно, что въ ту же ночь, когда Аракчеевъ пріѣхалъ во дворецъ изъ Гатчины, такъ промокнувъ отъ дождя, что принужденъ былъ перемѣнить даже бѣлье, Александръ далъ ему свою рубашку, въ которой Аракчеевъ, по своему завѣщанію, и былъ потомъ похороненъ.

[1]) Schnitzler, Histoire intime de la Russie, t. I, p. 46.

[2]) Mémoires, t. II, p. 149.

[3]) Въ книгѣ Шницлера, t. I, p. 62, 63.

себѣ качества сколько истиннаго рыцаря и великаго монарха, столько и искуснаго, притомъ самаго энергическаго государственнаго человѣка. Онъ разсуждаетъ превосходно, неослабно аргументируетъ, словомъ, изъясняется съ краснорѣчіемъ и жаромъ человѣка, глубоко убѣжденнаго. И между тѣмъ частые опыты, исторія его жизни, все то, чему я ежедневный свидѣтель, не позволяютъ ничему этому вполнѣ довѣряться. Многочисленные акты слабости доказываютъ, что его твердость часто ограничивается одними словами, хотя, съ другой стороны, этотъ слабый характеръ можетъ вдругъ подвергнуться вспышкѣ энергіи и запальчивости, а такая вспышка можетъ внезапно вовлечь его въ самыя насильственныя мѣры, послѣдствія которыхъ нельзя впередъ предвидѣть. Сверхъ того императоръ до крайности подозрителенъ, — новое доказательство его слабости, и послѣдняя есть тѣмъ бо̀льшее несчастіе, что онъ, по моему мнѣнію, честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ; онъ, быть можетъ, часто сдѣлаетъ зло, но всегда будетъ одушевленъ желаніемъ сдѣлать добро». Наконецъ, по свидѣтельству Н. И. Тургенева, Александръ, въ письмахъ своихъ къ Лагарпу, наиболѣе жаловался на неограниченность своей власти: «Я никогда не привыкну—говорилъ онъ—царствовать деспотомъ» [1]).

Скажемъ съ своей стороны, что круги идей, въ которыхъ вращался Александръ, были самые разнородные; но въ каждомъ онъ, на нѣсколько времени, непремѣнно доходилъ до конечной крайности, пока разочарованіе, недовѣрчивость, или случайное обстоятельство не перевлекали его въ другую сферу, которая точно такъ же начиналась и потомъ точно такъ же завершалась, чтобы опять уступить мѣсто новой. Только этою колеблемостью можно объяснить переходы его отъ самаго пламеннаго рвенія въ исполненіи своего долга къ тому равнодушному охлажденію, которымъ наиболѣе возбуждены были замыслы 14 декабря 1825 года; отъ конституціонныхъ мечтаній и плановъ о прекращеніи рабства къ военнымъ поселеніямъ; отъ религіознаго хладнокровія къ восторженному мистицизму; отъ Чарторыжскаго и Сперанскаго къ Аракчееву и отъ Марьи Антоновны Нарышкиной къ г-жѣ Крюднеръ. Въ собраніи писемъ Александра къ Аракчееву есть два, на пространствѣ почти четверти столѣтія (1797 г. и 1820 г.), въ которыхъ онъ увѣрялъ своего друга, что н е п е р е м ѣ н ч и в ъ. Такія же увѣренія слышали отъ него и другіе; но самое повтореніе дѣлало ихъ подозрительными. Прощаясь въ Эрфуртѣ съ Савари (Duc de Rovigo), отъ тоже говорилъ [2]),

---

[1]) И между тѣмъ тотъ же Александръ впослѣдствіи сослалъ въ заточеніе, безъ суда и почти безъ обвиненія, своего перваго министра (Сперанскаго) и учредилъ военныя поселенія со всею ихъ тираническою организаціею.

[2]) Mémoires du duc de Rovigo, t. 4, p. 6.

обнадеживая его въ своей дружбѣ: «Je ne change jamais quand j'ai une fois accordé mon estime» [1]). Но Савари, приводя это слово, прибавляетъ: «J'y ai compté dans l'adversité et j'ai eu tort» [2]). Новосильцовъ, Чарторыжскій, Сперанскій, Н. А. Толстой, не упоминая о другихъ второстепенныхъ лицахъ, служили разительнымъ доказательствомъ его измѣнчивости. Аракчеевъ составлялъ не правило, а изъятіе, какъ составлялъ его и при Павлѣ.

О царяхъ нельзя судить по тому же мѣрилу, какъ о частныхъ людяхъ, и вмѣняемое однимъ прямо въ порокъ, въ другихъ обращается, косвенно, въ государственное достоинство. Не знаемъ, всегда ли можно и должно ставить въ ряду послѣдняго и упомянутое нами лицемѣрное притворство; но Александръ, воспитанный въ немъ съ дѣтства, всегда оставался ему вѣренъ. Отсутствіе правдивости и прямодушія сознаютъ въ немъ самые его панегиристы, напримѣръ и Алисонъ [3]), прибавляя лишь, въ видѣ довольно страннаго оправданія,—что это качество есть общее почти всей русской націи. Въ Александрѣ оно сдѣлалось второю природою и отзывалось вездѣ, какъ въ поведеніи его съ приближенными [4]), такъ и во внѣшней политикѣ. Одинъ умный иностранецъ, ко-

---

[1]) Переводъ: Разъ кого я удостоилъ своимъ уваженіемъ, къ тому я остаюсь неизмѣннымъ.

[2]) Переводъ: Я разсчитывалъ на эти слова въ моемъ несчастіи, и ошибся.

[3]) Такого же о немъ мнѣнія были и его союзники. „C'est un enfant"—говорилъ объ Александрѣ императоръ Францъ послѣ Тильзитскаго мира—„et je ne suis pas étonné que Napoléon lui ait fait faire tout ce qu'il a voulu, car il est capable de jouer tous les rôles".—(Переводъ: Это ребенокъ, и меня не удивляетъ, что Наполеонъ заставлялъ его дѣлать все по своему желанію, такъ какъ онъ способенъ исполнять всѣ роли). (Депеша генерала Андреосси изъ Вѣны, отъ 5 августа 1807 года, у Lefebre, Histoire des cabinets de l'Europe, t. 3, p. 174).

[4]) Если притворство въ Александрѣ происходило нерѣдко и отъ побужденій благородныхъ, отъ деликатнаго желанія не огорчить людей старыхъ и заслуженныхъ, то и тутъ оно сопровождалось странными въ самодержцѣ дѣйствіями, которыя, съ одной стороны, ставили въ положеніе самое затруднительное лица посредствующія, а съ другой не могли не возбуждать всегдашняго къ нему недовѣрія и опасеній даже въ тѣхъ, кого онъ, по наружности, осыпалъ милостями. Вотъ одинъ примѣръ изъ многихъ. Послѣ военнаго губернатора М. И. Голенищева-Кутузова главнокомандующимъ въ Петербургѣ назначенъ былъ фельдмаршалъ графъ Каменскій, а въ помощники къ нему, съ начальствомъ надъ полиціею, генералъ-адъютантъ Е. Ѳ. Комаровскій. „Государь—пишетъ послѣдній въ своихъ Запискахъ — скоро примѣтилъ, что Каменскій былъ слишкомъ торопливъ, чрезмѣрно вспыльчивъ и перенначивалъ даже иногда приказанія, его величествомъ ему даваемыя. Въ отвращеніе сего послѣдняго, государь повелѣлъ мнѣ всякія послѣ-обѣда пріѣзжать къ нему за полученіемъ приказаній, а отъ фельдмаршала по утру принимать

ротко знавшій нашего императора, шведскій государственный совѣтникъ, а потомъ посолъ въ Парижѣ, Лагербіелке, говорилъ [1]), что въ политикѣ своей русскій монархъ былъ тонокъ, какъ кончикъ булавки, остеръ, какъ бритва, и фальшивъ, какъ пѣна морская. Въ этомъ же смыслѣ и тѣ слова, которыя Александръ, при одномъ изъ своихъ разговоровъ съ извѣстною г-жею Сталь, влагалъ въ уста Наполеону, возбуждаютъ невольное примѣненіе на собственный его счетъ [2]). «Я всегда стараюсь — говорилъ ему Наполеонъ — содержать во взаимной между собою распрѣ моихъ министровъ и генераловъ, чтобъ они обличали мнѣ другъ друга въ своихъ грѣхахъ; сверхъ того, обхожденіемъ съ моими приближенными, я держу все вокругъ себя въ вѣчной ревнивости: сегодня считаетъ себя предпочтеннымъ тотъ, а завтра другой, и никогда ни одинъ не можетъ быть твердо увѣренъ въ моей милости». Какъ близокъ былъ къ этому образъ дѣйствія самого Александра! Другая женщина [3]), часто и на самой короткой ногѣ видѣвшая его въ позднѣйшую эпоху, при занятіи нашими войсками Парижа, справедливо замѣчаетъ, что онъ, по чувствамъ своимъ, былъ тѣмъ, что иногда въ насмѣшку называется сентиментальнымъ; но едва-ли права, утверждая, будто бы онъ полагалъ счастіе свое въ стяжаніи любви и почелъ бы верхомъ своихъ желаній быть горячо любимымъ не по своему сану, а для самого себя. Точно также едва-ли вполнѣ можно признать справедливою первую часть слѣдующей фразы Шатобріана [4]): «Sincère comme homme en ce qui concernait l'humanité, Alexandre était dissimulé comme demi-grec en ce qui touchait à la politique» [5]). Аракчеевъ возобладалъ надъ нимъ преимущественно искуснымъ соединеніемъ вида

изволилъ только рапорты, и когда онъ о чемъ докладывалъ, то его величество ему отвѣчалъ: „Я послѣ вамъ дамъ знать, что сдѣлать должно". Мое положеніе было самое затруднительное; когда фельдмаршалъ вздумаетъ самъ собою сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, а я знаю, что оно неугодно будетъ государю, или я получилъ уже совсѣмъ противное тому повелѣніе, то и долженъ былъ представлять ему какъ отъ самого себя, что не лучше ли будетъ сдѣлать иначе: ибо государю неугодно было, по сродной его величеству деликатности, огорчать фельдмаршала тѣмъ, что будто онъ не имѣетъ полной довѣренности императора. Между тѣмъ онъ, по времени, такъ, можно сказать, надоѣлъ государю, что его величество однажды мнѣ говорить изволилъ: „Не хочетъ ли графъ Каменскій проситься прочь? Если бы сіе случилось, я бы поставилъ свѣчу Казанской Божіей Матери!" (См. „Историческій Вѣстникъ" 1897 года, т. 69, стр. 664 и 667).

[1]) Crusenstolpe, Carl-Johann und die Schweden, т. I, стр. 185.

[2]) Dix années d'exil, p. 314.

[3]) M-me Cochelet-Parquin, Mémoires sur la reine Hortense, t. I, p. 271.

[4]) Congrès de Vérone, t. I, p. 186.

[5]) Т. е. Будучи человѣкомъ чистосердечнымъ въ отношеніи людей, Александръ отличался византійскою скрытностью въ политикѣ.

слѣпой покорности съ нѣкоторою моральною независимостью, а Чарторыжскій, любившій своего императора, какъ любовницу, былъ отринутъ.

При необыкновенной мужественной красотѣ, природа одарила Александра величественностью стана, поступи и пріемовъ и самою царственною, но при томъ кроткою, истинно обворожительною осанкою. По наружности онъ былъ однимъ изъ самыхъ прекрасныхъ, по тонкости ума, живости разговора и ловкости—однимъ изъ самыхъ блестящихъ мужчинъ не только въ своемъ царствѣ, но и въ цѣлой Европѣ. Ни въ комъ не было болѣе величаваго достоинства, ни въ комъ и болѣе плѣнительной граціи. И, несмотря на все это, никто болѣе его не страшился насмѣшки, никто болѣе не подозрѣвалъ ея во всякомъ словѣ, движеніи и взглядѣ, никто не былъ щекотливѣе ко всему, что имѣло признаки какого-нибудь порицанія, хотя бы въ самыхъ мелочахъ. Обнаруживаясь безпрестанно и бывъ извѣстна всѣмъ окружавшимъ [1]), эта слабость не оставалась тайной и для иностранцевъ, впослѣдствіи даже для самого Наполеона, который именно ей приписывалъ главную причину окончательнаго ихъ разрыва. «Si l'affection d'Alexandre a été sincère pour moi—говорилъ онъ на островѣ св. Елены [2])—c'est l'intri-

---

[1]) Между близкими къ Александру сохранилось множество анекдотовъ въ этомъ родѣ. Вотъ для примѣра одинъ. Однажды въ Царскомъ Селѣ, при утреннемъ рапортѣ, дежурный генералъ А. А. Закревскій, вмѣстѣ съ флигель-адъютантами Орловымъ, Меншиковымъ и Киселевымъ, стоя въ кабинетѣ государя, посмѣивались между собою при видѣ лежавшихъ подъ столами, обвязанныхъ бичевкою чемоданчиковъ, въ которыхъ, какъ они знали, давно уже валялись, въ ожиданіи царскаго взгляда, меморіи Государственнаго Совѣта и Комитета министровъ. Замѣтивъ это перешептываніе, государь отпустилъ ихъ очень коротко и сухо и тотчасъ закричалъ: „Волконскаго!“, который нашелъ его въ величайшемъ волненіи. Поправляя на себѣ галстухъ, оглядывая сюртукъ, ощупывая прочія принадлежности своего туалета,—„Посмотри, братецъ, — сказалъ онъ вошедшему—нѣтъ ли во мнѣ чего смѣшного, что эти господа такъ надо мною издѣвались?“. И напрасно Волконскій, указывая на зеркало и говоря, что въ цѣлой имперіи не найдется другого такого молодца, увѣрялъ, что молодымъ людямъ вѣрно и въ мысль не приходило насмѣхаться надъ своимъ государемъ, а толковали они о чемъ-нибудь совсѣмъ постороннемъ, Александръ предолго не могъ успокоиться. (Передано графомъ А. А. Закревскимъ). Орловъ (Алексѣй Ѳедоровичъ) былъ у него особенно на примѣтѣ со стороны насмѣшливости. Прежде государь показывалъ ему знаки благосклоннаго расположенія, даже сердечной дружбы; но, по доносу, что какіе-то появившіеся въ то время пасквильные на царя стихи вышли изъ дома его, Орлова (что было несправедливо), вдругъ, безъ спроса и розыска, совсѣмъ къ нему перемѣнился. Такое же подозрѣніе въ насмѣшкахъ надъ собою Александръ имѣлъ и на брата своего Николая, такъ что, любивъ его сперва больше младшаго, послѣ очень къ нему охладѣлъ (Слышано отъ графа А. Ѳ. Орлова).

[2]) Las-Cases, Mémorial de S-te Hélène, t. I, p. 451.

gue qui me l'a aliéné. Des intermédiaires, M.... [1]) ou autres, à l'instigation de T..... [2]), n'ont cessé, en temps opportun, de lui citer les ridicules dont je l'avais accablé, disaient-ils, l'assurant qu'à Tilsit et à Erfurt il n'avait pas plustôt le dos tourné, que je m'égayais fort d'ordinaire à son sujet. Alexandre est fort susceptible, ils l'auront facilement aigri. Ce qu'il y a de certain, c'est qu'ils s'en est plaint fort amèrement à Vienne lors du congrès et, pourtant, rien n'était plus faux..... [3])».

Очень еще замѣчательны, въ этомъ родѣ, слова Александра, слышанныя нами отъ А. П. Ермолова.

— Поздравляю ваше величество съ побѣдою—сказалъ ему послѣдній на полѣ сраженія подъ Фершампенаузомъ,—теперь ворота Парижа для васъ отворены.

— Отъ всей души принимаю ваше поздравленіе—отвѣчалъ государь торжественнымъ тономъ;—двѣнадцать лѣтъ я слылъ въ Европѣ посредственнымъ человѣкомъ: посмотримъ, что-то они заговорятъ теперь.

Образованіе классическаго, тѣмъ болѣе ученаго, Александръ не имѣлъ, и имѣть не могъ. Сверхъ того, въ его молодости, уже одинъ раздвоенный образъ жизни между двумя дворами и стремленіе къ безпрестаннымъ угожденіямъ препятствовали воздѣлывать, какъ бы можно было, счастливыя его дарованія. Послѣ, въ правленіе Павла, время его наслѣдника, при разныхъ громкихъ титулахъ, было посвящено всего болѣе фронтовой части; а наконецъ, съ собственнымъ царствованіемъ, явились государственныя заботы, которыя учатъ опытомъ, но для теоріи и науки оставляютъ досугъ только геніямъ, подобнымъ Петру Великому. При всемъ томъ, Александръ имѣлъ, разумѣя въ свѣтскомъ смыслѣ, образованіе довольно блестящее.

Въ слогѣ его писемъ и дѣловыхъ актовъ были жизнь, движеніе и особенно тонкій тактъ; онъ очень много самъ писалъ [4]) и еще болѣе

[1]) Вѣроятно прежній посолъ нашъ въ Парижѣ Морковъ, или, можетъ быть, Меттернихъ.

[2]) Вѣроятно Талейранъ.

[3]) Переводъ: Если пріязнь ко мнѣ Александра была искренна, то только благодаря интригамъ я ея лишился. Посредники, М.... или другія лица, по наущеніямъ Т...., постоянно, въ благопріятныя минуты, твердили ему о моихъ будто-бы надъ нимъ насмѣшкахъ, увѣряя его, что въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, едва онъ удалялся, я обыкновенно начиналъ потѣшаться надъ нимъ. Александръ очень обидчивъ, и они легко могли его озлобить. Вѣрно то, что во время вѣнскаго конгресса онъ горько жаловался на это, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было.

[4]) При разборѣ оставшихся послѣ графа Аракчеева бумагъ, нашлось множество черновыхъ съ поправками Александра и немало также повелѣній, отвѣтовъ и пр., отправленныхъ отъ лица графа, но написанныхъ вчернѣ рукою государя. (Слышано отъ графа П. А. Клейнмихеля).

поправлялъ; но не надо было искать правильности въ его языкѣ, всего менѣе въ русскомъ, гдѣ и складъ рѣчи, исполненный галлицизмовъ, и правописаніе были у него совершенно своеобразные. Всего болѣе онъ любилъ и всего лучше зналъ военныя науки, и эту страсть переносилъ и на потѣшныя игрушки военнаго дѣла: разводы, парады, ученія и пр.,—одинъ вкусъ, которому онъ, какъ и всѣ братья его, оставался постоянно вѣренъ и который не остывалъ въ немъ до конца его дней, несмотря на тѣ укоры, которые самъ онъ, въ прежнее время, дѣлалъ за то своему отцу [1]). «C'est son faible—говорилъ о немъ Наполеонъ—de se croire savant dans l'art de la guerre et il n'aime rien tant qu'à s'entendre complimenter là dessus, bien que toutes les opérations militaires qu'il a dirigées lui même aient été jugées fausses et funestes» [2]). Но, произнося этотъ рѣзкій приговоръ, Наполеонъ едва-ли не ошибался, или не грѣшилъ преднамѣренно. Составленный самимъ Александромъ планъ движенія войскъ въ тылъ союзной арміи къ Березинѣ; личныя его распоряженія, 4-го октября 1813 года, подъ Лейпцигомъ, когда онъ исторгъ побѣду изъ рукъ геніальнаго своего соперника; наконецъ, славное дѣло подъ Фершампенаузомъ,—свидѣтельствуютъ, что и на практикѣ стратегическія и тактическія его свѣдѣнія знаменовывались иногда блестящимъ образомъ. Многіе изъ спутниковъ его на полѣ битвъ дивились—не изъ одной лести—его воинскому дарованію, его безстрашію и глубокому знанію военнаго дѣла.

Государственныя установленія и преобразованія Александра, внушенныя, бо́льшею частью, самыми благими намѣреніями, носили на себѣ однако, отпечатокъ его личнаго характера. Видно было желаніе добра, но желаніе невыдержанное, непостоянное въ своихъ направленіяхъ, колебавшееся въ своихъ цѣляхъ, безъ системы, безъ энергіи въ исполненіи, покорявшееся внѣшнимъ обстоятельствамъ и случайнымъ впечатлѣніямъ. Онъ хотѣлъ дать своему народу конституцію, и только—заподозрилъ самодержавіе; хотѣлъ дать ему законы, и двадцать пять лѣтъ потерялъ въ тщетныхъ къ тому попыткахъ. «Хочу, но не могу, и не знаю ясно, чего хочу»—вотъ что могло бы быть общимъ почти девизомъ царствованія Александра I по внутреннему управленію. Представленная, въ 1811-мъ году, самому ему извѣстная записка Карамзина «О древней и новой Россіи»—отголосокъ тогдашнихъ московскихъ вѣстей и мнѣній—содержитъ въ себѣ подробный и строгій разборъ дѣйствій и распоряженій той эпохи. Для дополненія общей кар-

[1]) См. выше письмо къ Лагарпу у Тургенева.

[2]) Переводъ: Это его слабость считать себя знатокомъ военнаго дѣла, и онъ очень любитъ, чтобы его въ этомъ отношеніи хвалили. Между тѣмъ, надо сознаться, что всѣ военныя дѣйствія, которыми онъ лично руководилъ были ошибочны и имѣли печальныя послѣдствія.

тины, приведемъ лишь слова одного иностранца, по нашему мнѣнію, довольно мѣтко характеризующія эту сторону государственной дѣятельности Александра и, сверхъ того, краткій очеркъ, заключающійся въ запискѣ, поданной нѣкогда императору Николаю княземъ В. П. Кочубеемъ. Тонкій царедворецъ, всегда осторожный, не только писалъ, но и говорилъ лишь полусловами, а потому и здѣсь не отважился слишкомъ открыто порицать одного самодержца передъ другимъ, но записка его, даже и въ этомъ сдержанномъ тонѣ, любопытна, какъ выраженіе взгляда умнаго современника, который видѣлъ и зналъ все изблизи.

«Въ самоувѣренности—пишетъ Шницлеръ—своихъ благородныхъ, хотя и переходчивыхъ намѣреній, Александръ торопился играть роль въ Европѣ, а для этого практически примѣнить къ дѣлу, на обширномъ театрѣ, тѣ теоріи, которыя были имъ порождены въ сообществѣ съ нѣсколькими молодыми друзьями, не болѣе его опытными, или имѣвшими, какъ, напр. князь Адамъ Чарторыжскій, свои затаенныя мысли. Осуществленіе этихъ предначертаній не могло не встрѣтить множества преградъ, безпрестанно вновь возникавшихъ, и не натыкаться на сильное противодѣйствіе, потому что благо общественное рѣдко совпадаетъ со всѣми частными интересами; но чтобы восторжествовать надъ столькими трудностями, необходимы были терпѣніе и выдержка, а этихъ именно качествъ и недоставало кроткому характеру монарха, умѣвшаго больше любить, нежели карать».

Записку князя Кочубея мы приводимъ во французскомъ подлинникѣ, какъ она была подана [1]), потому что въ ней каждое слово имѣетъ свое преднамѣренное значеніе. Вотъ что писалъ онъ преемнику Александра:

«Il est de fait qu'il n'a jamais existé de souverain dont les intentions pour le bien-être de ses sujets eussent été plus ardents et plus pures que celles de l'empereur Alexandre. Son règne, depuis le commencement, en fournit les preuves les plus palpables. Il a senti dès le principe que tout n'ayant été qu'ébauché en Russie avait besoin d'être

[1]) Здѣсь странность: отчего записка Кочубея была подана на французскомъ языкѣ? Онъ писалъ свободно и по-русски; но большую часть подобныхъ конфиденціальныхъ бумагъ, въ царствованіе и Александра и Николая, представлялъ по-французски. То же самое дѣлалъ и преемникъ его, князь Васильчиковъ, хотя самъ по себѣ былъ типъ истиннаго русскаго. Не должно ли думать, что русскій языкъ, въ ихъ мысляхъ, казался неспособнымъ къ выраженію такихъ истинъ, или вообще истины въ высшемъ государственномъ значеніи, и что, обращаясь къ французскому, они искали избѣгнуть чрезъ то малѣйшаго даже вида оффиціальности? Сперанскій дѣйствовалъ иначе. Онъ и по-русски писалъ Александру такія вещи, которыхъ никто другой не отважился бы написать самодержцу ни на какомъ языкѣ, и при томъ, находясь еще самъ въ такомъ положеніи, гдѣ не было у него другого союзника, кромѣ собственнаго генія.

achevé ou perfectionné. Il a senti que la Russie, ayant fait depuis un siècle d'immenses progrès dans sa civilisation et s'étant placée dans le rang des puissances européennes, devait nécessairement faire concilier ses institutions avec cet état de choses. Il a senti que les institutions qui pouvaient être bonnes il y a un siècle, il y a cinquante ans, ne pouvaient plus convenir à un pays, qui, prenant tous les jours un plus grand essor, avait des besoins inconnus dans ces temps reculés et exigeait en général des modifications dans d'administration et dans l'ordre judiciaire. Ces vérités, incontestables pour tous ceux qui, en déposant toute partialité de côté, ont été à même de voir de près tout le chaos dans lequel se trouvaient les différentes branches de notre administration, avaient vivement pénétré l'empereur; aussi ne perdit il point de temps pour s'occuper de réformes; mais soit que les guerres qui éclatèrent successivement ne lui permirent point de donner à ses projets toute la suite et toute l'attention qu'ils exigeaient, soit que la cabale ou des intrigues de gens pervers qui, couverts pour ainsi dire d'opprobre, craignaient que l'ordre ne revelât un jour leurs turpitudes et ne les empêchât de tirer leur profit habituel du désordre, il arriva, que l'ouvrage de Sa Majesté ébauché et n'ayant pas acquis la fixité qui était nécessaire, les abus se multiplièrent à l'infini, et l'absurdité, la vénalité, l'injustice se manifestèrent là, où devaient présider la sagesse, le désintéressement et la justice. Ces funestes effets se manifestèrent surtout à l'époque où éclata la guerre. On se persuada peut-être que ce grand intérêt et les embarras, qui lui étaient inhérents, cacheraient les actes les plus sordides et les plus illégaux. On se flatta que l'absence de l'empereur rendrait l'impunité plus facile et l'on se permit en conséquence les actes les plus criants. Les vols de toute espèce s'organisèrent partout, et s'organisèrent de manière qu'il n'y eût presqu'aucun profit à les découvrir, parce que les administrateurs et les juges se donnant la main, on n'a presque pas vu d'exemple qu'aucune prévarication ait été punie, et des fortunes immenses se sont formées aux dépens de l'état ou des particuliers, qui étaient vexés et pressurés d'une manière inouie [1])».

---

[1]) Переводъ: Нѣтъ сомнѣнія, что никогда ни одинъ изъ государей не былъ преисполненъ столь пламенныхъ и честныхъ намѣреній, направленныхъ ко благу подданныхъ, какъ императоръ Александръ. Все его царствованіе служитъ самымъ наглядымъ тому доказательствомъ. Онъ съ самаго начала понялъ, что въ Россіи все устроено лишь вчернѣ и что поэтому все это слѣдуетъ довершить или улучшить. Онъ понялъ, что для Россіи, сдѣлавшей въ теченіе столѣтія громадные успѣхи въ цивилизаціи и занявшей подобающее мѣсто среди другихъ европейскихъ государствъ, является существенная необходимость согласовать всѣ ея учрежденія съ настоящимъ ея положеніемъ. Онъ

«Сердце Александра—говоритъ съ своей стороны Н. И. Тургеневъ—не позволяло ему закрывать доступъ внушеніямъ, исходившимъ отъ желанія общаго блага, и этимъ-то онъ и заслужилъ пріязнь и уваженіе людей благонамѣренныхъ. Это чувство, вмѣстѣ съ постояннымъ рвеніемъ къ общественному добру, несмотря на малый плодъ, принесенный ими въ дѣйствительности, усвоиваютъ ему почетное мѣсто въ исторіи. Александръ, конечно, умеръ деспотомъ, но, по прирожденнымъ своимъ качествамъ, достоинъ былъ лучшаго предопредѣленія».

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о частной жизни Александра. Охладѣвъ къ императрицѣ, бывъ лишенъ семейныхъ радостей, онъ предался влеченіямъ своей чувственности, хотя, впрочемъ, молва гласила, что женщины имѣли болѣе повода любить въ немъ щедраго императора и плѣнительнаго собесѣдника, нежели мужчину. У него было множество привязанностей, между прочимъ, среди иностраннаго купе-

---

сознавалъ, что учрежденія, которыя были хороши лѣтъ сто или пятьдесятъ тому назадъ, не могутъ годиться для государства, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе развивающагося и у котораго имѣются потребности, неизвѣстныя отдаленному прежнему времени, и что поэтому настоятельно нужны существенныя перемѣны въ управленіи и судѣ. Этими истинами, несомнѣнными для людей вполнѣ безпристрастныхъ, которые имѣли возможность видѣть вблизи, въ какомъ хаотическомъ состояніи находились разныя части нашего государственнаго управленія, былъ всецѣло проникнутъ и государь. Поэтому онъ, не теряя времени, приступилъ къ реформамъ. Но на дѣлѣ вышло иначе. Съ одной стороны слѣдовавшія одна за другою войны помѣшали государю провести задуманныя преобразованія съ должною послѣдовательностью и съ тѣмъ вниманіемъ, какого они заслуживали; съ другой стороны пошли въ ходъ козни и интриги людей развращенныхъ; покрытые, если можно такъ выразиться, позоромъ, они опасались, что съ упорядоченіемъ управленія и суда могутъ открыться ихъ безчестныя дѣянія и они могутъ лишиться тѣхъ выгодъ, которыми они пользовались при существовавшихъ ранѣе непорядкахъ. Поэтому предначертанія государя, лишь начатыя осуществленіемъ, не получили должной устойчивости, а вслѣдствіе того злоупотребленія размножились до чрезвычайности, и тамъ, гдѣ должно было бы быть мѣсто мудрости, безкорыстію и справедливости, стали проявляться нелѣпости, корыстолюбіе и несправедливость. Эти мрачныя явленія особенно обнаружились въ эпоху, когда возгорѣлась война (1812 года). Быть можетъ, надѣялись, что столь важное обстоятельство и сопряженныя съ нимъ замѣшательства помогутъ скрыть самыя мерзкія и беззаконныя дѣянія; льстили себя надеждою, что за отъѣздомъ государя (къ арміи) безнаказанность станетъ легче, и вслѣдствіе этого дозволяли себѣ самые вопіющіе поступки. Воровство всякаго рода установилось повсюду и производилось при томъ такъ, что раскрытіе преступленія являлось почти совсѣмъ безполезнымъ: чины администраціи и судебнаго вѣдомства дѣйствовали заодно; не было почти ни одного случая, чтобы преступленіе по должности было наказано; образовались громадныя богатства насчетъ казны и частныхъ лицъ, которыхъ тѣснили и у которыхъ вымогали деньги самымъ неслыханнымъ образомъ.

чества, общество котораго онъ чрезвычайно любилъ и посѣщалъ какъ совершенно частный человѣкъ. Если привязанности эти не выходили изъ границъ внѣшняго приличія, то не могли, однакоже, оставаться тайною для общества [1]), тѣмъ болѣе для людей приближенныхъ къ нему своимъ положеніемъ, или силою особыхъ обстоятельствъ. Въ числѣ послѣднихъ необыкновенно замѣчательную роль въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, предназначено было играть дерптскому профессору Парроту [2]). Изобразивъ живыми красками характеръ и высокія достоинства императрицы Елисаветы Алексѣевны, вотъ что этотъ тайный менторъ писалъ (15-го октября 1810 г.) своему Телемаку: «Écoutez donc la voix austère et tendre de votre ami, de cet ami qui n'a jamais craint que votre malheur. Vous n'êtes plus à la hauteur morale où vous étiez il y a six ans. Sondez votre coeur et punissez mon audace si j'ai tort. D'indignes alentours dans votre vie privée et dans les affaires vous dégradent pour s'approcher de votre niveau, et vous le souffrez et vous ne savez pas que votre ennemi sait en profiter, que tout ce qu'on raconte de votre vie privée, vrai ou faux, part de cette source envénimée et tend à vous ravir l'estime de vos sujets. Dieu puissant! Donne à mes paroles l'expression de mon coeur, touche le sien; qu'il redevienne mon idole, mon héros! Vos écarts ne partent que d'un seul point. Vous avez méprisé les relations de père de famille; vous avez dédaigné la dignité qui y est attachée. Vous êtes tombé de là dans une frivolité qui ne vous est pas naturelle et que vous condamnez vous même. Sûrement votre coeur vous l'a reproché souvent. Oh, pourquoi n'aviez vous pas alors un ange tutélaire qui vous ranimât? Mon Alexandre! Vous avez pleuré la perte de vos enfants. Oh, c'était alors le moment de revenir à vous-même, de sentir ce que vous pourriez être. Ne vous aveuglez pas en croyant encore à l'idée d'une passion qui ne peut pas avoir duré si longtemps. Depuis longtemps ce n'est plus votre coeur qui vous a captivé; c'est l'artifice, un acte infâme et connu; j'en ai la preuve non par bruits publics, mais par moi-même. Ne vous aveuglez pas non plus par l'idée de froideur (со стороны императрицы, его супруги) dont vous m'avez parlé. Vous eussiez aisément vaincu cette froideur qui n'était pas plus naturelle que votre éloignement. Si j'ai pu vous aimer comme je vous aime, quelle femme eût pu résister à votre coeur? Rentrez dans l'état de la nature. Attachez vous à la seule personne digne de tout votre attachement. Vous êtes dans l'âge de sentir tout autre chose qu'une

[1]) Въ бытность нашу въ Царскосельскомъ лицеѣ (1811—1817) мы, дѣти, знали всѣ частные дома въ Царскомъ Селѣ, которые посѣщалъ Александръ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, всѣ тамошнія сердечныя его связи.

(Примѣчаніе барона М. А. Корфа).

[2]) См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 12 и 13.

passion ordinaire et fragile. Renoncez aux autres liaisons sérieuses que votre coeur doit condamner. Renoncez aux liaisons frivoles que vous avez trop affichées et que l'opinion publique désapprouve. Soyez homme, soyez souverain! Si ces liaisons n'ont pas d'influence immédiate dans les affaires, elles en ont d'autant plus sur vous. Elles vous distrayent, vous éloignent de vous-même, elles détruisent l'ensemble de votre activité, elles affaiblissent votre capacité pour les affaires. J'ai été étonné de vous entendre parler avec sagesse et de voir le contraire exécuté. Le secret de cette contradiction frappante est dans cette frivolité où vos alentours vous précipitent. Mon Alexandre! Rappelez votre vigueur. Ce ne sont pas des sacrifices, non, c'est votre jouissance, votre sûreté, ce sentiment de force qui n'appartient qu'à l'homme absolument pur, c'est votre bonheur quotidien que je vous demande. Mon Alexandre! Mon ami unique! Si je réussis, concevez-vous tous le bonheur que vous versez sur moi? Oui, concevez le, et, s'il le faut, mettez le encore dans la balance. Mon coeur, mon amour pour vous le méritent. Faites le bonheur de votre Parrot» [1]).

Это письмо осталось безъ всякаго дѣйствія, по крайней мѣрѣ видимаго. Парротъ стоялъ вдалекѣ и говорилъ голосомъ суроваго разсудка...

---

[1]) Переводъ: Прислушайтесь къ строгому, но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжному призыву вашего друга, друга, который единственно страшится вашего несчастія. Вы теперь не на той нравственной высотѣ, на которой стояли тому шесть лѣтъ. Испытуйте ваше сердце и накажите меня за смѣлость, если я не правъ. Недостойные приближенные въ вашей частной жизни и по государственному управленію васъ низводятъ (съ той высоты, на которой вы стояли), чтобы быть на одномъ съ вами уровнѣ, и вы это терпите и вы не знаете, что враги ваши умѣютъ этимъ воспользоваться; вы не знаете, что всѣ слухи о вашей частной жизни, справедливые или ложные, исходятъ изъ этого зараженнаго ядомъ источника и имѣютъ цѣлью лишить васъ уваженія вашихъ подданныхъ. Всемогущій Боже, даруй настоящимъ словамъ моимъ всю силу моей сердечной къ нему (т. е. императору Александру) привязанности, пусть они тронутъ его сердце; пусть онъ снова станетъ моимъ божествомъ, моимъ героемъ!

Единственная причина вашихъ заблужденій слѣдующая: вы пренебрегли вашими семейными обязанностями, вы пренебрегли достоинствомъ семейной жизни. Такимъ образомъ вы впали въ легкомысліе, которое вамъ несвойственно и которое вы въ душѣ сами осуждаете. Навѣрно въ душѣ вы часто себя въ томъ упрекали. Зачѣмъ не было въ то время съ вами ангела-хранителя, который бы васъ ободрилъ. Дорогой Александръ! Вы оплакивали потерю вашихъ дѣтей. Это и была благопріятная минута, чтобы придти въ себя и почувствовать, чѣмъ вы можете быть. Не ослѣпляйте себя увѣренностью въ существованіи страсти, которая не можетъ тянуться такъ долго. Уже давно не сердечное расположеніе влечетъ васъ, а коварство, поступокъ безчестный и всѣмъ извѣстный, и въ этомъ я убѣдился самъ, а не по однимъ только слухамъ. Не обманывайтесь также мыслями о холодности (со стороны

Все благородное, возвышенное способно было воспламенить Александра и растрогать, и превратное воспитаніе далеко не до корня истребило природную красоту его души. Множество анекдотовъ служило тому доказательствомъ, но мы не будемъ ихъ здѣсь повторять: все, что только могло быть сказано въ похвалу и въ честь Александру, уже слишкомъ исчерпано въ печати, чтобы опять здѣсь находить себѣ мѣсто.

Кончимъ нашъ очеркъ отзывами двухъ людей, двухъ монарховъ, имѣвшихъ всю возможность близко изучить Александра и между тѣмъ составившихъ себѣ совершенно противоположное о немъ мнѣніе. Въ бумагахъ бывшаго посла нашего при австрійскомъ дворѣ Д. П. Татищева мы нашли письмо его къ графу Нессельроде, отъ 1-го (13-го) января 1826-го года, въ которомъ онъ разсказываетъ разговоръ съ нимъ императора Франца при извѣстіи о кончинѣ Александра. «Alexandre et moi—говорилъ австрійскій императоръ—nous n'avions rien de caché l'un pour l'autre. Quand il m'interrogeait, il était sûr que je lui dirai la vérité; quand je lui faisais une question, je savais qu'il me répondrait avec sincérité» [1]).

императрицы Елисаветы Алексѣевны), о чемъ вы мнѣ говорили. Вы легко могли бы побѣдить эту холодность, естественно объяснимую вашимъ отдаленіемъ отъ семьи. Если я полюбилъ васъ столь сильно, то какая женщина была бы въ силахъ противостоять вашей добротѣ? Вернитесь къ естественному порядку жизни. Пусть ваша привязанность принадлежитъ той особѣ, которая одна ея достойна. Вы въ такихъ лѣтахъ, что можете жить настоящимъ чувствомъ, а не мимолетною заурядною страстью. Бросьте другія серьезныя связи, которыя совѣсть ваша должна осуждать. Откажитесь и отъ легкомысленныхъ связей, которыхъ вы совсѣмъ не скрывали и которыя порицаются общественнымъ мнѣніемъ. Будьте настоящимъ человѣкомъ, будьте царемъ. Если всѣ эти связи и не имѣютъ непосредственнаго вліянія на дѣла государственныя, то на васъ лично онѣ сильно отзываются. Онѣ васъ отвлекаютъ отъ занятій, отдаляютъ васъ отъ себя самого, губятъ вашу дѣятельность въ ея цѣломъ, ослабляютъ вашу способность къ дѣламъ государственнаго управленія. Я былъ удивленъ противорѣчію между вашими мудрыми словами и вашими поступками. Это поразительное противорѣчіе проистекаетъ отъ того легкомыслія, въ которое увлекаютъ васъ окружающія васъ лица. Дорогой Александръ, будьте же мужественны. Я не прошу у васъ какой-нибудь жертвы, я хлопочу только о вашемъ спокойствіи, довольствѣ собою, о томъ чувствѣ силы, которое свойственно лишь человѣку вполнѣ безупречному, о вашемъ постоянномъ счастіи. Александръ, мой единственный другъ! если слова мои возъимѣютъ на васъ дѣйствіе, понимаете ли вы, какое счастіе вы мнѣ доставите? Да, поймите это и, если нужно, примите это обстоятельство во вниманіе. Моя сердечная привязанность и любовь къ вамъ заслуживаютъ, чтобы вы исполнили мою просьбу. Осчастливьте вашего Паррота.

[1]) Переводъ: Между Александромъ и мною не было никакихъ тайнъ. Когда онъ меня о чемъ-либо спрашивалъ, онъ былъ увѣренъ, что я скажу ему истинную правду. Когда я къ нему обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ, я зналъ, что получу отъ него чистосердечный отвѣтъ.

Въ то же время, по существовавшему тогда при Вѣнскомъ дворѣ этикету, иностранныя дамы представляемы были женами пословъ ихъ націй. Жена Татищева, описывая, въ письмѣ къ какому-то генералу (въ найденномъ нами черновомъ нѣтъ ближайшаго указанія к о м у и м е н н о: она называетъ его просто «mon cher général»), такое представленіе ею графини Сидоніи Потоцкой, прибавляетъ: «Comme d'habitude l'empereur me parla de son défunt ami les larmes aux yeux, disant qu'il ne pouvait pas encore se faire à l'idée de l'avoir perdu. Il dit: On a cherché plusieurs fois à nous brouiller, mais jamais on n'y a réussi; Alexandre n'avait pas de secret pour moi, nous nous consultions sur tout; dussé-je vivre encore cent ans, je ne pourrai me faire à l'idée de l'avoir perdu» [1]).

А вотъ что говорилъ о нашемъ монархѣ другой судья, всегда почти отличавшійся особенною мѣткостью своихъ приговоровъ—Наполеонъ [2]). «Alexandre a de l'esprit, de la grâce, de l'instruction; mais on doit s'en défier: il est sans franchise; c'est un vrai grec du bas empire. Toutefois il n'est pas sans idéologie, réelle ou jouée. Croira-t-on jamais ce que j'ai eu à débattre avec lui: il me soutenait que l'hérédité était un abus dans la souveraineté, et j'ai dû passer plus d'une heure et user mon éloquence et ma logique à lui prouver que cette hérédité était le repos et le bonheur des peuples. Peut-être aussi me mystifiait-il, car il est fin, faux, adroit. Si je meurs ici (на островѣ св. Елены), ce sera mon véritable héritier en Europe!» [3]).

Но Наполеонъ ошибся въ послѣднемъ своемъ пророчествѣ. Ему не было преемника. Александръ, совершивъ то назначеніе, къ которому

---

[1]) П е р е в о д ъ: Императоръ, по обыкновенію, говорилъ со мною о своемъ почившемъ другѣ со слезами на глазахъ и сказалъ, что онъ не можетъ еще свыкнуться съ мыслью о его кончинѣ. Вотъ его слова: „Нѣсколько разъ старались насъ поссорить, но никогда это не удавалось. Александръ не имѣлъ отъ меня секретовъ. Мы обо всемъ другъ съ другомъ совѣтовались. Если бы даже мнѣ предстояло прожить еще сто лѣтъ, я не свыкнусь съ мыслью о его кончинѣ".

[2]) M. Damas-Hinard, Napoléon, ses opinions et jugements, t. I, p. 34.

[3]) П е р е в о д ъ: Александръ обладаетъ умомъ, пріятностью и образованіемъ, но ему не слѣдуетъ довѣрять: онъ не искрененъ; это настоящій византіецъ. Во всякомъ случаѣ, онъ до извѣстной степени утопистъ, или представляется таковымъ. Никто не повѣритъ, какіе споры происходили между нами. Онъ утверждалъ, что наслѣдственность верховной власти есть зло; и мнѣ въ теченіе болѣе часа пришлось употребить все мое краснорѣчіе и пустить въ ходъ всю мою логику, чтобы доказать ему, что на этой наслѣдственности зиждется спокойствіе и благополучіе народовъ. Впрочемъ, быть можетъ, онъ меня лишь дурачилъ, потому что онъ уменъ, притворчивъ и хитеръ. Если мнѣ суждено умереть здѣсь, то онъ по праву будетъ моимъ преемникомъ въ Европѣ.

*

онъ былъ призванъ на землѣ, пересталъ быть мужемъ Провидѣнія и умеръ нравственно задолго до плотской своей смерти. Онъ упалъ отъ избытка счастія.

Нельзя говорить объ Александрѣ, не говоря о его приближенныхъ. Дѣйствительно, въ портретѣ его не доставало бы главныхъ красокъ, если не обрисовать, по крайней мѣрѣ широкою кистью, тѣ лица, которыя пользовались рѣшительнымъ на него вліяніемъ, пока не водворился въ его милости Сперанскій, временщикъ, хотя минутный, но далеко превзошедшій всѣхъ ихъ силою генія. Мы вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ слѣдить кратко и за ходомъ самыхъ событій.

Сообщилъ **И. А. Бычковъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

Русская жизнь въ началѣ XIX вѣка.

XXIV [1]).

Воззваніе временнаго правительства Литовскаго края.—Бѣдственное положеніе населенія.—Формированіе войскъ.—Предложеніе генеральной варшавской конфедераціи жителямъ Литвы образовать сеймики и составить конфедерацію.—Пріемъ въ Варшавѣ депутаціи отъ Литвы.—Рѣчь Іеленскаго.—Административная дѣятельность временнаго литовскаго правительства.

Вступая въ управленіе краемъ, верховная коммиссія временнаго правительства великаго княжества Литовскаго заявила свою дѣятельность слѣдующимъ воззваніемъ, одобреннымъ Наполеономъ.

«Граждане! Болѣе двадцати лѣтъ слухъ вашъ поражали распоряженія и предписанія правительства на чуждомъ, неизвѣстномъ вамъ языкѣ.

«Поляки! Внимайте, наконецъ, голосу вашихъ соотечественниковъ, внимайте голосу и языку поляковъ, и благодаря Всевышняго, благодарите также второе Провидѣніе, проявляющееся въ героѣ сего столѣтія, великомъ Наполеонѣ. Одно его къ намъ приближеніе, подобно солнцу, возносящемуся надъ громадою льдинъ, расплавило и уничтожило всѣ препятствія, наполнивъ сердца наши сладкою надеждою и чувствами живѣйшей благодарности.

«Мы нижеподписавшіеся, назначенные приказомъ 1-го іюля сего года членами коммиссіи временнаго литовскаго правительства, призы-

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1902 г.

ваемъ васъ раздѣлить съ нами общія чувства наши. Какихъ еще нужно къ сему побужденій! Не довольно ли намъ вспомнить о величайшемъ для насъ благодѣяніи—возвращеніи самостоятельности нашего отечества? Изъ слѣдующихъ за симъ объявленій вы узнаете о всемилостивѣйшей заботливости и попеченіи на счетъ уменьшенія и облегченія, сколько возможно, несчастій, которыя война влечетъ за собою. Пожертвованія же, которыхъ отъ васъ требовать будутъ, какъ бы ни были они велики, покажутся ничтожными въ сравненіи съ благодѣяніемъ возвращенной намъ самостоятельности. Поэтому нынѣ мы довольствуемся извѣщеніемъ всѣхъ властей и жителей Литовскаго княжества о назначеніи временной правительственной коммиссіи и вступленіи нашемъ въ управленіе ея дѣлами, предписывая относиться въ оную во всякомъ случаѣ, касающемся управленія сего края» [1]).

Вслѣдъ за тѣмъ появилось распоряженіе коммиссіи, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ:

Всѣ крестьяне, жители городовъ или деревень, оставившіе свои дома, съ наступленіемъ смутнаго времени, должны возвратиться обратно, заниматься земледѣліемъ и отправленіемъ своихъ повинностей.

До объявленія новыхъ «общепринятыхъ» постановленій временное правительство требовало, чтобы всѣ земледѣльцы и крестьяне повиновались своимъ владѣльцамъ, арендаторамъ имѣній или ихъ повѣреннымъ. Крестьянамъ было строго предписано не причинять ни малѣйшаго вреда помѣщичьей собственности, заниматься работами, исполнять повинности, возложенныя на нихъ инвентарями—словомъ, всѣ тѣ, которыя отправляемы были до пришествія непріятеля. Неисполняющихъ своихъ обязанностей и людей дурнаго поведенія уѣздное начальство, по донесенію помѣщиковъ, обязано увѣщевать, наказывать и принуждать, съ употребленіемъ въ случаѣ надобности даже военной силы.

Уѣздному начальству поручено наблюдать за порядкомъ, разбирать жалобы, удовлетворять обиженныхъ, которымъ за нанесенную обиду опредѣлять вознагражденіе. Помѣщики должны были въ крестьянскихъ общинахъ назначить десятскихъ и сотскихъ и, по требованію военной команды, содѣйствовать къ задержанію бродягъ и мародеровъ.

Обращаясь къ литовскому духовенству, коммиссія ставила ему въ обязанность склонять и уговаривать всѣхъ къ терпѣливому перенесенію всякихъ случайныхъ потерь и убытковъ, которые въ свое время будутъ непремѣнно возмѣщены. На духовенство же была возложена обязанность ободрять своимъ примѣромъ и наставленіемъ къ поддержанію полевыхъ работъ. «Постоянное отправленіе обыкновенныхъ дворовыхъ повинностей (барщины) должно немедленно возобновиться,

[1]) Воззваніе 6-го іюля 1812 г. „Litewski Kurjer“ 15-го іюля, № 52.

потому что отъ этого зависитъ обезпеченіе продовольствія и благосостояніе самихъ же крестьянъ въ будущемъ году» [1]).

Съ необыкновенною быстротою Литва покрылась сѣтью разнаго рода самозванныхъ управленій. Всѣ литовскія губерніи были подчинены генералъ-адъютанту Наполеона Гогендорпу, а бѣлорусскими управлялъ генералъ Шарпантье. Въ губернскихъ городахъ учреждены были верховныя правленія, а въ уѣздныхъ—коммиссіи, состоявшія въ завѣдываніи подпрефектовъ. Главное назначеніе губернскихъ и уѣздныхъ управленій состояло въ собираніи продовольствія и доставленіи его великой арміи. Судопроизводство было подчинено верховному управленію, находившемуся въ Вильнѣ. Это управленіе бездѣйствовало, и правосудія добиться было невозможно. На вопросъ, сдѣланный маршалу Даву въ Могилевѣ чиновниками новоучрежденнаго правленія, въ чемъ должна заключаться ихъ должность, какое установить судопроизводство, какими законами руководствоваться, онъ отвѣчалъ:

— Господа! Наполеонъ требуетъ отъ васъ трехъ вещей: хлѣба, хлѣба и хлѣба.

«Уголовное производство,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій [2]),—шло обычнымъ чередомъ, но гражданское было пріостановлено. Разсмотрѣніе тяжебныхъ дѣлъ допускалось не иначе, какъ съ разрѣшенія верховнаго управленія въ Вильнѣ. Начальниками въ каждомъ губернскомъ городѣ были генералы, завѣдывавшіе всѣми воинскими командами. Они обходились съ членами правительственныхъ мѣстъ надменно, сажали ихъ подъ караулъ, рвали протоколы засѣданій, самовольно брали деньги изъ городскихъ и уѣздныхъ суммъ. Примѣру ихъ подражали толпы коммиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, находившихся при войскахъ. Это былъ во французской арміи особый родъ людей, отличавшихся безнравственностію, выросшихъ среди ужасовъ революціи и привыкшихъ, при многолѣтнихъ войнахъ республиканскихъ генераловъ и Наполеона, истощать всѣ средства къ своему обогащенію». Положеніе края было отчаянное. Онъ почти ежедневно наводнялся шайками мародеровъ, отставшихъ отъ арміи. Жители бѣжали кто куда могъ и скрывались по лѣсамъ. Крестьяне и шляхта, покинувъ сельскія работы, присоединились къ мародерамъ и грабежомъ добывали себѣ кусокъ хлѣба. Зерновой хлѣбъ остался неперемолотымъ за истребленіемъ мельницъ; хлѣбъ, стоявшій на корнѣ, былъ потоптанъ и не убранъ съ полей. Грабежи сопровождались убійствами и насиліемъ; приносимыя жителями жалобы оставлялись вновь установленнымъ начальствомъ безъ удовлетворенія.

---

[1]) „Litewski Kuryer“ 15-го іюля 1812 г. № 52.

[2]) Описаніе Отечественной войны, ч. I, стр. 455.

При переправѣ Наполеона на правый берегъ Нѣмана, польское населеніе встрѣтило его съ восторгомъ, но, по мѣрѣ того какъ непріятель углублялся внутрь страны, восторгъ уступилъ мѣсто совершенному охлажденію. Помѣщики твердили о будущемъ благоденствіи и требовали отъ крестьянъ всякаго рода пожертвованій и поставокъ, совершенно ихъ разорявшихъ. Наряды подводъ превосходили всякую мѣру: иногда требовалось вдругъ до 10.000 подводъ. При проходѣ черезъ Гродно 3-го полка литовской гвардіи, состоявшаго всего изъ 444-хъ человѣкъ, была потребована 121 подвода, за которыя, конечно, не платили.

То же самое происходило въ Полоцкѣ и Витебскѣ. Значительное число домовъ въ Полоцкѣ было разрушено, цѣлыя деревни и помѣщичьи мызы сожжены.

Слухъ о приближеніи непріятеля къ Витебску навелъ, конечно, страхъ и ужасъ на всѣхъ жителей. Въ городѣ поднялась всеобщая суматоха: собирали вещи, укладывали ихъ въ ящики и вмѣстѣ съ ними и скотомъ удалялись изъ города по направленію къ Невелю. Туда прибыли: гимназія, семинарія, бѣлое и черное духовенство и множество семействъ съ дѣтьми и съ самымъ малымъ продовольствіемъ, «едва имѣя насущные сухари, приправленные горькою судьбою».

Въ окрестностяхъ Витебска уже хозяйничали непріятельскіе мародеры: врывались въ дома, разбивали сундуки, шкафы, комоды и бюро, брали лошадей, запрягали ихъ въ экипажи, нагружали ихъ награбленными вещами и уѣзжали. Задержавъ Г. И. Добрынина, мародеры отняли у него 1.500 руб. и сняли сапоги, панталоны и рубашку. «Не трудно примѣтить,—говоритъ потерпѣвшій съ горькою ироніею,—что воинъ сей былъ человѣкъ съ разсчетомъ. Онъ тотчасъ смѣтилъ, что ему нужнѣе рубашка и панталоны, нежели халатъ; мнѣ же, въ моемъ положеніи, халатъ былъ нужнѣе, нежели рубашка и панталоны. На семъ благоразумномъ разсужденіи основалъ онъ свое рѣшительное опредѣленіе и его исполнилъ».

Вскорѣ послѣ вступленія непріятеля въ Витебскъ, городъ представлялъ безобразный видъ: въ домахъ не было стеколъ и дверей и ни одного цѣльнаго забора. Кромѣ самыхъ бѣднѣйшихъ евреевъ никого не было видно на улицахъ; лавки и винные погреба были пусты, дома разрушены, церкви, костелы и кляшторы переполнены больными и ранеными. Во все время пребыванія непріятеля въ городѣ не было слышно ни колокола, ни пѣнія пѣтуха. Звонъ былъ запрещенъ, а пѣтухъ съѣденъ. Населеніе голодало: за фунтъ печенаго хлѣба платили по 1 р. 50 коп. ассигн.; за ведро водки—10 руб. То же самое происходило и въ окрестностяхъ города: сельскіе жители и помѣщики были ограблены и разорены. Называя всякаго благороднаго барономъ (вмѣсто барина),

французы «пропасть надѣлали босыхъ бароновъ». Французскій генералъ, квартировавшій въ Витебскѣ, съ насмѣшкою утѣшалъ ограбленныхъ [1]):

— Вы будете разорены,—говорилъ онъ,—будете бѣдны, но будете имѣть свое отечество.

Тою же приманкою—возстановленіемъ отечества—пользовался и князь Экмюльскій при вступленіи своемъ въ Минскъ. Узнавъ о приближеніи его къ городу, жители-поляки занялись рѣшеніемъ вопроса, какія сдѣлать приготовленія«къ приличному принятію героя».

Предсѣдатель временнаго совѣта Каминскій и предводитель дворянства Монюшко отправились за двѣ мили для встрѣчи князя Экмюльскаго, а предсѣдатель Ходзко, минскій подкоморій, князь Пузына и Сѣраковскій встрѣтили его за Раковскою заставой, поднося хлѣбъ-соль, для передачи его Наполеону.

— Непобѣдимая моя армія,—говорилъ очень естественно на все это Экмюльскій,—пришла для возвращенія полякамъ отечества. Несмѣтные отряды арміи Наполеона или покроютъ землю своими тѣлами, или самостоятельность вашему отечеству будетъ возвращена, и, такимъ образомъ, прекратится вліяніе Россіи на дѣла Европы.

Этихъ словъ было совершенно достаточно для удовлетворенія поляковъ.

«При въѣздѣ князя въ городъ, народъ толпился вокругъ него, а магистратъ и цехи привѣтствовали, подстилая знамена свои подъ стопы побѣдителя. Когда князь со штабомъ своимъ прибылъ на площадь, называемую «Высокій рынокъ», то граждане заступили ему дорогу, усыпавъ ее цвѣтами. Между народомъ раздавались радостныя восклицанія: «да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель Польши!» Во время сего праздника на галлереѣ ратуши играла городская музыка» [2]).

Князь Экмюльскій незамедлилъ воспользоваться такимъ повиновеніемъ жителей. По его постановленію, учреждена коммиссія временнаго правленія Минской провинціи, и назначены члены для засѣданія въ оной, подъ предсѣдательствомъ минскаго губернатора. Губернаторомъ назначенъ былъ сначала французскій генералъ Барбенегръ (Barbenègre), а впослѣдствіи генералъ Броникowскій. Для извѣщенія о томъ жителей, издана была прокламація «о сей счастливой перемѣнѣ правительства».

«Граждане-поляки!—говорилось въ прокламаціи.—Настало счастливѣйшее для насъ время. Попеченіемъ величайшаго изъ монарховъ и мужествомъ непобѣдимой его арміи, мы возвращены отечеству. Временное правленіе, учрежденное по повелѣнію маршала Французской

---

[1]) Записки Г. И. Добрынина, изд. 1872 г., стр. 338—346.

[2]) „Litewski Kuryer“ 5-го августа 1812 г. № 60.

имперіи князя Экмюльскаго, объявляетъ вамъ предписанныя ему правила и извѣщаетъ о семъ событіи, радостномъ сердцамъ всѣхъ поляковъ, въ надеждѣ, что всѣ достойные поляки будутъ содѣйствовать всѣмъ ихъ намѣреніямъ, клонящимся къ счастію ихъ отечества и къ оправданію желаній великодушнаго нашего избавителя Наполеона».

Не помышляя теперь о возстановленіи Польши и нуждаясь всего болѣе въ военной помощи поляковъ, Наполеонъ приказалъ немедленно сформировать въ Литвѣ 5 пѣхотныхъ и 4 кавалерійскихъ полка, первые въ три баталіона, а вторые въ четыре эскадрона. Чтобы привлечь въ войска дворянъ, онъ назначалъ командирами полковъ лицъ, принадлежавшихъ къ старинным польскимъ аристократическимъ фамиліямъ. Для составленія кадровъ вновь формируемыхъ частей, были вызваны офицеры и унтеръ-офицеры изъ варшавскихъ войскъ. Кромѣ этихъ полковъ, комплектовавшихся рекрутскою повинностью, были сформированы два полка охотниковъ, а въ городахъ учреждена народная стража и жандармскія команды.

«Литовскій Курьеръ» звалъ всѣхъ на службу. «Благородные юноши,—писалъ онъ,—спѣшите на открывающіяся вамъ почести. Идите кто, какъ и въ чемъ можетъ пѣшій или конный. Мундиръ, вооруженіе и латы, у кого нѣтъ ихъ, здѣсь получите. Не оставайтесь послѣдними на достославномъ поприщѣ, не забывайте блистательнаго назначенія вашего!»

Рядомъ съ этимъ приглашеніемъ ходило по рукамъ во множествѣ списковъ стихотвореніе, написанное на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Къ моимъ соотечественникамъ».

«Услыши древнихъ славянъ исполинское племя,—писалъ между прочимъ неизвѣстный авторъ [1]). Похититель престоловъ вторгнулся въ землю твою, нищитъ людей, опустошаетъ села и грады и падшихъ въ его оковы получившими свободу называетъ. Кто онъ, иноплеменный ничего общаго съ нами ни въ обычаяхъ, ни въ языкѣ, ни въ вѣрѣ не имѣющій? Осьмнадцать лѣтъ уже минуло, какъ онъ, льстя призракомъ свободы и правъ отечественныхъ, для собственной корысти льетъ кровь собратій нашихъ въ Европѣ, въ Африкѣ и въ Америкѣ. Равнины зеленыя, горячіе пески и стремнины горъ костями нашими насыпаны, а воды италіанскія, воды Рейна и Дуная, воды Ботническія кровью нашею окрасились, ибо всюду, гдѣ только хотѣлъ онъ сохранить французовъ,—сарматовъ предавалъ погибели.

«Удивили мы страны полночныя и полуденныя, страны Востока и Запада легковѣріемъ нашимъ и совокупно храбростію, удивили тѣмъ,

---

[1]) Арх. Собствен. Его Величества канцеляріи. Военная опись 1812 г., д. № 68. Мы приводимъ его въ пересказѣ прозою.

что для единаго призрака, для единой надежды возвращенія себѣ отечества, для обольстителей злыхъ и коварныхъ, скитались по свѣту, сражались и за нихъ кровь проливали. И чѣмъ воздано намъ за столь важную заслугу, за труды, за слезы, за сиротство нашихъ женъ и дѣтей—насмѣшкою единой».

Авторъ обращаетъ вниманіе соотечественниковъ на то, что теперь и не большой участокъ земли (Литва) отечественной разграбленъ; что одни сироты его населяютъ; что отцы ихъ и супруги уведены войсками, «для оскорбленія вѣры и Бога отцовъ нашихъ, дабы до послѣдней капли источить кровь нашу. Грады и села наши опустѣли, поля вытоптаны, и Атилла воинствомъ своимъ ихъ наводняетъ; пламенныя зарева и дымъ являютъ шествіе его, ибо онъ, при вступленіи своемъ, держалъ въ рукахъ не вѣтвь оливковую, но Божій бичъ, дабы счастливыя земли подъ правленіемъ Александра учинить мѣстомъ своей ловитвы, а для насъ безлюдною пустынею.

«Вонмите, именитые братья русскіе и поляки, что вы одинъ народъ, одна въ васъ кровь, одинъ языкъ, одни обычаи, одни добродѣтели и характеры, одно и то же геройское сердце, отважность неуступчивая и духъ воинственный. Боже! что за казнь... на что мы себя погубляемъ, служимъ общему врагу, который, обоихъ насъ поглотивъ въ ненасытную свою утробу, смѣяться будетъ, что его снѣдію сдѣлались два единоплеменные народа».

Предлагая прекратить вѣковую вражду, существовавшую между поляками и русскими, поэтъ призывалъ всѣхъ на защиту русскаго трона. «Благородное юношество,—писалъ онъ,—воздвигни новое знамя и да будетъ въ срединѣ его черный двуглавый орелъ; направо орелъ ляха, налѣво рысь—путь къ побѣдамъ и счастіе тебѣ показующая... Правда Божія за вѣрность и любовь дастъ вамъ побѣду и лаврами увѣнчаетъ главы защитниковъ земли отечественной, и вы въ сей часъ на побѣдоносномъ полѣ славной битвы, собравъ полки, вложите въ длань монарха сей знакъ приношенія вашего, наибольшій изъ всѣхъ знаковъ, единогласно восклицая отнынѣ: Александръ король поляковъ».

Стихотвореніе это болѣе подходило къ настроенію большинства, чѣмъ воззванія «Литовскаго Курьера» и прокламаціи верховнаго правительства. Призывы послѣдняго къ поголовному ополченію не имѣли никакого успѣха. Формированіе войскъ шло очень туго. По словамъ де-Прадта, вся Литва и Бѣлоруссія поставили въ ряды войскъ не болѣе 2.000 человѣкъ, да и тѣ были не вооружены и не одѣты. Всякій одѣвался, какъ хотѣлъ и какъ могъ; вмѣнено только было въ обязанность носить на шляпѣ или фуражкѣ французскую кокарду.

Земледѣльческое населеніе, на которое пала вся тяжесть разоренія, не откликалось на призывъ и смотрѣло враждебно. Въ Виленской,

Гродненской и Минской губерніяхъ большинство жителей были русскіе восточнаго исповѣданія, смотрѣвшіе на торжество поляковъ какъ на еще бо́льшее порабощеніе ихъ личности и угнетеніе церкви. Одна шляхта съ ксендзами стояла за польское дѣло, но и та роптала на налоги и собираемыя пожертвованія.

Въ Бѣлоруссіи не только народъ, но и помѣщики остались вѣрными русскому правительству. Шарпантье требовалъ присяги Наполеону и формированія войска, но ни того, ни другаго не добился. Полоцкіе помѣщики отказались присоединиться къ конфедераціи, въ Могилевской губерніи повторилась то же самое. Непріятель хотѣлъ произвести въ Могилевской губерніи рекрутскій наборъ, но крестьяне всѣ разбѣжались, и удалось набрать только до 400 шляхтичей. Въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ русское населеніе подавляло все прочее на столько, что Волынь, на которую такъ надѣялся Наполеонъ, поставила въ солдаты только двухъ человѣкъ. Шварценбергъ, вступившій съ своими войсками въ Волынь, не могъ даже найти надежныхъ лазутчиковъ и всюду, куда достигалъ только непріятель, жители покидали свои дома и уходили. «Я тоже,—говоритъ де-Прадтъ,—хотя не щадилъ издержекъ, не могъ завести постоянной переписки съ Волынью».—Польскіе дворяне Кіевской губерніи принуждены были выразить императору Александру свои вѣрноподданническія чувства и поставить по 5 ратниковъ съ 500 душъ.

Не смотря на все это, съ полученіемъ изъ Варшавы акта конфедераціи, польская аристократія Литвы и горячіе патріоты, все еще вѣрившіе въ Наполеона, думали устроить точно такую же конфедерацію у себя.

Съ этою цѣлію, временнымъ правительствомъ Литовскаго края было опубликовано воззваніе конфедераціи королевства Польскаго къ тѣмъ полякамъ, которые находились въ русской службѣ [1]).

«Соотечественники!—сказано въ воззваніи.—Возстало отечество, а съ нимъ вмѣстѣ возобновились принятыя вами, съ первыми признаками жизни, святыя обязанности. Разсмотрите исторію сего міра, безсмертные примѣры предковъ и современныя дѣйствія соотечественниковъ вашихъ. Внемлите сердцамъ вашимъ, если они еще польскія, если они еще не совершенно искажены. Они вамъ скажутъ, что нѣтъ ничего славнѣе и доблестнѣе, какъ жить и умереть за отечество, такъ точно ничего не можетъ сравниться съ безчестіемъ служить и соединяться съ растерзавшими и обливши́ми оное вашею кровью.

---

[1]) Воззваніе генеральной конфедераціи королевства Польскаго къ полякамъ, задержаннымъ въ гражданской и военной русской службѣ и принужденнымъ сражаться противъ отечества. „Litewski Kuryer“ № 54.

«Соотечественники! Неужели вы не чувствуете нанесенной вашему роду величайшей обиды, этого жестокаго удара? Подумайте, какіе носите знаки, какою кровью обагрены знамена, подъ которыми служите. Варварамъ только можетъ быть понятна эта святотатственная мысль, что вы почитаете благодѣтелями тѣхъ, которые васъ изъ побѣдителей и повелителей своихъ (?!) сдѣлали невольниками и въ довершеніе жестокости допустили васъ къ безчестію (!), защищая ихъ, проливать кровь вашу и братьевъ вашихъ, въ которой они, накупавшись вволю, пролить до послѣдней капли не успѣли.

«Поляки! Пока еще не было отечества, дотолѣ могли быть терпимы связи, въ которыя вы вступили по необходимости, принужденію или для избѣжанія подозрѣвающихъ взоровъ незаконныхъ правителей вашихъ. Безъ сомнѣнія, нѣтъ такого изверга, который бы оныя терпѣлъ добровольно; никогда они не будутъ и не были столь крѣпки, чтобы ихъ не слѣдовало расторгнуть. Нынѣ же они болѣе не существуютъ, потому что отечеству возвращены права, коихъ оно требуетъ, во всей обширности. Здѣсь нѣтъ выбора: надо быть или его сыномъ, или предателемъ.

«Любезное отечество! Конечно, ты не испытаешь такого униженія, чтобы сыновья твои отъ тебя отпирались, чтобы хотя одинъ изъ нихъ, увлеченный нечистыми рѣчами притѣснителей нашихъ, осмѣлился называть долгомъ чести службу угнетателямъ нашимъ. Когда же было честью топить отцеубійственный мечъ въ лонѣ своей матери? Мужество и храбрость тогда только доблестны, когда защищаютъ правое дѣло, и вѣрность тогда только будетъ истинною добродѣтелью, когда не противится первѣйшимъ, вмѣстѣ съ жизнію принятымъ обѣтамъ, начертаннымъ неизгладимо въ сердцахъ нашихъ природою и отечествомъ. Итакъ, пусть сердца ваши наполнятся отвращеніемъ и омерзеніемъ ко всему, что происходитъ изъ рукъ тѣхъ, которые присягнули (?) погубить васъ. Спѣшите, докажите, кто вы такіе. Докажите, что вы поляки, и устрашатся грабители вашего отечества.

«Сыны Ходкевичей, Собіесскихъ и Жолкевскихъ! Сорвите съ себя эти унижающіе васъ знаки, бросьте отцеубійственные мечи, соединитесь съ нами и въ отмщеніе за нанесенныя вамъ обиды и поруганія обратите оные противъ угнетателей вашихъ. Кровь, кровь враговъ, въ глазахъ отечества есть доблестнѣйшее украшеніе храбрыхъ. Идите по слѣдамъ тѣхъ добродѣтельныхъ соотечественниковъ, которые, восемнадцать лѣтъ назадъ, по призыву отечества, рѣшились разорвать цѣпи и, прорвавшись сквозь дикія толпы, проложили себѣ къ нему дорогу по тропамъ тѣхъ же невольниковъ, которые васъ нынѣ стараются задержать.

«Представлялось ли вамъ когда-либо поприще, славнѣе рядовъ

храбрыхъ собратьевъ вашихъ, которые, прославивъ польское имя на сушѣ и на морѣ, въ лестнѣйшую награду приносятъ вамъ отечество, призывая васъ раздѣлить съ ними славу—сражаться за оное? Вотъ истинное поле чести и долга; вотъ гдѣ достойные поляки желаютъ пролить кровь свою, для возстановленія настоящей Польши въ глазахъ величайшаго героя, великодушнаго покровителя, подлѣ славнѣйшихъ рыцарей, возлѣ первѣйшаго въ мірѣ народа, наконецъ, возлѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, идущихъ поставить разъ навсегда непреоборимую преграду дикимъ толпамъ, стремящимся въ Европу.

«Придите! придите! Призываетъ васъ отечество, призываютъ братья ваши съ распростертыми объятіями. Васъ ожидаютъ любящія ихъ сердца, ожидаютъ совѣщательныя палаты, ожидаютъ національныя знамена. Придите! да порадуется величайшій изъ героевъ, да порадуется Европа этой неизмѣнной вѣрности поляковъ къ отечеству—этой любви, которая не должна имѣть границъ и обращать вниманія ни на какія обстоятельства или затрудненія. Словомъ, поступите такъ, чтобы отечество наше—прославленное по всему міру любовію и пожертвованіями сыновей своихъ, и которое нынѣ, какъ нѣжная мать, призываетъ съ улыбкою разсѣянныхъ по лицу земли дѣтей своихъ,—не было принуждено на зарѣ своего существованія принять суровый видъ и показаться неумолимымъ для тѣхъ, которые въ преступномъ ослѣпленіи не устрашились отпереться отъ него» [1]).

Это воззваніе было составлено въ Варшавѣ на основаніи 6-й и 7-й статей приведеннаго нами акта конфедераціи Польскаго королевства. Оно было принято поляками Литовскаго края безъ всякой аппелляціи, какъ распоряженіе законнаго правительства возстановленной Польши. Читая его, поляки старались убѣдить самихъ себя и другихъ, что «всего можно достигнуть, дѣйствуя съ одушевленіемъ и самопожертвованіемъ». Они приводили примѣръ другъ другу изъ польской исторіи, объ избавленіи Польши въ 1665 году тишовецкою конфедераціею, отъ нашествія казаковъ, татаръ, русскихъ, пруссаковъ и шведовъ.

— Теперь,—говорили одни,—мы живемъ въ болѣе счастливое время, подъ покровительствомъ великаго Наполеона.

— Отъ насъ зависитъ,—говорили другіе,—заслужить такую же славу, какую пріобрѣли соотечественники наши въ послѣднихъ кампаніяхъ противъ Пруссіи и Австріи, и доказать, своими пожертвованіями и стараніями, величайшему изъ героевъ, что мы достойны самостоятельности. Подражая имъ, хорошій примѣръ подали тѣ, которые вступили въ литов-

---

[1]) Учинено въ Варшавѣ въ засѣданіи совѣта 25-го іюня (7-го іюля) 1812 года. Подписалъ маршалъ генеральной конфедераціи кн. Адамъ-Казиміръ Чарторыйскій. См. „Litewski Kuryer“ 22-го іюля № 54.

скую гвардію, или опредѣляются въ польскіе полки. Болѣе 300 прекрасныхъ юношей отправились въ Гродно, гдѣ одинъ изъ альбукирскихъ побѣдителей, Конопка, оканчиваетъ формированіе полка литовской гвардіи.

«Граждане Бѣлоруссіи! — писало между тѣмъ временное правительство Литовскаго княжества.—Земли, обитаемыя вами, имѣютъ то преимущество, что на нихъ происходили дѣйствія, славнѣйшія въ польской исторіи. Вы были путеводителями и соучастниками въ славѣ, пріобрѣтенной общими нашими прадѣдами. Связанные съ вами узами крови (коими, по справедливости, мы можемъ гордиться), мы всегда почитали себя однимъ съ вами народомъ, несмотря на измѣненіе границъ и перемѣнъ въ политическихъ обстоятельствахъ. Чѣмъ долѣе продолжалась разлука, тѣмъ дороже была память роднаго семейства. Всѣ поляки бѣлорусскіе и литовскіе граждане—всѣ родные, и должны быть одушевлены тѣми же благородными и искренними чувствами. Надѣемся увидѣть васъ скоро достойными предковъ вашихъ.

«Присоединяйтесь къ общей всѣмъ провинціямъ польскимъ конфедераціи, которая составилась въ Варшавѣ подъ предводительствомъ вашего, нашего и польскаго соотечественника—князя Адама-Казиміра Чарторыйскаго, и къ коей вся уже Литва приступила. И такъ въ скоромъ времени мы увидимъ васъ въ святилищѣ законовъ, занимающихъ сенаторскія кресла и разныя почетныя мѣста, такъ давно осиротѣлыя. Мы увидимъ васъ подающими отечеству руку помощи — совѣтами, а въ рядахъ арміи—мужествомъ. Вотъ несутъ опять знамена Ходкевичи, Радзивилы, Сапѣги и Сангушки. Соединяйте наши съ вашими, и скоро запрутся навсегда для наѣздниковъ врата земель нашихъ. Видите, какъ бѣгутъ ихъ отряды, какъ поражаетъ ихъ непобѣдимый, котораго уста изрекли: Польша существуетъ» [1]).

Временное правительство Литовскаго княжества предписало составить сеймики и приступить къ избранію делегатовъ или пословъ на сеймъ генеральной конфедераціи Польскаго королевства. 15-е августа 1812 года было назначено днемъ повсемѣстнаго собранія сеймиковъ. Во второмъ параграфѣ инструкціи, изданной временнымъ правительствомъ, сказано было между прочимъ, что, по прочтеніи собранію различныхъ актовъ и оффиціальныхъ бумагъ, будетъ немедленно открыта книга, съ прописаннымъ въ началѣ ея актомъ генеральной конфедераціи, къ подписанію которой будутъ приглашены всѣ присутствующіе помѣщики безъ всякихъ условій или оговорокъ, а только въ удостовѣреніе того, что они соединяются въ одно политическое тѣло.

---

[1]) Постановленіе 21-го іюля 1812 г. См. „Litewski Kuryer“ № 55.

По § 9-му той же инструкціи, кромѣ патріотическихъ пожертвованій въ пользу отечества, никакихъ постановленій на сеймикахъ дѣлать не было дозволено, а потому, по избраніи делегатовъ, маршалъ долженъ былъ сейчасъ же объявить о закрытіи сеймика [1]).

Кандидатами въ делегаты или послы могли быть выбраны только владѣльцы имѣній, не исключая и духовныхъ лицъ, а также записанные въ повѣтовой дворянской земской книгѣ.

Къ избранію же делегатовъ допускались всѣ дворяне, духовные, вотчинные и владѣльцы имѣній. Каждый сеймикъ долженъ былъ избрать только двухъ делегатовъ, для посылки въ Варшаву, съ представленіемъ тамошней генеральной конфедераціи подлиннаго акта о приступленіи къ конфедераціи того повѣта, отъ котораго посланы делегаты. «Хотя дозволяется помѣщикамъ каждаго повѣта избрать на сеймикахъ двухъ делегатовъ на вышеупомянутый предметъ, однако, одинъ только изъ нихъ, то-есть первый по старшинству, останется членомъ конфедераціоннаго сейма, потому что собравшійся уже сеймъ, къ которому эти члены присоединяться будутъ, составленъ изъ пословъ, избранныхъ по одному изъ каждаго повѣта».

Что же касается до мѣщанскаго сословія, то временное правительство постановило устроить собранія во всѣхъ городахъ, повинующихся магдебургскимъ законамъ. Въ назначенный день, городскіе владѣльцы должны были избрать двухъ депутатовъ на общіе выборы, въ окружныхъ городахъ, которые всѣ будутъ имѣть право участвовать въ избраніи «гражданами окружныхъ городовъ делегатовъ на конфедераціонный сеймъ Польскаго королевства». Но въ делегаты могли быть выбраны только граждане окружныхъ городовъ.

Черезъ восемь дней послѣ этихъ собраній, депутаты, выбранные отъ окружныхъ городовъ, должны были собраться въ главные окружные города [2]) для избранія двухъ депутатовъ, назначенныхъ къ отправленію въ Варшаву съ актомъ конфедераціи.

Многіе города и повѣты Литовскаго края немедленно приступили къ собранію сеймиковъ и къ генеральной конфедераціи. Обрядъ этотъ обставлялся всевозможными торжествами: колокольнымъ звономъ, пальбою изъ пушекъ и ружей, молебствіемъ за здравіе Наполеона и разными пиршествами. Въ эти дни бывали балы, обѣды, иллюминаціи; охотники произносили рѣчи и проповѣди въ прославленіе враговъ и поруганіе Россіи. «Литовскій Курьеръ» печаталъ самыя преувеличенныя извѣстія объ успѣхахъ Наполеона.

---

[1]) Инструкція сеймикамъ. „Литовскій Курьеръ“ № 66.

[2]) Главными окружными городами были: Вильно, Ковно, Россіены, Гродно, Новогрудокъ, Брестъ, Минскъ, Пинскъ и Бѣлостокъ.

«Никто здѣсь понять не можетъ,—сказано въ одномъ изъ нумеровъ виленской газеты [1]),—съ какою быстротою отряды великаго Наполеона пролетѣли отъ Нѣмана за Днѣпръ, и далеко за Двину. Потомки наши не будутъ вѣрить, что такая огромная армія могла въ теченіе одного мѣсяца пройти болѣе 70 миль, постоянно гнать передъ собою непріятеля и побѣждать всѣ препятствія. Между тѣмъ, знаемъ съ достовѣрностію, что императоръ съ главною квартирою прибылъ въ Витебскъ 15-го (27-го) іюля, а передовые отряды проникнули несравненно далѣе. Жители береговъ Двины, свидѣтели приготовленій русскихъ, равномѣрно удивляются скорости и мудрости военныхъ эволюцій, коими уничтожена вся линія укрѣпленныхъ мѣстъ, прежде нежели непріятель успѣлъ приступить къ защитѣ оной. Динабургская крѣпость, около которой десять тысячъ человѣкъ работали почти два года [2]), пала передъ побѣдителями, какъ стѣны Іерихона. Двина, укрѣпленные берега которой казались недоступными, течетъ нынѣ среди французскихъ отрядовъ, какъ Вилія и Нѣманъ. Въ одинъ мѣсяцъ Наполеонъ сдѣлалъ то, на что нашимъ князьямъ и королямъ нужно было много столѣтій....»

Унижая такъ своихъ правителей передъ Наполеономъ, а въ лицѣ ихъ унижая и самихъ себя, представители прессы въ то же время старались чуть не каждый день напоминать полякамъ о далекомъ прошломъ ихъ отечества. То они говорили, что театръ военныхъ дѣйствій перенесенъ уже въ тѣ мѣста, на которыхъ Сигизмундъ III сражался съ русскими и шведами [3]), то объявляли, что непобѣдимыя силы великаго Наполеона прошли границы, «положенныя въ 1772 г. измѣною и насиліемъ» [4]), и завладѣли частью земель и городовъ, «которые сорокъ лѣтъ тому назадъ Россія столь несправедливо отторгнула отъ Польши. Витебскъ и Могилевъ уже заняты. Польскія войска оказали чудеса храбрости при Мирѣ. По всѣмъ церквамъ совершаются благодарственныя молебствія за ниспосланіе побѣды избавителю Польши, за успѣхъ его оружія. Народъ возсылаетъ теплыя молитвы Богу. Уже освобождены сыновья Соллогубовъ, Зиновичей, Лопацинскихъ, Калиновскихъ, Поцѣевъ и многихъ другихъ, прославившихся мужествомъ и любовію къ отечеству» [5]).

«Вездѣ, гдѣ удаляется непріятель, возстаютъ жители, водворяется

---

[1]) См. „Litewski Kuryer“ 8-го августа 1812 г., № 61.

[2]) Въ другомъ мѣстѣ „Курьеръ“ увѣряетъ, что въ Динабургѣ работали въ теченіе двухъ лѣтъ болѣе 20.000 человѣкъ. См. № 62.

[3]) „Litewski Kuryer“ 27-го іюля № 56.

[4]) Подъ этими границами разумѣются губерніи Витебская и Могилевская, возвращенныя отъ Польши въ 1772 году.

[5]) „Litewski Kuryer“ 27-го іюля, № 56.

порядокъ. По всѣмъ окрестностямъ, гдѣ проходилъ князь Багратіонъ, является множество русскихъ дезертировъ, которые на вопросъ: почему они бѣжали, отвѣчаютъ: насъ такъ долго поражали французы, что теперь лучше желаемъ сражаться съ ними, нежели противъ нихъ» [1]).

На сколько поляки старались поднять въ глазахъ народа Наполеона, на столько, если не болѣе, они пытались выставить слабость Россіи.

«Іюля 11-го (23-го),—было сказано въ «Литовскомъ Курьерѣ» [2]),—происходило при Могилевѣ сраженіе между княземъ Экмюльскимъ и Багратіономъ. Разбитый русскій предводитель поведетъ на помощь арміи развѣ только остатки своего корпуса, коего двѣ пѣхотныя дивизіи и одна кавалеріи отрѣзаны и блуждаютъ въ Пинскихъ болотахъ и близъ береговъ Буга, но въ скоромъ времени встрѣтятся съ союзниками Наполеона, съ саксонцами или австрійцами, которые постараются доказать, что они сражаются за столь великое дѣло.

«Армія, которою предводительствуетъ самъ императоръ (Александръ), потерявъ отъ 8-ми до 10-ти тысячъ человѣкъ, поражена при Витебскѣ, гдѣ всѣ передовые корпуса разбиты и поспѣшно отступаютъ, оставляя край—равняющійся обширнѣйшему государству.

«Наконецъ, и Рига увидала своихъ побѣдителей. Іюля 7-го (19-го), прусскія войска подступили къ мостовымъ ея укрѣпленіямъ, вступили въ бой съ русскими, разбили ихъ, разогнали и, въ доказательство побѣды, взяли 300 человѣкъ въ плѣнъ.

«19-го (31-го) числа того же мѣсяца, осажденные покушались сдѣлать вылазку, но были разбиты и принуждены искать спасенія въ укрѣпленныхъ стѣнахъ города. Трудно описать замѣшательство, безпорядки и страхъ, въ какомъ находятся русскіе.

«По плану обороны, слѣдовало, можетъ быть, уничтожить нѣсколько домовъ одного предмѣстья,—но страхъ не знаетъ границъ,—и предмѣстья, лежащія даже со стороны Петербурга, содѣлались жертвою пламени! Такимъ образомъ, толпы народа осажденнаго, но не атакованнаго, испытали уже такія потери, которыя обыкновенно бываютъ слѣдствіемъ продолжительной осады.

«Вотъ какое зрѣлище представляетъ недавно столь пышная и надменная Россія, непобѣдимому своему врагу—Европѣ».

Въ другомъ мѣстѣ «Курьера Литовскаго», при объявленіи о взятіи Смоленска, говорится между прочимъ: «очень прискорбно для насъ, что литовскіе полки не могутъ еще вступить на столь блистательное поприще и участвовать въ славѣ побѣдъ, перенесенныхъ въ самое сердце смертельныхъ враговъ нашихъ» [3]).

[1]) „Литовскій Курьеръ“ 18-го іюля, № 53.

[2]) Отъ 9-го августа, № 58.

[3]) См. „Litewski Kuryer“ 29-го августа 1812 г., № 69.

Извѣстіе о взятіи Смоленска, какъ равно и другія военныя свѣдѣнія о различныхъ побѣдахъ французской арміи, представляли жителямъ города Вильны прекрасный случай и предметъ къ устройству обѣдовъ и праздниковъ. Каждое торжественное благодарственное молебствіе, совершаемое не въ урочный часъ, «за избавителя польскаго народа и за успѣхи его оружія»—было лучшимъ вѣстникомъ и предлогомъ для празднествъ и иллюминацій. Въ такіе дни, по всѣмъ церквамъ служили парадныя обѣдни съ музыкою; говорили проповѣди о томъ, что «истинные сыны отечества не должны щадить ни достоянія, ни крови своей, для освобожденія его изъ рукъ непріятеля, ибо таковая любовь къ отечеству добродѣтельна не только въ нравственномъ, но и въ духовномъ отношеніи».

Въ день извѣстія о взятіи Смоленска, вся Вильна была иллюминована, и въ домѣ каноника Богуславскаго поставлена картина, изображающая Парижъ, и славу, возвѣщающую ему о взятіи Смоленска [1]). Вечеромъ, въ виленскомъ театрѣ шла пьеса: «Возвращеніе отечества» (Powrot Oyczyzny), при каждой патріотической сценѣ которой раздавались громкія рукоплесканія. «Какое представляется прекрасное поприще, восклицали поляки:—мужеству, ревности и патріотизму литовцевъ. По той же дорогѣ, по которой слѣдуетъ великая армія на Вязьму и Можайскъ, предки наши нѣкогда Москву посѣщали...»

Въ такомъ настроеніи, поляки съ большимъ энтузіазмомъ принимали французскія войска. При первомъ извѣстіи о приближеніи ихъ къ городу, они выѣзжали имъ навстрѣчу вмѣстѣ съ духовенствомъ, магистратомъ и цеховыми старшинами.

Видя въ каждомъ солдатѣ, шедшемъ въ Россію—своего Мессію, поляки встрѣчали ихъ радостными восклицаніями; духовенство благословляло ихъ знамена; магистратъ и цеховые со своими знаменами встрѣчали ихъ съ хлѣбомъ-солью. Изъ окрестныхъ деревень съѣзжались помѣщики въ городъ—попраздновать, пообѣдать и поговорить о возстановленной Польшѣ. Вечеромъ зажигалась въ городѣ иллюминація. «Во всякомъ домѣ былъ пиръ, у всѣхъ обнаруживались одинаковыя патріотическія чувства. Итакъ, поляки вездѣ одни и тѣ же—всѣ заняты однимъ предметомъ—возстановленіемъ отечества» [2]).

Приступившіе къ генеральной конфедераціи жители г. Вильны отправили депутатовъ въ Варшаву, которые и представились конфедераціонному сейму въ публичномъ засѣданіи 8-го (20-го) августа.

---

[1]) См. „Litewski Kuryer“ 29-го августа 1812 года, №№ 67 и 68.

[2]) „Litewski Kuryer“ 19-го сентября 1812 г., № 76.

Въ посольской залѣ Варшавы, въ 12 часовъ, собрались всѣ власти; французскій посолъ и чиновники посольства были тутъ же.

Старшій депутатъ временнаго литовскаго правительства, подкоморій Іеленскій обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, въ которой между прочимъ говорилъ [1]):

— Народъ нашъ ласкаетъ себя надеждою, что Польша ожила и существуетъ. Поляки уже доказали всему міру свою ревность и любовь къ отечеству. Литва отъ нихъ на этомъ достославномъ поприщѣ не отстанетъ, ибо литовскій народъ одушевленъ тою же любовью къ отечеству, тѣмъ же желаніемъ освободиться и изгладить слѣды уничиженія, нанесеннаго Московскимъ государствомъ, котораго кровавая политика истребляетъ польское и литовское племя. Освобожденный отъ непріятельской силы и тиранства, литовскій народъ къ вамъ, поляки, обращается съ братскими обѣтами, возобновляетъ святую и нерасторгаемую унію и съ восторгомъ приступаетъ къ генеральной конфедераціи Польши...

По окончаніи рѣчи Іеленскаго, другой депутатъ, хорунжій Тизенгаузенъ вручилъ совѣту конфедераціи актъ приступленія къ оной членовъ временнаго правительства Литовскаго края и находившихся тогда въ Вильнѣ помѣщиковъ. Въ этомъ актѣ, подписанномъ почти всѣми участниками, литовское правительство высказывало искреннѣйшее желаніе и обѣщало употребить всевозможныя старанія и мѣры къ тому, чтобы осуществить «столь священную и вожделѣнную цѣль» варшавскаго конфедераціоннаго сейма. Цѣль эта заключалась въ «добродѣтельномъ намѣреніи соединить въ одно политическое тѣло расторгнутыя части Польши и великаго княжества Литовскаго и возвратить отечеству нашему древнія его владѣнія, свободу, независимость, значеніе и благосостояніе [2])».

Членъ совѣта конфедераціи, епископъ Галашевскій, и маршалъ сейма, старикъ князь Адамъ Чарторыйскій, въ произнесенныхъ ими рѣчахъ, изъявили свою благодарность литовскимъ депутатамъ. Вскорѣ послѣ такого пріема депутатовъ и чрезъ нѣсколько дней по прибытіи ихъ въ Варшаву, генеральный совѣтъ конфедераціи получилъ отзывъ временнаго правительства Литовскаго края, въ которомъ правители старались выказать свои патріотическія чувства.

«Мы руководствовались вашимъ просвѣщеннымъ опытомъ и слѣдовали данному вами примѣру гражданской ревности и самопожертвованія. Чувствуемъ, что мы теперь поставлены передъ судилищемъ всей Европы и грядущихъ поколѣній; но, принимая во уваженіе духъ, какимъ про-

---

[1]) „Dziennik Konfederacyi Jeneralney“, № 23.

[2]) „Dziennik Konfederacyi Jeneralney“ 1812 г., № 23.

питаны всѣ жители Литвы (?), геройское одушевленіе, проявляющееся въ нашемъ юношествѣ, ласкаемъ себя надеждою, что въ исторіи возстановленія Польши Литва со славою можетъ занять вторую страницу.

«Пусть пробьетъ скорѣе часъ совершеннаго нашего соединенія! Да содѣлаемся мы достойными вашей и предковъ нашихъ славы; временнымъ исправленіемъ порученной намъ правительственной и административной власти! Вотъ наши желанія, вотъ единственная цѣль всѣхъ нашихъ усилій. Съ радостію получаемъ воззванія ваши, съ радостію слѣдуемъ патріотическимъ и основаннымъ на опытѣ совѣтамъ вашимъ [1])».

Одновременно съ приступленіемъ къ конфедераціи, временное правительство принимало мѣры и къ административному устройству края. Постановленіемъ отъ 26-го іюля (7-го августа) и 14-го (26-го) августа измѣненъ курсъ русской монеты, ходившей въ Литвѣ [2]). По предписанію временнаго же правительства, первый департаментъ виленскаго главнаго суда, а также городскіе суды въ повѣтовыхъ городахъ Виленской и Гродненской губерній приступили, въ началѣ августа 1812 года, къ разсмотрѣнію и рѣшенію уголовныхъ и слѣдственныхъ дѣлъ [3]).

Въ іюлѣ стали вызывать желающихъ принять на себя содержаніе почтовыхъ станцій или нѣсколькихъ лошадей [4]), а потомъ главная дирекція почтъ объявила, 7-го (19-го) августа и 22-го августа (3-го сентября), объ открытіи почтовыхъ путей какъ между городами Литовскаго края, такъ и сообщеній съ заграничными пунктами [5]).

Дневнымъ приказомъ Наполеона [6]), были опредѣлены правила относительно почтъ и ихъ содержателей. Признавая необходимымъ хорошее содержаніе почтъ для успѣховъ арміи, французскій императоръ воспретилъ, подъ опасеніемъ суда и наказанія, забирать войскамъ почтовыхъ лошадей и ихъ фуражъ. Маршалы и командующіе генералы обязаны были наблюдать за исправностію и цѣлостію почтъ. Для сохраненія содержателямъ станцій «п о ч т е н і я», поставлены жандармы,

---

[1]) См. „Dziennik Konfederacyi Jeneralney“ 1812 г. № 24.

[2]) Предписано русскую двухкопѣечную мѣдную монету принимать за три мѣдные гроша, а пятикопѣечную — за семь грошей. Въ изданномъ же 14-го (26-го) августа постановленіи о курсѣ иностранныхъ монетъ, курсъ этотъ измѣненъ такъ, что постановлено: пятикопѣечную монету принимать за 5 грошей; двухкопѣечную — за 2 гроша; копѣечную—за 1 грошъ; денежку — за $^1/_2$ гроша. Русская же серебряная монета оставлена въ прежнемъ курсѣ. См. „Литовскій Курьеръ“ № 63 и 70.

[3]) См. „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. №№ 62, 65 и 91.

[4]) См. „Литовскій Курьеръ“ 15-го іюля № 52.

[5]) См. „Литовскій Курьеръ“ №№ 65 и 82.

[6]) Въ Вильнѣ отъ 26-го іюня (8-го іюля) 1812 г.

на обязанности которыхъ было наблюденіе за цѣлостію и исправностію почтовыхъ домовъ и лошадей. На каждой станціи должно было быть выставлено извѣстное число такъ называемыхъ императорскихъ лошадей и ямщиковъ. Лошади эти были подвѣдомственны только смотрителю почтъ и не могли быть требуемы никѣмъ, кромѣ тѣхъ, кои имѣли разрѣшеніе самого императора.

Издавъ постановленіе о взысканіи въ казну пошлинныхъ денегъ при совершеніи купчихъ крѣпостей, духовныхъ завѣщаній и разныхъ другихъ актовъ, а также о гербовой бумагѣ со многими измѣненіями противъ существовавшихъ до того времени нашихъ узаконеній [1]), временное правительство Литовскаго края нашло необходимымъ собрать и чрезвычайную подать.

«Необыкновенныя мѣры,—сказано въ постановленіи [2]),—принятыя великимъ Наполеономъ къ возстановленію нашего отечества, требуютъ отъ насъ необыкновенныхъ усилій, дабы доказать, что мы достойны оныхъ. Особенно продовольствіе союзниковъ нашихъ, содержаніе и обмундировка молодыхъ людей, стремящихся подъ отечественныя знамена, и формирующихся полковъ, которые по большей части уже существуютъ, требуютъ необыкновенныхъ и немедленныхъ издержекъ, которыхъ обезсиленная и безъ всякихъ запасовъ оставленная казна удовлетворить не можетъ безъ необыкновенныхъ пожертвованій, которыхъ отъ васъ имѣетъ право требовать».

Всѣ эти чрезмѣрныя требованія и расходы заставили временное правительство назначить, кромѣ обыкновенныхъ податей, единовременную экстраординарную подать, которой подвергались всѣ жители, за исключеніемъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ, оберъ-офицеровъ до капитана, монастырей, содержащихся подаяніемъ и при коихъ находятся больницы, нищихъ и содержащихся въ тюрьмѣ, замужнихъ женщинъ, живущихъ вмѣстѣ съ мужьями, не занимающихся отдѣльно промыслами и не имѣющихъ собственнаго имѣнія, дѣтей всѣхъ разрядовъ, состоящихъ подъ опекою родителей или попечителей и не имѣющихъ собственныхъ имѣній. Все населеніе раздѣлено было на одиннадцать разрядовъ, изъ коихъ первый разрядъ долженъ былъ внести по 15 грошей, а одиннадцатый (капиталисты), обязывался на честное слово внести седьмую часть получаемыхъ ежегодно доходовъ или процентовъ [3]).

---

[1]) См. „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. № 66.

[2]) Отъ 22-го августа 1812 года. Тамъ же № 71.

[3]) Разряды эти составляли: 1-й разрядъ, вносящій 15 грошей—крестьяне не имѣющіе своихъ дворовъ; крестьянскіе служители по деревнямъ, служители городскихъ жителей 5 класса и мѣстечекъ, занимающихся хлѣбопашествомъ; 2-й разрядъ, вносящій одинъ злотый — крестьяне-барщенники, тивуны, наемные работники, пастухи, лѣсничіе, ремесленники

Сверхъ того, основываясь на конституціи 1789 года, временное правительство постановленіемъ своимъ, обнародованнымъ 5-го (17-го) сентября 1812 года [1]), предписало всѣмъ лицамъ духовнаго званія, занимающимъ разныя должности и почетныя мѣста, начиная съ архіепископа до приходскаго священника сверхъ этой единственной подати, внести въ казну, также единовременно, въ теченіе шестимѣсячнаго срока, пошлину отъ данныхъ имъ привилегій и пять процентовъ изъ суммы, равняющейся четырехлѣтнему, каждаго изъ нихъ, годовому доходу. Монашествующее духовенство обязано было внести только пять процентовъ. Все духовенство раздѣлено на восемь разрядовъ, изъ коихъ первый обязанъ былъ внести пошлины 1.000, а послѣдній — 2 червонца. Отъ этого налога избавлены только монастыри, содержавшіе училища и больницы, а также не имѣющіе постояннаго опредѣленнаго дохода.

XXV.

Празднованіе поляками дня рожденія Наполеона.—Усиленный призывъ къ поступленію въ ряды французской арміи.—Занятіе Наполеономъ Москвы.—Восторгъ поляковъ.—Тревожныя извѣстія.—Отступленіе Наполеона.—Разочарованіе.

Долго литовскіе поляки завидовали варшавскимъ въ томъ, что не имѣли возможности выразить гласно поклоненіе Наполеону и устраивать въ честь его праздники. Наконецъ, время это наступило. 3-го (15-го) авгу-

---

по деревнямъ и проч.; 3-й разрядъ, два злотыхъ—оброчные крестьяне и чиншевая шляхта, служители помѣщиковъ обоего пола, лакеи, стрѣльцы, форейторы, кучера, повара, кухарки и проч.; 4-й разрядъ, четыре злотыхъ—шляхтичи, служащіе у помѣщиковъ экономами, писарями, а также горничныя изъ этого сословія; владѣльцы деревянныхъ домовъ въ городахъ 3, 4 и 5 класса, мельники, органисты и проч.; 5-й разрядъ, десять злотыхъ—капитаны арміи, вотчинники и временные владѣльцы имѣній изъ 40 дворовъ, приходскіе священники, гувернеры, гувернантки, адвокаты, регенты и проч.; 6-й разрядъ, 30 злотыхъ — командиры баталіоновъ и эскадроновъ, владѣльцы и вотчинники имѣній отъ 40—80 дворовъ, прелаты, игумены; 7-й разрядъ, 60 злотыхъ — маіоры, владѣльцы имѣній отъ 80—250 дворовъ; 8-й разрядъ, 100 злотыхъ—полковники и владѣльцы имѣній отъ 250 до 480 дворовъ; 9-й разрядъ, 300 злотыхъ—владѣльцы отъ 480—1000 дворовъ; 10-й разрядъ, 500 злотыхъ — владѣльцы болѣе 1000 дворовъ; 11-й разрядъ — капиталисты, обязанные внести $^1/_7$ часть дохода.

[1]) См. „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. 23-го сентября № 77.

ста, Вильна праздновала день тезоименитства Наполеона. «Вчера исполнилось наше желаніе,—говоритъ «Литовскій Курьеръ»[1]),—и берега Виліи загремѣли тѣми же радостными восклицаніями, которыя уже пять лѣтъ разлетались на берегахъ Вислы и скоро наполнять будутъ все пространствоотъ Балтійскаго до Чернаго морей»...

Наканунѣ вечеромъ пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ о наступающемъ праздникѣ. Движеніе въ городѣ примѣтно увеличилось; всю ночь продолжались соотвѣтствующія приготовленія. На другой день поутру, по пушечному выстрѣлу, собралась на площади пестрая толпа войскъ: тутъ были поляки, французы, баварцы и императорская гвардія. Пройдя церемоніальнымъ маршемъ мимо литовскаго генералъ-губернатора, графа Гогендорпа, всѣ чины и войска отправились въ церковь, въ которой покоятся мощи польскаго королевича св. Казимира. Гвардія Наполеона построилась въ самой церкви въ два ряда, вокругъ алтаря стала вновь сформированная польская національная гвардія; вокругъ трона, назначеннаго для императора, расположилась почетная гвардія. Епископъ князь Пузына служилъ обѣдню, во время которой играла музыка и войска, по древнему польскому обычаю, отдавали почести. Прелатъ Длусскій въ своей проповѣди старался доказать, что поляки обязаны почитать «посланника небесъ» (Наполеона), любить свое отечество, а пожертвованіями и возвращеніемъ къ похвальнымъ обычаямъ предковъ загладить свою вину и преступленіе (?). Потомъ пѣто «Te Deum laudamus», во время котораго раздавались пушечные выстрѣлы и крики: «да здравствуетъ Наполеонъ, избавитель поляковъ!»

«Многіе, упавъ ницъ,—говоритъ очевидецъ,—передъ чудотворнымъ образомъ остробрамской Богородицы, съ умиленіемъ молились объ успѣхахъ французской арміи».

Изъ церкви президентъ города Вильны, Ромеръ, съ муниципалитетомъ и цеховыми старшинами обошелъ всѣхъ представителей виновника торжества, съ изъявленіемъ преданности поляковъ «избавителю угнетеннаго народа». Графъ Гогендорпъ, баронъ Биньонъ и виленскій губернаторъ баронъ Жомини, поочередно приняли отъ него поздравленіе. На площади для простаго народа былъ приготовленъ обѣдъ, на которомъ Ромеръ сказалъ рѣчь присутствовавшимъ.

— Граждане!—говорилъ онъ,—въ первый разъ Провидѣніе дозволило намъ праздновать сей торжественный день, который уже нѣсколько лѣтъ вся Европа празднуетъ съ величайшею радостію. День сей посвященъ непобѣдимому герою міра, великому Наполеону. Площадь, на которой мы теперь стоимъ, въ память сего дня, будетъ называться

---

[1]) Отъ 16-го августа 1812 г. № 65.

вѣчно Наполеоновскою. Мощною его десницею расторгнуты цѣпи, приготовленныя происками предателей отечества и внутренними несогласіями, а затѣмъ возложенныя на насъ русскою силою. Народъ! Эти цѣпи уже не существуютъ. Ты можешь свободно дышать отечественнымъ воздухомъ, свободно мыслить, чувствовать и дѣйствовать. Сибирь тебя уже не ожидаетъ, а русскій (moskal), угрожавшій оною, самъ принужденъ искать спасенія въ ея пустыняхъ. Побѣдоносные орлы преслѣдуютъ уже непріятеля въ той странѣ, гдѣ нѣкогда оружіемъ предковъ нашихъ назначены были границы наши... Скоро смоленскіе и прочихъ обширныхъ земель нашихъ граждане, присоединяясь къ союзу конфедераціи, подтвердятъ предсказанное соединеніе въ одно цѣлое польскаго народа» [1]).

Жареные быки, начиненные дичиною, водка, пиво и прочія обѣденныя принадлежности оживили толпу, пировавшую на площади съ 4-хъ до 9-ти часовъ. Тамъ и сямъ слышались восклицанія обѣдающихъ: да здравствуетъ Польша! Да здравствуетъ ея мститель и его непобѣдимая армія!

Герцогъ Бассано давалъ обѣдъ, на которомъ присутствовали болѣе именитые граждане и военные, отправившіеся потомъ въ театръ на даровое представленіе пьесы: «Краковяки», которая, по выраженію корреспондента, «всегда бываетъ хорошо принята, потому что возбуждаетъ любовь къ отечеству и ненависть къ врагамъ народа».

Театръ кончился, и публика отправилась на балъ, устроенный дворянствомъ и продолжавшійся до шести часовъ утра. Весь этотъ день городъ былъ иллюминованъ. Среди плошекъ, покрывавшихъ фасадъ ратуши, поставлены были между колоннами пять транспарантовъ, изъ коихъ одинъ представлялъ двухъ уланъ: полякa и литовца, окруженныхъ толпою, указывающею на вензель Наполеона. Уланы соединили свои сабли на защиту двухъ обнимающихся женщинъ—символъ Польши и Литвы. Подобные транспаранты выставлены были во многихъ мѣстахъ города: на университетскихъ воротахъ, еврейской школѣ, «въ которой играла музыка, а евреи всю ночь молились», и на домахъ частныхъ лицъ. На домѣ каноника Богуславскаго транспарантъ былъ такъ затѣйливъ, что въ состояніи былъ изобразить со всѣми подробностями вступленіе Наполеона въ Вильну, а внизу его было написано: Вильна, освобожденная 28-го іюня 1812 года и Virtus non territa monstris.

«Литовскій Курьеръ» 1812 года наполненъ описаніями празднествъ, устроенныхъ въ честь Наполеона. На страницахъ его можно встрѣтить стихи особъ, посвятившихъ свои труды на хвалебные диѳирамбы фран-

[1]) „Litewski Kuryer“ 26-го августа 1812 г. № 65.

цузскому императору. Оды и стихотворенія, обращенныя къ Наполеону, не замедлили появиться на свѣтъ. Не останавливаясь на нихъ, мы упомянемъ о празднествахъ, происходившихъ въ различныхъ городахъ Литовскаго края.

Такъ, жители города Лиды, въ тотъ же день, 15-го августа, по срединѣ церкви поставили транспарантъ съ вензелемъ Наполеона и съ надписью на латинскомъ языкѣ, которая въ переводѣ гласила слѣдующее: «великій государь, живи долго счастливъ и вкушай всѣ блага». На Виленской улицѣ того же города появилась треугольная пирамида, на которой съ одной стороны горѣлъ вензель императора въ лавровомъ вѣнкѣ съ надписью: «великому Наполеону, мощною его десницею освобожденный край мужественныхъ нѣкогда Ягеллоновъ, своему избавителю, 15-го августа 1812 года», а на другой сторонѣ пирамиды надпись въ стихахъ:

Oyczyzny naszey wspanialy Mścicielu,
Hardey polnocy silny gromicielu!
Niech Orly Polskie i Litwy Pogonie
Sluzą zamiarom Twym Napoleonie

(Отечества нашего великодушный мститель. Мощный побѣдитель гордаго Сѣвера Наполеонъ! Пусть польскіе орлы и Литва споспѣшествуетъ благимъ твоимъ намѣреніямъ).

На третьей же сторонѣ пирамиды обращенной къ развалинамъ древняго замка, была также надпись въ стихахъ:

W naszych tu murach Jagielońskie plemię,
W piętnastym wieku tryumf odnosilo,
Gdy dzicz Tatarska naszla Polską ziemię,
Jmię Litwinów, najezdzcow gromilo.

Dzisiaj Bohatyr świata tu przychodzi,
Z Scytyyskich Kaydan wydobyć was męże
Bieżcie na pole chwaly Polska mlodzi,
Odzyskać ziemię, prawa i oręże.

Wowczas Krwią obcych plynęla Lidzieia
Dziś się z nią miesza Niemen, Dniepr i Dzwina,
Dzieje się naszey Pogoni nadzieia,
Juz cierpień naszych minęla godzina.

(Здѣсь въ каменныхъ стѣнахъ ягеллонское племя, въ XV столѣтіи, одерживало побѣды, а когда дикіе татары вторгнулись въ Польшу, одно имя литовцевъ устрашало наѣзднивовъ. Нынѣ пришелъ герой міра освободить васъ, мужи, отъ скиескаго ига. Стремитесь, польскіе юноши, на поле славы возвратить землю, права и оружіе. Тогда Лидзія плыла чужестранною кровью, нынѣ смѣшиваются съ нею Нѣманъ, Днѣпръ и

Двина. Сбывается надежда Литвы; прошелъ часъ нашихъ страданій [1]).

На фасадѣ ратуши города Ковно помѣщена была картина, изображающая р. Нѣманъ, съ построеннымъ на ней французами мостомъ. Наполеонъ, сопровождаемый маршалами и польскими генералами, переходитъ на русскій берегъ и указываетъ на гробъ польской свободы, видимый въ отдаленіи и покрытый лаврами. Надъ гробомъ геніи плетутъ вѣнки для будущихъ героевъ. По знаку французскаго императора, нѣкоторые польскіе отряды уже окружили и покрыли гробъ, другіе же спѣшатъ и плывутъ съ выраженіемъ полной радости. Берега Нѣмана озаряются мгновенно лучами яснаго неба, и тучи, затемнявшія до сихъ поръ край—исчезаютъ. Вдохновенный поэтъ восклицаетъ:

Ci, który z życiem swą krew poświęcili,
By grób znaleźli i matkę wskrzesili;
Przebiegszy przestwor szeroki,
Tu obaczyli jego zwłoki.
Dusza mieszkala w jey Synach,
Nad Wisłą tchnęły nadzieje,
Cialo nad Niemnem w ruinach
Zagrzebły nieszczęscie koleje.
Tu Mściciel krzywdy, co Zbawia Narody
Zgromadzil mężne rożnych Kraiów Rody,
Stanął i wyrzekł: dalej! dzielne plemie
Podnieście Matkę, osiągaycie Ziemię!

(Тѣ, которые пожертвовали жизнью и кровью, дабы найдти гробъ и воскресить мать-отечество, пройдя неизмѣримыя пространства, здѣсь увидѣли его бренные остатки. Душа его жила въ сынахъ. Берега Вислы дышали надеждою, а тѣло—рядомъ несчастій похоронено было на берегахъ Нѣмана. Здѣсь мститель обидъ нашихъ, избавитель народовъ, собравъ мужественныя всѣхъ земель племена, явился и сказалъ: впередъ! мужественное племя, воскреси мать твою и завладѣй землею).

По лѣвой сторонѣ ратуши, видна была другая картина, на которой воскресшее отечество представлено въ видѣ слабой женщины, поддерживаемой польскими уланами и бросающей цвѣты на шлемъ Наполеона. Вверху буква N и надпись: да здравствуетъ императоръ французовъ! [2])...

Въ Новогрудкѣ былъ выставленъ на домѣ портретъ Наполеона; на доминиканской церкви была надпись: «Наполеонъ! Едва вступилъ ты въ нашъ край, какъ исчезъ двуглавый орелъ, а твой орелъ осѣнилъ

---

[1]) См. „Litewski Kuryer“ 26-го августа 1812 г. № 68.
[2]) „Litewski Kuryer“ 9-го августа 1812 г. № 62.

Литву. Силою твоего могущества, къ счастью Литвы, робкій москаль упустилъ свою жертву, даже не сражаясь».

Такія или почти такія празднества происходили въ Волковыскѣ [1]), Свенцянахъ [2]), Россіенахъ [3]) и многихъ другихъ городахъ. Словомъ сказать, общество поляковъ Литовскаго края, и преимущественно дворянъ-помѣщиковъ, наѣхавшихъ въ города, пользовалось всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обѣдами, балами, стихами и патріотическими рѣчами соединить разрозненныя части въ одно цѣлое на потребу и пользу французской арміи. Поляки собирали для нея хлѣбъ, шли въ ряды войскъ и дѣлали различныя пожертвованія.

«Граждане!—писало временное литовское правительство въ одномъ изъ воззваній.—Нѣтъ мѣры приношеніямъ и личнымъ пожертвованіямъ, когда идетъ дѣло объ освобожденіи отечества. Примѣръ такого гражданскаго самопожертвованія составляетъ дражайшее наслѣдство, доставшееся намъ послѣ отцовъ нашихъ. Постараемся сравниться съ ними въ достоинствѣ. Защитники и избаватели наши нуждаются въ продовольствіи, они проливаютъ за насъ кровь, мы же должны подѣлиться съ ними остаткомъ нашего запаса, тѣмъ болѣе жертвовать тѣмъ, что, по удовлетвореніи дѣйствительныхъ нуждъ нашихъ, можетъ оказаться излишнимъ. Правительство приметъ все вмѣсто податей, а благородное соревнованіе будетъ въ семъ случаѣ началомъ обывательскихъ заслугъ и неоспоримымъ доказательствомъ преданности отечеству; насъ же сдѣлаетъ достойными покровительства героя сего столѣтія» [4]).

Приглашая жителей жертвовать на пользу отечества всѣмъ, что кто имѣетъ, временное правительство не исключало изъ этого и личное пожертвованіе каждаго своею особою. Оно призывало молодежь къ поступленію въ ряды войскъ, уже сформированныхъ или формируемыхъ. Газеты разносили повсюду имена и фамиліи лицъ, поступившихъ въ полки, и всѣми силами старались поддержать энтузіазмъ и желаніе поступить въ ряды французскихъ войскъ.

«На равнинѣ, близъ Погулянки,—читали жители на столбцахъ газеты,—ежедневно мы видимъ примѣръ гражданской ревности и добродѣтели. Ежедневно видимъ увеличивающееся число вольноопредѣляющихся въ 18-й пѣхотный полкъ Ходкевича, который безпрерывно занимаетъ ихъ военными ученіями. Еще не прошло пятнадцати дней, какъ началось формированіе этого полка, а уже въ немъ считается болѣе 600 рядовыхъ кромѣ унтеръ-офицеровъ. Многіе обмундировались на свой

---

[1]) См. „Litewski Kuryer“ 2-го сентября 1812 г. № 70.
[2]) Тамъ же, отъ 26-го августа № 67.
[3]) Тамъ же, отъ 2-го сентября № 70, 78, 98.
[4]) „Litewski Kuryer“ 4-го іюля 1812 г. № 49.

счетъ; другіе же пожертвовали все то, что имѣли для приличнаго вооруженія» [1]).

Литовскіе поляки поддавались приглашенію и охотно жертвовали въ пользу отечества. Кто обмундировывалъ и вооружалъ на свой счетъ новобранцевъ; кто жертвовалъ трудами, кто нѣсколькими червонцами [2]), а кто и хлѣбомъ, холстомъ и даже выростковыми кожами. Пожертвованія эти были однако же незначительны въ сравненіи съ тѣми потребностями и расходами, которые ежедневно возрастали. Это заставило нѣкоторыхъ лицъ обратиться отъ себя къ польскому населенію края съ просьбою о помощи. Такъ поступилъ бригадный генералъ и командиръ польской гвардіи, графъ Викентій Красинскій.

«Соотечественники!—писалъ онъ [3]).—Въ 1807 году, по счастливомъ окончаніи войны на берегахъ Нѣмана, его императорское величество, въ доказательство своего довѣрія, и для вознагражденія польскаго юношества, служащаго подъ побѣдоносными знаменами, приказалъ мнѣ сформировать польскій легко-кавалерійскій гродненскій полкъ. Въ то время литовскіе граждане, наравнѣ съ великопольскими, побѣждая неисчислимыя препятствія, дѣлаемыя непріятелемъ, спѣшили раздѣлить лавры съ соотечественниками и стремились подъ знамена великаго императора французовъ. Нынѣ тотъ же—монархъ, возвращающій намъ жизнь и самостоятельность, видя благородное одушевленіе литовскаго юношества, желаетъ увеличить состоящій подъ моимъ начальствомъ полкъ тысячью литовскихъ дворянъ. Льщу себя надеждою, что тѣ, кои по долгу своему обязаны кровью и жизнью жертвовать для блага отечества, будутъ въ состояніи оцѣнить счастье служить въ свитѣ его величества.

«Литовскіе юноши!—Воины, обратившіе на себя вниманіе величайшаго изъ героевъ, постоянною своею храбростью, осыпаны его милостью, покрыты ранами.—Побѣдители при Ріеско, Самосіерѣ, сражавшіеся подъ Эслингомъ и Ваграмомъ, простираютъ къ вамъ братскія длани, желаютъ принять васъ въ ряды свои и раздѣлить съ вами прежніе лавры, не сомнѣваясь въ томъ, что, при первомъ случаѣ, вы будете споспѣшествовать къ пріобрѣтенію новыхъ».

---

[1]) „Литовскій Курьеръ“ 1812 г. № 59.

[2]) Донесеніе графа Іосифа Коссаковскаго. „Литовскій Курьеръ“ 15-го августа № 64; 21-го августа № 66, 6-го сентября № 72; 24-го октября № 86, 89, 90, 95, 96.

[3]) «Литовскій Курьеръ» 21-го августа № 66. Воззваніе это напечатано во второй разъ 25-го ноября № 95, при слѣдующемъ посланіи: „Мы, генералъ-губернаторъ, дивизіонный генералъ графъ де-Гогендорпъ, предписываемъ всѣмъ гражданскимъ властямъ опубликовать это воззваніе въ подвѣдомственныхъ имъ округахъ для свѣдѣнія всѣхъ жителей Литвы. Оно было уже разъ опубликовано, но по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не имѣло желаемаго успѣха.

Желающіе опредѣлиться въ этотъ полкъ должны были явиться къ повѣтовымъ маршаламъ или вице-префектамъ, которые, по внесеніи ихъ въ списокъ, отправляли въ главный городъ департамента, а оттуда офицеры отводили ихъ въ главную квартиру полка, въ Бешеньковичи [1]). Изъ числа такихъ же желающихъ была сформирована такъ-называемая «виленская національная гвардія», въ составѣ которой насчитывали до 1.220 человѣкъ. Августа 16-го (28-го) съ особеннымъ торжествомъ она заняла виленскую гауптвахту и потомъ имѣла назначеніемъ занимать караулы на гауптвахтахъ и въ городскихъ тюрьмахъ [2]).

Каждый день приносилъ новое воззваніе. Восторженные поляки не знали, куда поступать. Сегодня ихъ приглашалъ Красинскій въ легкокавалерійскій полкъ; завтра—графъ Плятеръ звалъ ихъ къ себѣ въ егерскій пѣхотный баталіонъ; военная коммиссія приглашаетъ къ поступленію въ жандармскій корпусъ, а тамъ пишетъ Мустафа Мирза Ахматовичъ къ татарамъ, живущимъ въ Польшѣ, приглашая ихъ поступить въ ряды своего эскадрона—татарской кавалеріи. Онъ старается указать имъ, что татары нѣсколько столѣтій пользуются репутаціею храбрыхъ и вѣрныхъ сыновъ Польши, принявшей ихъ, какъ мать сыновей. Напоминая имъ то время, когда несчастное отечество клонилось къ упадку, подъ натискомъ державъ, рѣшившихся уничтожить Польшу, и когда они не щадили «благородной крови своей», Ахматовичъ надѣется, что теперь, когда возрождается Польша, татары, безъ сомнѣнія, готовы будутъ пожертвовать всѣмъ.

«Спѣшите, достойные, подъ польскія знамена, да докажутъ татарскіе отряды, что вы—потомки Корицкихъ, со временъ Іоанна Собѣскаго, Азюлевичей и многихъ другихъ извѣстныхъ въ исторіи мужей, которыхъ храбрость не разъ приводила въ ужасъ враговъ Польши».

«Братья! идите по слѣдамъ заслуженныхъ предковъ вашихъ, которые около пяти столѣтій въ семъ краѣ проживали!—Почтенные отцы, присылайте сыновей вашихъ для снисканія славы. Благородные юноши, спѣшите на отверстое для васъ поле чести. Ступайте, кто, какъ и въ чемъ можетъ, пѣшкомъ или на посредственныхъ лошадяхъ, за которыя вамъ заплачено будетъ. Мундиръ, вооруженіе и лошадь, у кого не будетъ—здѣсь получите. Для принятія желающихъ въ службу, отправлены офицеры въ Новогрудскій, Минскій, Ошмянскій, Лидскій, Ковенскій и Кальварійскій повѣты. Кто любитъ отечество, пусть туда обратится».

Ахматовичъ просилъ всѣ власти опубликовать циркулярно его воз-

---

[1]) Впослѣдствіи всѣхъ желающихъ поступить въ этотъ полкъ отправляли въ Вильно.

[2]) „Литовскій Курьеръ“ 2-го сентября № 70.

званіе по всѣмъ мечетямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проживали татары, потому что, какъ онъ выразился: «татары газетъ не читаютъ».

Ни одна секта, ни одна народность не была оставлена безъ вниманія. Польскія дамы, и тѣ получили воззваніе временнаго правительства. Поводомъ къ тому послужило требованіе во французскіе госпитали бандажей и корпіи. Правленіе города Вильны опубликовало 29-го сентября (11-го октября) постановленіе, по которому каждый владѣтель одноэтажнаго дома долженъ былъ доставить полфунта корпіи, двухъэтажнаго дома—одинъ фунтъ, трехъэтажнаго дома—полтора фунта. Жильцы же достаточные—по $1^1/_2$ фунта, а бѣдные по полфунта.

Утромъ 9-го (21-го) сентября получено было въ Вильнѣ извѣстіе о занятіи Наполеономъ Москвы.—Вѣсть эта вызвала всеобщій восторгъ.—Въ тотъ же день, въ 11 часовъ утра, пріемная герцога Бассано была переполнена народомъ, пришедшимъ поздравить его съ такимъ событіемъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ отправился, въ сопровожденіи всѣхъ собравшихся, въ церковь, на паперти который былъ встрѣченъ восклицаніями національной гвардіи. Виленскіе жители перечитывали письмо изъ Москвы, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: «вслѣдствіе рѣшительнаго сраженія, происходившаго 7-го числа (26-го августа) [1]), русскіе сдѣлались неспособными къ защитѣ Москвы и оставили эту столицу. Теперь половина четвертаго часа, и побѣдоносное войско вошло уже въ Москву. Въ настоящую минуту вступаетъ туда императоръ Наполеонъ съ своею главною квартирою». Какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, на виленскомъ театрѣ шло въ этотъ день даровое представленіе: «Студентъ въ Крожахъ или патріотизмъ въ Самогитіи», написанное для этого случая профессоромъ университета Словацкимъ.

Это были послѣднія торжества въ Вильнѣ. —Съ этихъ поръ стали получаться самыя ложныя корреспонденціи изъ Москвы, и населеніе понемногу подготовлялось къ извѣстіямъ о неудачахъ Наполеона.

«Очень уменьшились запасы,—писалъ въ «Курьеръ» одинъ корреспондентъ изъ Москвы,—какіе тамъ армія найти надѣялась, однако же собрано много съѣстныхъ припасовъ. Погреба не потерпѣли отъ огня; жители же въ послѣднія сутки много спрятали туда продуктовъ. Солдаты имѣютъ довольно хлѣба, зелени, говядины, вина, водки, сахару и кофе. Найдено также много шубъ. Бо́льшая часть войска квартируетъ въ Москвѣ».

«Русскій губернаторъ Растопчинъ хотѣлъ разорить этотъ огромный и прекрасный городъ—сказано въ «Литовскомъ Курьерѣ» [2]). Увидѣвъ, что русское войско оставляетъ древнюю столицу царей, онъ выпустилъ

---

[1]) Бородинскаго.

[2]) См. „Литовскій Курьеръ“ 26-го сентября № 78.

изъ тюрьмы три тысячи преступниковъ, роздалъ имъ оружіе и сверхъ того вооружилъ шесть тысячъ чернаго народа, выдавъ имъ оружіе изъ арсенала. Когда передовыя войска вступили въ средину города, то ихъ встрѣтили выстрѣлами изъ кремлевской цитадели, и потому король неаполитанскій приказалъ поставить батарею изъ нѣсколькихъ пушекъ, разогналъ эту толпу и завладѣлъ Кремлемъ и арсеналомъ, въ коемъ найдено 60.000 ружей и 120 пушекъ»...

«Войска нашли въ немъ огромные запасы всякаго рода. Императоръ поселился въ Кремлѣ. Въ госпиталяхъ найдено 3.000 раненыхъ и больныхъ русскихъ, оставленныхъ безъ всякаго присмотра и пищи.

„Французская армія очень хорошо размѣщена; каждый солдатъ имѣетъ шубу. Магазины наполнены. Крестьяне возвращаются въ жилища; по средамъ и воскресеньямъ базары наполняются разными товарами и продуктами. Погода стоитъ прекрасная и теплая. Крестьяне говорятъ: видно, Богъ за царемъ Наполеономъ, ибо время такъ хорошо, какого давно не видали. Его величество ежедневно дѣлаетъ смотръ войскамъ въ Кремлѣ, а вечеромъ объѣзжаетъ окрестности Москвы“ [1]).

На самомъ дѣлѣ Наполеонъ нашелъ въ Москвѣ то, чего никакъ не ожидалъ. Вмѣсто столицы, полной всякаго рода запасами, онъ нашелъ пустыя стѣны и горѣвшіе хлѣбные магазины. Войска его, за неимѣніемъ хлѣба въ самой Москвѣ, должны были утолять свой голодъ очень скудною пищею. Началось мародерство по окрестнымъ деревнямъ. Солдаты оставляли ряды, помирали отъ голоду, гибли подъ ударами крестьянъ и партизановъ, или попадались въ плѣнъ. Армія съ каждымъ днемъ уменьшалась. Видя необходимость отступать, Наполеонъ нуждался въ новыхъ силахъ, въ новыхъ подкрѣпленіяхъ. Ему необходимо было на пути отступленія присоединить къ своей растерзанной арміи свѣжія войска. Кромѣ поляковъ, ихъ взять было неоткуда. Литовскій генералъ-губернаторъ Гогендорпъ, получивъ приказаніе формировать новые полки, обратился къ полякамъ съ воззваніемъ.

„Непріятель разбитъ уже въ генеральномъ сраженіи при Можайскѣ,— говорилось въ одномъ изъ нихъ [2]).—Столица его взята; цѣпи польскаго народа расторгнуты. Вы, мужественные нѣкогда литовцы, неужели хотите оставаться только равнодушными свидѣтелями столь чудесныхъ происшествій! Многіе изъ васъ помѣщены въ ново-сформированныхъ пяти полкахъ пѣхоты и четырехъ кавалеріи, но многіе, по полному уже комплекту тѣхъ полковъ, лишены возможности содѣйствовать возрожденію вашего отечества. Для отвращенія сего затрудненія и открытія вамъ

---

[1]) «Литовскій Курьеръ» 21-го октября № 85.

[2]) Воззваніе къ гражданамъ великаго княжества Литовскаго. См. „Литовскій Курьеръ“ № 77.

способовъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ вашего отечества, литовскій генералъ-губернаторъ графъ Гогендорпъ, вмѣстѣ съ правительственною коммиссіею, приказали сформировать конно-егерскій полкъ изъ вольноопредѣляющихся, подъ командою полковника Монюшки и маіора Абрамовича, которые получили таковые чины въ награду за сдѣланныя ими значительныя пожертвованія по сформированію сего полка.

«Мужественные юноши!—спѣшите въ этотъ полкъ, формирующійся въ Вильнѣ. Пусть каждый изъ васъ подпишется по мѣрѣ возможности на обмундированіе и покупку лошадей или по крайней мѣрѣ явится самъ обмундированный и съ лошадью. Штатъ и содержаніе сего полка обезпечены. Спѣшите, дабы по мѣрѣ готовности вашей и скораго сформированія кавалерійскаго полка, величайшій изъ монарховъ могъ судить о ревности вашей къ отечеству».

Частныя письма и извѣстія не скрывали истиннаго положенія дѣлъ, и въ жизни населенія произошелъ крутой поворотъ.—Литовскіе юноши не спѣшили уже болѣе приносить себя въ жертву, что и заставило правительственную коммиссію отъ времени до времени вновь печатать это самое воззваніе въ газетахъ[1]), но на него никто уже не обращалъ вниманія.

Наступила осень, и черезъ Вильну стали проходить жалкіе остатки «великой арміи», пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ изумлявшіе жителей своею многочисленностью и блестящимъ видомъ. Теперь шли они въ безпорядкѣ, безъ оружія, въ изорванной одеждѣ и прикрытые чѣмъ попало.—Они шли по той же дорогѣ, на которой не задолго передъ тѣмъ были встрѣчаемы радостными восклицаніями, а теперь провожаемые проклятіями за грабежи, мародерство и разбои.—Скоро жители Вильны узнали, что герцогъ Бассано, генералъ Гогендорпъ и баронъ Биньонъ уѣхали изъ города, а съ ними скрылись и члены временнаго правленія: президентъ, подпрефектъ, интендантъ и комендантъ.—Офицеры и ратники новосформированныхъ польскихъ полковъ разошлись по домамъ и уничтожили свои мундиры, чтобы не осталось слѣдовъ того, что они служили Наполеону.—Въ опустѣвшую Вильну прибылъ генералъ-фельдмаршалъ князь Кутузовъ-Смоленскій, а за нимъ и императоръ Александръ. Съ обнаженною сѣдою головой, имѣя въ рукахъ два французскихъ орла, побѣдитель Наполеона ожидалъ императора на крыльцѣ виленскаго дворца. Едва государь вышелъ изъ экипажа, какъ фельдмаршалъ повергъ орловъ къ стопамъ его. Къ тѣмъ же стопамъ пришлось повергнуться и полякамъ, прося помилованія...

Н. Дубровинъ.

---

[1]) Это воззваніе напечатано во второй разъ 3-го октября въ № 80 и третій разъ 7-го октября въ № 81.

Послѣдствія ухаживанія на Невскомъ проспектѣ.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Правительствующему Сенату.

2-го ноября 1829 г.

Г. управляющій Главнымъ штабомъ его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что высочайшею его императорскаго величества конфирмаціею, послѣдовавшею въ 25-й день минувшаго октября на всеподданнѣйшій докладъ Аудиторіатскаго департамента по военно-судному дѣлу о служившемъ въ канцеляріи 2-го департамента Прав. Сената коллежскомъ секретарѣ Поспѣловѣ, повелѣно: его, Поспѣлова, за нанесеніе на Невскомъ проспектѣ женѣ чиновника 13-го класса Ольгѣ Кондратьевой, беременной, по лицу двухъ ударовъ съ окровавленіемъ за то, что она опровергнула предложеніе его, Поспѣлова, проводить ее, лишивъ чиновъ, написать въ рядовые до выслуги.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Прав. Сенату, присовокупляя къ тому, что о приведеніи онаго въ исполненіе, какъ видно изъ отношенія г. генералъ-адъютанта графа Чернышева, писано г. с.-петербургскому военному генералъ-губернатору.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

Разрытіе могилы князя А. Д. Меншикова, спустя сто лѣтъ послѣ его кончины [1]).

Въ мартѣ 1827 года было получено въ Петербургѣ свѣдѣніе, что въ Березовѣ, по приказанію тобольскаго гражданскаго губернатора Дмитрія Николаевича Бантышъ-Каменскаго, была разрыта могила свѣтлѣйшаго князя Александра Даниловича Меншикова. Императоръ Николай I тотчасъ же повелѣлъ узнать, «по чьему повелѣнію и по какому поводу было вырыто изъ земли тѣло погребеннаго въ городѣ Березовѣ фельдмаршала князя Меншикова».

«Будучи усерднымъ почитателемъ сего знаменитаго полководца,—отвѣчалъ Бантышъ-Каменскій [2]),—пользовавшагося любовію Петра Великаго, и описавъ его дѣянія въ 1812 году, я поручилъ березовскому городничему г. Андрееву, отыскать мѣсто, гдѣ покоится прахъ Меншикова, чтобы поставить надъ нимъ простой памятникъ. Городничій исполнилъ возложенное мною на него порученіе и близъ сгорѣвшей церкви, самимъ Меншиковымъ построенной, нашелъ 30-го іюля 1825 года, въ землѣ гробъ, длиною въ сажень, совершенно сохранившійся; по снятіи же крыши оказалось, что тѣло усопшаго было въ томъ видѣ, въ какомъ положено, безъ малѣйшаго поврежденія. Гробъ Меншикова тогда же закрытъ и засыпанъ прежнею землею. Городничій не приказывалъ поднимать его на поверхность, и я то же сдѣлалъ въ проѣздъ мой къ Обдорску, чрезъ Березовъ, 6-го генваря, желая удостовѣриться, дѣйствительно ли найденное г. Андреевымъ тѣло было князя Меншикова.

---

[1]) Князь А. Д. Меншиковъ род. 6-го ноября 1673 г.; скончался 22-го октября 1729 года. Матеріалы для настоящей статьи доставлены редакціи Г. К. Рѣпинскимъ, которому и приносимъ искреннюю благодарность.

[2]) Управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ отъ 10-го апрѣля 1827 г. № 1070.

При первомъ взглядѣ я узналъ его по фамильному портрету, бывшему у меня, и съ котораго снятый рисунокъ помѣщенъ въ изданныхъ мною біографіяхъ любимцевъ Петра Великаго. Сіе происходило безъ всякаго стеченія народа и не произвело никакого впечатлѣнія на жителей Березова. Та же насыпь покрыла въ тотъ же день, т. е. 6-го генваря, мѣсто, гдѣ покоятся остатки одного изъ ревностнѣйшихъ слугъ Петра Великаго, того любимца фортуны, который имѣлъ счастіе, для славы Россіи, спасти жизнь монарха, благодѣтеля своего; побѣждалъ вмѣстѣ съ нимъ враговъ отечества и въ несчастіи побѣдилъ самого себя, умѣвъ сносить оное съ христіанскимъ терпѣніемъ. Вотъ, ваше высокопревосходительство, причины, побудившія меня отыскать мѣсто погребенія знаменитаго сего изгнанника! Никто, кромѣ меня одного, не виновенъ въ семъ дѣлѣ, и если я учинилъ какой-либо проступокъ, безъ умысла происшедшій, если обратилъ на себя посредствомъ онаго неблаговоленіе всемилостивѣйшаго государя, осмѣливаюсь повергнуть себя съ повинною къ священнымъ стопамъ его императорскаго величества».

Объясненіе это было признано не вполнѣ точнымъ, и управляющій собственною его величества канцеляріею, Николай Назарьевичъ Муравьевъ, писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ В. Ланскому, что государь императоръ, разсмотрѣвъ донесеніе тобольскаго гражданскаго губернатора, «изволилъ найти, что въ семъ донесеніи нѣтъ чистосердечія, ибо Бантышъ-Каменскій умалчиваетъ, что снялъ шейный крестъ съ тѣла и прислалъ сюда къ генералу-адъютанту князю Меншикову [1]), и сверхъ того дошло до свѣдѣнія его величества, что съ тѣла вырѣзаны бровь и глазъ. Посему государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ, дабы всѣ обстоятельства сего происшествія были непремѣнно дознаны и о томъ доложено его величеству».

В. Ланской обратился тогда къ товарищу министра юстиціи и просилъ его сдѣлать распоряженіе о собраніи на мѣстѣ «подробнѣйшихъ свѣдѣній о всѣхъ обстоятельствахъ, къ означенному происшествію прикосновенныхъ» [2]).

Въ то время въ Сибири находились сенаторы князь Борисъ Алексѣевичъ Куракинъ и Василій Кирилловичъ Безродный, командированные для обревизованія Западной Сибири. Имъ и было поручено собрать всѣ необходимыя свѣдѣнія. Съ своей стороны В. Ланской просилъ Бантышъ-Каменскаго, чтобы онъ чистосердечно и подробно описалъ, какъ происходило дѣло.

«Прежде, нежели приступлю я къ подробнѣйшему описанію сего со-

---

[1]) Князю Александру Сергѣевичу.

[2]) Отношеніе управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ товарищу министра юстиціи 8-го мая 1827 г. № 412.

бытія,—писалъ онъ [1]),—священнымъ долгомъ поставляю оправдать себя передъ его императорскимъ величествомъ. Недоброжелатели мои совсѣмъ въ другомъ видѣ преставили сіе происшествіе; ибо кто, кромѣ ихъ, осмѣлился бы клеветать на меня всемилостивѣйшему государю. Я уже объяснилъ въ первомъ донесеніи моемъ вашему высокопревосходительству отъ 10-го апрѣля № 1070, что не вырывалъ изъ земли тѣла бывшаго князя Меншикова; но, отвѣтствуя на два пункта вашего, милостивый государь, предписанія: по чьему повелѣнію и по какому поводу было вырыто сіе тѣло?—не могъ я воображать, чтобъ требовалось отъ меня его императорскимъ величествомъ подробнѣйшее описаніе всего найденнаго мною при открытіи гроба бывшаго князя Меншикова, да и не полагалъ оставлять сіе происшествіе въ безгласности, чему служитъ доказательствомъ письмо мое къ князю Александру Сергѣевичу, отправленное вскорѣ по возвращеніи моемъ изъ Березова. Еслибъ извѣстна мнѣ была священная воля его императорскаго величества, я, безъ малѣйшаго отступленія, исполнилъ бы оную въ первомъ донесеніи моемъ вашему высокопревосходительству. Я могу неумышленнымъ образомъ учинить проступокъ, но не въ состояніи утаить что-либо отъ государя императора, что законъ, совѣсть и правила, во мнѣ съ младенчества вкоренныя, воспрещаютъ. Покойный родитель мой болѣе пятидесяти лѣтъ безпорочно служилъ вѣрою и правдою тремъ монархамъ и меня примѣромъ своимъ научилъ предпочитать всему вѣрную и безпорочную службу. Сообщивъ князю Александру Сергѣевичу подробное описаніе всего найденнаго мною въ могилѣ знаменитаго его предка, препроводилъ снятый нашейный крестъ съ него, часть вѣнчика, оставшуюся отъ истлѣнія, и лоскутики отъ шелковой матеріи, покрывавшей покойнаго, также отъ сукна, коимъ былъ обитъ гробъ его, бантикъ изъ ленточки, найденный на груди, частицу позумента и самаго гроба. Я сдѣлалъ сіе не по секрету, а напротивъ, совѣтовалъ его сіятельству исходатайствовать позволеніе, чтобъ остатки любимца Петра Великаго были перенесены въ другое мѣсто и тѣмъ сохранены отъ угрожающаго имъ поглощенія рѣкою Сосвою, которая ежегодно подмываетъ берегъ, гдѣ покоятся сіи остатки.

« Приступаю къ самому дѣлу:

«Могила бывшаго князя Меншикова отыскана, по моему приказанію, березовскимъ городничимъ г. Андреевымъ 30-го іюля 1825 года, подлѣ бывшаго алтаря деревянной церкви, самимъ знаменитымъ симъ изгнанникомъ построенной и впослѣдствіи сгорѣвшей, на косогорѣ, въ десяти саженяхъ отъ берега рѣки Сосвы. Найденный гробъ длиною въ

---

[1]) Донесеніе Бантышъ-Каменскаго управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ 3-го іюня 1827 г. № 1765.

сажень находился въ землѣ глубиною на три аршина съ половиною, обитъ снаружи берестомъ, подъ коимъ покрытъ краснымъ сукномъ съ нашивнымъ крестомъ изъ серебрянаго позумента. При снятіи въ то время крыши, тѣло усопшаго оказалось покрытымъ на вершокъ льдомъ, подъ которымъ видны были: шелковое покрывало и на головѣ стеганая шелковая шапочка, а сверхъ оной вѣнчикъ; прочихъ вещей нельзя было различить. Городничій, засыпавъ прежнею землею гробъ бывшаго князя Меншикова, донесъ мнѣ о исполненіи даннаго ему порученія, препроводивъ лоскутки: сукна, шелковой матеріи и позумента, тогда жъ мною отправленные въ Москву къ г. Неелову, женатому на княжнѣ Меншиковой; а въ августѣ мѣсяцѣ того же 1825 года сдѣлалъ на могилѣ въ полтора аршина возвышеніе изъ дерна и обнесъ сіе мѣсто деревянною рѣшеткою.

«6-го генваря сего 1827 года на возвратномъ пути моемъ изъ Обдорска (куда я ѣздилъ для уничтоженія возникшаго неудовольствія со стороны остяковъ и самоѣдовъ противъ правительства по случаю требуемыхъ повинностей съ первыхъ и распространившагося между послѣдними слуха о крещеніи ихъ, о чемъ донесено мною г. генералъ-губернатору и сибирскому комитету), я пожелалъ лично удостовѣриться: найденное въ Березовѣ тѣло дѣйствительно ли извѣстнаго князя Меншикова или другое чье, и въ тотъ же день приказалъ снять землю [1]), не вынимая гроба на поверхность оной. При семъ находились: 1) протоіерей березовскій Вергуновъ. 2) Городній г. Андреевъ, женатый на дочери сего протоіерея. 3) Жена городничаго. 4) Статскій совѣтникъ и инспекторъ врачебной управы г. Альбертъ. 5) Начальникъ 2-го отдѣленія моей канцеляріи г. Никольшинъ. 6) Окружный березовскій судья г. Скорняковъ. 7) Соляный приставъ г. Катинъ и 8) купецъ березовскій г. Струнинъ. Кромѣ ихъ и работниковъ, употребленныхъ на снятіе земли, не могу припомнить, чтобъ тутъ еще кто находился. По раскрытіи гроба, я узналъ въ усопшемъ знаменитаго полководца временъ Петра Великаго, по фамильному портрету, прежде бывшему у меня. При семъ г. городничій Андреевъ объявилъ мнѣ, что тѣло бывшаго князя Меншикова перемѣнилось противъ прежняго, почернѣло; сукно, позументъ, шелковое покрывало подверглись тлѣнію. По моей просьбѣ г. Альбертъ спустился въ могилу, и я поручилъ ему снять найденный нашейный крестъ съ усопшаго, бантикъ изъ ленточки, находившійся на груди его; желалъ имѣть и нѣсколько волосъ для отправленія ихъ къ князю Александру Сергѣевичу; но какъ волосъ съ го-

[1]) По моему приказанію городничій березовскій во время поѣздки моей въ Обдорскъ велѣлъ снять насыпную землю съ могилы, для скорѣйшаго, по возвращеніи моемъ въ Березовъ, открытія гроба.

ловы усопшаго нельзя было достать по той причинѣ, что она была обвернута бѣлымъ платкомъ, который примерзъ къ ней, то г. Альбертъ снялъ частицу ихъ съ брови и положилъ оную въ маленькую скляночку со спиртомъ. Она хранится у г. Альберта по причинѣ, что жидкость сію нельзя было отправить по почтѣ, а я намѣревался впослѣдствіи лично вручить сію скляночку князю Александру Сергѣевичу. Глазъ же никогда не былъ вынутъ, и въ мысль о семъ никому не приходило! Ссылаюсь на бывшихъ тутъ свидѣтелей вышеименованныхъ. Тогда жъ, по отдѣленіи топоромъ замерзшей земли, около усопшаго ногъ находившейся, руками снятъ работникомъ, тутъ бывшимъ и имя котораго я не спрашивалъ, одинъ башмакъ съ ноги Меншикова. Башмакъ сей я также намѣревался отправить къ князю Александру Сергѣевичу; но отъ сырости и чрезвычайной мокроты, оный развалился и истлѣлъ. Лоскутки сукна, покрывала, истлѣвшаго позумента, мною, какъ выше упомянуто, отправлены къ князю въ Санктпетербургъ вмѣстѣ съ крестикомъ. Усопшій, по сдѣланному измѣренію, оказался двухъ аршинъ 12-ти вершковъ. Гробница въ тотъ же часъ и въ моемъ присутствіи засыпана землею. Тогда же отправлена была литія протоіереемъ Вергуновымъ, соотвѣтственно моей просьбѣ.

«Изложивъ вашему высокопревосходительству со всевозможною подробностію и безъ малѣйшаго отступленія отъ истины все то, что происходило въ Березовѣ при открытіи гроба бывшаго князя Меншикова,— я всепокорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, довести до высочайшаго свѣдѣнія: что мысль всемилостивѣйшаго государя о нечистосердечномъ моемъ объясненіи для меня убійственнѣе всякаго наказанія; ибо, по моему мнѣнію, кто дерзаетъ скрывать что-либо отъ помазанника Божія, тотъ недостоинъ именоваться сыномъ отечества, вѣрноподданнымъ. Я могу, какъ человѣкъ, неумышленно сдѣлать проступокъ, но съ цѣлію — никогда и въ вѣрноподданствѣ, въ преданности моей къ государю не уступлю ни одному изъ моихъ соотечественниковъ».

Черезъ пять дней Бантышъ-Каменскій писалъ В. Ланскому [1]):

«Мысль государя императора, что объясненіе мое не чистосердечно, безпрестанно тревожитъ меня, и потому я, и послѣ отправленія 3-го іюня, за № 1765 донесенія моего къ вашему высокопревосходительству, написаннаго въ двадцать четыре часа, неоднократно съ особеннымъ вниманіемъ прочитывалъ черновой отпускъ, въ которомъ нашелъ, что при всемъ стараніи моемъ описать малѣйшія подробности бытности моей въ Березовѣ 6-го генваря, двѣ статьи означеннаго донесенія мо-

[1]) Донесеніе Бантышъ-Каменскаго В. Ланскому отъ 8-го іюня 1827 года № 1825.

гутъ показаться несовершенно ясными. Сіе самое заставило меня пополнить ихъ нижеслѣдующимъ:

1) Хотя я и объяснилъ вашему высокопревосходительству: что инспекторъ врачебной управы г. Альбертъ, по моей просьбѣ, спустился въ могилу и соотвѣтственно данному мною ему порученію снялъ съ усопшаго нашейный крестъ и бантикъ изъ ленточки; но далѣе, при описаніи снятой г. же Альбертомъ частицы волосъ съ брови бывшаго князя Меншикова, какъ не повторено мною, что сіе сдѣлано имъ по моей просьбѣ, то симъ и пополняю сію статью.

2) Статья о положеніи въ скляночку со спиртомъ волосъ можетъ возродить вопросъ: почему сіе сдѣлано? Я обратился для сего къ г. Альберту и полученное мною отъ него объясненіе честь имѣю представить при семъ въ подлинникѣ вашему высокопревосходительству [1]).

Кромѣ сихъ двухъ статей, требовавшихъ, по моему мнѣнію, поясненій, по внимательномъ соображеніи, я ничѣмъ не имѣю болѣе пополнить донесеніе мое къ вашему высокопревосходительству отъ 3-го іюня».

Съ своей стороны сенаторъ кн. Куракинъ и В. Безродный донесли министру юстиціи князю Д. И. Лобанову-Ростовскому, что губернаторъ «въ своихъ донесеніяхъ ничего не скрылъ изъ происходившаго при двухратномъ вскрытіи гроба кн. Меншикова; но всѣ подробности помѣщены точно какъ, какъ сіе дѣйствительно было» [2]).

---

[1]) Инспекторъ врачебной управы Альбертъ 7-го іюня писалъ Бантышъ-Каменскому:

„Генваря 6-го сего года спустился я, по просьбѣ вашего превосходительства, въ глубокую могилу. Въ то же время вы изволили меня просить достать частицу волосъ съ головы праха; но по невозможности исполнить сіе, не трогая тѣло, ваше превосходительство просили меня снять хоть частицу волосъ съ брови, что̀ я исполнилъ по возможности маленькими ножницами, которыя я всегда ношу съ собою. Волосы не можно было иначе срѣзать, какъ смѣшанные съ приставшею къ нимъ мерзлою землею. Опасаясь положить ихъ въ бумажку, чтобъ они не растерялись въ дальней дорогѣ, опустилъ я ихъ въ скляночку, наполненную спиртомъ, во-первыхъ: чтобъ они отъ земли отдѣлились, и во-вторыхъ, чтобъ сохранить въ цѣлости скляночку; ибо при самомъ сильномъ морозѣ спиртъ не замерзаетъ.

„Въ продолженіе времени земля и волосы распустились въ семъ спиртѣ и лежатъ на днѣ склянки, въ которой все сіе сохраняется запечатанное съ 6-го генваря моею печатью“.

[2]) Письмо кн. Куракина и В. Безроднаго кн. Лобанову-Ростовскому отъ 2-го іюля 1827 года № 256.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и Николай Алексѣевичъ Некрасовъ.

И. С. Тургеневъ познакомился съ Н. А. Некрасовымъ лѣтомъ 1843 года у Бѣлинскаго, въ то именно время, когда—по выраженію Ивана Сергѣевича—критикъ «лелѣялъ и всюду рекомендовалъ и выводилъ въ люди» [1]) будущаго издателя «Современника». Горячее отношеніе Бѣлинскаго къ Николаю Алексѣевичу было достаточнымъ основаніемъ для Тургенева, чтобы скоро сблизиться съ Некрасовымъ.

Эти отношенія смѣнились вполнѣ дружескими, когда Некрасовъ сталъ во главѣ журнала, долженствовавшаго, по мнѣнію Ивана Сергѣевича, быть первымъ органомъ русской періодической печати. Восьмого ноября [2]) 1846 г. Тургеневъ писалъ П. Віардо: «Скажу вамъ еще, что намъ (кружку Бѣлинскаго) удалось организовать свой собственный журналъ, который начнетъ выходить съ новаго года и, повидимому, при благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Я участвую въ немъ только въ качествѣ сотрудника» [3]). Иванъ Сергѣевичъ выразился однако здѣсь съ обычной своей скромностью. Знакомые съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла высказывались гораздо рѣшительнѣе о роли автора «Записокъ охотника» въ новомъ предпріятіи. «Многіе изъ его (Тургенева) товарищей», разсказывалъ впослѣдствіи Анненковъ: «видѣвшіе возникновеніе «Современника» 1847 г., должны еще помнить, какъ хлопоталъ Тургеневъ объ основаніи этого органа, сколько потратилъ онъ труда, помощи совѣтомъ и дѣломъ на его распространеніе и укрѣпленіе. Первые номера «Современника» содержатъ, кромѣ начала «Записокъ охот-

[1]) Собр. сочин., т. XII, 49. (Всѣ ссылки на изд. „Нивы“ 1898 г.).
[2]) Хронологическія данныя по старому стилю.
[3]) Письма къ П. Віардо, изд. 1900 г., стр. 9.

ника», еще нѣсколько историческихъ и критическихъ замѣтокъ Тургенева, не попавшихъ въ полное собраніе его «Сочиненій» [1]). Своихъ горячихъ заботъ о журналѣ Иванъ Сергѣевичъ не оставлялъ и въ послѣдующіе годы до самаго выхода своего изъ «Современника». Такъ онъ писалъ, напримѣръ, въ 1856 г. изъ Франціи соиздателю Николая Алексѣевича—И. И. Панаеву: «Обѣщаю тебѣ, что употреблю всѣ усилія, чтобы поддержать «Современникъ» и собственными трудами и сообщеніемъ разныхъ новостей, извѣстій, названій книгъ для переводовъ и т. д.».

«Напиши Григоровичу, что я ему кланяюсь и жму руку и также прошу сдѣлать что-нибудь къ XI нумеру», писалъ Иванъ Сергѣевичъ тому же пріятелю въ другой разъ.

«Благодарю тебя за твое хорошее мнѣніе о моей дѣятельности и любви къ «Современнику», читаемъ въ третьемъ письмѣ: «могу тебя увѣрить, что я—какъ говорится—при добрыхъ пристяжныхъ постромки не опущу ни на минуту, только вы со своей стороны тяните дружно» [2]).

Тѣ же слѣды безпрерывныхъ заботъ о журналѣ встрѣчаемъ въ каждомъ письмѣ Тургенева къ Некрасову. «Гончаровъ прочелъ намъ съ Боткинымъ своего оконченнаго «Обломова»,—есть длинноты, но вещь капитальная, и весьма было бы хорошо, если бы можно было пріобрѣсти ее для «Современника»..... Не упускай его изъ виду, а я ужъ запустилъ нѣсколько словъ, все дѣло будетъ въ деньгахъ», писалъ Иванъ Сергѣевичъ главному издателю журнала 9-го сент. 1857 г. «Жду высылки «Современника» сюда, если только это возможно. Хотѣлось бы видѣть «очима своима», будутъ ли въ немъ приведены въ исполненіе тѣ усовершенствованія, о которыхъ мы толковали», читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ отъ 22-го ноября [3]) и т. д. Значительное большинство своихъ произведеній въ 50-хъ годахъ Тургеневъ напечаталъ въ «Современникѣ» и между ними такія капитальныя вещи, какъ «Записки охотника», «Муму», «Постоялый дворъ», «Рудинъ», «Фаустъ», «Дворянское гнѣздо», «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ». Въ 1856 году редакція журнала даже сдѣлала извѣщеніе, что съ 1857 г. четыре первоклассныхъ литератора (Тургеневъ, Григоровичъ, Л. Толстой и Островскій), во избѣжаніе неудобствъ конкуренціи, согласились печатать свои произведенія исключительно въ журналѣ «Современникъ» [4]). Недаромъ въ іюлѣ 1862 г., т. е. уже послѣ своей размолвки съ Некрасовымъ, Иванъ Сергѣевичъ писалъ Анненкову по поводу временной пріостановки жур-

---

[1]) Воспом. и критическ. очерки. III, 193.
[2]) Собраніе сочин. И. И. Панаева, VI, 402, 403, 404.
[3]) „Русск. Мысль“, 1902 г., кн. I, стр. 122, 123.
[4]) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г. мартъ, стр. 7.

нала: «Мое старое литературное сердце дрогнуло, когда я прочелъ о прекращеніи «Современника». Вспомнилось его основаніе, Бѣлинскій и многое» [1]).

Къ числу фактовъ, сильно привлекавшихъ къ Некрасову всегда чуткаго и отзывчиваго Тургенева, надо отнести и разсказы Николая Алексѣевича о матеріальныхъ невзгодахъ своей студенческой жизни, неизмѣнно начинавшіеся словами: «Ровно три года я чувствовалъ себя постоянно, каждый день голоднымъ». Разсказы эти вообще сослужили великую службу Некрасову, какъ при жизни его, такъ и послѣ смерти. Упрекнутъ ли его въ черствости, нравственной нечистоплотности, — сейчасъ на выручку: «Ровно три года я чувствовалъ себя голоднымъ». Являлась ли необходимость тяжелыя послѣдствія ненормальной жизни издателя «Современника» объяснить болѣе возвышенными причинами— поможетъ все тотъ же спасительный разсказъ о голодовкѣ, и т. д. Разсказъ этотъ въ біографіяхъ Некрасова составляетъ чуть ли не центральный пунктъ всѣхъ восхваленій по адресу Николая Алексѣевича. И всѣ біографы, приводя его, тутъ же сообщаютъ, что пресловутое голоданье Некрасова началось въ 1839 году и кончилось въ 1840 г., при чемъ, по ихъ же словамъ, въ 1839 году у него передъ началомъ голодовки было въ карманѣ 150 р., т. е. рублей 300 по теперешнимъ условіямъ жизни, да если прибавить къ этому «грошовые уроки» и «черный трудъ журналиста», то выйдетъ матеріальное положеніе, которому позавидовала бы значительная часть нынѣшняго студенчества [2]). Неудивительно поэтому, что въ 1840 году Некрасовъ могъ издать насобственный счетъ книжку своихъ стихотвореній.

Крайнее преувеличеніе своихъ матеріальныхъ невзгодъ, далеко не достигавшихъ такихъ размѣровъ, какъ, напримѣръ, бѣдствія Бѣлинскаго, было замѣчено Тургеневымъ и было одной изъ причинъ охлажденія его къ Николаю Алексѣевичу. Недаромъ въ своихъ воспоминаніяхъ о великомъ критикѣ, Иванъ Сергѣевичъ помѣстилъ слѣдующія строки: «Онъ (Бѣлинскій) вообще неохотно распространялся о самомъ себѣ, о своемъ прошедшемъ и т. п. Мнѣ много разъ случалось наводить его на этотъ разговоръ, но онъ всегда отклонялъ его, онъ словно стыдился, словно не понималъ, что за охота толковать о личныхъ дрязгахъ, когда существуетъ столько предметовъ для бесѣды, болѣе важныхъ и полезныхъ. Если же онъ касался своего прошедшаго, то почти всегда съ юмористической точки зрѣнія: такъ, напр., онъ разсказалъ мнѣ, какъ,

---

[1]) „Вѣстн. Евр.“, 1887 г., январь, стр. 8.

[2]) См., напр., Скабичевскаго „Истор. нов. русск. литер.“, изд. 1897 г., стр. 426—428; Венгерова, — статья въ энциклопедич. словар. Брокгауза и Ефрона, полутомъ 40, стр. 858. Энгельгардта — „Истор. русск. литер.“, изд. 1902 г., стр. 593.

будучи удаленъ изъ университета и не имѣя буквально чѣмъ жить, онъ взялся перевести романъ Поль-де-Кока за 25 руб. ассиг., и какихъ онъ надѣлалъ промаховъ. Бѣдность онъ, очевидно, испыталъ страшную, но никогда впослѣдствіи не услаждался ея расписываньемъ и размазываньемъ въ кругу друзей, какъ то дѣлаютъ весьма часто люди, прошедшіе эту тяжелую школу» [1]). Пріятеля же своего, Полонскаго, Тургеневъ впослѣдствіи не разъ предупреждалъ не довѣряться «элегическому плачу» Некрасова и «держать камень за пазухой» [2]). Но такого рода недостатки Иванъ Сергѣевичъ легко прощалъ Николаю Алексѣевичу.

Точно также безъ серьезныхъ послѣдствій для ихъ дружескаго общенія осталось и разочарованіе Бѣлинскаго въ Некрасовѣ, явившееся на почвѣ заботъ по изданію «Современника». «Исторія основанія этого журнала представляетъ много поучительнаго»,—писалъ позднѣе Тургеневъ: «довольно сказать, что Бѣлинскій былъ постепенно и очень искусно устраненъ отъ журнала, который былъ созданъ собственно для него, его именемъ пріобрѣлъ сотрудниковъ и пополнялся въ теченіе цѣлаго года капитальными статьями, пріобрѣтенными Бѣлинскимъ для большого затѣяннаго имъ альманаха. Бѣлинскій для «Современника» разорвалъ связь съ «Отечественными Записками», а оказалось, что въ новомъ журналѣ онъ, вмѣсто хозяйскаго мѣста, на которое имѣлъ полное право, занялъ то же мѣсто посторонняго сотрудника, наемщика, какое было за нимъ и въ старомъ» [3]).

Исторіи эта началась на глазахъ Тургенева и закончилась во время его отсутствія за границею. Бѣлинскій писалъ о ней Ивану Сергѣевичу 19-го февраля 1847 г. между прочимъ слѣдующее: «При объясненіи со мною онъ (Некрасовъ) былъ нехорошъ: кашлялъ, заикался, говорилъ, что на то, что я желаю, онъ, кажется, для моей же пользы согласиться никакъ не можетъ, по причинамъ, которыя сейчасъ же объяснитъ, и по причинамъ, которыхъ не можетъ мнѣ сказать. Я отвѣчалъ, что не хочу знать никакихъ причинъ,—и сказалъ мои условія. Онъ повеселѣлъ и теперь при свиданіи протягиваетъ мнѣ обѣ руки,—видно, что доволенъ мною вполнѣ! По тону моего письма вы можете ясно видѣть, что я не въ бѣшенствѣ и не въ преувеличеніи. Я любилъ его, такъ любилъ, что мнѣ и теперь иногда то жалко его, то досадно на него—за него, а не за себя. Мнѣ трудно переболѣть внутреннимъ разрывомъ съ человѣкомъ, а потомъ ничего. Природа мало дала мнѣ способности ненавидѣть за лично нанесенныя мнѣ несправедливости, я скорѣе способенъ возненавидѣть человѣка за разность убѣжденій или за недостатки и пороки

---

[1]) Сочинен., XII, 51.
[2]) Первое собр. писемъ, 216.
[3]) Сочин., XII, 47.

вовсе для меня лично безвредные. Я и теперь высоко цѣню Некрасова; и тѣмъ не менѣе онъ въ моихъ глазахъ человѣкъ, у котораго будетъ капиталъ, который будетъ богатъ—а я знаю, какъ это дѣлается. Вотъ ужъ началъ съ меня. Но довольно объ этомъ» [1]).

Гораздо сильнѣе повліяли на Тургенева сужденія о Некрасовѣ А. И. Герцена. Послѣдній имѣлъ серьезныя основанія быть очень дурного мнѣнія объ издателѣ «Современника», впутавшемся въ денежныя тяжбы Н. П. Огарева. Дѣло заключалось въ томъ, что Огаревъ, разойдясь со своей женой, женщиной весьма сомнительной нравственности, «предоставилъ ей часть доходовъ съ единственнаго оставшагося у него еще имѣнія въ 500 душъ (въ Пензенской губерніи) и обѣщалъ даже, на первыхъ порахъ, составить ей капиталъ по продажѣ имѣнія. Когда, около 1848 года, конечное разореніе Огарева и запутанность всѣхъ его дѣлъ остановили правильную выдачу пенсіона, котораго никогда не было и достаточно для ненасытныхъ аппетитовъ почтенной дамы, то она впала въ нищету посреди такъ знакомаго и такъ любимаго ею Парижа. Тогда одна пріятельница ея и почти ея двойникъ по вкусамъ и характеру внушила ей мысль, что она имѣетъ право на имѣніе Огарева, и заставила ее формальнымъ актомъ передать себѣ всѣ эти права, а сама снабдила бѣднаго еще поэта Некрасова довѣренностью на веденіе всего дѣла, и онъ горячо принялся за него, обольщенный мыслью сдѣлаться довольно крупнымъ землевладѣльцемъ или, по крайней мѣрѣ, порядочнымъ капиталистомъ по милости одной только счастливой аферы. Приманка была слишкомъ сильна, и, благодаря ей, Некрасовъ очутился въ распрѣ и въ неблаговидномъ столкновеніи съ друзьями Огарева, возмущенными всею этой затѣей. Когда, въ 1849 г., при содѣйствіи Грановскаго, Н. А. Тучкова и другихъ, предпринята была ликвидація дѣлъ Огарева и уплата его долговъ, спорное мнѣніе отошло къ Н. М. Сатину, взявшему на себя и уплату всѣхъ обязательствъ, на немъ лежавшихъ. Некрасовъ выказалъ много печальной изворотливости, настойчивости и изобрѣтательности, чтобы добиться своей цѣли—дарового захвата имѣнія, и разъ сказалъ въ глаза Грановскому: «Вы пріобрѣли такую репутацію честности, что можете безвредно для себя сдѣлать три, четыре подлости». Не смотря однакожъ на все развитіе адвокатскаго таланта у Некрасова, дѣло не имѣло за себя не только легальнаго основанія, но и приличнаго повода, а потому и сорвалось, окончательно замаравъ доброе имя поэта и, вѣроятно, наполнивъ его душу угрызеніями совѣсти» [2]). Герценъ послѣ этого часто корилъ Тургенева его «близостью

---

[1]) Сочинен., XII, 56.

[2]) „Анненковъ и его друзья“, стр. 115—116.

съ такимъ шулеромъ и воромъ, какъ Некрасовъ» [1]). А въ № 83 «Колокола» (15-го октября 1860 г.) посвятилъ издателю «Современника» слѣдующія строки: «Мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью... Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ то же время запирающій въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности—вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчныхъ и слезливыхъ!» Предостереженія и укоризны издателя «Колокола» стали оказывать свое воздѣйствіе уже въ 1857 г.. Въ письмѣ къ Герцену отъ 10-го іюля, сообщая объ одной не совсѣмъ чистой денежной операціи Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ выражается, напримѣръ, такъ по адресу Николая Алексѣевича: «Нѣтъ, рѣшительно, безъ честности нельзя, какъ безъ хлѣба». Но только черезъ два года появились вполнѣ зловѣщіе признаки приближающейся бури. Отъ 1859 года мы имѣемъ первое письмо Тургенева, съ рѣзкими отзывами о Некрасовѣ. Для пониманія его необходимо, впрочемъ, привести слѣдующія строки воспоминаній Фета: «Изъ подлинныхъ писемъ Тургенева можно было видѣть его привычку пародировать иногда очень забавно не нравящіеся ему стихи. Такъ между прочимъ, во время чтенія въ пріятельскомъ кругу моего перевода «Юлія Цезаря» Тургеневъ, пародируя нѣкоторые стихи, придумалъ:

„Брыкни, коль могъ, большаго пожелавъ
Стать имъ, коль нѣтъ и въ меньшемъ безъ препонъ“.

Конечно, такія пародіи предназначались для пріятельскаго круга, а никакъ не для публики, чего конечно не могъ не понимать Некрасовъ, а между тѣмъ въ разборѣ моего «Цезаря» онъ напечаталъ эту пародію, нимало не стѣсняясь [2]). Узнавъ объ этомъ отъ Фета, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ему 1-го августа 1859 года: «Я не читалъ статьи о вашемъ «Цезарѣ», но фактъ допущенія въ статьѣ, подписанной незнакомымъ именемъ, пріятельскихъ шутокъ, въ родѣ «Брыкни» и т. д. достоинъ господина Некрасова и его вонючаго цинизма. Кажется, легко было понять, что ни мнѣ, ни вамъ (въ особенности мнѣ) это не могло быть пріятно. Да и наконецъ, какое имѣютъ эти господа право покушаться на частныя дѣла? Да вѣдь этому злобно зѣвающему барину, сидящему въ грязи, все равно... «Она умерла...» Но мнѣ это очень досадно». Послѣднія слова заключаютъ въ себѣ намекъ на другую вы-

[1]) Письмо Герцена къ Тургеневу отъ 10-го апрѣля (новаго стиля) 1864 г. въ изд. Драгоманова.

[2]) Фетъ. „Мои воспоминанія“. I, 307.

ходку Николая Алексѣевича, разсердившую Тургенева. Громко зѣвая надъ корректурой длинной повѣсти одного своего пріятеля, Некрасовъ вдругъ на самомъ патетическомъ мѣстѣ, не предупредивъ ни словомъ автора, подписалъ: «она умерла» и сдалъ въ печать [1]).

Въ сентябрѣ того же 1859 года, остановившись на нѣсколько дней въ Петербургѣ, проѣздомъ изъ-за границы, Иванъ Сергѣевичъ далъ уже ясно понять издателю «Современника» о желаніи своемъ оставить журналъ. Про это свое пребываніе въ сѣверной столицѣ Иванъ Сергѣевичъ писалъ между прочимъ Анненкову (23-го октября) слѣдующее: «во время проѣзда чрезъ Петербургъ, Некрасовъ явился ко мнѣ и, сказавъ, что знаетъ, что моя повѣсть [2]) будетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», просилъ хоть чего-нибудь и позволенія напечатать, что я имъ дамъ что-нибудь: новое какое-нибудь произведеніе. Къ этому онъ прибавилъ мѣстоименіе: свое, и вышло, что я имъ даю свое новое произведеніе. Но кромѣ этихъ трехъ словъ они отъ меня ничего не получатъ» [3]). Но Некрасовъ не могъ, конечно, этимъ ограничиться. При Островскомъ и Е. Колбасинѣ онъ предложилъ Ивану Сергѣевичу 8.000 р. за повѣсть, запроданную «Русскому Вѣстнику». Тургеневъ и въ этотъ разъ отринулъ предложеніе, прибавивъ, что повѣсть уже обѣщана другому, и онъ самъ не имѣлъ на нее никакихъ правъ. «Наканунѣ» появилась въ первой книжкѣ «Русскаго Вѣстника» слѣдующаго 1860 г. Но, чтобы рѣшительнѣе освободиться отъ просьбъ Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ потребовалъ въ конторѣ «Современника» полнаго разсчета за все старое время. Надо замѣтить, что съ года основанія журнала (1847 г.) и даже прежде существовали между ними счеты дружескаго характера, которые потомъ возросли и запутались дотого, что Тургеневъ уже и не зналъ, подъ бременемъ какого долга онъ состоитъ у Некрасова или журнала. Въ теченіе 12—13 лѣтъ онъ бралъ у нихъ деньги, выплачивая то своими сочиненіями, то наличными суммами, и не справляясь о равновѣсіи уплатъ съ займами [4]).

Въ отвѣтъ на рѣшительныя мѣры Тургенева «Современникъ» открылъ литературный походъ противъ своего прежняго сотрудника. Въ январѣ 1860 года была напечатана въ этомъ журналѣ рѣчь Тургенева «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ», а уже въ апрѣльской книжкѣ «Современника» находимъ насмѣшливыя замѣчанія по поводу успѣха новаго разсказа Ивана Сергѣевича «Первая любовь» [5]). За ними въ слѣдующихъ

---

[1]) Фетъ. „Мои воспоминанія“. I, 308, 306.
[2]) „Наканунѣ“.
[3]) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., мартъ, стр. 33.
[4]) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., мартъ, стр. 32—33; 1887 г. янв., стр. 9.
[5]) „Современникъ“ 1860 г., апрѣль, стр. 376—77.

номерахъ журнала явились довольно многочисленные уколы и шпильки. Они относились и къ почитателямъ таланта Тургенева, о которыхъ «Современникъ» иронически говорилъ, что они желаютъ прилагать къ твореніямъ Ивана Сергѣевича непремѣнно «шекспировскую или дантовскую мѣрку» [1]), и относились къ самой личности писателя. На одну изъ выходокъ послѣдняго рода ссылается въ примѣчаніяхъ къ письмамъ Тургенева Анненковъ, который указываетъ на то мѣсто «Свистка», образовавшагося при журналѣ, гдѣ говорилось о модномъ писателѣ, слѣдующемъ въ хвостѣ странствующей пѣвицы и устраивающемъ ей овацiи на подмосткахъ провинціальныхъ театровъ за границей [2]). Вылазки такого сорта должны были особенно возмущать Ивана Сергѣевича, такъ какъ онъ, насколько это можно прослѣдить въ настоящее время, одному Некрасову высказывался болѣе откровенно о своихъ отношеніяхъ къ П. Віардо. Только въ письмахъ Тургенева къ нему встрѣчаются такія строки. «Ты видишь, что я здѣсь (въ Куртавнелѣ у Віардо), т. е., что я сдѣлалъ именно ту глупость, отъ которой ты предостерегалъ меня... Но поступить иначе было невозможно. Впрочемъ, результатомъ этой глупости будетъ, вѣроятно, то, что я раньше пріѣду въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ. Нѣтъ, ужъ точно: этакъ жить нельзя. Полно сидѣть на краюшкѣ чужого гнѣзда. Своего нѣтъ—ну и не надо никакого!» [3]).

Но Некрасовъ былъ не такимъ человѣкомъ, чтобы въ своихъ нападеніяхъ дѣйствовать мелкимъ оружіемъ и безъ опредѣленнаго плана. Читая опубликованныя письма В. П. Боткина къ Фету за 60-ые годы, невольно останавливаешься на фактѣ двойной игры издателя «Современника» съ лицами, призванными такъ или иначе служить карьерѣ Николая Алексѣевича. «Сегодня былъ у меня Некрасовъ и просидѣлъ три часа», писалъ Боткинъ 20-го марта 1865 года: «дѣло въ томъ, что его вонючая лавочка «Современника» дѣлается самому ему гадкою». «Некрасовъ началъ похаживать ко мнѣ», читаемъ въ другомъ письмѣ Боткина отъ 1-го февраля 1866 года: «и протестуетъ противъ гадкихъ тенденцій своего журнала» [4]). То же самое находимъ и въ воспоминаніяхъ Анненкова: «Однажды возвращаясь поздно ночью отъ кого-то, онъ (Некрасовъ) мнѣ неожиданно сказалъ: «я васъ уважаю особенно за то, что вы не сердитесь, какъ другіе, за выходки «Свистка» противъ нашихъ литераторовъ. Могу васъ увѣрить, что я серьезно думаю положить имъ конецъ». «Но «Свистокъ», — замѣчаетъ дальше

---

[1]) 1860 г., іюль, стр. 41 отдѣла „Русской литературы“.
[2]) „Вѣстникъ Европы“, 1885 г., мартъ, стр. 37.
[3]) «Русская Мысль» 1902 г., январь, стр. 121.
[4]) Фетъ. «Мои воспоминанія», II, 62, 82.

Анненковъ:—«процвѣталъ и послѣ того еще пуще, кажется, чѣмъ прежде» [1]).

Манера Николая Алексѣевича прятаться за другихъ, сваливать на нихъ вину свою, прикидываясь въ то же время невиннымъ и безпомощнымъ младенцемъ,—хорошо была извѣстна Тургеневу. Отвѣчая однажды Полонскому на его жалобу по поводу какой-то продѣлки съ нимъ Некрасова, Иванъ Сергѣевичъ писалъ 22-го февраля 1868 г.: «Штука, которую выкинулъ съ тобой Некрасовъ, нимало не удивила меня: я его слишкомъ хорошо знаю. У этого м.... есть между прочимъ привычка взваливать все непріятное на кого-нибудь изъ сотрудниковъ... Я—молъ-бы радъ, да вотъ такой-то (тебѣ онъ говоритъ—Елисѣевъ, мнѣ говоритъ—Антоновичъ) несогласенъ. Великая д.... этотъ господинъ» [2]). Вотъ этотъ-то ловкій пріемъ, только въ обширныхъ размѣрахъ, и примѣнилъ издатель «Современника» въ своемъ позорномъ походѣ противъ прежняго сотрудника и друга.

Въ виду слишкомъ крупной извѣстности и большого авторитета Тургенева, Некрасову необходимо было спрятаться за самаго популярнаго представителя молодой литературы—Добролюбова, пользовавшагося къ тому же такой репутаціей честности, «что онъ могъ бы безвредно для себя сдѣлать три, четыре подлости». Ссора Тургенева съ Добролюбовымъ легко, конечно, уронила бы престижъ Ивана Сергѣевича въ глазахъ молодежи и развязала бы руки «Современнику» въ нападкахъ на автора «Дворянскаго гнѣзда», но Добролюбовъ, какъ нѣкогда Грановскій, не былъ способенъ «на три, четыре подлости», и планъ былъ проведенъ нѣсколько иначе. Въ іюньской книжкѣ «Современника» 1860 г. въ отдѣлѣ «Русской литературы» появился разборъ сочиненія американскаго писателя Готорна «Собраніе чудесъ, повѣсти, заимствованныя изъ миѳологіи. Изданіе для дѣтей». Критикъ отличаетъ два существенныхъ недостатка въ разбираемомъ сочиненіи: 1) щепетильное желаніе Готорна очистить переработываемый матеріалъ даже отъ малѣйшихъ намековъ на физическую любовь, и 2) излишнюю болтливость въ описаніяхъ въ погонѣ за художественной отдѣлкой. Первая особенность является недостаткомъ потому, что дѣти по природѣ своей достаточно чисты, чтобы пропустить безъ вниманія даже случай значительной откровенности миѳологическихъ разсказовъ. Такъ какъ по собственному признанію рецензента, онъ «взялся за книжку Готорна, чтобы побесѣдовать съ нашими лучшими беллетристами», а не ради самой книжки, то на стр. 239—40 онъ и продолжаетъ такъ: «Иные люди могутъ имѣть свой разсчетъ, когда утаиваютъ и искажаютъ факты,

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1885 г., мартъ, стр. 38.
[2]) Первое собраніе писемъ, 133—134.

какъ Готорнъ искажаетъ греческіе миѳы; но какая надобность можетъ заставлять художника искажать психологическую истину въ своихъ произведеніяхъ? Вѣдь ему отъ этого нѣтъ никакой выгоды, онъ тутъ поступаетъ чисто по слѣпому предубѣжденію. Мы припомнимъ одинъ примѣръ, не называя именъ. Есть одна прекрасная повѣсть, героемъ которой, какъ по всему видно, слѣдовало быть человѣку, мало писавшему по-русски, но имѣвшему самое сильное и благотворное вліяніе на развитіе нашихъ литературныхъ понятій, затмевавшему величайшихъ ораторовъ блескомъ краснорѣчія,—человѣку, не безславными чертами вписавшему свое имя въ исторію, сдѣлавшемуся предметомъ эпическихъ народныхъ сказаній. Кажется, такой человѣкъ могъ быть изображенъ, какъ человѣкъ серьезный. Авторъ повѣсти, кажется, и хотѣлъ такъ сдѣлать; но вдругъ ему вздумалось: «а что же скажутъ мои литературные совѣтники, люди такіе разсудительные, умѣющіе такъ хорошо упрочивать свое состояніе, если получили его въ наслѣдство, или по крайней мѣрѣ съ такимъ достоинствомъ держать себя въ кругу людей съ состояніемъ, если сами не получили большого наслѣдства? Человѣкъ, который такъ разстроилъ свои семейныя отношенія, что остался безо всего при существованіи значительнаго родового имѣнія, который занималъ деньги у богатыхъ пріятелей, чтобы раздавать ихъ бѣднымъ пріятелямъ—нѣтъ, такой человѣкъ не можетъ считаться серьезнымъ по суду моихъ благоразумныхъ совѣтниковъ». И вотъ авторъ сталъ передѣлывать избранный имъ типъ, вмѣсто портрета живого человѣка рисовать каррикатуру,—какъ будто левъ годится для каррикатуры. Разумѣется, такое странное искаженіе не удалось, да и самому автору по временамъ, кажется, было совѣстно представлять пустымъ человѣкомъ историческаго дѣятеля. Повѣсть должна была бы имѣть высокій трагическій характеръ, посерьезнѣе Шиллерова Донъ-Карлоса, а вмѣсто того вышелъ винигретъ сладкихъ и кислыхъ, насмѣшливыхъ и восторженныхъ страницъ, какъ будто сшитыхъ изъ двухъ разныхъ повѣстей».

Въ приведенной выпискѣ даже средній читатель того времени могъ узнать подъ «историческимъ дѣятелемъ», разстроившимъ свои семейныя отношенія, мало писавшимъ по-русски, отличавшимся блестящимъ краснорѣчіемъ—знаменитаго Бакунина. А въ «каррикатурѣ на льва»—легко увидали отзывъ о «Рудинѣ» Тургенева, такъ какъ послѣдній не скрывалъ, что для Рудина онъ много взялъ изъ характера своего университетскаго товарища Бакунина. Читатели поняли намеки, поняли ихъ и «благоразумные совѣтники», понялъ ихъ и Иванъ Сергѣевичъ. Выходка эта была дѣломъ пера Чернышевскаго, который однако не подписалъ своего слишкомъ запоздалаго разбора Рудина. «Современникъ» же пустилъ слухъ, что авторъ этой статьи не кто иной, какъ Добролюбовъ. Слухъ этотъ, равно, какъ и названная статья дошли до Тургенева, на-

ходившагося тогда въ Парижѣ, и послѣдній 1-го октября написалъ Анненкову: «Сообщите прилагаемую записку Ивану Ивановичу Панаеву. Еслибъ онъ хотѣлъ узнать настоящую причину моего нежеланія быть болѣе сотрудникомъ «Современника»,—попросите его прочесть въ іюньской книжкѣ нынѣшняго года въ «Современномъ Обозрѣніи» стр. 240, 3 стр. сверху, пассажъ, гдѣ г. Добролюбовъ обвиняетъ меня, что я преднамѣренно изъ «Рудина» сдѣлалъ каррикатуру для того, чтобы понравиться моимъ б о г а т ы м ъ литературнымъ друзьямъ, въ глазахъ которыхъ всякій бѣднякъ мерзавецъ. Это ужъ слишкомъ—и быть участникомъ въ подобномъ журналѣ уже не приходится порядочному человѣку».

Записка Панаеву была слѣдующаго содержанія: 1-го (13-го) октября 1860 г.—Любезный Иванъ Ивановичъ! Хотя, сколько я помню, вы уже перестали объявлять въ «Современникѣ» о своихъ сотрудникахъ, и хотя, по вашимъ отзывамъ обо мнѣ, я долженъ предполагать, что я вамъ больше не нуженъ, однако, для вѣрности, прошу тебя не помѣщать моего имени въ числѣ вашихъ сотрудниковъ тѣмъ болѣе, что у меня ничего готоваго нѣтъ, и что большая вещь, за которую я только-что принялся теперь и которую не окончу раньше будущаго мая, уже назначена въ «Русскій Вѣстникъ». Я, какъ ты знаешь, поселился въ Парижѣ на зиму. Надѣюсь, что ты здоровъ и веселъ, и жму тебѣ руку. Преданный тебѣ Иванъ Тургеневъ. Парижъ «Rue de Rivoli» [1]).

Анненковъ не передалъ этой записки, соображая, что при разгоравшейся ссорѣ не слѣдуетъ подкладывать еще дровъ и раздувать пламя, но отъ этого вышло лишь хуже. Въ письмѣ къ Герцену отъ 9-го января 1861 г. Иванъ Сергѣевичъ пишетъ: «Съ «Современникомъ» и Некрасовымъ я прекратилъ всякія сношенія, что̀, между прочимъ, явствуетъ изъ ругательствъ à mon adresse почти въ каждой книжкѣ: я велѣлъ имъ сказать, чтобы они не помѣщали моего имени въ числѣ сотрудниковъ, а они взяли и помѣстили его въ самомъ концѣ, въ числѣ прохвостовъ. Что тутъ дѣлать?» Некрасовъ помѣстилъ Тургенева въ числѣ своихъ сотрудниковъ все еще въ надеждѣ вернуть его къ «Современнику», особенно въ виду слуховъ о новомъ крупномъ произведеніи, приготовляемомъ Иваномъ Сергѣевичемъ («Отцы и дѣти»). Чтобы примириться съ Тургеневымъ, Некрасовъ однажды въ началѣ того же 1861 г. пріѣхалъ утромъ къ лучшему другу Ивана Сергѣевича Анненкову и цѣлый часъ говорилъ въ кабинетѣ его о постоянномъ присутствіи образа Тургенева передъ глазами его днемъ и особенно ночью, во снѣ, о томъ, что воспоминанія прошлаго не даютъ ему, Некрасову, покоя, и что пора кому-нибудь взяться за ихъ примиреніе и тѣмъ покончить эту

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1885 г., мартъ, стр. 36—37.

безобразную (такъ онъ выразился) ссору. Въ такомъ же родѣ, съ прибавленіемъ лишь выгодныхъ для Тургенева условій сотрудничества, написалъ вслѣдъ затѣмъ Некрасовъ и самому Ивану Сергѣевичу. Но всѣ эти попытки были уже слишкомъ запоздалыми. Когда Анненковъ передалъ Тургеневу въ письмѣ весь происходившій у него съ Некрасовымъ разговоръ, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ ссылкой на новую выходку противъ него въ «Современникѣ» и болѣе не заикался о предметѣ; Некрасову же Тургеневъ отвѣтилъ положительнымъ отказомъ, сообщивъ ему, что не намѣренъ участвовать болѣе въ «Современникѣ» [1]).

Между тѣмъ публика успѣла обратить вниманіе на перемѣну въ отношеніи популярнаго журнала къ популярному романисту. Въ 1-й книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1861 годъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ вмѣсто современной лѣтописи» было сказано про журналы, подобные издаваемому Некрасовымъ и Панаевымъ, что въ нихъ «современные писатели, отличающіеся какимъ-либо художественнымъ достоинствомъ, потому только осыпались льстивыми похвалами, что успѣхъ ихъ въ публикѣ былъ выгоденъ для этихъ журналовъ, помѣщавшихъ у себя ихъ произведенія, но гдѣ немедленно измѣнялся тонъ отзывовъ съ прекращеніемъ разсчетовъ на сотрудничество», при этомъ «Русскій Вѣстникъ» сослался на отношенія «Современника» къ Тургеневу. Въ іюньской книжкѣ послѣдняго журнала за тотъ же годъ Чернышевскій помѣстилъ возраженіе на эти строки (стр. 452—456 отдѣла Современнаго Обозрѣнія), гдѣ увѣдомлялъ, что нападки на Тургенева явились слѣдствіемъ выяснившейся разности убѣжденій, а не вслѣдствіе отказа Тургенева сотрудничать въ «Современникѣ». «Намъ стало казаться», писалъ Чернышевскій: «что послѣднія повѣсти Тургенева не такъ близко соотвѣтствуютъ нашему взгляду на вещи, какъ прежде, когда и его направленіе не было такъ ясно для насъ, да и наши взгляды не были такъ ясны для него. Мы разошлись. Такъ ли? Ссылаемся на самого Тургенева». Такое заявленіе очень разсердило Ивана Сергѣевича, имѣвшаго въ рукахъ всѣ доказательства противнаго и отлично знавшаго, что для «Современника» никогда не было тайной разногласіе Тургенева съ редакціей по многимъ вопросамъ, что эта «разность убѣжденій» не мѣшала Ивану Сергѣевичу сотрудничать въ журналѣ. Третьяго октября 1861 года Тургеневъ писалъ Ѳ. М. Достоевскому: «Современникъ» плюется и сознательно лжетъ, но вѣдь это не въ первый разъ; у меня есть письмо отъ Некрасова, писанное въ началѣ этого года, въ которомъ онъ мнѣ дѣлаетъ самыя блестящія предложенія. Я ему отвѣтилъ, что сотрудникомъ «Современника» болѣе не буду, ну и выходитъ, что надо сказать публикѣ, что меня прогнали» [2]).

[1]) „Вѣстн. Евр.“, 1885 г., мартъ, стр. 38.

[2]) Первое собр. пис., 96.

Въ это время, какъ уже мы сказали, Иванъ Сергѣевичъ былъ въ Парижѣ, гдѣ у него, кромѣ друзей, собирались иногда и молодые люди, такъ или иначе связанные съ редакціей «Современника». Среди оживленныхъ разговоровъ, касавшихся и вылазокъ журнала Некрасова противъ Тургенева, послѣдній естественно высказывался не стѣсняясь, перемѣшивая серьезныя замѣчанія съ веселой шуткой. Въ одной изъ такихъ бесѣдъ, попавшихъ въ дословныя записи интересныхъ воспоминаній Щербаня [1]), Иванъ Сергѣевичъ полусердито, полушутливо назвалъ Чернышевскаго зміемъ, Добролюбова—очковой змѣей, а Писарева, какъ возвѣщающаго о своемъ приближеніи,—гремучей. Эти замѣчанія были немедленно переданы въ Петербургъ, вмѣстѣ съ содержаніемъ тогда еще только приготовленнаго къ печати романа «Отцы и дѣти», съ которымъ Тургеневъ знакомилъ своихъ парижскихъ пріятелей по рукописи. Сообщенныя въ «Современникъ» свѣдѣнія были немедленно пущены въ дѣло для лучшаго выполненія все того же плана кампаніи: представить въ концѣ концовъ читателямъ нападки журнала, лишь какъ защиту несправедливо обижаемаго Добролюбова. Тою же осенью въ некрологѣ Добролюбова были прибавлены слѣдующія строки: «Мы,—или, что все равно, нѣкоторые изъ насъ (т. е. современники Бѣлинскаго),—рѣшили, что новое поколѣніе, несмотря на свой дѣйствительно замѣчательный умъ и свѣдѣнія, поколѣніе сухое, холодное, черствое, безсердечное, все отрицающее, вдавшееся въ ужасную доктрину—въ нигилизмъ!.. Нигилисты! Если мы не рѣшились заклеймить этимъ страшнымъ именемъ все поколѣніе, то, по крайней мѣрѣ, увѣрили себя, что Добролюбовъ принадлежалъ къ нигилистамъ изъ нигилистовъ» [2]). Такимъ образомъ въ печати первый разъ были произнесены слова: нигилисты и нигилизмъ въ этой крайне грубо льстившей молодому поколѣнію статьѣ Панаева (новаго поэта) «По поводу похоронъ Добролюбова». А въ февральскомъ номерѣ слѣдующаго 1862 года появилась статья: «Въ изъявленіе признательности» (по поводу отношеній Чернышевскаго къ Добролюбову). Въ ней авторъ между прочимъ писалъ, что въ началѣ 1860 года на первомъ литературномъ чтеніи въ пользу «общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ» произошелъ слѣдующій случай между нимъ и Тургеневымъ: «Члены комитета этого общества и лица, участвовавшія въ чтеніи, собрались въ галлереяхъ, окружающихъ залу Пассажа, гдѣ происходило чтеніе. Въ одной изъ нихъ случилось какъ-то остаться троимъ или четверымъ изъ насъ, въ томъ числѣ г. Тургеневу и мнѣ. Онъ былъ тогда недоволенъ одною изъ статей Добролюбова и въ заключеніе спора со мною о ней сказалъ: «васъ

---

[1]) „Русск. Вѣст.“, 1890 г., кн. VII и VIII.

[2]) „Соврем.“ 1861 г., ноябрь, стр. 75—76 „Соврем. Обозр.“.

я могу еще переносить, но Добролюбова не могу». «Это оттого», сказалъ я: «что Добролюбовъ умнѣе, а взглядъ на вещи у него яснѣе и тверже». «Да», отвѣчалъ онъ съ добродушной шутливостью, которая очень привлекательна въ немъ, «да, вы—простая змѣя, а Добролюбовъ—очковая змѣя» [1]). Для правдоподобности тутъ введены Чернышевскимъ и галлереи Пассажа, и «добродушная шутливость», и «трое или четверо»—не одинъ, молъ, я съ нимъ былъ.

Въ мартовской же книжкѣ журнала за тотъ же годъ напечатанъ былъ пресловутый критическій разборъ «Отцовъ и дѣтей» подъ вызывающимъ заголовкомъ «Асмодей нашего времени» того самаго Антоновича, котораго Чернышевскій передъ этимъ рекомендовалъ читателямъ, какъ критика болѣе передового и свѣжаго, чѣмъ онъ самъ, Чернышевскій, и относительно котораго впослѣдствіи Некрасовъ, поссорившись съ этимъ «первымъ критикомъ», высказался, такъ, что, молъ, «Современникъ» смотрѣлъ на Антоновича, лишь какъ на простую полезность [2]). Въ названной критической статьѣ авторъ доказываетъ, что Тургеневъ, котораго онъ иронически называлъ «нашимъ художественнымъ Несторомъ, нашимъ поэтическимъ корифеемъ», въ своемъ романѣ преслѣдовалъ «другія цѣли, чуждыя искусству». Онъ хотѣлъ высказать въ художественной формѣ свой взглядъ на современное молодое поколѣніе и разъяснить свои отношенія къ нему. Каковы же эти отношенія? Онъ питаетъ къ представителямъ молодого поколѣнія, «какую-то личную ненависть и непріязнь, какъ будто они лично сдѣлали ему какую-нибудь обиду и пакость, и онъ старается отмстить на каждомъ шагу, какъ человѣкъ лично оскорбленный; онъ съ внутреннимъ удовольствіемъ отыскиваетъ въ нихъ слабости и недостатки, о которыхъ и говоритъ съ дурно скрываемымъ злорадствомъ и только для того, чтобы унизить героя въ глазахъ читателей: «посмотрите, дескать, какіе негодяи мои враги и противники»... «Во всѣхъ современныхъ вопросахъ, умственныхъ движеніяхъ, толкахъ и идеалахъ, занимающихъ молодое поколѣніе, г. Тургеневъ не находитъ никакого смысла и даетъ понять, что они ведутъ только къ разврату, пустотѣ, прозаической пошлости и цинизму». Тургеневъ, по мнѣнію Антоновича, въ «дѣтяхъ» каррикатурно изображаетъ *лучшихъ* представителей молодаго поколѣнія. Героя же романа собственно Иванъ Сергѣевичъ старается выставить «мелкимъ хвастунишкой и пьянчужкой» и хочетъ увѣрить читателей, что Базаровъ «систематически ненавидитъ и преслѣдуетъ все, начиная отъ своихъ добрыхъ родителей, которыхъ онъ терпѣть не можетъ, и оканчивая лягушками, которыхъ онъ рѣжетъ съ безпощадной жестокостью». «Ав-

[1]) Стр. 393.

[2]) Венгеровъ. „Критико-біографич. словарь“ I, 681.

торъ дотого золъ на своего героя, что не хочетъ простить его и примириться съ нимъ даже передъ его смертью». «У автора поворачивается языкъ говорить о всепримиряющей любви, о безконечной жизни послѣ того, какъ его самого эта любовь и мысль о безконечной жизни не могли удержать отъ безчеловѣчнаго обращенія со своимъ умирающимъ героемъ, который, лежа на смертномъ одрѣ, призываетъ свою возлюбленную для того, чтобы видомъ ея прелестей въ послѣдній разъ пощекотать свою потухающую страсть».

Въ заключеніе своей статьи критикъ обращается съ слѣдующими словами къ автору разбираемаго романа: «Извините, г. Тургеневъ, вы не умѣли опредѣлить своей задачи; вмѣсто изображенія отношеній между «отцами» и «дѣтьми», вы написали панегирикъ «отцамъ» и обличеніе «дѣтямъ», да и «дѣтей» вы не поняли, и вмѣсто обличенія у васъ вышла клевета. Распространителей здравыхъ понятій между молодымъ поколѣніемъ вы хотѣли представить развратителями юношества, сѣятелями раздора и зла, ненавидящими добро,—однимъ словомъ асмодеями. Попытка эта не первая и повторяется весьма часто». Въ другомъ мѣстѣ своей статьи Антоновичъ пишетъ: «На основаніи послѣдняго романа г. Тургенева можно положительно сказать, что критика ошибалась въ объясненіи прежнихъ его произведеній». Романъ Тургенева «хорошъ въ томъ отношеніи, что въ немъ г. Тургеневъ обнаружилъ себя ясно и вполнѣ и тѣмъ раскрылъ намъ истинный смыслъ своихъ прежнихъ произведеній, сказалъ безъ околичностей и напрямки то свое послѣднее слово, которое въ прежнихъ его произведеніяхъ было смягчено и затушевано разными поэтическими прикрасами и эффектами, скрывавшими его истинное значеніе». На этой статьѣ Антоновича мы оставляемъ выходки «Современника» противъ Тургенева, хотя онѣ не прекращались и дальше. Въ слѣдующемъ же томѣ журнала появилась, напримѣръ, статья «по поводу женскихъ характеровъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ», гдѣ критикъ, подписавшійся буквами А. О., старается развѣнчать женскіе типы Тургенева, подобные Еленѣ въ «Наканунѣ», Маріи Павловнѣ въ «Затишьѣ», Софьѣ въ «Яковѣ Пасынковѣ».

Некрасовъ ловко выигралъ кампанію и долго торжествовалъ побѣду. И самъ Тургеневъ нѣсколько лѣтъ спустя съ недоумѣніемъ еще писалъ по поводу «Отцовъ и дѣтей»: «Мои критики называли мою повѣсть «памфлетомъ», упоминали о «раздраженномъ», «уязвленномъ» самолюбіи; но съ какой стати сталъ бы я писать памфлетъ—на Добролюбова, съ которымъ я почти не видался, но котораго высоко цѣнилъ, какъ человѣка и какъ талантливаго писателя? Какого бы я ни былъ скромнаго мнѣнія о своемъ дарованіи—я, все-таки, считалъ и считаю сочиненіе памфлета, «пасквиля» ниже его, недостойнымъ его. Что же касается до «уязвленнаго» самолюбія—то замѣчу только, что статья Добро-

любова о послѣднемъ моемъ произведеніи передъ «Отцами и дѣтьми»—о «Наканунѣ» (а онъ по праву считался выразителемъ общественнаго мнѣнія), что эта статья, явившаяся въ 1861 г., исполнена самыхъ горячихъ—говоря по совѣсти—самыхъ незаслуженныхъ похвалъ. Но господамъ критикамъ нужно было представить меня оскорбленнымъ памфлетистомъ: «leur siège était fait» и еще въ нынѣшнемъ (1869) году я могъ прочесть въ Приложеніи № 1-й къ« Космосу» (стр. 96) слѣдующія строки: «Наконецъ, всѣмъ извѣстно, что пьедесталъ, на которомъ стоялъ г. Тургеневъ, былъ разрушенъ главнымъ образомъ Добролюбовымъ», а далѣе (стр. 98) говорится о моемъ «ожесточеніи», которое г. критикъ, впрочемъ, понимаетъ и «пожалуй, даже извиняетъ» [1]). Ларчикъ просто открывался: Некрасову необходимо было популярное имя Добролюбова для прикрытія своихъ собственныхъ неблаговидныхъ продѣлокъ.

Въ томъ же 1862 г. договорился до послѣдняго слова и Иванъ Сергѣевичъ.

Въ № 334 «Сѣверной Пчелы» появилось слѣдующее письмо къ издателю: «М. Г. Въ фельетонѣ вашей газеты отъ 22 ноября (№ 316), подписанномъ буквами А. Ю., находится слѣдующая фраза: «Пусть Некрасовъ жертвуетъ г. Тургеневымъ, Дружининымъ, Писемскимъ, Гончаровымъ и Авдѣевымъ и издаетъ «Современникъ!» Мнѣніе, выраженное г. А. Ю., встрѣчалось мною въ печати не разъ. Оно проникло даже въ программу журнала, издаваемаго г. Некрасовымъ. Я до сихъ поръ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на подобныя «заявленія»; но такъ какъ изъ словъ г. А. Ю. я долженъ по неволѣ убѣдиться, что молчаніе, особенно продолжительное, дѣйствительно почитается знакомъ согласія, то позвольте мнѣ изложить передъ вами въ короткихъ словахъ, какъ совершилось на самомъ дѣлѣ собственное мое отчужденіе отъ «Современника». Я не стану входить въ подробности о томъ, когда и почему оно началось, но въ январѣ 1860 года «Современникъ» еще печаталъ мою статью («Гамлетъ и Донъ-Кихотъ»), и г. Некрасовъ предлагалъ мнѣ, при свидѣтеляхъ, весьма значительную сумму за повѣсть, запроданную «Русскому Вѣстнику», а весною 1861 года, тотъ же Некрасовъ писалъ мнѣ въ Парижъ письмо, въ которомъ съ чувствомъ, жалуясь на мое охлажденіе, возобновлялъ свои лестныя предложенія и, между прочимъ, доводилъ до моего свѣдѣнія, что видитъ меня почти каждую ночь во снѣ. Я тогда же отвѣчалъ г. Некрасову положительнымъ отказомъ, сообщая ему мое твердое рѣшеніе не участвовать болѣе въ «Современникѣ», и тутъ же прибавилъ, что «отнынѣ этому журналу не для чего стѣсняться въ своихъ сужденіяхъ обо мнѣ».

---

[1]) Собран. сочин. XII, 93—94.

И журналъ г. Некрасова немедленно пересталъ стѣсняться. Недоброжелательные намеки явились тотчасъ же и съ свойственной всякому русскому прогрессу быстротой перешли въ явныя нападенія. Все это было въ порядкѣ вещей, и я, вѣроятно, заслуживалъ эти нападенія, но предоставляю вашимъ читателямъ самимъ судить теперь, насколько справедливо мнѣніе г. А. Ю. Увы! г. Некрасовъ не принесъ меня въ жертву своимъ убѣжденіямъ и, вспоминая имена другихъ его жертвъ, перечисленныхъ г. А. Ю., я готовъ почти пенять на г. издателя «Современника» за подобное исключеніе. Но, впрочемъ, точно ли г.г. Дружининъ, Писемскій, Гончаровъ и Авдѣевъ пали подъ жертвеннымъ его ножемъ? Мнѣ сдается, что въ теченіе своей карьеры г. Некрасовъ былъ гораздо менѣе жрецомъ, чѣмъ предполагаетъ г. А. Ю.

«Примите и пр. Иванъ Тургеневъ».

10-го декабря н. с. 1862 г. Парижъ.

Тургеневъ называлъ впослѣдствіи свою ссору съ «Современникомъ»—«бурей въ стаканѣ воды» [1]). Онъ былъ бы, пожалуй, правъ, если бы эта исторія касалась только его и Некрасова. Къ сожалѣнію, она имѣла серьезныя послѣдствія, сказывающіяся даже теперь, черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти великаго писателя. Прежде всего слѣдуетъ указать, что та рознь между поколѣніями 40-хъ и 60-хъ годовъ, которую отмѣтилъ Тургеневъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ», была усилена именно злобнымъ походомъ «Современника». Иванъ Сергѣевичъ справедливо считался и тогда и позднѣе—лучшимъ представителемъ 40-хъ годовъ, журналъ Некрасова—наиболѣе яркимъ представителемъ 60-хъ годовъ. Къ нападкамъ «Современника» присоединилась значительная часть тогдашней молодежи; среди нея и зародилось настолько презрительное и несправедливое отношеніе къ поколѣнію Тургенева, что она готова была даже приписать себѣ подготовку и проведеніе на практикѣ великихъ реформъ царствованія императора Александра II-го, которыя отъ начала до конца были именно результатомъ дѣятельности людей 40-хъ годовъ.

Въ статьѣ своей по поводу «Отцовъ и дѣтей» Тургеневъ кается, между прочимъ, въ двухъ своихъ мнимыхъ грѣхахъ: «Вся причина недоразумѣній», пишетъ онъ: «вся, какъ говорится, «бѣда» состояла въ томъ, что воспроизведенный мною Базаровскій типъ не успѣлъ пройти чрезъ постепенные фазисы, чрезъ которые обыкновенно проходятъ литературные типы. На его долю не пришлось —какъ на долю Онѣгина или Печорина—эпоха идеализаціи, сочувственнаго превознесенія. Въ самый моментъ появленія *новаго* человѣка—Базарова—авторъ отнесся къ нему критически... объективно. Это многихъ сбило съ толку—

[1]) Собр. сочин. XII, 99.

и кто знаетъ! въ этомъ была—быть можетъ—если не ошибка, то несправедливость. Базаровскій типъ имѣлъ, по крайней мѣрѣ, столько же права на идеализацію, какъ предшествовавшіе ему типы» [1]). «Съ другой стороны», говоритъ Иванъ Сергѣевичъ дальше: «я понимаю причины гнѣва, возбужденнаго моей книгой въ извѣстной партіи. Онѣ не лишены основанія, и я принимаю—безъ ложнаго смиренія—часть падающихъ на меня упрековъ. Выпущеннымъ мною словомъ. «нигилистъ» воспользовались тогда многіе, которые ждали только случая, предлога, чтобы остановить движеніе, овладѣвшее русскимъ обществомъ. Не въ видѣ укоризны, не съ цѣлью оскорбленія было употреблено мною это слово, но какъ точное и умѣстное выраженіе проявившагося—историческаго—факта; оно было превращено въ орудіе доноса, безповоротнаго осужденія — почти въ клеймо позора» [2]). Если для тогдашняго средняго читателя необходима была извѣстная идеализація Базаровскаго типа, то какого рода услугу публикѣ оказалъ «Современникъ» своимъ великолѣпнымъ разборомъ «Отцовъ и дѣтей», разборомъ, впечатлѣніе отъ котораго не въ состояніи былъ ослабить даже такой кумиръ тогдашней молодежи, какъ Писаревъ! Далѣе: мы видѣли, кто именно впервые придалъ дурной оттѣнокъ слову «нигилистъ». Передъ самымъ появленіемъ романа Ивана Сергѣевича «Современникъ» пустилъ въ оборотъ это слово и пустилъ его именно, какъ «орудіе доноса, безповоротнаго осужденія, почти какъ клеймо позора».

Обратимся, наконецъ, къ третьему послѣдствію «бури въ стаканѣ воды». Эта «буря» въ значительной степени породила ту печальную и, къ несчастью, довольно распространенную теорію, по которой служеніе литературѣ не требуетъ чистыхъ рукъ и возвышеннаго характера. «Замѣтьте, какая у насъ опять странность», говоритъ Тургеневъ устами Потугина въ «Дымѣ»: иной, напримѣръ, сочинитель что-ли, весь свой вѣкъ и стихами и прозой бранилъ пьянство, откупъ, укорялъ... да вдругъ, самъ взялъ да два винные завода купилъ и снялъ сотню кабаковъ,—и ничего! Другого бы съ лица земли стерли, а его даже не упрекаютъ» [3]). Само собою разумѣется, что именно отъ послѣдователей этой теоріи и раздавались обвиненія въ сторону Ивана Сергѣевича, будто у него, болѣе чѣмъ у другихъ писателей, слово расходилось съ дѣломъ. Насколько же подобныя обвиненія подтверждаются отношеніями его къ Некрасову, показываетъ трогательное стихотвореніе въ прозѣ, написанное Тургеневымъ подъ впечатлѣніемъ извѣстія о смерти Николая Алексѣевича [4]). «Мы были когда-то короткими, близкими

[1]) Собр. сочин. XII, 96.
[2]) Тамъ же, 98—99.
[3]) Тамъ же, III, 30.
[4]) „Послѣднее свиданье". Собран. сочин. IX, 89.

друзьями... Но насталъ недобрый мигъ—и мы разстались, какъ враги. Прошло много лѣтъ. И вотъ, заѣхавъ въ городъ, гдѣ онъ жилъ, я узналъ, что онъ безнадежно боленъ—и желаетъ видѣться со мною. Я отправился къ нему, вошелъ въ его комнату... Взоры наши встрѣтились. Я едва узналъ его. Боже! что съ нимъ сдѣлалъ недугъ! Желтый, высохшій, съ лысиной во всю голову, съ узкой сѣдой бородой, онъ сидѣлъ въ одной, нарочно изрѣзанной рубахѣ... Онъ не могъ сносить давленія самаго легкаго платья. Порывисто протянулъ онъ мнѣ страшно-худую, словно обглоданную руку, усиленно прошепталъ нѣсколько невнятныхъ словъ — привѣтъ ли то былъ, упрекъ ли—кто знаетъ? Изможденная грудь заколыхалась— и на съѣженные зрачки загорѣвшихся глазъ скатились двѣ скупыя, страдальческія слезинки. Сердце во мнѣ упало... Я сѣлъ на стулъ возлѣ него—и, опустивъ невольно взоры передъ тѣмъ ужасомъ и безобразіемъ, также протянулъ руку. Но мнѣ почудилось, что между нами сидитъ высокая, тихая, бѣлая женщина. Длинный покровъ облекаетъ ее съ ногъ до головы. Никуда не смотрятъ ея глубокіе, блѣдные глаза; ничего не говорятъ ея блѣдныя, строгія губы... Эта женщина соединила наши руки... Она навсегда примирила насъ. Да... Смерть насъ примирила»...

Въ заключеніе нашей статьи изложимъ взгляды Тургенева на литературное творчество издателя «Современника».

Съ самаго начала своего знакомства съ Некрасовымъ, Иванъ Сергѣевичъ, не отказывая его стихотвореніямъ въ извѣстномъ общественномъ значеніи, не признавалъ ихъ однако за поэтическія произведенія. «Я всегда былъ одного мнѣнія о его (Некрасова) сочиненіяхъ, и онъ это знаетъ», писалъ Тургеневъ Полонскому 29-го января 1870 года: «даже когда мы находились въ пріятельскихъ отношеніяхъ, онъ рѣдко читалъ мнѣ свои стихи, а когда читалъ ихъ, то всегда съ оговоркой: «я—молъ—знаю, что ты ихъ не любишь». Я къ нимъ чувствую нѣчто въ родѣ положительнаго отвращенія: ихъ arrière gout—не знаю какъ сказать по-русски—особенно противенъ: отъ нихъ отзываетъ тиной, какъ отъ леща или карпа» [1]). Дѣйствительно, въ письмахъ къ Некрасову (1852—1858 гг.), напечатанныхъ въ январской книгѣ «Русской Мысли» за 1902 г., Тургеневъ только разъ отозвался на одно стихотвореніе Николая Алексѣевича. «Скажу тебѣ, что твои стихи хороши (какіе?), хотя не встрѣчается въ нихъ того энергическаго и горькаго взрыва, котораго невольно отъ тебя ожидаешь; при томъ конецъ кажется пришитымъ» [2]). Но открыто или печатно до своей размолвки съ Некрасо-

---

[1]) Письма, 170.
[2]) Стр. 118.

вымъ Тургеневъ избѣгалъ высказывать порицаніе или похвалы произведеніямъ Николая Алексѣевича. Только весною 1854 года, когда Иванъ Сергѣевичъ носился съ мыслью привлечь въ сотрудники «Современника» С. Т. Аксакова и дѣлалъ автору «Семейной хроники» соотвѣтствующія письменныя предложенія, Тургеневъ измѣнилъ себѣ. Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Ѳ. И. Тютчева, онъ, хотя и ставилъ послѣдняго «рѣшительно выше» Некрасова, не давая Николаю Алексѣевичу при томъ никакихъ преимуществъ даже передъ Майковымъ и Фетомъ, однако высказался въ своемъ бѣгломъ замѣчаніи о творчествѣ Некрасова довольно сочувственно. Аксакову же Иванъ Сергѣевичъ писалъ (31-го мая): «Некрасовъ, котораго вы такъ не любите, написалъ нѣсколько хорошихъ стихотвореній, особенно одно—плачъ старушки-крестьянки объ умершемъ сынѣ» [1]). Но, повторяемъ, Тургеневу въ то время очень хотѣлось привлечь Аксакова въ «Современникъ», т. е. прежде всего побороть антипатію Сергѣя Тимоѳеевича къ издателю журнала, а отзывъ о Некрасовѣ въ рецензіи на стихотворенія Тютчева былъ помѣщенъ въ журналѣ того же Николая Алексѣевича (кн. 4).

Послѣ своего разрыва съ «Современникомъ» Тургеневъ высказывался въ письмахъ уже вполнѣ откровенно, особенно въ перепискѣ съ Полонскимъ: «г-нъ Некрасовъ—поэтъ съ натугой и штучками; пробовалъ я на-дняхъ перечесть его собраніе стихотвореній... нѣтъ! Поэзія и не ночевала тутъ—и бросилъ я въ уголъ это жеванное папье-маше съ поливкой изъ острой водки» (письмо отъ 13-го января 1868 года). «Поэзіи-то я въ Некрасовѣ не признаю,—а увлекать массу, дѣйствовать на своихъ современниковъ можно и другими вещами—либерализмомъ и т. д.» (письмо отъ 29-го января 1870 года). «Его (Некрасова) поэма «княгиня Волконская», по-моему, противнѣйшая, слащаво-либеральная»... «Кому на свѣтѣ (Руси) жить хорошо»—лучше; но и тутъ все избитыя темы, въ двадцать разъ лучше обработанныя другими» (письмо отъ 22-го марта 1873 г.). Когда послѣ смерти издателя «Современника» надъ свѣжей его могилой вспыхнулъ странный споръ о томъ, кто выше: Некрасовъ или Пушкинъ, Тургеневъ такъ высказался по поводу этого въ письмѣ къ тому же Полонскому (11-го января 1878 г.): «Ты знаешь мое мнѣніе о Некрасовѣ, и потому говорить о немъ не стану. Пускай молодежь носится съ нимъ. Оно даже полезно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, тѣ струны, которыя его поэзія (если только можно такъ выразиться) заставляетъ звенѣть — струны хорошія.—Но, когда г. Скабичевскій, обращаясь къ той же молодежи, говоритъ ей, что она права, ставя Некрасова в ы ш е Пушкина и Лермонтова—и говоритъ это «не обинуясь», я съ трудомъ удерживаю негодованіе и только повторяю стихи Шиллера:

[1]) См. „Вѣстн. Европы“ 1894 г., февраль, 485 и 486.

«Ich sah des Ruhmes schönste Kränze
Auf der gemeinen Stirn entweiht» [1]).

Откровенное мнѣніе о Некрасовѣ Ивану Сергѣевичу приходилось высказывать и печатно послѣ выхода своего изъ «Современника». Въ рецензіи на произведенія Полонскаго онъ писалъ между прочимъ: «Я убѣжденъ, что любители русской словесности будутъ еще перечитывать лучшія стихотворенія Полонскаго, когда самое имя г. Некрасова покроется забвеніемъ. Почему же это? А просто потому, что въ дѣлѣ поэзіи живуча только одна поэзія, и что въ бѣлыми нитками сшитыхъ, всякими пряностями приправленныхъ, мучительно-высиженныхъ измышленіяхъ «скорбной» музы г. Некрасова—ея-то, поэзіи-то и нѣтъ на грошъ, какъ нѣтъ ея, напримѣръ, въ стихотвореніяхъ всѣми уважаемаго и почтеннаго А. С. Хомякова, съ которымъ, спѣшу прибавить, г. Некрасовъ не имѣетъ ничего общаго» [2]). Намъ нечего, конечно, придавать односторонній смыслъ выраженію «любители русской словесности», такъ какъ мы знаемъ, какое видное мѣсто отводилъ Тургеневъ въ народной жизни поэзіи и искусству: «Дикарь каменнаго періода, начертившій концомъ кремня на приспособленномъ обломкѣ кости медвѣжью или лосиную голову, уже перестаетъ быть дикаремъ, животнымъ. Но только тогда, когда творческою силою избранниковъ народъ достигаетъ сознательно полнаго, своеобразнаго выраженія своего искусства, своей поэзіи—онъ тѣмъ самымъ заявляетъ свое окончательное право на собственное мѣсто въ исторіи»,—такъ выразился Иванъ Сергѣевичъ въ своей прекрасной рѣчи на Пушкинскихъ празднествахъ 1880 года [3]). Въ этой же рѣчи онъ разъ навсегда опредѣляетъ и положеніе, какое заняло творчество Некрасова въ ходѣ нашего литературнаго развитія. Муза «мести и печали» знаменовала собою во всякомъ случаѣ болѣзненный, переходный періодъ въ прогрессѣ русскаго искусства, который необходимо было пережить съ благоразумной твердостью и спокойствіемъ, такъ какъ появленіе переходной полосы въ литературѣ оправдывалось возникновеніемъ новыхъ, вполнѣ законныхъ и неотразимыхъ потребностей и вопросовъ. «Изъ бѣломраморнаго храма, гдѣ поэтъ являлся жрецомъ, гдѣ, правда, горѣлъ огонь... но на алтарѣ—и сожигалъ... одинъ ѳиміамъ—люди пошли на шумныя торжища, гдѣ именно нужна метла... и метла нашлась» [4]).

Н. Гутьяръ.

---

[1]) Первое собр. писемъ, 130, 171, 215, 327.
[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1870 г. № 8-й.
[3]) Соч. Тургенева XII, 334.
[4]) Тамъ же, 338.

Болѣзнь князя Г. Г. Орлова и назначеніе надъ нимъ опеки.

Рескриптъ императрицы Екатерины II братьямъ Орловымъ.

31-го декабря 1782 г.

Графъ Иванъ Григорьевичъ, графъ Алексѣй Григорьевичъ, графъ Ѳедоръ Григорьевичъ и графъ Владиміръ Григорьевичъ! Болѣзненное состояніе брата вашего князя Григорія Григорьевича тѣмъ чувствительнѣе меня оскорбляетъ, поколику превосходныя его душевныя качества, отличное усердіе ко мнѣ и къ Отечеству и знаменитыя заслуги не могутъ никогда быть забвенны. Я принимаю истинное участіе въ печали, которую причиняетъ вамъ подобное состояніе брата и друга вашего, но когда всѣ старанія, доселѣ къ исцѣленію его употребленныя, были безплодны, и когда успѣха въ томъ не инако, какъ отъ времени ожидать можно, то и нахожу я лучшимъ средствомъ особу и мнѣніе его препоручить вашему присмотру и попеченію до совершеннаго его исцѣленія. Извѣстныя мнѣ между всѣми вами братская любовь и дружба служатъ мнѣ надежною порукою, что вы приложите всемѣрное стараніе къ сохраненію его, къ доставленію ему всего нужнаго въ настоящемъ его положеніи и къ исцѣленію его. Отъ васъ зависитъ избрать мѣсто, для пребыванія его способное, гдѣбы онъ чистымъ воздухомъ и всякими свойственными выгодами пользоваться могъ. Что касается до соблюденія имѣнія его, въ томъ я совершенно на васъ полагаюсь, предоставляя распоряжать онымъ сообразно государственнымъ узаконеніямъ, особливо же наставленіямъ опекунамъ въ Моихъ учрежденіяхъ даннымъ. Долги на немъ имѣющіеся вы можете уплачивать изъ его пенсіи, жалованья и другихъ доходовъ[1]).

Сообщ. Д. П. Струковъ.

[1]) Д. Ген. Пов. св. 640, д. № 11.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

(Воспоминанія офицера генеральнаго штаба).

Ужасные дни [1]).

VII.

Корреспонденція В. Россоловскаго.—Письмо генерала Крылова генералу Куропаткину.—Параллельная таблица дѣйствій лѣваго фланга, центра и праваго фланга.—Нѣсколько словъ вообще.—Конецъ „ужасныхъ дней".—Заключеніе.

Весьма интересную и живую корреспонденцію о 31-мъ августа прочиталъ я впослѣдствіи въ № 563 (1877 г.) «Новаго Времени», вышедшую изъ подъ пера уже помянутаго мною корреспондента, почтеннѣйшаго В. Россоловскаго. Привожу изъ нея отрывокъ.

«Четвергъ 22-го сентября (4-го октября) 1877 г. Около часу дня пріѣзжаютъ на мѣсто, гдѣ стояла осадная батарея (которую ночью увезли и какъ бы теперь она пригодилась!), генералы Зотовъ и Крыловъ, помощникъ начальника штаба Новицкій, весь штабъ.—Все это со вниманіемъ смотритъ въ бинокли на Зеленыя горы, гдѣ у Скобелева идетъ кровавый бой за ключъ къ Плевненскимъ позиціямъ. Впрочемъ кромѣ Скобелева, князя Имеретинскаго, генерала Крылова и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, мало кто и сознаетъ, что это дѣйствительно к л ю ч ъ! [2]). Подкрѣпленій не шлютъ, только полевая артиллерія наша,

---

[1]) См. „Русскую Старину", декабрь 1902 г.

[2]) Тутъ В. Россоловскій ошибается: генералъ Зотовъ въ реляціи своей о штурмѣ Плевны 30-го августа признаетъ, что это былъ тактическо-стратегическій ключъ. П. П.

выдвинувшись сильно впередъ на отрогахъ Радишевской возвышенности, упирающихся въ Тученицкій оврагъ, помогаетъ, насколько можетъ, Скобелеву, поражая лѣвый флангъ непріятеля. Въ это время узнаю, что и подкрѣпленіе, посланное генераломъ Крыловымъ, не дошло въ полномъ составѣ; батальонъ Ярославскаго полка вернули, за то немного спустя послали Серпуховскій полкъ [1]). Во все это время солнце сіяетъ, день совсѣмъ разгулялся. У Скобелева какъ будто стихаетъ бой, а между тѣмъ не видать, чтобы турки подвигались впередъ. У всѣхъ, наблюдающихъ за ходомъ дѣлъ на Зеленой горѣ, дѣлается легче на сердцѣ: глазамъ и чувству дается нѣкоторый отдыхъ, всѣ переглядываются между собою радостно и какъ бы не вѣря дѣйствительности. Увы! не долго продолжалась тишина: вдругъ турки выростаютъ изъ кустовъ, изъ траншей, лѣзутъ точно муравьи на отнятыя у насъ позиціи: открывается жестокій огонь, затѣмъ какъ будто стихаетъ, но не надолго—опять возобновляется огонь съ новою силою... а съ нашей стороны, на лѣвомъ флангѣ (т. е. въ центрѣ), все тихо, хоть бы малѣйшая попытка отвлечь силы непріятеля отъ Скобелева!—Кто-то вдругъ замѣчаетъ дрожащимъ голосомъ: «Господи, наши никакъ отступаютъ»!—«Вы ошибаетесь, быть этого не можетъ, отступаютъ турки». Опять всѣ бинокли направляются на Зеленыя горы... убѣждаемся, что наши дѣйствительно отступаютъ. Отступленіе полное по всей линіи».—А затѣмъ, по словамъ В. Россоловскаго, въ центрѣ получается донесеніе Скобелева: «отбивъ пять атакъ отступаю прикрываясь Шуйскимъ полкомъ».

Въ сочиненіи «Ловча и Плевна» приведенъ въ высшей степени интересный и важный документъ—письмо бывшаго командира четвертаго корпуса генерала Крылова къ генералу Куропаткину отъ 18-го марта 1884 года, изъ коего я привожу здѣсь выдержки [2]).

«29-го августа утромъ пріѣхалъ на Радишевскую позицію М. Д. Скобелевъ и, сообщивъ мнѣ о предстоящей ему атакѣ редутовъ, предложилъ поддержать его атаку движеніемъ 4-го корпуса на Плевну по берегу Тученицкаго оврага.

«Совершенно раздѣляя съ нимъ мнѣніе, что только усиленнымъ ударомъ на одинъ избранный пунктъ...» и т. д.—«я отвѣтилъ генералу Скобелеву, что одновременно съ его атакой на редутъ двинусь на Плевну, по пути, который онъ указалъ...»

«Въ ночь на 30-е августа получилась диспозиція общей атаки, въ которой отъ 4-го корпуса назначались 2 бригады для штурма редутовъ центра.

«Эта диспозиція отнимала возможность совокупнаго дѣйствія 4-го

---

[1]) Коломенскій?

[2]) „Ловча и Плевна". Генералъ-маіора Куропаткина. Часть II, стр. 663.

корпуса и для приведенія въ исполненіе плана Скобелева оставалось только одно средство—принять въ свое начальство общій резервъ и, одновременно съ атакой въ центрѣ, двинуться хоть съ частью его въ Плевну.

«Преждевременная атака въ центрѣ разрушила всѣ планы...

«Поэтому, когда въ 9 часовъ утра 31-го августа поручикъ Карамышевъ [1]) сообщилъ мнѣ, что изъ взятыхъ двухъ редутовъ отрядомъ Скобелева не можетъ быть отступленія, если не будетъ прислано немедленно подкрѣпленія, я тотчасъ же отправилъ къ Скобелеву Шуйскій и Ярославскій полки, считая долгомъ чести прежде всего подать помощь тамъ, гдѣ она необходима.

«Въ то время когда Шуйскій полкъ у мельницы переходилъ Тученицкій оврагъ, ординарецъ генерала Зотова, поручикъ Аничковъ, привезъ мнѣ приказаніе «немедленно вернуть посланныя на выручку войска въ виду опаснаго положенія артиллеріи 4-го корпуса».

«Я отказался исполнить подобное приказаніе: Шуйскій полкъ скрылся изъ виду, но когда стали подходить ярославцы, подъѣхалъ съ своимъ штабомъ генералъ Зотовъ и отдалъ личное приказаніе отправить ихъ къ общему резерву».

«Чтобы исполнить уговоръ мой со Скобелевымъ и ввести въ дѣло резервъ атакой на Плевну, казавшеюся мнѣ въ ту минуту безусловно необходимою, я лично потребовалъ въ свое распоряженіе тѣ полки 4-го корпуса, которые были въ составѣ резерва: генералъ-маіоръ Богацѣвичъ сообщилъ мнѣ, что имѣетъ приказаніе исполнять только личныя приказанія начальника штаба отряда» [2]).

«На мою неотступную просьбу и настояніе, генералъ Зотовъ отвѣтилъ отказомъ, присовокупивъ, что имъ подана записка, съ изложеніемъ его мнѣнія, что слѣдуетъ отвести войска за р. Осьму и ожидать подкрѣпленій на позиціи у Булгарени».

Все это происходило 31-го августа задолго до $4^1/_2$ часовъ, когда Скобелевъ былъ выбитъ изъ редутовъ [3]).

Оставляя въ сторонѣ совершенно непостижимое по своему неумѣстному излишеству опасеніе за батареи 4-го корпуса [4]) и рядомъ съ этимъ еще болѣе непостижимое равнодушіе къ Скобелеву и его отряду, именно въ эти часы умиравшимъ на Зеленогорскихъ реду-

---

[1]) Офицеръ 3-й стрѣлковой бригады, состоявшій ординарцемъ при Скобелевѣ. П. П.

[2]) Т. е. генерала Зотова.

[3]) Шуйскій полкъ пришелъ на второй гребень въ третьемъ часу дня.

[4]) Опасеніе за батареи было чрезвычайное; для прикрытія батарей отъ Гривицы до Радишева и осадной батареи назначено было 5 полковъ, т. е. болѣе дивизіи. П. П.

тахъ,—интересна эта записка Зотова: отступить за р. Осьму. Очевидно, что она была уже подана имъ; очевидно также, что она была подана имъ послѣ неудачныхъ результатовъ дѣйствій праваго фланга и центра 30-го августа, т. е. наканунѣ. Ясно, что начали уже господствовать оборонительныя тенденціи, такъ какъ на позицію за рѣку, подъ ея прикрытіе, становятся только для обороны. Очевидно, что насъ снова угнетало то чувство, о которомъ я упомянулъ уже однажды сказавъ: «врагъ выросъ, а мы умалились» [1]). И не въ томъ горе, что турки выросли и осмѣлѣли, а въ томъ, что мы-то почувствовали, что мы умалились, что явилось опасное сознаніе: ничего не подѣлаешь. Отъ хвастливаго и пренебрежительнаго: «впередъ и впередъ» [2]), мы, пройдя различныя стадіи барометрическаго паденія и повышенія, переходимъ очевидно къ движенію назадъ, боязливому и въ данномъ случаѣ унизительному отступленію за естественную преграду—р. Осьму. Сознаніе, что «ничего не подѣлаешь», проявившееся на верху, естественно передавалось внизъ, да еще увеличенное въ бо́льшей степени, а отъ этого до сложенія рукъ,. до катастрофы—рукой подать.

Тяжко, когда плоть немощна при бодромъ духѣ, но совсѣмъ конецъ, когда духъ упалъ!

Слава Богу, этого не случилось; за р. Осьму мы не отступили, а остались на своихъ позиціяхъ, лицомъ къ лицу съ врагомъ и этимъ самымъ вселили въ немъ убѣжденіе, да и сами-то прониклись убѣжденіемъ, что мы пріостановились только на время, что мы сторожимъ Плевну и что не въ далекомъ будущемъ—ее все таки возьмемъ. Удержаніе старыхъ позицій было весьма важно въ нравственномъ отношеніи; мы вновь начали жить надеждой, что конецъ будетъ и что онъ будетъ нашей побѣдой.—Принявъ за основаніе дѣйствій обложеніе Плевны, т. е. въ принципѣ систему выжиданія, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не только не исключили идею наступленія, но мѣстами энергично повели его впередъ (Горній Дубнякъ, Телишъ), что̀ и дало сейчасъ же блистательные результаты: безкровное занятіе Дольняго Дубняка, сомкнутіе непроницаемаго вокругъ Плевны кольца и наконецъ ея паденіе.

Слѣдующая за симъ таблица, надѣюсь, наглядно покажетъ дѣйствія 30-го и 31-го августа праваго фланга, центра и лѣваго фланга, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснитъ, можно-ли было, при другомъ распредѣленіи войскъ, поддержать или выручить Скобелева 31-го августа на Зеленыхъ горахъ.

---

[1]) Изъ прошлаго, часть I. На войнѣ, стр. 345.

[2]) Тамъ же, стр. 284.

Выписка изъ диспозиціи для штурма Плевны 30-го августа.

«Завтра, 30-го августа, назначается общая атака укрѣпленнаго Плевненскаго лагеря, для чего: 1) съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 8-ми часовъ утра. Въ 9 часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю. Въ 11 часовъ дня вновь открыть усиленный артиллерійскій огонь и продолжать его до часа по полудни. Съ часа до $2^1/_2$ часовъ опять прекратить огонь на всѣхъ батареяхъ, а въ $2^1/_2$ часа вновь начать усиленную канонаду и т. д.

2) Въ 3 часа по полудни начать движеніе для атаки».

Приступая къ печатанію, я хотѣлъ провѣрить нѣкоторыя цифры въ моихъ запискахъ и въ случайно попавшемся мнѣ «журналѣ военныхъ дѣйствій IX армейскаго корпуса» [1]) прочиталъ диспозицію на 30-е августа въ изложеніи, различествующимъ отъ того, которое приведено мною, а именно, у меня сказано: [2]) «I. Съ разсвѣтомъ со всѣхъ батарей открыть самый усиленный огонь по непріятельскимъ укрѣпленіямъ и продолжать его до 8-ми часовъ утра. Въ 9-ть часовъ одновременно и вдругъ прекратить всякую стрѣльбу по непріятелю», а въ помянутомъ «журналѣ» IX-го корпуса сказано: ..... продолжать его до 9-ти часовъ утра. Въ 9-ть часовъ одновременно и вдругъ и т. д.». Часы эти поставлены у меня и въ «журналѣ» цифрами. Это разногласіе побудило меня тщательно провѣрить мои цифры и вотъ, что я нашелъ. Въ статьяхъ генерала Куропаткина, помѣщенныхъ въ «Военномъ Сборникѣ» [3]), часы показаны какъ у меня; въ отдѣльномъ изданіи этихъ статей [4]), изданіи несомнѣнно пересмотрѣнномъ и исправленномъ, тоже согласно со мной, часы обозначены 8 и 9, цифрами. — Въ «журналѣ военныхъ дѣйствій IV армейскаго корпуса» — тоже [5]). Для окончательнаго рѣшенія вопроса я обратился, такъ сказать, къ первоисточнику, а именно досталъ «Военный Сборникъ» 1877 года № 12, гдѣ въ отдѣлѣ: «русское военное обозрѣніе» помѣщены подъ рядъ различные современные оффиціальные документы, рапорты, реляціи, диспозиціи и т. п. съ обоихъ театровъ войны и тамъ на стр. 378 нашелъ эту диспозицію, написанную совершенно такъ, какъ у меня, при чемъ часы напечатаны не цифрами, а прописью, исключающей всякое сомнѣніе въ вѣрности редакціи.

---

[1]) Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ. Выпускъ 3, стр. 117.
[2]) „Русская Старина“ 1902 г. № 11.
[3]) „Воен. Сб.“ 1881, 1882 и 1883 г. Ловча, Плевна и Шейново.
[4]) Ловча и Плевна. Часть II, стр. 375.
[5]) Сборникъ матеріаловъ по русско-турецкой войнѣ. Выпускъ 13, стр. 125.

30-е августа.

Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ.
	22 батальона [1]).	30 батальоновъ [2]).	48 батальоновъ [3]).
	80 орудій.	152 орудій.	118 орудій.
	8 эск. 18 сотенъ.	4 полка кавалеріи	
	18 конныхъ орудій.	русской и румынской [4]).	
	Всего приблиз. 14.000	. . . . 24.500	. . . . 29.400
	Потеря приблиз. 6.380	 4300	. . . . 4.000
	45%	18%	12%

Разсвѣтъ. Открытіе артиллерійскаго огня.

10 ч. у.	Начало наступленія для занятія 3-го гребня.		
Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ.
11 ч. у.	Переходъ турокъ въ наступленіе на 3-й гребень. Начало расходованія резерва 1-й линіи.		
12.	Продолженіе боя.	Преждевременная атака Углицкаго и Воронежскаго полковъ противъ редута Омаръ-бей-табіи.	
2 ч.	Суздальцы, владимірцы, 9 и 10 стр. бат. сбрасываютъ турокъ съ 3-го гребня въ редуты. Ревельцы двинуты на 3-й гребень; Либавцы, 11 и 12 стр. бат. на второй гребень. Осталось въ резервѣ соединенныхъ отрядовъ кн. Имеретинскаго и Скобелева: 2 бат. эстляндцевъ, 2 бат. калужцевъ.	Отступленіе этихъ полковъ.	

[1]) Изъ нихъ Калужскій полкъ, 3 батальона—весьма слабые. Вся 2-я дивизія насчитывала 8.000 чел.

[2]) Изъ этого числа 9 батальоновъ и 30 орудій считались въ главномъ резервѣ.

[3]) Русскихъ 6, румынскихъ 42.

[4]) Остальная кавалерія была за р. Видъ.

	1 бат. эстляндцевъ прикрывалъ лѣвый флангъ Скобелева отъ Кришина, а 1 бат. калужцевъ въ д. Брестовацъ, тоже противъ Кришина; слѣдовательно, свободнаго резерва — 4 батальона.		
3 ч.	Штурмъ редутовъ владимірцами, суздальцами, 9 и 10 стр. бат. Введенъ въ бой Ревельскій полкъ, а изъ резерва переведены на 3-й гребень, въ распоряженіе Скобелева 12 ротъ либавцевъ и 5 ротъ 11 и 12 стр. бат. (всего 5 бат.). Введены въ бой и эти 5 батальоновъ. Переходъ турокъ въ наступленіе противъ праваго фланга Скобелева.	Атака Казанскаго и Шуйскаго полковъ на позиціи у редута Омаръ-бей-табіи и на самый редутъ. Воронежскій и Галицкій полки двинуты на подкрѣпленіе.	Атака 4-й румынской дивизіи полковника Александра Ангелеско Гривицкаго № 1-го редута; 3-й румынск. див.; полковн. Георгія Ангелеско--Гривицкаго редута № 2. Атаки эти отбиты.
Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ
$4^1/_2$.	Взятіе редута № 1-го.		
5 ч.	Переходъ турокъ въ наступленіе съ фронта и съ лѣваго нашего фланга. Смерть генерала Добровольскаго. Наступленіе турокъ изъ редута № 2-го на редутъ № 1-го. Вылазка изъ редута № 1-го капитана Куропаткина. Очищеніе турками соединительной между редутами траншеи, затѣмъ переходъ ихъ изъ редута № 2-го въ наступленіе и отбитіе нашей вылазки.		
$5^1/_2$.	Отправленіе кн. Имеретинскимъ семи сбор-		Атака Архангелогородскаго и Воло-

	ныхъ ротъ подполк. Мосцевого и $2^1/_2$ ротъ владимірцевъ Горталова на подкрѣпленіе Скобелева.		годскаго полковъ вмѣстѣ съ частями 4-й румынской дивизіи редута № 1-го (Гривицкаго) и взятіе его.
6 ч. Сумерки.	Взятіе редута № 2. Посылка кн. Имеретинскимъ къ Скобелеву двухъ батальоновъ Эстляндскаго полка, занявшихъ соединительную траншею, между редутами №№ 1-го и 2-го.	Отступленіе этихъ полковъ. ——— Совершенное прекращеніе боя.	Совершенное прекращеніе боя.
Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ.
	Осталось не введенными въ бой:		
	2 слабыхъ батальона Калужскаго полка [1]).	17 батальоновъ. (Полки: Пензенскій, Тамбовскій, Коломенскій, Серпуховской, Козловскій и 2 батальона Ингерманландскаго).	24 батальона. (2-я румынская дивизія—17 батальоновъ и 2-я бригада 3-й румынской дивизіи полк. Грамона—7 бат.
		Всего свободныхъ для дѣйствія на 31-е августа 41 батальонъ.	
Ночь.	Ружейный огонь турокъ по всей позиціи на Зеленыхъ горахъ отъ редутовъ до перваго гребня. Попытка турокъ прорвать нашъ лѣвый флангъ. (Большинство нашихъ не спало вторую ночь, нѣкоторые третью, а въ Эстляндскихъ ротахъ четвертую ночь).		
11 ч. вечера.	Наиболѣе сильная за всю ночь попытка турокъ атаковать. Посылка княземъ Име-		Первая попытка турокъ возвратить взятый нами редутъ Гривицкій № 1-го.

[1]) Одинъ батальонъ Эстляндскаго полка, прикрывавшій весь нашъ лѣвый флангъ со стороны Кришина, былъ посланъ около 10 ч. веч. къ Скобелеву, а 1 батальонъ Калужскаго полка, занимавшій д. Брестоваць, для прикрытія тыла, тоже отъ Кришина, не могъ быть выведенъ оттуда.

	ретинскимъ къ Скобелеву двухъ сотенъ Владикавказскаго казачьяго и двухъ взводовъ Донскаго казачьяго полка.		Попытки повторились ночью еще два раза, но были отбиты защитниками редута, русскими и румынами.

31-го августа.

6 ч. у.	Усиленное обстрѣливаніе турками нашихъ позицій.		
7-й часъ.	Первая атака турокъ на нашъ лѣвый флангъ, на редутъ № 1-го.		
8.	Вторая, болѣе сильная, въ томъ же направленіи. Одновременная попытка противъ редута № 2-го.		
$10^1/_2$.	Одновременная атака турокъ съ фронта и лѣваго нашего фланга. Атака отбита личнымъ вмѣшательствомъ Скобелева въ дѣло.		
Часы.	Лѣвый флангъ.	Центръ.	Правый флангъ.
11—12.	Переходъ турокъ въ наступленіе съ праваго берега Тученицкаго оврага, со стороны редута Омаръ-бей-табія, въ тылъ редутовъ и 3-го гребня. Атака отбита.		
2-й часъ.	Взрывъ ящика въ редутѣ № 1. Смерть ген. Тебякина. Атака турокъ на редутъ № 1-й. Турки отбиты. Посылка княземъ Имеретинскимъ къ Скобелеву послѣднихъ 2-хъ батальоновъ Калужскаго полка и сборнаго батальона стрѣлковъ. Въ резервѣ не осталось за симъ ничего [1]).		

[1]) Кромѣ батальона калужцевъ (350—270 ч.) въ д. Брестовацъ.

2 ч. Атака турокъ съ фронта и съ обоихъ флан-говъ.
Отступленіе турокъ.
Приготовленія Скобе-лева къ встрѣчѣ но-вой ожидаемой атаки турокъ.
Обходъ имъ редутовъ.
Прибывшіе шуйцы поставлены на 3-й гребень.

$4^1/_2$. Послѣдняя атака ту-рокъ.
Смерть маіора Горта-лова.
Оставленіе нами реду-та № 1-го. Атака тур-ками редута № 2-го съ трехъ сторонъ. От-ступленіе подп. Мос-цевого изъ этого ре-дута послѣ повторен-наго приказанія о семъ Скобелева.
Движеніе шуйцевъ впередъ съ 3-го гре-бня на выручку; на-чавшееся было отсту-пленіе шуйцевъ. Тур-ки продвигаются къ 2-му гребню.
Новый и послѣдній пе-реходъ Скобелева въ наступленіе всѣмъ, что было подъ рукой. Тур-ки отбиты.
Отступленіе Ско-белева.

Осталось въ резервѣ свѣжихъ войскъ, не бывшихъ въ дѣлѣ:

0. 17 бат. 24 бат.

41 бат.

Все разсказанное выше, вмѣстѣ съ таблицей, приводитъ къ весьма печальнымъ размышленіямъ. — 41 свѣжихъ, не бывшихъ въ дѣлѣ батальоновъ бездѣйствуетъ все 31-е августа, когда рядомъ за оврагомъ, куда, рукой подать, — ручьи крови льются, изъ труповъ бруствера дѣлаютъ, чтобы закрыться отъ губительнаго огня, гдѣ тру-

повъ навалено столько, что по весьма картинному описанію участника-очевидца [1]): «одинъ мертвый солдатъ до пояса торчалъ къ сторонѣ турокъ, стоймя изъ груды убитыхъ товарищей. Красивое молодое лицо его безъ шапки, съ открытыми глазами, казалось издали живымъ. Хотѣлось сказать ему, чтобы онъ перешелъ на другое мѣсто. Только вблизи оказывалось, что уже никакія приказанія не дѣйствительны для этого солдата. Восковое лицо его было странно спокойно и этимъ спокойствіемъ производило подавляющее впечатлѣніе». А это было еще 30-го августа въ 6-мъ часу вечера, т. е. за сутки до конца. Или слѣдующее: «На редутѣ № 2-го часть бруствера, обращенная къ Плевнѣ, была сложена изъ труповъ» [2])...

Но оставимъ эти скорбныя чувства; каждая война состоитъ изъ ряда боевъ, и въ каждомъ бою являются трупы, восковыя лица и т. п. Посмотримъ съ другой стороны.

На правомъ флангѣ бой кончился въ 6—7 часовъ вечера 30-го августа, а въ центрѣ—въ сумерки, слѣдовательно, тоже, приблизительно, въ это время. Введено было въ бой на правомъ флангѣ и въ центрѣ 42 батальона, понесшихъ болѣе или менѣе значительныя потери, но еще существовавшихъ и не уничтоженныхъ; не введено въ бой—41 батальонъ. Какая же причина побудила считать бой конченнымъ?

Какъ бы то ни было, такъ какъ съ восточной стороны Плевны 31-го августа мы не наступали, то ясно, что рѣшеніе не продолжать бой послѣдовало въ ночь съ 30-го на 31-е; какъ же не сообщить объ этомъ на лѣвый флангъ своихъ же войскъ? Казалось бы дѣломъ первостепенной важности тотчасъ же сообщить: «бой рѣшено окончательно прекратить»... Это бы несомнѣнно повліяло на образъ дѣйствій Скобелева. Хотя въ западномъ отрядѣ и не было точныхъ свѣдѣній о мѣстности на Зеленыхъ горахъ, но все же положеніе южныхъ редутовъ Плевны, т. е. нахожденіе ихъ на южной оконечности города, было извѣстно и было также извѣстно о взятіи ихъ Скобелевымъ, а потому легко было сообразить, что оставаться на занятыхъ позиціяхъ, т. е. держаться въ редутахъ, соприкасающихся съ строеніями Плевны—нельзя. Очевидно, что, рѣшившись прекратить атаку Плевны (и даже предполагая отступить за р. Осьму), слѣдовало предписать Скобелеву отступить изъ редутовъ. Количество свободныхъ войскъ было велико, а потому, смѣю думать, надлежало написать: «штурмъ Плевны рѣшено окончательно прекратить. Посылаются вамъ №№ полки, прикрываясь которыми, предписываю вамъ безотлагательно отступить на позицію,

---

[1]) Генералъ Куропаткинъ. Ловча и Плевна. Часть II, стр. 467.

[2]) Рапортъ генерала Скобелева отъ 3-го сентября генералу Зотову о боѣ 30-го и 31-го августа.

избравъ таковую на Плевно-Ловченскомъ шоссе по вашему усмотрѣнію, но съ непремѣннымъ условіемъ совершеннаго прекращенія наступательныхъ дѣйствій», а не писать поздно вечеромъ 30-го августа условно: «предписываю вамъ и генералу Скобелеву укрѣпиться и держаться на нынѣ занятыхъ позиціяхъ, впредь до особаго приказанія» [1]), или въ 8½ часовъ утра 31-го августа: «если вы не можете удержаться на занятыхъ вами позиціяхъ, то начните, но по возможности отнюдь не ранѣе вечера, медленное отступленіе» и далѣе въ той же запискѣ: «Гривицкій редутъ у насъ въ рукахъ, но продолжать наступленіе не съ чѣмъ, а потому рѣшено медленное отступленіе» [2]), и наконецъ послѣдняя записка, полученная княземъ въ 2 часа дня, съ приказаніемъ передать Скобелеву: «держаться до невозможности; разсчитывать на подкрѣпленія сегодня нельзя»[3]).

Въ приказаніи Скобелеву надлежало: 1) ясно и опредѣлительно указать, что атака безусловно прекращена, 2) категорически приказать отступить и 3) обязательно подкрѣпить для прикрытія отступленія; и при томъ все это слѣдовало сдѣлать своевременно.—Нужно было имѣть достаточно гражданскаго мужества и, рѣшивши, что все уже сдѣлано, что больше «ничего не подѣлаешь»—выразить это опредѣленно, не ждать, чтобы турки насъ выбили, а уйти самимъ, т. е. сдѣлать добровольно то, что было сдѣлано съ напрасной потерей около 2.000 человѣкъ [4]). Казалось, легко было понять, что турки не могутъ оставить Скобелева чуть не вплотную къ самой Плевнѣ; ясно было, что турки будутъ выбивать Скобелева изъ редутовъ и что, освободившись отъ насъ съ восточной стороны, они, усилившись на югѣ Плевны, кончатъ тѣмъ, что одолѣютъ. Турки все равно торжествовали побѣду, торжествовали, что выбили насъ, такъ не лучше ли было, сознавъ необходимость... отступить самимъ.

Барклай-де-Толли и Кутузовъ не хуже насъ были, но, сознавъ необходимость,—отступили, да еще какъ: отъ Смоленска и даже отъ Москвы.

Отчего въ оба дня—30-го и 31-го августа на лѣвый флангъ не пріѣхалъ никто изъ авторитетныхъ лицъ штаба западнаго отряда?.. То были такія минуты, дѣло такой первостепенной важности, что если не самому генералу Зотову, то довѣренному отъ него и при томъ свѣдущему лицу приличествовало: «во очію убѣдиться»... «посмотрѣть на мѣстѣ по-

---

[1]) Записка эта была адресована князю Имеретинскому.

[2]) Адресована Скобелеву и привезена ему 31-го августа въ 10½ часовъ утра полковникомъ Орловымъ.

[3]) Адресована князю Имеретинскому.

[4]) Къ вечеру 30-го августа потеря лѣваго фланга была около 4.000 чел., а 31-го къ концу боя 6.380. П. П.

ложеніе дѣлъ».—Скобелева нельзя винить за то, что онъ самовольно не отступилъ; не такой это былъ человѣкъ, да и указанія получались иныя; наконецъ, если бы Скобелевъ зналъ навѣрное, что штурмъ безповоротно конченъ, то вѣроятно и онъ поступилъ бы иначе. Какъ ни обидно и какъ ни горько было бы покинуть облитые нашей кровью редуты, но все же, получи Скобелевъ опредѣленныя свѣдѣнія и категорическое приказаніе—онъ отступилъ бы; присылка подкрѣпленій, конечно не въ видѣ пострадавшаго наканунѣ Шуйскаго полка, а примѣрно свѣжихъ 2 полка дала бы ему на то возможность, а что Михаилъ Дмитріевичъ съумѣлъ бы это сдѣлать—сомнѣнія быть не можетъ.

Поражаетъ это неимовѣрное опасеніе за артиллерію; опасеніе это видно уже изъ диспозиціи, по которой 5 полковъ, т. е. 15 батальоновъ пришиты къ батареямъ, а затѣмъ опасеніе это становится еще болѣе очевиднымъ изъ приказаній, данныхъ генералу Крылову 31-го августа [1]). Ясно, что боялись перехода турокъ въ наступленіе, а между тѣмъ надо было считать себя счастливымъ, если бы турки перешли въ наступленіе; до такой степени было это намъ на руку, что надо было стараться выманить ихъ въ поле, а не бояться этого.—Выходъ турокъ изъ Плевны на востокъ долженъ былъ бы составлять завѣтную мечту начальника западнаго отряда.—Стоитъ только подумать: оставляя свои укрѣпленія, за которыми турки считали себя, да и признаны были нами—неуязвимыми, они лишались одного изъ главныхъ факторовъ своей силы—окоповъ; покидая ихъ, они оставили бы тамъ огромные запасы жестянокъ съ неизсякаемымъ количествомъ патроновъ, дѣлавшихъ ихъ огонь столь губительнымъ. Лишившись этихъ двухъ факторовъ, 35 т. турокъ [2]) выступило бы при равныхъ мѣстныхъ и огневыхъ (ружейныхъ) средствахъ, въ бой съ 75 т. русскихъ, имѣвшихъ болѣе 350 орудій противъ 60—70 турецкихъ.

Далѣе: выходя изъ Плевны въ поле на свой восточный фронтъ, не могли же турки обнажить свой южный фронтъ, на которомъ, такъ сказать, сидѣлъ Скобелевъ. Михаилъ Дмитріевичъ конечно съумѣлъ бы воспользоваться оплошностью турокъ и если бы они оставили противъ него мало войскъ, онъ ворвался бы въ Плевну, въ тылъ наступавшимъ, а чтобы приковать Скобелева къ его позиціи, туркамъ надо было бы пожертвовать значительными силами; съ чѣмъ же выступили бы они тогда на востокъ? Во всѣхъ случаяхъ, выходъ турокъ изъ окоповъ, для дѣйствія противъ насъ въ полѣ, былъ бы для нихъ роковой ошибкой. Тутъ былъ бы и конецъ, такъ что надо было желать того, чего опасались.

---

[1]) Письмо генерала Крылова генералу Куропаткину,

[2]) Считая все, что было въ Плевнѣ и даже вооруженныхъ жителей мусульманъ.

Выходъ турокъ въ поле былъ бы для насъ той счастливой минутой ошибки противника, про которую знаменитый Мориц Саксонскій сказалъ: «et quand il trouve sa belle», т. е. когда полководецъ усмотритъ счастливую минуту [1]) «свою красотку»—онъ, со всѣмъ, что у него есть, обрушивается на оплошавшаго противника!

Турки не сдѣлали этой колоссальной оплошности, этого неимовѣрнаго шага въ нашу пользу, а мы боялись ихъ наступленія и держали безъ дѣла массу войскъ...

Еще Суворовъ сказалъ, что «каждый воинъ долженъ знать свой маневръ», почему передъ боемъ, при малѣйшей къ тому возможности, дополняютъ словесными указаніями краткія, писанныя диспозиціи. Думается мнѣ, что это же было крайне необходимо при дѣйствіи отряда въ 75 т. человѣкъ по линіи въ 16 верстъ, отряда, раздѣленнаго на три самостоятельныхъ группы и при такой сложной операціи, какъ: «общая атака укрѣпленнаго Плевненскаго лагеря» [2]). Почему, думаю я, начальнику западнаго отряда не созвать къ себѣ, до 30-го августа, главныхъ начальниковъ для сообщенія имъ словесныхъ указаній? [3]) Не говоря уже о томъ, что эти словесныя указанія освѣтили бы многое, одухотворили бы мертвую диспозицію,—на этомъ собраніи можетъ быть многое выяснилось бы, были бы выслушаны заявленія и все, взятое вмѣстѣ, принесло бы несомнѣнную пользу. Приходится очень пожалѣть, что этого не сдѣлалъ генералъ Зотовъ, «который, облеченный полной мочью и довѣріемъ, уже въ теченіе цѣлаго мѣсяца готовился къ рѣшительному бою съ турками [4]).

Кончились ужасные дни, кончаю и я мою повѣсть о нихъ.

Наступило затишье. Новые лавровые вѣнки, украсившіе наши доблестныя войска, были далеко еще впереди.

Оглядываясь на прошлое и на все изложенное выше, во мнѣ закрадывается сомнѣніе: не слишкомъ ли энергично перенесъ я на эти страницы тѣ волненія, скажу болѣе: тѣ возмущенія, которыми я и другіе были обуреваемы, видя подготовленія къ третьему штурму Плевны, читая диспозицію и видя ея исполненіе? Ищу себѣ оправданія и думаю, что нахожу его въ цифрахъ потерь нашихъ 30-го и 31-го августа: изъ 70.000 приблизительно участниковъ боя убито и ранено около

---

[1]) Ошибку противника.

[2]) Начало диспозиціи на 30-е августа.

[3]) Можетъ быть генералы баронъ Криденеръ и Крыловъ совѣщались съ генераломъ Зотовымъ—мнѣ это неизвѣстно; но что ни князь Имеретинскій, ни Скобелевъ не были вызываемы—это я знаю вѣрно. П. П.

[4]) Ловча и Плевна. Часть II, стр. 599.—Подчеркнуто нами. П. П.

14.500 человѣкъ, т. е. 20%; на Зеленыхъ же горахъ изъ 14.000 убито и ранено 6.380 человѣкъ, т. е. болѣе 45%.

О боевомъ результатѣ не говорю.

Это былъ еще урокъ, но, слава Богу, послѣдній.

Нельзя не пожалѣть, что главное руководство операціями западнаго отряда арміи 30-го и 31-го августа не было вложено въ руки самого главнокомандующаго. Великій князь былъ любимецъ всей арміи; онъ былъ добръ, былъ доступенъ: къ нему бы охотно поѣхали, и онъ бы выслушалъ. Великій князь одаренъ былъ замѣчательнымъ военнымъ чутьемъ, у него былъ глазъ: почемъ знать, можетъ быть, у него для лѣваго фланга и поддержки нашлись бы...

А теперь, въ заключеніе, воздадимъ должное памяти отшедшихъ: князь Имеретинскій, 29-го августа, зная уже о неизбѣжности штурма и не имѣя основанія сомнѣваться въ томъ, что главное руководство дѣйствіями на Плевно-Ловченскомъ шоссе будетъ въ его рукахъ, знакомый со всею обстановкой южной стороны Плевны, князь Имеретинскій признавалъ безусловно необходимость вести атаку одновременно на Кришинскій редутъ и на Плевненскіе, признавалъ это настолько, что вечеромъ, долго не получая диспозиціи, принялъ мѣры и сдѣлалъ отъ себя распоряженія, соотвѣтствовавшія этой основной идеѣ, хотя и зналъ, что для вѣрнаго успѣха у него недостаточно войскъ; но все же и при этомъ условіи, не отрѣшился отъ своего взгляда, сложившагося у него до 30-го августа.

Генералъ Скобелевъ въ рапортѣ своемъ отъ 1-го сентября генералу Зотову написалъ: «Необходимость одновременно атаковать Кришинскій редутъ и Плевненскій редутъ выяснена опытомъ».

VIII.

Позднѣйшія примѣчанія. — Изъ біографіи короля Карла Румынскаго.— Реляція генерала Зотова о 30-мъ и 31-мъ августа.—Турецкій источникъ объ оборонѣ Плевны.— Нѣкоторыя свѣдѣнія о силахъ турокъ въ Плевнѣ и о нашихъ потеряхъ.

Такъ какъ отрывки изъ моихъ воспоминаній объ «ужасныхъ дняхъ» появляются въ печати черезъ 25 лѣтъ послѣ событія, въ нихъ описаннаго, то, я думаю, не будетъ лишнимъ дополнить ихъ нѣкоторыми свѣдѣніями, которыя я узналъ впослѣдствіи.

Мнѣ пришлось слышать мнѣніе одного лица, еще въ рукописи читавшаго мои записки, о направленіи, избранномъ Скобелевымъ для

атаки 30-го августа на Зеленыхъ горахъ; впечатлѣніе, вынесенное изъ чтенія написаннаго мною, сводилось къ тому, что какъ будто я признаю болѣе правильнымъ вести атаку на Кришинскую группу, а не на Скобелевскіе редуты, такъ какъ въ этомъ случаѣ мы не влѣзали въ тотъ мѣшокъ, о которомъ я говорилъ.

Можетъ случиться, что и у читателей, помимо моей воли, сложится такое же впечатлѣніе; поэтому вернусь къ вопросу о направленіи атаки.

И прежде, 29-го августа, и позже, приводя въ порядокъ мои записки, ознакомившись съ многими источниками, нашими и иностранными, я держался одного мнѣнія: признавалъ одновременную атаку Кришинскаго редута (въ томъ видѣ, какимъ мы его тогда знали) и Скобелевскихъ редутовъ—безусловно единственнымъ, вполнѣ соотвѣтствующимъ рѣшеніемъ задачи: атаки южнаго фронта Плевны; единственнымъ способомъ достигнуть прочнаго успѣха на основаніи свойствъ мѣстности, ея искусственныхъ усиленій и положенія нашего лѣваго фланга по отношенію ближайшихъ къ этому флангу другихъ нашихъ войскъ—нашего центра. Но эта одновременная атака по двумъ расходящимся направленіямъ, на два взаимно дѣйствующіе и взаимно обороняющіеся района, обѣщала прочный успѣхъ только при соотвѣтствующемъ для сего количествѣ войскъ, которое можетъ быть приблизительно выведено изъ слѣдующихъ разсужденій. Въ теченіе дня 30-го августа Скобелеву пришлось вести фронтальныя атаки, имѣя дѣло съ непріятелемъ, непосредственно оборонявшимъ два редута и ихъ резервами. Группа Кришинскихъ редутовъ, т. е. Юнусъ-бей-табія, Миласъ-табія, Тель-ата-табія (укрѣпленіе Талаатъ-бея) и въ особенности сильный, сомкнутый редутъ Баглыкъ-Сырты (Багларъ-баши, Садовое), дѣйствуя огнемъ, уменьшали у Скобелева число борющихся единицъ и угнетали нравственно. До 6-ти часовъ вечера 30-го августа, одинъ только разъ, около 5-ти часовъ, турки вышли изъ редута Багларъ-баши и двинулись въ атаку на нашъ лѣвый флангъ, противъ занятаго уже нами редута № 1. Атака эта отбита огнемъ, при чемъ смертельно раненъ генералъ Добровольскій. Не смотря на то, что, какъ сказано выше, Скобелевъ имѣлъ непосредственное дѣло только съ двумя редутами, онъ былъ вынужденъ ввести въ бой до 6-ти часовъ вечера,—время когда былъ взятъ редутъ № 2,—16 батальоновъ изъ 22-хъ, при чемъ, для того чтобы разобраться и хотя бы какъ-нибудь въ нихъ укрѣпиться, князю Имеретинскому пришлось, скоро по взятіи редутовъ, въ сумерки, двинуть туда сперва два батальона эстляндцевъ, а затѣмъ въ 10—11-ть часовъ вечера еще одинъ, послѣдній батальонъ того же полка.

Такимъ образомъ, для овладѣнія двумя редутами потребовалось, при

напряженіи всѣхъ силъ и съ такимъ предводителемъ, какъ Скобелевъ—16 батальоновъ. Сколько же требовалось бы для взятія Кришинской группы при совмѣстной атакѣ и ихъ? Атакуя ихъ одновременно, мы конечно избѣгали фланговаго и тыльнаго обстрѣла Зеленогорскихъ позицій [1]), но за то имѣли бы дѣло не съ двумя редутами, расположенными на одной высотѣ и открытыми съ одной стороны, а еще съ четырьмя, взаимно обороняющимися, другъ за другомъ расположенными укрѣпленіями, при чемъ Юнусъ-бей-табія, а въ особенности Багларъ-баши были очень сильной профили. Допустимъ, что для этой атаки достаточно было бы тоже 16 батальоновъ. Въ общій резервъ этихъ двухъ атакующихъ группъ надо было назначить не менѣе трети всѣхъ силъ, принявъ во вниманіе обособленность всей этой операціи, удаленіе отъ нашего центра и существованіе Тученицкаго оврага. Всего, слѣдовательно, требовалось не менѣе 48 батальоновъ.—Если же принять во вниманіе, что утромъ 30-го августа, на этомъ участкѣ было 19 турецкихъ батальоновъ Эмина-паши, а къ вечеру—22, то цифра 48 батальоновъ, является болѣе чѣмъ скромною. Ловченскій штурмъ, длившійся съ 6-ти часовъ утра до 5-ти вечера и весьма упорный, увѣнчавшійся блестящимъ успѣхомъ, направляемый княземъ Имеретинскимъ и въ большей его части веденный тѣмъ же Скобелевымъ,— что въ толкованіи означаетъ: высшее напряженіе войскъ и отвага ихъ предводителя—потребовалъ съ нашей стороны 25 свѣжихъ батальоновъ противъ 8 регулярныхъ, тоже свѣжихъ, турецкихъ батальоновъ (съ черкесами и башибузуками 8.000) и съ потерею нами убитыми и ранеными 46 офицеровъ и 1.637 нижнихъ чиновъ. Еще рельефнѣе относительно цифръ представляетъ намъ взятіе Гривицкаго редута № 1, состоявшееся въ тотъ же день 30-го августа, на нашемъ правомъ флангѣ. Этотъ редутъ (Канлы-табія) былъ занятъ однимъ батальономъ и 2 орудіями; сосѣдній съ нимъ Гривицкій № 2 (Башъ-табія), на который атака не предполагалась, былъ занятъ 2 батальонами съ 4 орудіями. Въ траншеяхъ и батареяхъ, возведенныхъ длинной линіей въ 6 верстъ позади этихъ редутовъ, было 7 батальоновъ и 9 орудій. Для дѣйствій на нашемъ правомъ флангѣ было сосредоточено три румынскихъ дивизіи и одна наша бригада, всего 48 батальоновъ и 19 батарей въ 118 орудій; для атаки же редута № 1 изъ этого числа было назначено: двѣ румынскихъ дивизіи (3-я и 4-я) въ составѣ 25 батальоновъ и два нашихъ батальона; въ резервѣ была 2-ая румынская дивизія въ 17 батальоновъ, а 4 нашихъ батальона обезпечивали лѣвый флангъ атакующихъ; въ атакѣ Гривицкаго редута № 1 приняли непосредственное участіе 13 румынскихъ

---

[1]) Кромѣ огня съ праваго (восточнаго) берега Тученицкаго оврага.

и 6-ть нашихъ, всего 19 батальоновъ [1]). Допуская, что цѣлая половина турецкихъ резервовъ ($3^1/_2$ батальона) поддержала защитниковъ Гривицы № 1, мы получимъ, что $4^1/_2$ батальона выдерживали натискъ 13 батальоновъ румынъ и уступили только тогда, когда въ дѣло были введены и 6-ть нашихъ.

Возвращаясь къ Зеленымъ горамъ, замѣтимъ, что западный отрядъ, силою въ 106 батальоновъ, смѣло могъ выдѣлить указываемые мною 48 батальоновъ для дѣйствія на нашемъ лѣвомъ флангѣ, этомъ стратегическо-тактическомъ ключѣ [2]). Не имѣя такихъ силъ, Скобелеву нельзя было думать о наилучшемъ рѣшеніи поставленной задачи, а надо было рѣшиться на возможно лучшее; оставалось выбрать одно изъ двухъ: атаковать Кришинскую группу, или атаковать Скобелевскіе редуты. Рѣшаясь 22-мя батальонами атаковать Кришинскую группу, надлежало прежде всего заслониться отъ турокъ, расположенныхъ по Плевно-Ловченскому шоссе, гдѣ на третьемъ гребнѣ у Эмина-паши было 11 батальоновъ, сверхъ 8, назначенныхъ для обороны различныхъ укрѣпленій южнаго фронта. Спрашивается, что могли бы мы удѣлить изъ нашихъ 22-хъ батальоновъ для заслона противъ этихъ 11-ти, совершенно свободныхъ (а съ батальонами изъ Скобелевскихъ редутовъ—13) батальоновъ и что осталось бы, за выдѣленіемъ этого заслона, для штурма, грозныхъ по своей силѣ и по мѣстности, Кришинскихъ редутовъ? Предпринимая атаку только Кришинской группы, мы удалялись бы отъ нашего центра, отрѣшались вполнѣ не только отъ совмѣстныхъ съ нимъ дѣйствій и его поддержки, но и совершенно теряли съ нимъ связь, такъ какъ сообщаться съ нимъ, имѣя Эмина-пашу на Зеленыхъ горахъ, мы могли бы только кружнымъ путемъ черезъ Тученицу; мы отходили бы отъ нашего естественнаго пути отступленія (Плевно-Ловченскаго шоссе) и временной базы (Боготъ и Боготскій логъ), подвергали бы свой флангъ и тылъ ударамъ Эмина-паши, рисковали быть совсѣмъ отрѣзанными. Наконецъ по общей программѣ предполагалось содѣйствіе различныхъ частей всего отряда другъ другу, посредственно или непосредственно; мы могли разсчитывать на содѣйствіе нашего центра и не далѣе, какъ 29-го августа утромъ, Скобелевъ лично уговаривался съ Крыловымъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ при наступленіи; нельзя же было впередъ загадывать, что ни помощи, ни содѣйствія мы ни откуда не получимъ; нельзя было Скобелеву самому добро-

---

[1]) 3-я румынская дивизія должна была атаковать редутъ съ сѣвера; она наткнулась на неизвѣстный прежде редутъ № 2, атаковала его и была отбита, но во всякомъ случаѣ отвлекла на время его огонь и участіе 2-хъ батальоновъ, его занимавшихъ, отъ содѣйствія редуту № 1.

[2]) Добавивъ 26 баталіоновъ къ тѣмъ 22, которые были у Скобелева.

вольно отрѣзывать себя отъ остальныхъ нашихъ войскъ, на помощь которыхъ онъ разсчитывалъ, даже уговоръ держалъ...

Такимъ образомъ изъ двухъ тяжелыхъ предстоявшихъ положеній приходилось естественно выбрать то, при которомъ, не смотря на трудность исполненія, мы сохраняли надежду на поддержку центра и при успѣхѣ достигали наибольшихъ результатовъ; мы разрѣзывали турецкія позиціи и войска, ихъ занимавшія, били въ самое больное мѣсто непріятеля, отрѣзывали всю Кришинскую группу, достигали и д ѣ й с т в и т е л ь н о д о с т и г л и невѣроятнаго успѣха. Скобелевъ избралъ этотъ путь, всесторонне его обдумалъ и блистательно привелъ его въ исполненіе. Результаты, о т ъ н е г о зависѣвшіе, вполнѣ оправдали его рѣшеніе: вечеромъ, 30-го августа, по взятіи редутовъ, на основаніи свидѣтельства турецкихъ же авторовъ, ихъ армія чувствовала себя разрѣзанною и поставленною въ критическое положеніе; намъ было тяжело, но мы чувствовали побѣду и чрезвычайный подъемъ духа, а у турокъ была паника; слѣдовательно, для вѣнчанія успѣха, достигнутаго Скобелевымъ, не доставало одного: того, чего у него не было и чего не могъ дать ему князь Имеретинскій—недоставало поддержки.

Въ 1897 году появилась, напечатанная въ Штутгартѣ, книга неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ: «Изъ жизни короля Карла Румынскаго. Замѣтки очевидца» [1]). Въ этой книгѣ (выпускъ третій) сказано, что король Карлъ, тогда еще князь, былъ противъ штурма Плевны, находя силы, для того собранныя, недостаточными. На стр. 264 встрѣчаемъ слѣдующее интересное мѣсто: «князь Карлъ питалъ ограниченную надежду на то, что сегодняшній день завершится побѣдой». «Штурмъ назначенъ только въ три часа по полудни,—назначеніе (въ 3 часа ппд.), проистекавшее изъ того, что князь Карлъ имѣлъ въ виду скорѣе неблагопріятный, чѣмъ благопріятный исходъ и что при неудачѣ позднее время дня не дастъ противнику возможности развить его успѣхъ».

Также значительно позже прочиталъ я реляцію генерала Зотова о сраженіи 30—31-го августа [2]). Тамъ сказано, между прочимъ, слѣдующее: «28-го августа рѣшено было: подведя батареи еще ближе къ непріятелю, гдѣ мѣстность позволяла, продолжать артиллерійскій бой еще день, два, три. На рѣшеніи этомъ, могущемъ только увеличивать шансы предполагаемой эскалады непріятельскаго лагеря, тѣмъ болѣе можно

---

[1]) Aus dem Leben Karls von Rumänien. Aufzeichnungen eines Augenzeugen

[2]) „Военный Сборникъ“ 1877 г. № 12-ый, стр. 367. Донесеніе, представленное начальнику штаба арміи при рапортѣ генералъ-лейтенанта Зотова отъ 9-го октября.

было остановиться, что потери наши, какъ въ пѣхотѣ, такъ и въ артиллеріи, за всѣ предшествовавшіе три дня собственно артиллерійскаго боя, были, можно сказать, ничтожны и не превосходили 300 человѣкъ.

«Но 29-го августа оказалось, что при той усиленной стрѣльбѣ, которую вела артиллерія, легко могъ оказаться недостатокъ въ снарядахъ, на правильную подвозку которыхъ тѣмъ менѣе можно было разсчитывать, что прекрасная погода, стоявшая до сихъ поръ, къ вечеру 29-го вдругъ рѣзко перемѣнилась: нависли тучи, пошелъ дождь, дороги, портящіяся здѣсь съ удивительной быстротой, сдѣлались худо проходимыми для повозокъ. Къ тому же отъ усиленной и непрерывной трехсуточной стрѣльбы нѣкоторые лафеты осадной артиллеріи, а также многія изъ 9-ти фунтовыхъ орудій полевой артиллеріи начали приходить въ негодность. При подобныхъ обстоятельствахъ, могущихъ имѣть естественнымъ слѣдствіемъ постепенное ослабленіе артиллерійскаго огня, продолжать артиллерійскій бой дѣлалось уже неудобнымъ, ибо легко можно было утратить пріобрѣтенные уже этимъ боемъ результаты, не достигая бо̀льшихъ. Далѣе медлить становилось прямо невыгоднымъ и приходилось либо отказаться отъ штурма, либо произвести его безотлагательно. Рѣшено было послѣднее, и 29-го августа вечеромъ была разослана диспозиція, опредѣлявшая порядокъ штурма 30-го августа.

«Штурмъ согласно диспозиціи по волѣ его высочества князя румынскаго, долженъ былъ начаться, одновременно, на всѣ три избранныхъ для атаки пункта, въ три часа по полудни. Атака послѣ полудня была предпочтена атакѣ на разсвѣтѣ: съ одной стороны, чтобы избавить войска отъ необходимости вести тяжелый бой въ теченіе всего долгаго дня (?) [1]), а съ другой, чтобы предоставить артиллеріи возможность, дѣйствуя съ разсвѣта до трехъ часовъ по полудни, разрушить тѣ починки и поправки, которыя непріятель, не смотря на стрѣльбу, все-таки производилъ въ своихъ укрѣпленіяхъ въ теченіе ночи».

Изъ сказаннаго видно, что одной изъ побудительныхъ причинъ произвести штурмъ Плевны 30-го августа было то, что артиллерія, какъ бы сдѣлавъ уже свое дѣло, при дальнѣйшей стрѣльбѣ могла разстроиться, не принеся новыхъ существенныхъ результатовъ. На дѣлѣ же оказалось, что стрѣльба днемъ, хотя и въ теченіе трехъ дней, но съ перерывами ночью, по землянымъ, хорошо расположеннымъ насыпямъ и по резервамъ, не принесла ожидаемой пользы; въ насыпяхъ ночью исправлялись поврежденія, нанесенныя нами днемъ, а войска были укрыты отъ выстрѣловъ. Артиллерія непріятельская отъ нашего бомбардированія пострадала также мало. Наиболѣе пострадалъ редутъ Гри-

[1]) Подчеркнуто нами. П. П.

вицкій № 1, прозванный турками Канлы, т. е. редутъ крови, для насъ, какъ сказано выше, совсѣмъ ненужный.

Изъ вышеизложеннаго также видно, что назначеніе штурма въ 3 часа объяснялось княземъ Карломъ ожиданіемъ неудачи, а его начальникомъ штаба—нежеланіемъ утомлять войска продолжительнымъ боемъ. Первое—грустно, но понятно; второе же—совсѣмъ не понятно. Далѣе въ реляціи говорится: «Атака на этотъ редутъ (Гривицкій) производилась въ видахъ облегченія атаки на главный пунктъ [1]), а именно на укрѣпленія, прикрывающія Плевну со стороны Ловче-Плевненскаго шоссе, составлявшія, по своему положенію, стратегическо-тактическій ключъ лагеря» [2]).

Если генералъ Зотовъ, заявляя это въ реляціи, помѣченной 9-го октября, былъ такого же мнѣнія о Гривицѣ и 29-го августа, когда вѣроятно писалась диспозиція, то становится совершенно непонятнымъ, почему, при этихъ условіяхъ, для атаки Гривицкаго редута было назначено 48 батальоновъ, а на южныя укрѣпленія только 22 и при томъ въ значительномъ числѣ разстроенныхъ предшествовавшими боями?—Кажется, было бы правильнѣе не только не удѣлять въ помощь румынскимъ войскамъ бригаду нашей пѣхоты (Архангелогородскій и Вологодскій полки) съ двумя батареями, а наоборотъ, перевести часть румынской арміи на южную сторону Гривицкаго ручья для совмѣстныхъ дѣйствій съ нашими IX и IV-мъ корпусами въ центрѣ, а изъ центра (IV-й корпусъ) отдать двѣ дивизіи [3]) и при томъ сразу, лѣвому флангу. Такое усиленіе было бы уже не простой поддержкой ослабленныхъ частей 2-ой пѣхотной дивизіи и 3-й стрѣлковой бригады, а было бы дѣйствіемъ, при которомъ являлась возможность одновременной атаки Кришинскихъ и Скобелевскихъ редутовъ, другими словами, являлось цѣлесообразное распредѣленіе силъ, соотвѣтствовавшее важности намѣченныхъ цѣлей,—осуществленіе мысли князя Имеретинскаго, подтвержденной авторитетнымъ заявленіемъ Скобелева и позволю себѣ сказать отъ себя—вѣнчавшейся несомнѣннымъ успѣхомъ [4]).

[1]) Слѣдовательно, по смыслу реляціи, атака на Гривицкій редутъ была только демонстраціей? П. П.

[2]) Подчеркнуто нами. П. П.

[3]) Происходившее при этомъ ослабленіе нашего праваго фланга, расположеннаго на пути наступленія турокъ къ Систову, не было опаснымъ, такъ какъ, въ случаѣ этого наступленія, турки, задерживаемые съ фронта нашимъ правымъ флангомъ, подставляли свой флангъ ударамъ нашего центра, а тылъ ударамъ Скобелева и всей кавалеріи.

[4]) Въ крайности, помощь одной дивизіи если не давала возможности атаковать сразу Скобелевскіе и Кришинскіе редуты, позволила бы Скобелеву удержаться въ редутахъ, что и требовалось, какъ увидимъ дальше, при разсмотрѣніи турецкихъ источниковъ.

*

Еще далѣе читаю въ той же реляціи: «Съ ранняго утра, 30-го августа, густой непроницаемый туманъ покрывалъ все поле сраженія. Почва растворилась до крайности. Не только по пахатной землѣ, окружающей Плевненскій лагерь, но даже по дорогамъ съ трудомъ могли двигаться люди (!) и верховые кони, скользя по грязи и нерѣдко падая (!). Трудно вообще было представить себѣ болѣе неблагопріятный, по погодѣ, день, каковъ былъ день, назначенный нами для атаки. Мысль объ ея отмѣнѣ невольно приходила въ голову; но какъ уже выше замѣчено, положеніе нашей артиллеріи не допускало таковой отмѣны, да и кто могъ поручиться, что въ послѣдующіе дни наступитъ лучшая погода, вообще не отличающаяся здѣсь частой перемѣнчивостью, а особенно въ августѣ [1]).

Сопоставляя сказанное выше о взглядѣ начальника западнаго отряда князя Карла на предстоявшій штурмъ съ мыслями, изложенными его начальникомъ штаба въ реляціи, видно, что еще до штурма въ умъ и сердце главныхъ распорядителей предстоявшаго боя не только закрался духъ сомнѣнія въ успѣхѣ, но уже утвердился въ нихъ и въ нихъ господствовалъ. Не только допускается мысль о неудачѣ, но она является преобладающею и гнетущею, вслѣдствіе чего князь Карлъ назначаетъ начало штурма въ 3 часа, а его начальникъ штаба невольно думаетъ объ отмѣнѣ атаки! Естественно, что воцарившійся пессимизмъ долженъ былъ пагубно отразиться на веденіи наступательнаго боя, на предпріятіи, которое, будучи задумано, обдумано и рѣшено—можетъ привести къ успѣху только при неограниченномъ господствѣ безповоротной рѣшимости довести дѣло до конца всѣми имѣющимися для сего силами [2]).

Вообще реляція 9-го октября для меня, очевидца и участника, представляется документомъ, не разъясняющимъ положеніе и объясняющимъ причины, а производящимъ удручающее впечатлѣніе.

Предположенія о предстоящей продолжительности дурной погоды не оправдались: 31-го августа, уже съ полудня, сіяло солнце и сіяло безъ перерыва еще много дней послѣ.

Въ 1889 году издано въ Парижѣ на французскомъ языкѣ турецкое описаніе обороны Плевны: «Оборона Плевны, на основаніи оффиціальныхъ и частныхъ документовъ, собранныхъ подъ наблюденіемъ Мушира

---

[1]) Подчеркнуто нами. П. П.

[2]) Таковъ былъ знаменитый зимній переходъ генерала Гурко черезъ Балканы.

гази Османъ-паша, дивизіоннымъ генераломъ Музафферъ-пашой и подполковникомъ генеральнаго штаба Талаатъ-беемъ» [1]). Талаатъ-бей былъ адъютантомъ Османъ-паши, принималъ дѣятельное участіе въ оборонѣ Плевны и велъ журналъ обороны. Музафферъ-паша перевелъ трудъ Талаатъ-бея на французскій языкъ, дополнивъ его оффиціальными и частными источниками. Османъ-паша предпослалъ этому сочиненію заявленіе объ его точности и правдивости.

На стр. 109 находимъ слѣдующую характеристику Гривицкаго редута и Скобелевскихъ, нами взятыхъ: «Вечеромъ (30-го августа) сдѣлана была (турками) попытка атаковать укрѣпленіе № 8-й (Гривицкій № 1-го). Не смотря на то, что укрѣпленіе это было обстрѣливаемо орудіями изъ редута № 7 (Гривицкій № 2) и батареи изъ главной квартиры, штурмъ не удался. Такъ какъ непріятель (русскіе) не могъ извлечь изъ обладанія этимъ укрѣпленіемъ большой пользы, то временно отказались отъ новыхъ попытокъ отбить этотъ редутъ». Стр. 101: «Потеря редута № 8 (Гривицкій № 1) не представляла для арміи особой опасности. Это укрѣпленіе обстрѣливалось редутомъ № 7 (Гривицкій № 2) и сверхъ того артиллеріей главнаго резерва, въ виду чего Османъ-паша былъ менѣе озабоченъ этой неудачей, въ сущности неважной, чѣмъ неполученіемъ извѣстій съ его праваго фланга» [2]).

Тамъ же, стр. 90, читаемъ и видимъ иную картину: «Взятіе этихъ двухъ укрѣпленій (Скобелевскіе редуты), доставшихся русскимъ, поселило всеобщую панику въ рядахъ турецкихъ войскъ; бѣглецы искали убѣжища въ городѣ Плевнѣ, въ нѣкоторыхъ редутахъ и даже въ главной квартирѣ» (т. е. въ главномъ резервѣ); и далѣе, стр. 91: «Нельзя было думать въ эту минуту отнять укрѣпленія №№ 18 и 19 (Скобелевскіе); но нужно было во что бы то ни стало помѣшать русскимъ въ нихъ утвердиться и получить подкрѣпленія» [3]).

Изъ этого же сочиненія видно, что послѣ отраженія Скобелевымъ четвертой атаки Тахиръ-паша, на котораго возложено было выбить насъ изъ редутовъ, пришелъ къ заключенію о невозможности этого достигнуть и написалъ Осману-пашѣ, что «возобновляя атаку, онъ подвергалъ бы армію большой опасности, имѣя въ то же время мало шансовъ на успѣхъ» (стр. 105).

Османъ-паша собралъ военный совѣтъ, на которомъ было рѣшено сдѣлать еще одну попытку для овладѣнія Скобелевскими редутами съ

[1]) Défense de Plevna d'après les documents officiels et privés, réunis sous la direction du Muchir ghasi Osman-pacha par le général de division Mouzaffer pacha et le lieutenant colonel d'état major Talaat-bey.

[2]) Телеграфъ, соединяющій группу Кришинскихъ редутовъ съ главной квартирой, былъ нами испорченъ.

[3]) Подчеркнуто нами. П. П.

цѣлью ободренія упавшихъ духомъ войскъ и для обезпеченія безопасности арміи. Въ этихъ видахъ, кромѣ войскъ, принимавшихъ участіе въ предшествовавшихъ атакахъ, было назначено еще нѣсколько батальоновъ, взятыхъ съ наименѣе угрожаемыхъ пунктовъ и веденіе новой контръ-атаки вручено было полковнику генеральнаго штаба Тевфикъ-бею. — Стр. 97: «Потеря обоихъ редутовъ (Скобелевскихъ) разрѣзывала турецкую армію на двѣ части, не имѣвшія между собой ни сообщеній, ни связи и открывала русскимъ доступъ къ Плевнѣ».

Такимъ образомъ все сказанное мною выше о ничтожномъ для насъ значеніи Гривицкаго редута и о томъ, что «успѣхъ былъ возможенъ»[1]— оправдывается даже турецкими авторами.

Но рядомъ съ этимъ почерпнулъ я изъ той же книги свѣдѣнія, меня огорчившія. Оказывается, что 30-го августа турки, защищавшіе укрѣпленія Кришинской группы, также переживали трудныя минуты. Солдаты были до крайности утомлены продолжительнымъ боемъ и терпѣли отъ голода и жажды; нравственныя силы войскъ были подорваны настолько, что на большинство изъ нихъ нельзя было серьезно разсчитывать; къ тому же ощущался недостатокъ въ снарядахъ и патронахъ. Вечеромъ (30-го августа) Риза-бей донесъ Осману-пашѣ о томъ положеніи, въ которомъ находились западныя укрѣпленія [2]).

Османъ-паша, не располагая свободными силами, но сознавая важность своего праваго фланга и не придавая особаго значенія потерѣ Гривицкаго редута, поспѣшилъ успокоить Риза бея, написавъ ему: «я намѣреваюсь атаковать завтра (31-го августа) непріятеля 15-ю или 20-ю батальонами, которые я собираю въ главной квартирѣ (главномъ резервѣ); вслѣдствіе чего предлагаю вамъ употребить всѣ усилія удержаться на вашихъ позиціяхъ». По полученіи этого ободряющаго сообщенія, Риза бей, командовавшій войсками противъ Скобелевскихъ редутовъ, сообщилъ его Юнусу бею, въ Кришинскую группу, и принялъ всѣ зависѣвшія онъ него мѣры, чтобы удержаться до утра.

Турки удержались—подкрѣпленія пришли....

Изъ этого видно, что если намъ было тяжко на Зеленыхъ горахъ, то и туркамъ въ Кришинѣ было не сладко, а слѣдовательно: попытка атаковать Кришинъ вечеромъ 30-го августа была весьма желательна, но конечно не слабой командой въ 270 человѣкъ.

Чтобы покончить съ турецкимъ источникомъ, интересно привести слѣдующее. Въ концѣ книги помѣщенъ разборъ различныхъ сочиненій о русско-турецкой войнѣ, въ томъ числѣ и труда генерала Куропаткина,

---

[1]) „Русская Старина“ 1902 г. № 10-й, стр. 63.

[2]) Défense de Plevna. Page 98 et 99.

«Ловча и Плевна». Разбирая послѣдній, турецкіе авторы говорятъ: «авторъ не вводитъ въ дѣло 9 батальоновъ, поставленныхъ въ резервѣ у Пелишата; положительно нельзя допустить, чтобы послѣ неудачи первой атаки непріятель не притянулъ бы подкрѣпленій, столь близко расположенныхъ» [1]).

Далѣе, оспаривая сказанное нашимъ авторомъ о томъ, что у генерала Скобелева было только 22 батальона и что во время боя на Зеленыхъ горахъ, 42 (41) батальона праваго фланга и центра русскихъ и румынскихъ, еще не бывшихъ въ дѣлѣ,—бездѣйствовали, тѣ же турецкіе авторы заключаютъ: «мало вѣроятія, чтобы русскій штабъ не послалъ какихъ-нибудь подкрѣпленій генералу Скобелеву» [2]).

Существовавшія у насъ свѣдѣнія о силахъ турокъ, обороняющихъ Плевну, сильно расходились. Генералъ Зотовъ, значительно преувеличивая эти силы, полагалъ, что въ Плевнѣ находится 80 тысячъ (отъ 110 до 130 батальоновъ) и отъ 120 до 150 орудій. По свѣдѣніямъ штабъ-офицера надъ вожатыми, генеральнаго штаба полковника Артамонова, у котораго сосредоточивались всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ, турокъ въ Плевнѣ было около 33 тысячъ, что̀ и слѣдовало считать наиболѣе близкимъ къ истинѣ; можетъ быть нѣсколько меньше дѣйствительности. По турецкимъ и нѣкоторымъ иностраннымъ источникамъ въ Плевнѣ было отъ 45 до 49 батальоновъ, 7 эскадроновъ регулярной кавалеріи, 1 конный полкъ Салоникской милиціи въ 8 эскадроновъ, небольшое число черкесовъ и 70 орудій, что̀ и совпадаетъ приблизительно съ цифрами полковника Артамонова, т. е. около 35 тысячъ. У насъ было до 75 тысячъ человѣкъ и болѣе 350 орудій. По тѣмъ же турецкимъ и иностраннымъ источникамъ, къ концу дня 30-го августа противъ нашего лѣваго фланга дѣйствовало не менѣе 22 батальоновъ, а 31-го августа, къ концу боя на Зеленыхъ горахъ, было введено въ бой со стороны турокъ 37 батальоновъ изъ 45—49. Такимъ образомъ, къ вечеру 30-го августа турки выставили противъ нашего лѣваго фланга почти половину всѣхъ своихъ силъ, оставивъ на восточной сторонѣ, весьма большаго протяженія (считая въ томъ числѣ и Опанецкіе редуты), всего около 23—25 батальоновъ противъ 100 нашихъ (русскихъ и румынскихъ), а 31-го августа сосредоточили на Зеленыхъ горахъ болѣе $^3/_4$ своихъ силъ, оставивъ противъ насъ, на восточномъ фронтѣ, приблизительно 10—12 батальоновъ противу тѣхъ же 100 [3]).

---

[1]) Defense de Plevna. Page 240.

[2]) Defense de Plevna. Page 242.

[3]) Въ это число включены всѣ батальоны западнаго отряда арміи, дѣйствовавшаго противъ Плевны, за исключеніемъ Костромскаго полка, находившагося въ Никополѣ.

Указывая выше, что къ 31-му августа у насъ осталось на правомъ флангѣ и въ центрѣ 41, не введенныхъ въ бой, батальоновъ, надо къ нимъ прибавить еще, хотя и пострадавшіе, но все же существовавшіе остальные батальоны. Потеря частей праваго фланга и центра собственно-русскихъ войскъ за время съ 26-го по 31-е августа убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти нижними чинами представляется въ такомъ видѣ; наиболѣе пострадали полки: Углицкій—1.142, Ярославскій—1.021, Воронежскій—791, Казанскій—534, Вологодскій—551; наименѣе пострадали: Староингерманландскій—3, Тамбовскій—13, Козловскій—23, Пензенскій—25, Галицкій—188 человѣкъ; слѣдовательно, было еще 15 почти не пострадавшихъ батальоновъ.

Изъ всего состава русскихъ войскъ всего болѣе пострадали: на лѣвомъ флангѣ Эстляндскій полкъ 1.300 человѣкъ, а на восточномъ фронтѣ Углицкій 1.142 [1]).

Весьма интересныя цифры приводитъ генералъ Куропаткинъ въ концѣ своего труда на стр. 524.

Составъ отрядовъ князя Имеретинскаго и Скобелева послѣ 31-го августа:

На лицо:

Калужскій	п.	. . .	2	шт.-оф.	9	об.-оф.	1.066	нижн. чиновъ.
Либавскій	»	. . .	2	»	12	»	1.201	» »
Ревельскій	»	. . .	1	»	6	»	1.015	» »
Эстлянскій	»	. . .	4	»	7	»	627	» »
Суздальскій	»	. . .	2	»	16	»	906	» »

3-я стрѣлковая бригада переформирована изъ 4-хъ батальновъ въ два; офицеровъ осталось въ строю 16. Во Владимірскомъ полку выбыло изъ строя въ два дня, 30-го и 31-го августа, 1.530 человѣкъ и 14 ротныхъ командировъ изъ 15.—Убиты: командиры бригадъ ген.-м. Добровольскій и ген-.м. Тебякинъ, командиръ 9-го стр. бат. полк. Салингре. Ранены: командиры полковъ: Либавскаго—полк. Коль, Ревельскаго—полк. Писанко, Суздальскаго—полк. Длотовскій и командующій 11 стр. бат. маіоръ Переяславцевъ. Контужены: командиръ Калужскаго полка полковникъ Эльжановскій, 27-го августа; командиръ Эстлянскаго полка полк. Головинъ, командиры стрѣлковыхъ батальоновъ

---

[1]) Поражаетъ огромная цифра безъ вѣсти пропавшихъ Ярославскаго полка—392 человѣка, а также отношеніе въ этомъ полку нижнихъ чиновъ убитыхъ къ раненымъ: первыхъ—305, вторыхъ—324, т. е. почти равное количество, тогда какъ потеря убитыми по сравненію съ ранеными всегда гораздо меньше; только въ Углицкомъ полку она доходитъ до $^1/_3$ и въ Воронежскомъ до $^1/_2$.—Надо думать, что въ числѣ безъ вѣсти пропавшихъ было много убитыхъ и тяжело раненыхъ, оставшихся на полѣ сраженія.

10-го—Бородинъ, 12-го—полк. Курсель и начальникъ штаба генерала Скобелева капитанъ Куропаткинъ.

30-го августа все было ужасно,—начиная съ тумана; но посреди этихъ мрачныхъ картинъ былъ и свѣтлый лучъ: ничѣмъ несокрушимая доблесть нашихъ войскъ отъ мала до велика, отъ князя Имеретинскаго, Скобелева, Добровольскаго, Горталова, Мосцевого и Эрна до послѣдняго солдата; войскъ, которыя служили не только при жизни, но и по смерти: будучи сложены трупами на Скобелевскихъ редутахъ, они выручали товарищей, прикрывая тѣлами своими оставшихся въ живыхъ.

Не въ видахъ укоризны было мною написано все, изложенное выше: въ картинахъ и урокахъ прошлаго почерпнемъ указанія для будущаго. Всѣмъ намъ, оставшимся, а тѣмъ болѣе тѣмъ, которые приведены судьбою къ начальствованію и допущены къ руководительству, надлежитъ, изучая прошлое—непрестанно работать; трудясь не покладая рукъ—готовиться встрѣтить несомнѣнно грядущія, хотя еще невѣдомыя намъ великія событія и борьбы, чтобы во всеоружіи знаній и труда, съ спокойной совѣстью, по мѣрѣ силъ и разумѣнья исполненнаго долга, предстать на эти новыя испытанія.

Если же конецъ нашъ наступитъ раньше, то да не получимъ упрека въ сокрытіи того, что̀ знали, что̀ видѣли и чему научились въ эти «ужасные» дни.

П. Паренсовъ.

Оригинальная подписка.

(Изъ Миргородской старины).

1791 года сентября 3-го дня, дана сія подписка отъ меня казаку села Петровицъ Марку Макаренку втомъ, что за причиненной мною ему бой я съ нимъ мирился въ удовольствіе ево, Макаренка, и впредь болѣе ему, Макаренкѣ, отъ меня никакихъ обидъ и притѣсненій чинено не будетъ, а въ случаѣ каковыхъ отъ меня ему, Макаренку, нападеній и обидъ, то подвергаю себя затое достойному взысканію, вчемъ и подписуюсь.

Корнетъ Михайло Шмаковъ.

Сообщ. **Б. Адамовичъ.**

О считаніи оберъ-церемоніймейстера во второмъ классѣ.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

16-го ноября 1827 г. № 12812.

Г. министръ императорскаго двора сообщилъ мнѣ, что государь императоръ въ 12-й день сего ноября высочайше повелѣть соизволилъ: отнынѣ впредь оберъ-церемоніймейстера считать въ числѣ вторыхъ чиновъ двора и брать ему шагъ по старшинству назначенія его въ сіе званіе.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя къ тому, что объ оном, какъ увѣдомляетъ меня г. министръ императорскаго двора, объявлено уже г. управляющему придворною конторою гофмаршалу Нарышкину, оберъ-церемоніймейстеру графу Потоцкому и управляющему министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Сообщ. **Г. К. Рѣпинскій.**

Характерная ошибка.

(По дѣлу всеподданнѣйшаго представленія намѣстника графа Берга о дополнительныхъ суммахъ вѣдомству просвѣщенія въ царствѣ Польскомъ на 1865 годъ).

До начала 60-хъ годовъ прошлаго вѣка, учебное дѣло въ царствѣ Польскомъ далеко отстояло отъ общаго государственнаго русла. Даже для русскихъ, проживавшихъ въ Царствѣ и въ самой Варшавѣ, не было ни одной свѣтской школы, гдѣ ихъ дѣти могли бы учиться на своемъ родномъ языкѣ. Произведенная учебная реформа (при маркизѣ Велепольскомъ) имѣла, какъ возвѣщалось въ Высочайшемъ рескриптѣ, цѣлію сдѣлать образованіе доступнымъ «для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій», но въ утвержденномъ уставѣ школъ царства Польскаго 8-го (20-го мая) 1862 г., по мѣткому указанію одного изъ современниковъ [1]), не только не упоминалось о школахъ русскихъ, но не полагалось и штатныхъ законоучителей для русскихъ воспитанниковъ. Языкъ преподаванія былъ польскій, со всѣми выходящими отсюда послѣдствіями. Давать образованіе на родномъ языкѣ и воспитывать въ національныхъ началахъ русскіе могли, отправляя дѣтей лишь въ школы, находившіяся внѣ предѣловъ Царства, внутри Имперіи, преимущественно въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, что доступно было немногимъ. Положеніе русскихъ дѣтей, учившихся въ мѣстныхъ школахъ, оказалось особенно тяжелымъ въ періодъ польскаго возстанія, когда съ нихъ производились даже сборы въ пользу инсургентовъ, а не сочувствовавшихъ возстанію под-

---

[1]) Записки доктора Орлова, учредителя первой русской школы, потомъ директора первой русской гимназіи въ Варшавѣ. Архивъ Первой Варшавской мужской гимназіи, дѣло № 25: Бумаги объ открытіи Русской школы въ Варшавѣ съ 1863 по 1865 гг.

вергали насмѣшкамъ и преслѣдованіямъ. Дѣти бѣдныхъ русскихъ родителей—низшихъ военныхъ чиновъ и т. п.,—обыкновенно совсѣмъ оставались безъ образованія [1]).

Возбужденіе національнаго чувства, вызываемое печальными событіями польскаго возстанія, собрало кружокъ русскихъ людей, постаравшихся завести въ Варшавѣ свою небольшую школу для дѣтей обоего пола. Она была открыта въ ноябрѣ 1863 года, на средства частной благотворительности, и имѣла характеръ начальной школы. Послѣдовавшія затѣмъ широкія преобразованія въ краѣ обняли собою и сферу народнаго образованія. Рядомъ со школами съ преподаваніемъ на польскомъ и нѣмецкомъ языкѣ создавались школы русскія. Высочайшимъ указомъ отъ 30-го августа 1864 года узаконялось: «Учрежденная въ г. Варшавѣ, частною благотворительностію, русская школа преобразовывается въ Варшавскую русскую гимназію», семиклассную, съ годичнымъ курсомъ для каждаго класса. «При Варшавской русской гимназіи состоятъ: Русское Начальное (элементарное) училище для дѣтей обоего пола и Русская женская прогимназія», которая впослѣдствіи должна быть преобразована «въ русскую женскую гимназію». Въ эти училища «принимаются преимущественно дѣти русскихъ, находящихся въ Царствѣ безъ различія званій и сословій. Преподаваніе всѣхъ предметовъ въ Варшавской русской гимназіи и въ состоящихъ при ней учебныхъ заведеніяхъ производится на русскомъ языкѣ». Они «ввѣряются особому покровительству и попеченію архіепископа варшавскаго и новогеоргіевскаго» [2])

Отношенія къ этимъ вновь учреждаемымъ русскимъ школамъ со стороны русскихъ и со стороны мѣстнаго польскаго общества, соотвѣтственно съ тогдашними обстоятельствами, понятно, не были одинаковыми. На почвѣ даннаго различія въ отношеніяхъ и возникла любопытная переписка по случаю служебнаго просмотра намѣстника графа Берга, очень характерная для исторіи употребленія въ западныхъ окраинахъ Россіи оффиціальныхъ документовъ на русскомъ государственномъ языкѣ съ переводомъ ихъ на мѣстные.

Учебная реформа вводилась въ Царствѣ постепенно. Новыя школы создавались не одновременно; новые классы открывались по мѣрѣ перехода учащихся въ классы старшіе. Русская гимназія торжественно открыта была лишь въ январѣ 1865 года, и пока въ четырехъ-клас-

---

[1]) Тамъ же, въ томъ же дѣлѣ и въ дѣлѣ 31: Бумаги объ открытіи русской мужской гимназіи въ Варшавѣ.

[2]) Высочайшіе указы о народномъ образованіи въ царствѣ Польскомъ, 78—82. См. также сборникъ административныхъ постановленій царства Польскаго. Вѣдомство просвѣщенія, IV, № 64.

сномъ составѣ [1]). Расходованіе суммъ возрастало, постоянно требуя дополнительныхъ ассигнованій. Предварительные разсчеты обыкновенно оказывались не отвѣчавшими наличности опредѣленныхъ суммъ. О добавочныхъ средствахъ по вѣдомству просвѣщенія надобно было намѣстнику дѣлать особыя представленія на Высочайшее имя. И вотъ, когда графъ Бергъ сдѣлалъ, казалось, по всѣмъ правиламъ тогдашняго дѣлопроизводства, подобное представленіе о дополнительныхъ суммахъ на первый же по изданіи указа гражданскій годъ, 1865-й [2]), то вдругъ, неожиданно для себя, получилъ изъ С.-Петербурга отъ министра статсъ-секретаря царства Польскаго Платонова такое отношеніе:

Милостивый государь,

графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ.

„Государь императоръ, по разсмотрѣніи изложенныхъ въ отзывѣ вашего сіятельства отъ 28 января (10 февраля) за № 10698 объясненій относительно дополнительныхъ къ росписи расходовъ по учебному вѣдомству въ царствѣ Польскомъ на 1865 годъ, обративъ вниманіе на обстоятельства, давшія поводъ къ настоящей перепискѣ, изволилъ найти, что при переводѣ на польскій языкъ дополнительнаго бюджета коммиссіи народнаго просвѣщенія допущены такія измѣненія, которыя извращаютъ значеніе нѣкоторыхъ статей подлинника. Измѣненія эти заключаются въ томъ, что названія русскихъ учебныхъ заведеній или вовсе выпущены въ переводѣ (Русская гимназія и Русская женская прогимназія), или замѣнены другими названіями (именно: Русское Начальное училище переименовано въ Главную Россійскую школу). Подобной же перемѣнѣ названія подверглись элементарныя училища, преобразованныя указомъ 30 августа. Во всемъ прочемъ переводъ совершенно согласенъ съ подлинникомъ. При настоящемъ настроеніи нѣкоторой части польскихъ чиновниковъ нельзя не подозрѣвать въ лицахъ, допустившихъ такія перемѣны, извѣстнаго направленія, несогласнаго съ видами правительства. Представленіе же на Высочайшее усмотрѣніе искаженнаго перевода, взамѣнъ подлинной смѣты, если и сдѣлано не преднамѣренно, то во всякомъ случаѣ составляетъ весьма важное упущеніе, которое обнаруживаетъ нерадѣніе исполнителей къ своимъ обязанностямъ и отсутствіе должнаго канцелярскаго порядка.

Вслѣдствіе сего его императорскому величеству благоугодно было повелѣть: за представленіе означеннаго перевода, взамѣнъ подлинной смѣты, сдѣлать замѣчаніе завѣдывающему канцеляріею совѣта управленія, подтвердивъ, чтобы на будущее время, подъ опасеніемъ строжайшей отвѣтственности, не были отнюдь допускаемы никакія искаженія въ смыслѣ или буквѣ постановленій, на которыя дѣлаются ссылки.

---

[1]) Нашъ трудъ: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ“, т. II, кн. 2, докум. № 173. (Подъ гимназію отвели домъ, выстроенной въ мѣстности бывшей усыпальницы Шуйскаго).

[2]) Къ первоначально исчисленной на этотъ годъ суммѣ въ 779.797 рубл. 81 коп. испрашивалось теперь дополнительныхъ 495.795 рубл., „по случаю введенія въ дѣйствіе преобразованій, постановленныхъ Высочайшими указами 30-го августа (11-го сентября) 1864 года“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, его величеству угодно знать, кто именно участвовалъ въ переводѣ на польскій языкъ дополнительной смѣты по учебной части на 1865 годъ.

О сихъ Высочайшихъ повелѣніяхъ имѣю честь сообщить вашему сіятельству, покорнѣйше прося принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и истинной преданности. В. Платоновъ.

№ 4566.

С.-Петербургъ, 16 (28) февраля 1865 г. [1]).

Даннымъ документомъ ясно давалось понять графу намѣстнику, что̀ за тенденція относительно русскихъ школъ скрывается въ представленной имъ смѣтѣ.

Научной историко-юридической критикой мало-по-малу выясняется теперь, какъ многое, въ созданіи обособленности, было сдѣлано въ Финляндіи путемъ подобныхъ представленій и дальнѣйшими ссылками на Высочайшія утвержденія такихъ актовъ. Но въ царствѣ Польскомъ и въ отношеніяхъ къ нему было иное, особенно въ ту пору, когда во главѣ статсъ-секретаріата Царства стало русское лицо и ко всему, получавшемуся изъ Варшавы, относились въ С.-Петербургѣ съ усиленнымъ, даже недовѣрчивымъ вниманіемъ, почему всѣ неточности и упущенія польскаго перевода смѣты были тотчасъ же замѣчены.

Понятно, какое впечатлѣніе произвело на графа Берга, славившагося аккуратностію и всезнаніемъ, полученное имъ отношеніе статсъ-секретаря Платонова... Отвѣтъ, написанный отъ его имени, является образцомъ канцелярскаго искусства того времени въ составленіи оффиціальныхъ бумагъ [2]).

Варшава, марта 1865 года, № 11531.

Намѣстникъ его императорскаго—царскаго величества въ царствѣ Польскомъ по Совѣту управленія господину министру статсъ-секретарю царства Польскаго.

Отзывомъ 16 (28) февраля с. г. № 4566, ваше превосходительство сообщили мнѣ, что его императорскому величеству благоугодно было повелѣть:

1) Завѣдывающему канцеляріею совѣта управленія Царства, за представленіе взамѣнъ подлинной смѣты расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія на 1865 годъ польскаго перевода, сдѣлать замѣчаніе;

---

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ при канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора, III, 3, vol. 127h Akta Rady Administracyinej Krolestwa Polskiego.

[2]) Тамъ же. Сохраняется въ двухъ экземплярахъ: бѣловомъ, предложенномъ было къ подписи Бергу, и черновомъ, исправленномъ завѣдывавшимъ канцеляріею Заборовскимъ. Данный бѣловой экземпляръ не былъ отправленъ въ С.-Петербургъ, такъ какъ въ немъ сдѣланы дополнительныя поправки самимъ Бергомъ, послѣ чего отношеніе было снова переписано, въ исправленномъ видѣ, и тогда подписано и послано. Издаемъ по этому сохраняющемуся здѣсь бѣловому экземпляру, съ отмѣткою поправокъ и дополненій на немъ графа Берга.

2) донести его величеству, кто именно участвовалъ въ переводѣ на польскій языкъ упомянутой выше дополнительной смѣты.

Во исполненіе таковыхъ высочайшихъ повелѣній, имѣю честь сообщить вашему превосходительству:

По 1-му:

Что всѣ приложенія къ проекту росписи казны царства Польскаго на 1865 годъ представлены были мнѣ бывшимъ главнымъ директоромъ правительственной коммиссіи финансовъ и казначейства вечеромъ наканунѣ отправленія курьера къ вашему превосходительству съ сказаннымъ проектомъ.

Какъ въ то время всѣ подробныя статьи бюджета были уже разсмотрѣны мною и совѣтомъ управленія и отзывъ мой къ вашему превосходительству отъ 25 ноября (7 декабря) прошлаго года № 9157 былъ уже приготовленъ, то означенныя приложенія перепечатаны были въ моемъ кабинетѣ [1]) безъ пересмотра оныхъ и слѣдующаго дня утромъ отправлены къ вашему превосходительству. Посему завѣдывающій канцеляріею совѣта управленія и. д. статсъ-секретаря Заборовскій не имѣлъ возможности [2]) удостовѣриться, были ли въ порядкѣ всѣ приложенія къ проекту росписи.

По 2-му:

И. д. главнаго директора финансовъ и казначейства увѣдомилъ, что дополнительную смѣту расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія составлялъ на польскомъ языкѣ, на основаніи переданной главнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія русской смѣты, рахмистръ отдѣленія казначейства Космовскій.

Къ сему упомянутый и. д. главнаго директора Кошелевъ присовокупилъ:

что смѣта эта составлена была исключительно для канцелярской надобности коммиссіи финансовъ, доказательствомъ чему служитъ изготовленіе оной на польскомъ языкѣ, а только по ошибкѣ, вслѣдствіе чрезвычайной поспѣшности, приложена она была вмѣсто подлинной смѣты на русскомъ языкѣ, доставленной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Витте, какъ это доказываетъ употребленное въ означенномъ представленіи выраженіе: „что препровождается въ подлинникѣ составленная главнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія смѣта расходамъ на сумму 459.795 руб.“;

что въ составленной на польскомъ языкѣ смѣтѣ сказанный Космовскій употребилъ слово „россійскій“ вмѣсто „русскій“ по незнанію въ то время, что слово „русскій“ слѣдуетъ употреблять, а равно потому, что прежде слово „россійскій“ вообще всего чаще употреблялось какъ въ разговорномъ, такъ и въ оффиціальномъ польскомъ языкѣ [3]).

что въ выше означенной вѣдомости сказанный чиновникъ употребилъ слово „Главное училище“ вмѣсто „Начальное“ по недостаточному знанію русскаго языка. Къ ошибкѣ этой было также поводомъ то обстоятельство, что въ Высочайше утвержденномъ 8 (20) мая 1862 г. Положеніи о воспитаніи, на-

---

[1]) Краснымъ карандашемъ, рукою намѣстника, это поправлено: „означенныя приложенія распечатаны были въ моемъ кабинетѣ, присоединены были мною къ означенному отзыву моему“.

[2]) Краснымъ карандашемъ тою же рукою вписано тутъ: „повѣрить и“.

[3]) Такъ какъ названіе „россійскій“ на мѣстномъ нарѣчіи употреблялось обыкновенно въ смыслѣ „великорусскій“, „московскій“, а „русскій“—въ смыслѣ остальныхъ русскихъ народностей, преимущественно южнорусской, то повелѣно было употреблять оффиціально одно названіе.

печатанномъ въ 60 томѣ „Дневника Законовъ“, на стр. 252 и 260, употреблено въ русскомъ текстѣ названіе „элементарныя училища“, а вслѣдствіе того „Начальное училище“ считалъ онъ „Главнымъ училищемъ“.

Въ заключеніе и. д. главнаго директора финансовъ и казначейства счелъ долгомъ засвидѣтельствовать, что чиновникъ Космовскій отличается трудолюбіемъ и примѣрною ревностію къ службѣ и никогда ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ.

О всемъ вышеизложенномъ имѣю честь просить ваше превосходительство довести до Высочайшаго его императорскаго величества свѣдѣнія“.

Представить все дѣло въ такой совершенно невинной формѣ было желаніемъ вполнѣ естественнымъ для гр. Берга и его ближайшихъ чиновниковъ, оказавшихся лицами, вполнѣ въ немъ заинтересованными. И нѣтъ ничего неожиданнаго, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ объясненія зашли они уже слишкомъ далеко. Такъ, явно искусственна вся ссылка, будто переводившій смѣту Космовскій употребилъ «Главное училище» вмѣсто «Начальное», вслѣдствіе того, что въ Положеніи о воспитаніи 1862 года имѣлось названіе «элементарныя училища». Сомнительно, чтобы скромный чиновникъ финансовъ былъ такой «юристъ», что при составленіи смѣты, имѣвшей частный характеръ, «исключительно для канцелярской надобности», справлялся съ текстомъ «Дневника Законовъ». Этотъ пунктъ объясненія приписывается и-му д. главнаго директора финансовъ и казначейства; на самомъ же дѣлѣ онъ созданъ въ самой канцеляріи совѣта управленія и въ черновикъ отношенія внесенъ послѣ (Заборовскимъ). Да едва-ли и требовалось Космовскому или иному кому справляться съ положеніемъ о воспитаніи 1862 года, когда смѣта касалась выполненія Высочайшихъ указовъ о народномъ образованіи отъ 30 августа 1864 года, а въ этихъ указахъ названіе «начальное» училище сопровождается даже пояснительнымъ словомъ «элементарное», и это въ русскомъ, и въ польскомъ текстахъ [1]), такъ что, при снесеніи съ ними, нѣтъ никакихъ внѣшнихъ основаній или поводовъ къ замѣнѣ «Начальнаго» «Главнымъ». Затѣмъ, что касается, напримѣръ, Высочайшаго повелѣнія о замѣчаніи завѣдывавшему канцеляріею, то оно полагалось главнымъ образомъ за представленіе собственно и с к а ж е н н а г о польскаго перевода смѣты взамѣнъ подлинной. Въ черновомъ проектѣ отвѣта повелѣніе сначала формулировалось ближе къ этому, именно «за отправленіе къ вашему превосходительству въ польскомъ переводѣ, вмѣсто подлинной, и съ

---

[1]) Высочайшіе указы о народномъ образованіи въ царствѣ Польскомъ, стр. 14—15, статья 1 Высочайшаго указа отъ 30-го августа 1864 г. объ устройствѣ и управленіи начальныхъ (элементарныхъ) училищъ; стр. 80—81, статья 3 такого же указа отъ 30-го августа 1864 г. о Русской гимназіи и состоящихъ при ней Русской женской прогимназіи и русскомъ начальномъ (элементарномъ) училищѣ.

нѣкоторыми ошибочными измѣненіями, дополнительной смѣты расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія на 1865 годъ». Завѣдывавшій канцеляріею Заборовскій измѣнилъ это, давъ ту формулировку, какая вошла и въ бѣловой экземпляръ, т. е. что повелѣвалось сдѣлать замѣчаніе «за представленіе взамѣнъ подлинной дополнительной смѣты расходамъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія на 1865 годъ польскаго перевода». (Сначала имъ было написано даже только «перевода» безъ прибавки «польскаго»). Завѣдывавшимъ канцеляріею было произведено въ черновикѣ немало и другихъ подобныхъ измѣненій, поправокъ и дополненій, вошедшихъ потомъ въ бѣловой экземпляръ. Словомъ, бумага была составлена уже со всѣмъ вниманіемъ и тщательностію.

Какъ ни искусно былъ скомпонованъ отвѣтъ статсъ-секретарю, подпись гр. Берга подъ нимъ предназначилась простая, безъ означенія служебныхъ его званій. Для переписчика сдѣлано было указаніе: «Nie pisać: Намѣст. ген.-ад.».

Сообщилъ профессоръ **Дм. В. Цвѣтаевъ.**

О сохраненіи нашивокъ нижними воинскими чинами при переходѣ ихъ на службу въ гражданское вѣдомство.

Предложеніе министра юстиціи Правительствующему Сенату.

16-го ноября 1827 г. № 12813.

Г. начальникъ Главнаго штаба его императорскаго величества сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: изъ числа нижнихъ чиновъ, поступающихъ изъ военнаго въ гражданское вѣдомство въ полицейскія и пожарныя команды, въ счетчики, присяжные, курьеры, почталіоны, таможенные объѣздчики, досмотрщики, тюремные и лѣсные надзиратели, сторожа, служители по заведеніямъ и въ другія должности, всѣмъ тѣмъ, кои въ воинскихъ командахъ награждены, по удостоенію ихъ начальства, за безпорочную выслугу установленныхъ сроковъ нашивками на рукавѣ мундира изъ желтой тесьмы, и кои имѣютъ на службѣ въ гражданскомъ вѣдомствѣ соотвѣтственное обмундированіе, дозволить носить таковыя нашивки и въ семъ вѣдомствѣ, но за службу продолжаемую по части гражданской нашивокъ имъ не прибавлять.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Правительствующему Сенату къ надлежащему исполненію.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Записки Э. И. Стогова[1].

I.

Прошлое фамиліи Стоговыхъ. — Характеристика дѣда и отца. — Рожденіе Э. Стогова.—Строгость воспитанія.—Тогдашнее общество.—Семейный бытъ.—Свадебные обряды.—Князь Потемкинъ въ г. Рузѣ.—Лужицкій монастырь.—Примѣты и повѣрья.

Фамилія моя двойная: Стоговъ-Можайскій, а по какой причинѣ Можайскій, я добраться не могъ. Дѣдушка мой сначала подписывался Стоговъ-Можайскій, послѣ ему показалось трудно, онъ сталъ подписываться Стоговъ, и съ тѣхъ поръ Можайскій потерялось. Вотъ что я знаю о нашей фамиліи. Мы были жителями Новгорода, и должно быть богатыми. Отъ старожиловъ Новгородскихъ я узналъ, что нѣсколько мѣстностей—теперь пустырей заросшихъ лѣсомъ, носили названіе Стоговы пустоши, Сто-

[1]) Эразмъ Ивановичъ Стоговъ былъ постояннымъ и можно сказать дѣятельнымъ сотрудникомъ „Русской Старины“ почти съ самаго начала ея изданія. Такъ въ журналѣ, въ разное время были напечатаны его статьи: „Ссыльно-каторжные въ Охотскомъ солеваренномъ заводѣ“ („Рус. Стар.“ 1878 г. т. 22); „Бунтъ архіепископа Иринея“ (1878 г. т. 23); „Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ“ (1878 г. т. 23); „Служба въ Симбирскѣ“ (1878 г. т. 23); „Семеновъ и Бунина. Памятный день въ Иркутскѣ“ (1878 г. т. 24); „Романъ Медоксъ“ (1880 г. т. 28) и „Посмертныя записки“ (1886 г. т. 52). Всѣ эти статьи составляли извлеченіе изъ переданныхъ впослѣдствіи въ редакцію обширныхъ записокъ, которыя нынѣ и печатаются на страницахъ журнала. Въ нихъ встрѣтятся нѣкоторыя повторенія того, что уже было напечатано, но въ общемъ записки даютъ очень много новаго и такія подробности, которыя весьма интересны и важны для эпохи, въ которой жилъ и дѣйствовалъ самъ авторъ. Э. И. Стоговъ родился 24-го февраля 1797 г. и скончался 17-го сентября 1880 года.

*

говы озера и проч. Еще дѣдушка мой владѣлъ имѣніями на Бѣлоозерѣ, получалъ оброкъ и рыбу ежегодно; подъ старость дѣда кто-то завладѣлъ его имѣніемъ; отецъ и дяди мои ходили въ походы съ Суворовымъ, дѣдъ былъ малограмотенъ, махнулъ рукой и отступился отъ имѣнія, такъ оно и пропало. Иванъ Васильевичъ Грозный, творя послѣдній судъ Новгороду, всѣхъ умоводителей лишилъ имѣній въ Новгородѣ, выселилъ въ Московскую губернію и роздалъ маетности. Четыре фамиліи были поселены рядомъ: Стоговы, Муравьевы, Мураши, Огарковы. Эти фамиліи и теперь сидятъ сосѣдями. Муравьевы разбогатѣли посредствомъ браковъ, а Стоговымъ дана была маетность Золотилово [1]) съ 6-ю душами крестьянъ. Нашей же фамиліи Стоговы, и тоже бѣдняки, отдѣлились въ Тверскую губернію, и я зналъ полковника, который увѣрилъ меня, что его фамилія происходитъ отъ Стоговыхъ новгородскихъ. Теперь въ Новгородѣ Стоговыхъ нѣтъ.

Изъ всѣхъ Стоговыхъ были знаменитости только при Алексѣѣ Михаиловичѣ: стольники, спальники, что теперь камергеры, камеръ-юнкеры, грамоты на эти знаменитости хранятся въ Золотиловѣ. Дѣдъ мой, Димитрій Дементьевичъ, гдѣ-то числился въ судѣ, съ первымъ чиномъ вышелъ въ отставку и проживалъ въ Золотиловѣ. Онъ былъ средняго роста, какъ всѣ Стоговы, но былъ очень силенъ и бодръ до старости. Золотилово отъ Москвы 125 верстъ, дѣдъ всегда ѣздилъ верхомъ и одинъ; отецъ мой показывалъ мнѣ долинку у Поклонной горы, въ которой дѣдъ пускалъ свою лошадь кормиться на все время пребыванія своего въ Москвѣ, и такова была честность тогда, что лошадь безъ надзора паслась и не пропадала.

— Тогда, братецъ ты мой, не воровали лошадей,—говорилъ мнѣ отецъ.

Дѣдъ мой былъ въ большомъ уваженіи въ своемъ округѣ и слылъ колдуномъ. Однажды была дворянская свадьба, на которую почему-то дѣда не позвали. Дорога въ приходскую церковь была чрезъ Золотилово, поѣзжане въ нѣсколько саней подъѣхали къ воротамъ околицы, лошади захрапѣли и не пошли въ ворота, вывели впередъ другія сани и сколько ни перемѣняли, лошади храпятъ, а не идутъ. Кто-то вспомнилъ, что не позвали на свадьбу Дмитрія Дементьевича, вотъ онъ и надѣлалъ хлопотъ. Пошли къ дѣду, онъ спалъ, а проснувшись, не хотѣлъ и говорить, пока всѣ поѣзжане не поклонились по три раза въ землю. Въ нагольномъ тулупѣ, подпоясанный полотенцемъ, въ валенкахъ и теплой шапкѣ, дѣдъ взялъ метлу, лопату, уголь, соль и святую воду, пришелъ къ воротамъ, легъ и началъ шептать и приговаривать, взялъ метлу и сталъ сражаться съ нечистыми; долго боролся съ ними, про-

[1]) Въ 20-ти верстахъ отъ Можайска по Смоленской дорогѣ.

гналъ нечистыхъ, размелъ тщательно дорогу между воротами, лопатой посыпалъ новымъ снѣгомъ, обошелъ три раза поѣздъ по солнцу, въ каждыя сани бросилъ по лопатѣ снѣга, а жениха съ невѣстой опрыскалъ съ уголька, сѣлъ на первыя сани, проѣхалъ, а за нимъ весь поѣздъ, но на свадьбу не пошелъ.

— Какъ же, батюшка, наколдовалъ дѣдушка?—спрашивалъ я.

— Если, братецъ ты мой, пересыпать дорогу порошкомъ изъ желчи и печени медвѣдя, лошади слыша запахъ звѣря—пугаются и не идутъ.

Разъ пріѣхалъ къ дѣду изъ Вятки старинный пріятель и гостилъ двѣ недѣли; друзья пили три дня полной душой. Гость собирался домой, дѣдъ упрашивалъ погостить еще денекъ, гость не соглашался. Приходитъ гость въ конюшню и видитъ, что коренная лошадь лежитъ безъ движенія. Что ни дѣлали, лошадь не шевелится; гость даже заплакалъ, дѣдъ началъ торговаться, и гость согласился еще погостить. Дѣдъ заперся въ конюшнѣ, шумѣлъ, брачился, боролся съ чертомъ, наконецъ, по зову дѣда вошли въ конюшню, лошадь была здорова и веселѣе прежняго. Гость изъ благодарности прогостилъ недѣлю, были оба безъ просыпа пьяны, благо водка была не купленая.

— Какъ же это, батюшка, съ лошадью-то?

— А если, братецъ ты мой, языкъ ядовитой змѣи завернуть въ шарикъ воска и положить въ ухо лошади, то лошадь упадетъ и останется безъ движенія, пока не вынутъ шарикъ; тогда лошадь дѣлается веселѣе прежней.

Разсказывалъ отецъ, что разъ съ дѣдомъ шли они по слободѣ Колоцкаго монастыря, въ одномъ домѣ богатаго мужика была свадьба и пировало много народа. Дѣдъ съ отцомъ присѣли на завалинкѣ; дѣдъ сказалъ: «надобно, чтобы они поссорились», и дѣйствительно скоро началась драка. Ушелъ дѣдъ, и драки конецъ.

— Какъ же это, батюшка?

— Этого, братецъ ты мой, я не долженъ объяснять тебѣ.

— Почему же, батюшка?

— Грѣхъ дѣлать зло людямъ.

Дѣдъ много зналъ заговоровъ, отговоровъ, напримѣръ: заговаривалъ сильное кровотеченіе, отговаривалъ головную боль. Какъ же съ такими познаніями не быть почитаемымъ, уважаемымъ!

У дѣда было три сына: Михаилъ, Иванъ и Ѳедоръ. Всѣ служили въ военной службѣ во времена Суворова. Михаилъ, по отзывамъ родныхъ и моего отца, былъ необыкновеннаго ума, честенъ, серьезенъ и очень почитаемъ. Онъ, какъ и всѣ братья, служилъ въ пѣхотѣ, былъ капитаномъ, въ Варшавѣ женился на полькѣ, жена на третій день бѣжала отъ мужа, а чрезъ недѣлю сдѣлалась публичной проституткой; это такъ поразило мужа, что онъ сошелъ съ ума и въ ти-

хомъ сумашествіи былъ до конца жизни. Я какъ теперь его вижу: стройный, серьезный, молчаливый. Онъ постоянно жилъ у моего отца и очень любилъ мою мать. Отецъ мой былъ вспыльчивъ и строгъ; бывало, раскричится на мать мою; Михаилъ, молча, укажетъ дверь отцу и если тотъ не послушается, возьметъ за воротникъ сюртука и вытолкаетъ за дверь. Первое мое сознаніе младенчества представляется мнѣ не иначе, какъ я на рукахъ дяди Михаила. Однажды вообразилось ему, что я заяцъ; онъ ласкалъ и гладилъ зайчика и подносилъ уже къ печкѣ, полной жара, чтобы меня изжарить, и только хотѣлъ положить на уголья, какъ случайно вошелъ въ комнату Никита, камердинеръ отца, крикнулъ на дядю и отнялъ меня. Дядя опомнился, очень тревожился тѣмъ, что чуть было меня не изжарилъ.

Отецъ мой былъ совершенно нравственный человѣкъ, всю жизнь не зналъ вкуса въ водкѣ и винѣ, не дотрогивался до картъ, былъ до крайности богомоленъ, посты соблюдалъ до аскетизма; всѣ знали его какъ честнѣйшаго и совершенно безкорыстнаго человѣка. Воспитаніе миновало его, церковную печать онъ читалъ свободно, ну, а гражданскую— не очень быстро, да и считалъ грѣховнымъ читать гражданскую книгу, писалъ тоже по старинкѣ, на примѣръ: інператоръ и тому подобное. Написать письмо даже ко мнѣ ему нужно было не менѣе двухъ трехъ черновыхъ и чтобы во всемъ домѣ была ненарушимая тишина; помню, когда дѣлалъ конвертъ, и тогда никто не смѣлъ пройти по сосѣдней комнатѣ. Нрава былъ серьезнаго, улыбка была рѣдкою гостьей, и тогда непривыкшее лицо дѣлало какую-то страдальческую гримасу. Въ опасныхъ случаяхъ былъ крайне смѣлъ, должно быть, былъ храбръ. Характера былъ чрезвычайно вспыльчиваго, надъ зависящими отъ него былъ неумолимо строгъ, даже жестокъ, передъ людьми, на вершокъ выше его стоящими въ іерархіи—уничижался до послѣдней степени—клалъ земные поклоны,—таково было время его юности.

Родился онъ въ 1766 или 1767 году, умеръ въ 1852 году. Будучи въ отставкѣ, до старости служилъ по выборамъ: городничимъ, судьею, казначеемъ, и помню, разъ былъ содержателемъ соляныхъ магазиновъ. Вѣрилъ отецъ, не разсуждая: молитва, постъ, всѣ постановленія церкви— исполнялъ неотступно, строго, но вѣрилъ въ колдовство и въ постоянную дѣятельность чорта; надѣть жилетъ, галстухъ, сапоги, не перекрестясь, онъ не рѣшился бы, но, исполнивъ все по своему убѣжденію, онъ уже ничего не боялся. Изъ многихъ случаевъ могу разсказать одинъ. Въ Можайскѣ, за московской заставой, по лѣвую сторону большой дороги, было кладбище колдуновъ, которыхъ хоронили не иначе, какъ забивая большой осиновой колъ въ спину покойнику. Этого кладбища очень боялись ночью. Разъ были у насъ гости, заговорили о злыхъ продѣлкахъ колдуновъ, и среди страшныхъ разсказовъ, когда всѣхъ про-

нимала дрожь, кто-то сказалъ, что едва-ли найдется смѣльчакъ сходить въ полночь на кладбище.

— Развѣ сумасшедшій рѣшится на такую штуку,—говорили присутствующіе.

— Съ молитвой можно сходить,—отвѣчалъ отецъ.

Ему предложили пари. Отецъ, помолясь, отправился одинъ. Его упрашивали вернуться, мать плакала, но отецъ вернулся со щепкою, срѣзанною съ одного осиноваго кола. На другой день приложили щепку къ колу и убѣдились, что отецъ былъ дѣйствительно на кладбищѣ. Живя въ деревнѣ, помню, рѣдкій день не приходили казенные и разные поссорившіеся крестьяне на судъ къ отцу; сосѣдніе крестьяне такъ почитали его, что судъ его признавался безъаппелляціоннымъ. Замѣчательно, что отецъ никогда не творилъ суда даромъ, судящіеся обязаны были принести хотя что-нибудь, хотя чашку меда, хотя кусокъ холста на полотенце, но даромъ не судилъ, видно, это былъ древній народный обычай. Отца такъ уважали, что въ голодные годы бывало сильное воровство хлѣба, у отца амбары были удалены и почти не запирались, но ни разу никто не покусился украсть. Существовало повѣрье: кто у Ивана Дмитріевича украдетъ хотя зерно, тотъ въ теченіе года умретъ и непремѣнно обнищаетъ. Отецъ разсказывалъ, что при Екатеринѣ было генеральное межеваніе, и Золотилово должно было быть отмежовано къ Смоленской губерніи, но дѣдъ мой упросилъ коммиссію, отмежевать Золотилово къ Московской губерніи; коммиссія, исполняя просьбу дѣда, нѣсколько деревень отмежевала къ Москвѣ. Золотилово составило границу и клиномъ врѣзалось въ Смоленскую губернію.

Земля въ Золотиловѣ дотого безплодная, что безъ навоза не производитъ никакой сорной травы, а если рожь на удобренной землѣ родится самъ-третій, то считается хорошимъ урожаемъ. Посѣву было всего 11-ть десятинъ. Трудно понять, какъ отецъ жилъ отъ такого скуднаго хозяйства? Долговъ никогда не имѣлъ, были всѣ сыты, одѣвались подворянски и на все доставало. Правда, болѣе 200 дней въ году было постныхъ, но все-таки трудно свести концы при такихъ скудныхъ средствахъ—однако жили и кормили дѣтей, да и бѣдный не уходилъ голоднымъ, особливо странники. Именины, рожденія отца и матери справлялись со многими гостями. Дѣлались ежегодно приношенія въ монастырь Колоцкой Божіей Матери въ двухъ верстахъ отъ Золотилова. Попала мышь въ горшокъ или посуду, утонула курица въ колодцѣ, ни ѣсть изъ посуды, ни пить изъ колодца нельзя, пока не освятитъ монахъ. Какъ припоминаю, жили прилично; ѣздили великимъ постомъ ежегодно въ Москву для годовыхъ закупокъ. Въ Золотиловѣ сохранились записки расходовъ дѣда, изъ которыхъ видно, что на ежегодную покупку запасовъ въ Москвѣ издерживалось десять руб; за ночлегъ на постояломъ

дворѣ съ прислугой и лошадьми платили денежку, за копѣйку кормили прислугу и давали сѣна лошадямъ—вотъ было время!

Отецъ разсказывалъ мнѣ, что когда родители рѣшили его женить, то выбрали ему невѣсту въ городѣ Рузѣ у тамошняго помѣщика Максима Кузьмича Ломова, у котораго было душъ десять крестьянъ; онъ былъ 55 лѣтъ казначеемъ въ Рузѣ, умеръ 115 лѣтъ отъ горя, что французъ взялъ Москву.

— Батюшка, какъ вы познакомились съ моею матушкою?

— Зачѣмъ, братецъ, знакомиться: покойный батюшка сказалъ: Иванъ, поѣзжай въ Рузу къ Максиму Кузьмичу Ломову, у него одна дочь, Прасковья, ты на ней женись, я уже все сладилъ и пріѣзжай съ женой.

Отецъ мой не хотѣлъ жениться, но его послали къ невѣстѣ. Чтобы не понравиться ей, отецъ разорвалъ дорогою платье свое на колѣнахъ и локтяхъ, пріѣхалъ нечесанымъ и немытымъ, нюхалъ табакъ и не утиралъ носа. Между родителями было однако же заранѣе условлено, и ничто не помогло, отца женили на Прасковьѣ Максимовнѣ и дали двѣ семьи крестьянъ въ приданое.

Мать моя слыла первою красавицею въ уѣздѣ, и я хорошо помню ее: блондинка, румянецъ во всю щеку, добрая, ласковая, привѣтливая, веселая, была очень образована, даже знала грамотѣ, что тогда считалось рѣдкостью между женщинами. Мать ея, Настасья Ивановна, — была неграмотна. Дѣдушка говорилъ, что въ его время грамотная дѣвушка не нашла бы жениха.

— На что знать грамотѣ женщинѣ?—спрашивалъ онъ.—Писать любовныя письма? болѣе не для чего.

Мать моя писала печатными буквами, она говорила и писала, не умѣя у мѣста поставить буквы п и б;—всегда ихъ смѣшивала. Она славилась хозяйкою и рукодѣльницею на весь уѣздъ. Мнѣ помнится, ее всѣ очень любили, только отецъ мой былъ жестокъ съ нею, бранилъ часто и хотя рѣдко, но бивалъ. Мнѣ было четыре года, мы были въ Можайскѣ, гдѣ отецъ былъ судьею. Лѣтомъ, около полдня, мать сидѣла у открытаго окна, а я стоялъ около нея; она работала. Домъ былъ на главной улицѣ, по которой проходилъ городничій Василій Яковлевичъ панъ Поняровскій,—это былъ великій щеголь своего времени, небольшаго роста, черенъ, какъ негръ, съ курчавыми черными волосами. Онъ былъ въ новомъ сюртукѣ и круглой новой шляпѣ. Панъ Поняровскій (русскій человѣкъ) остановился передъ окномъ и разговаривалъ съ матерью. Отецъ въ это время шелъ изъ присутствія и видѣлъ разговаривающаго пана Поняровскаго, который, не долго постоявъ, ушелъ, не видавъ отца. Пришелъ отецъ въ гнѣвѣ, красный, сильно началъ бранить мать, зачѣмъ сидѣла у окна и разговаривала съ паномъ Поняровскимъ, вытолкалъ

мать въ дѣвичью, а самъ заперся въ спальню. Мать плакала, молила—ни одного звука изъ спальни; такъ отецъ, трое сутокъ не пивши, не ѣвши и не сдѣлавъ движенія, пролежалъ на кровати; мать молилась на колѣнахъ и меня заставила молиться. Чрезъ трое сутокъ, отецъ вышелъ молча и пошелъ молча въ судъ—вотъ характеръ! Мать была страдалицей. Беременная семнадцатымъ ребенкомъ, она упала съ дрожекъ и въ родахъ умерла.

Я родился въ 1797 году 24-го февраля въ Золотиловкѣ и былъ первый сынъ у матери, которой было всего 16 лѣтъ.—У отца моего былъ слуга Никита. Онъ былъ неразлученъ съ отцомъ всю его службу; былъ преданный, честный и трезвый человѣкъ; въ одинъ часъ со мною у Никиты родился сынъ Иванъ и былъ назначенъ мнѣ въ слуги.

Мать разсказывала мнѣ, что я родился въ голодный годъ, жить было очень трудно, у ней не было молока, но она была рукодѣльница, дѣлала изъ разноцвѣтной бумаги, сплетая въ узелки, корзинки, коробочки, посылала продавать и покупала для меня молоко.

Отецъ мой былъ другаго характера, онъ былъ ростомъ 2 аршина 7 вершковъ, сложенія сухощаваго, мускулистый, замѣчательно силенъ и необыкновенно переносливъ въ физическихъ трудахъ; до конца жизни держался прямо; вспыльчивъ, въ домѣ и даже между близкими родными—властитель; мнѣ говорили, что онъ никогда не сказалъ лжи. Старшимъ по службѣ, богатымъ по состоянію не только не кланялся, унижаясь, но былъ крайне подозрителенъ, какъ говорится—былъ щекотливъ, малѣйшее чванство осуждалъ, несмотря на лицо. Отецъ обращался со мною очень строго, за всякую малость сѣкъ меня изъ своихъ рукъ со всѣмъ усердіемъ на козлѣ, т. е. кто-нибудь бралъ меня за ручонки на свои плечи. Помню, очень часто терпѣлъ я это истязаніе. Слезы матери, просьбы родныхъ только усиливали наказаніе. Лѣтъ пяти, дѣдушка Михаилъ Кузьмичъ взялъ меня къ себѣ въ Рузу, у него на площади былъ свой домъ, а другой — нанимался подъ уѣздный судъ. Бабушка Настасья Ивановна души не слыхала въ первомъ своемъ внучкѣ. Жизнь у дѣдушки съ бабушкою была счастливѣйшая въ моей жизни; бабушка меня кормила цѣлые дни. Помню, я очень любилъ моченый горохъ; бабушка купила мнѣ узорчатый кувшинчикъ и съ вечера насыпала въ него горохъ и наливала водою. Поутру горохъ вылѣзалъ изъ кувшинчика. Эта прибавка гороха (непонятная для меня) и красота глинянаго роснаго кувшинчика приводили меня въ восторгъ. Я жевалъ цѣлый день съ утра до вечера медъ съ хлѣбомъ, мороженыя сливки съ хлѣбомъ, моченыя яблоки, моченую бруснику, пирожки съ морковью, пряничные коньки и человѣчки, украшенные золотомъ и проч. Бабушка непремѣнно укладывала меня сама спать, читала долго молитвы, крестила и цѣловала безъ конца; потомъ придетъ дѣдушка, сядетъ на кровать,

шепчетъ молитвы, гладитъ мнѣ грудь и спину и уйдетъ, когда я засну. Дѣдушка, какъ казначей, имѣлъ гербовую бумагу на дому, и продажа была поручена мнѣ; крестьяне, покупая бумагу, платили мнѣ лишній грошикъ или копѣечку. Сколько я перекупилъ пряниковъ съ золотомъ и гречневиковъ на эти грошики!

Вдругъ, неожиданно пріѣхалъ отецъ. Я, конечно, перепугался, спрятался въ кухнѣ подъ печкою въ самый задъ и заставилъ себя какимъ-то коробомъ. Слышу, меня ищутъ, разумѣется, хотятъ сѣчь, отецъ для того и пріѣхалъ. Искали меня долго, весь домъ поднялся, и, наконецъ, нашли. Я въ слезы, дѣдъ удивился и спрашиваетъ, о чемъ плачу; я разсказалъ ему, какъ отецъ часто и больно сѣчетъ меня.

— Иванъ, правду говоритъ внукъ?—спросилъ дѣдъ.

Отецъ признался; тогда дѣдъ повелъ отца въ свою маленькую спальню, заперъ дверь, и мы слышали, какъ онъ усердно хлесталъ ремнемъ отца, просившаго прощенія.

Дѣдъ былъ высокаго роста, очковъ не носилъ до смерти, въ курчавыхъ черныхъ волосахъ не было ни одного сѣдаго волоса. Онъ считалъ грѣхомъ имѣть часы.

— Грѣхъ повѣрять Бога,—говорилъ онъ.

Въ какое бы время дня и ночи, даже разбуженный, дѣдъ безошибочно говорилъ, который часъ.

Живя у дѣда, помню нѣсколько случаевъ старины. Около дома былъ небольшой садъ и флигель, въ которомъ жилъ какой-то женатый родственникъ, служившій въ уѣздномъ судѣ. Одинъ разъ, жена его повалилась въ ноги къ дѣдушкѣ и, горько плача, жаловалась, что мужъ не любитъ ее, что она ни дѣлаетъ на зло мужу, онъ не бьетъ ее. Дѣдушка принялъ жалобу серьезно, сказалъ: худо такое дѣло и отпустилъ ее домой. Послѣ обѣда, дѣдъ позвалъ мужа, долго его бранилъ за хладнокровіе къ женѣ и постращалъ самого наказать. Мужъ просилъ прощенья, обѣщалъ исправиться и ушелъ домой. Слышавъ этотъ разговоръ, я побѣжалъ къ флигелю, взобрался на завалинку и давай смотрѣть въ окно. Мужъ, не говоря ни слова, взялъ полотенце, свилъ крѣпкій жгутъ, такъ что, держа за конецъ, жгутъ стоялъ, какъ палка. Жена что-то ворчала, мужъ схватилъ жену за косу, бросилъ на полъ и началъ возить жгутомъ по чему ни попало, жена молила о прощеніи, но мужъ продолжалъ свое дѣло, она доползла до ногъ, начала цѣловать ихъ и просила простить ее. На другой день утромъ, пришла жена къ дѣдушкѣ, кланялась въ ноги, цѣловала руки и благодарила, говоря, что теперь она счастлива. Слышалъ я, какъ дѣдушка и бабушка говорили послѣ: какому же быть согласію и любви между супругами, если мужъ не бьетъ своей жены, значитъ, не любитъ ее. Послѣ при мнѣ жена не приходила болѣе жаловаться. Вотъ нравы—гдѣ они?

У дѣдушки былъ одинъ сынъ—Гаврила, молодецъ собою. Пришла пора его женить; невѣста, дочь помѣщика Можайскаго уѣзда, была привезена въ домъ дѣда ко дню брака, и я былъ шафером. Дядя привезъ изъ Москвы первые смазные сапоги, которымъ всѣ дивились. Сапоги чистились ваксою изъ воска и сажи съ сахаромъ; я залѣзъ подъ столъ, находилъ вкуснымъ лизать сапоги и перепачкалъ себѣ лицо; всѣхъ это насмѣшило. Помню, какъ укладывали молодыхъ спать. Дѣдушка съ бабушкой сидѣли чинно и шептали молитвы, молодой сѣлъ на кровать, молодая, ставши на колѣна, снимала сапоги и чулки съ мужа; потомъ, я подалъ молодой плетку (изъ ленточекъ сплетенную), какъ эмблему власти. Молодая подала покорно плетку мужу, который серьезно положилъ ее подъ подушку. Затѣмъ молодые сдѣлали по три земныхъ поклона, поцѣловали руки родителей и поцѣловались со мною. Старики прочитали молитву, перекрестили молодыхъ, заперли спальну на ключъ, и у дверей снаружи легла спать няня. По утру, дѣдъ съ бабушкой и старшими родными поднимали молодыхъ, и затѣмъ начался пиръ. Дѣду было около ста лѣтъ, но, подвыпивъ, въ восторгѣ, онъ проплясалъ русскую въ присядку. Бабушка, толстая, плыла, какъ лебедь, манила и отталкивала дѣда, который увивался около нея, а она и плечикомъ вела, и платочкомъ махала и, наконецъ, позволила себя обнять и поцѣловать. Вся пляска происходила подъ пѣсни дворовыхъ дѣвушекъ. Обѣдъ былъ болѣе чѣмъ изъ 40 кушаньевъ, напр.: щи, лапша, кашица съ курицей, ботвинья, уха, къ каждой похлебкѣ—особый пирогъ: съ мясомъ, съ кашей, морковью, рыбой и съ курицей; жаркихъ столько же: говядина, телятина, индѣйка, гуси, утки, дичина, разныхъ кашъ не менѣе пяти, разные кисели, сладкій пирогъ и много разнообразнаго здобнаго тѣста. Послѣ каждаго блюда угощеніе водкою; квасъ, медъ, пиво, пили кто чего желалъ; вино красное и бѣлое на концѣ обѣда. Пили, какъ подумаю, очень много, но безобразно пьяныхъ не было, народъ былъ крѣпкій. Обѣдали съ 10-ти часовъ утра до трехъ по полудни, потомъ поѣхали по городу: молодые съ бабушкою въ рогожномъ возкѣ, я сидѣлъ на козлахъ и разбрасывалъ въ народъ, то направо, то налѣво, по очереди, мелкія серебряныя деньги и бумажные клѣтчатые платки. Ѣхали шагомъ, народъ ликовалъ, кланялся, поздравлялъ. За возкомъ ѣхалъ дѣдушка со сватомъ въ пошевняхъ, а за нимъ всѣ гости въ саняхъ. Такъ мы ѣздили до сумерокъ. По возвращеніи пошла опять попойка, угощали множествомъ варенья, пастилами, пряниками, изюмомъ, моченными яблоками, моченою брусникою и ягодными квасами; плясали русскую по одной парѣ, потомъ мятелицу, закрути вавилонъ (въ родѣ польскаго, ломаными линіями). Помнится, никто трезвымъ не легъ спать.

Новая тетка моя, молодая Елена Яковлевна, была первая танцорка,—русскую она плясала съ мужемъ болѣе часа и какихъ колѣнъ не вы-

дѣлывала, а дядя Гаврила Максимычъ, въ восторгѣ, пошелъ въ присядку со звѣздочкою. Это такъ было хорошо, что многіе прослезились. Ужинъ былъ почти такой же, какъ и обѣдъ. Такъ пировали трое сутокъ. Пили, ѣли невѣроятно много, но всѣ были здоровы, ссоръ не было, только видно и слышно было, какъ всѣ цѣловались.

Руза—маленькій городокъ, извѣстенъ отвѣтомъ городничаго, когда путешествовалъ князь Потемкинъ, котораго повелѣно было встрѣчать съ царскими почестями. При въѣздѣ князя, въ Рузѣ не стрѣляли изъ пушекъ.

— Почему не стрѣляли?—спросилъ князь городничаго.

— На это я имѣю тысячу причинъ (это была привычная его поговорка),—отвѣчалъ городничій:—въ Рузѣ нѣтъ пушекъ и пороха.

— Довольно и одной,—отвѣчалъ Потемкинъ.

Онъ приказалъ подать вѣдомости о дѣлахъ въ судѣ.

— Не могу исполнить,—отвѣчалъ робко судья.

— Почему?

— Нѣтъ ни одного дѣла въ судѣ.

Въ Рузѣ, много сохранилось преданій о набѣгѣ Литвы. За рѣчкой, въ березовой рощѣ, указывали на выкопанныя ямы подъ горнями, куда прятали жители имущество при набѣгѣ. Я во многія лазилъ и нашелъ серебряную копѣечку.

Года полтора я жилъ у дѣдушки и послѣ того уже не видалъ его. Тетка моя Елена Яковлевна много лѣтъ спустя была у меня въ Кіевѣ, выпила 45 чашекъ чаю и очень была довольна.

Младшій братъ моего отца, а мой дядя, Ѳедоръ Дмитріевичъ, былъ умнѣе отца; это уже былъ грамотный, онъ былъ моимъ любимцемъ изъ всѣхъ Стоговыхъ; онъ былъ веселонравенъ, любилъ шутить; бывало, какъ ни больно высѣчетъ отецъ, какъ бы горько я ни плакалъ, но придетъ дядя и представитъ, какъ пьяные мужики валяются, я утѣшусь и расхохочусь. Отецъ разсказывалъ: Ѳедоръ Дмитріевичъ былъ большой шалунъ, онъ былъ уже прапорщикомъ и чѣмъ-то провинился; старшій братъ Михаилъ вмѣстѣ съ отцомъ моимъ отлично отодрали розгами прапорщика; но это тогда не было странно, старшій братъ, въ отсутствіе отца, имѣлъ права родителя, а извѣстно, что графъ Каменскій своего сына полковника предъ фронтомъ наказалъ палками.

Послѣ жизни моей у дѣда, меня отдали въ Лужицкій монастырь (около Можайска), гдѣ былъ монахъ Константинъ, о которомъ шла слава, что онъ знаетъ французскій языкъ; онъ долженъ былъ выучить меня всему. Я уже сказалъ, что въ одинъ часъ со мною родился сынъ у камердинера моего отца, Никиты, а жена его Устинья была женщина весьма близкая къ моей матери. Сына ихъ назвали Иваномъ и со дня рожденія назначили его ко мнѣ камердинеромъ. Росли, шалили, учились, сѣ-

кли насъ все вмѣстѣ, только Ивана несравненно меньше. Вмѣстѣ съ Иваномъ мы гостили у дѣдушки, вмѣстѣ были отданы и въ монастырь. Монахъ Константинъ, кажется, незаслуженно слылъ за ученаго, — это былъ лицемѣръ, ругавшійся со всѣми. Меня ничему не училъ и въ полтора года жизни въ монастырѣ я выучилъ только: ла-фуршетъ и лакутонъ. Была для меня въ верхнемъ этажѣ келья, и къ намъ съ Иваномъ никто не входилъ, не сказавши: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа»; когда мы отвѣтимъ: Аминь, тогда входили. Насъ будили рано, ходили мы въ церковь и обыкновенно, черезъ минуту, выбѣгали шалить: лѣтомъ бѣгали въ саду, воровали ягоды, яблоки, а зимою—въ слободу къ мальчикамъ. Кормили насъ скверно за общей трапезой, гдѣ во время обѣда одинъ читалъ громко священныя книги. Послѣ обѣда всѣ монахи собирались въ особую комнату для бесѣды, и тутъ я постоянно слышалъ только перебранку и укоризны другъ другу. Впослѣдствіи я спросилъ отца: для чего онъ отдавалъ меня въ монастырь?

— А чтобъ ты, братецъ, узналъ монастырскую жизнь.

— Почему же вы не отдавали меня въ тюрьму?

— Потому, братецъ, что ты дуракъ.

Послѣ монастыря, я бѣгалъ въ Можайскѣ въ народную школу, гдѣ тоже ничему не учили, а все-таки сѣкли за лѣность.

По Золотилову былъ сосѣдъ, богатый помѣщикъ, Борисъ Карлычъ Бланкъ; предки его зашли въ Россію изъ Голландіи въ званіи архитекторовъ, еще при Петрѣ. Бланкъ былъ женатъ на тамбовской помѣщицѣ Буниной, у него было много деревень въ разныхъ губерніяхъ. Онъ жилъ въ селѣ Присловѣ, верстъ 6—7 отъ Золотилова, по-тогдашнему очень роскошно, у него были музыканты, устраивались иллюминаціи и фейерверки. Однажды, лѣтомъ, отецъ съ матерью пошли пѣшкомъ въ Прислово. Отецъ пошелъ впередъ, мать, ведя меня за руку, догнала отца, отецъ очень сердился, зачѣмъ мать взяла меня, и сказалъ: «неси сама, какъ онъ устанетъ, а я не понесу». Прошли мы версты двѣ-три, какъ я сѣлъ на землю и говорю: усталъ. Мать взяла меня на руки, но, будучи беременна, нести не могла, отецъ очень бранилъ ее. Очень хорошо помню, что мы шли по тропинкѣ между орѣховыхъ кустовъ; отецъ сказалъ мнѣ: вставай, братецъ, я дамъ тебѣ коня, ты садись верхомъ и поѣдешь. Вырѣзалъ орѣховый прутъ, очистилъ головку и другой прутикъ вмѣсто кнута, я сѣлъ верхомъ, отецъ сказалъ: смотри, хорошенько держи коня, а не то онъ разобьетъ тебя, видишь какой горячій. Я хлестнулъ коня прутикомъ, и онъ понесъ меня такъ, что я удержать не могъ, конь унесъ меня впередъ и возилъ галопомъ между кустовъ. Отецъ кричалъ: держи, братецъ, коня, а я отвѣчалъ: не могу держать, да такъ галопомъ и добѣжалъ до Прислова. Все это живо сохранилось въ моей памяти; уже въ Кіевѣ я разсказалъ отцу этотъ случай. Отецъ крайне

удивился, едва вѣрилъ, что я могъ это помнить, потому что мнѣ былъ только третій годъ. Я разсказалъ теперь, какъ удивительный случай впечатлительности младенческой памяти; у меня была няня Прасковья, сухая, длинная, серьезная старуха. За поясомъ у нея висѣлъ крашенинный синій съ бѣлыми крапинками платокъ, которымъ она часто утирала мнѣ носъ, но платокъ былъ такого грубаго полотна, что послѣ утиранья долго сыпались у меня искры изъ глазъ; замѣтя движеніе платка, я прятался подъ столъ или подъ кровать. Я былъ еще очень малъ, когда няня захворала, это было въ Можайскѣ, она лежала въ амбарѣ и ее соборовали. Впослѣдствіи я разсказалъ отцу, какъ умерла няня и какъ ее соборовали.—Отецъ сказалъ:—Ты, братецъ, помнить этого не можешь.

Но когда я разсказалъ подробно расположеніе нашей квартиры и того амбара, гдѣ соборовали, и какъ дьяконъ гадалъ по евангелію, будетъ ли жива, и на вопросъ протопопа тихо отвѣчалъ—нѣтъ, разсказалъ всѣ подробности церемоніи, отецъ изумился, слушая меня. Послѣ я уже не видалъ соборованія, но и теперь помню всѣ порядки. Няня кончалась, мы всѣ стояли тихо, какъ вдругъ пришла дѣвка Катька и шепнула Устиньѣ:

— Прасковьюшка уже умерла, я видѣла, какъ ея душенька пролѣзла по углу черной кошкой.

Это такъ сильно на меня подѣйствовало, что я до офицерскаго чина не могъ отбиться отъ убѣжденія, что душа человѣка послѣ кончины должна отдѣлиться чѣмъ-нибудь видимымъ: кошкой, ласточкой и пр. Такъ сильны впечатлѣнія младенчества къ народнымъ повѣрьямъ.

II.

Жизнь Э. Стогова въ семействѣ Бланковъ.—Семейство Буниныхъ.—Поэтесса А. П. Бунина.—Отправленіе Стогова въ Петербургъ.—Поступленіе его въ морской кадетскій корпусъ.—Адмиралъ Ханыковъ.—Сенаторъ Бакунинъ и его семейство.—Императоръ Александръ I и Нарышкинъ.—Остроты послѣдняго.

Мнѣ было лѣтъ 8-мь, какъ, не имѣя дѣтей, Бланкъ взялъ меня къ себѣ. Это были люди важные, носили шелковые чулки, говорили постоянно по-французски, отчего и я выучился говорить на этомъ языкѣ. Деликатное обращеніе, важность даже прислуги, такъ на меня подѣйствовали, что я присмирѣлъ и пересталъ шалить. Комната моя была на антресоляхъ, а въ другой жилъ, по бѣдности, князь Шаликовъ. Онъ только-что кончилъ университетъ, и его обязанностью было сочинять

стихами надписи на транспарантахъ, въ иллюминацію. Это былъ армянинъ средняго роста, худощавый брюнетъ, съ огромнымъ носомъ, ему было за 20 лѣтъ, и я не могъ быть ему товарищемъ.

Князь Шаликовъ, впослѣдствіи издававшій дамскій журналъ, былъ любимцемъ дамъ, ходилъ въ бланжевыхъ чулкахъ и никогда въ сапогахъ. Надъ тощимъ журналомъ смѣялись, а Шаликовъ жилъ отъ журнала. Воейковъ, въ «Сумасшедшемъ домѣ» характеризуя всѣхъ литераторовъ, не забылъ и Шаликова.

Жизнь моя у Бланка сохранила въ памяти: празднества, много гостей, торжественность и парадъ. У Бланка жила теща Варвара Петровна Бунина, которая приходилась намъ какъ-то родней. Пріѣхалъ въ отпускъ Иванъ Петровичъ Бунинъ. Онъ былъ извѣстенъ всему Питеру, какъ неисчерпаемый весельчакъ, игралъ на всѣхъ инструментахъ, пѣлъ пѣсни на всѣхъ языкахъ, былъ удивительный гримасникъ, умѣлъ двигать ушами, жужжалъ мухой въ паутинѣ, представлялъ удивительно вѣрно, какъ дрались кошка съ собакой и много разныхъ штукъ. Какъ весельчакъ, острякъ, штукарь, танцоръ, пѣвецъ, музыкантъ и пр. и пр., Бунинъ самъ называлъ себя на визитныхъ и пригласительныхъ билетахъ: «Кумъ свахи Аполлона», былъ необходимый членъ всѣхъ собраній общества. Онъ былъ учредитель «Общества пробки», такъ много надѣлавшаго шуму въ свое время. Теща Бланка была родная сестра Бунину. Явился Бунинъ блестящимъ щеголемъ, весь бомондъ Можайскаго уѣзда взбаламутился; у Бланка не прерывались праздники, и пребываніе Бунина составило эпоху веселья въ уѣздѣ. Одинъ разъ, Бунинъ подозвалъ меня къ себѣ, взялъ за ухо, посмотрѣлъ на пальцы и спросилъ моего отца, куда я назначаюсь служить? Отецъ отвѣчалъ, что онъ небогатый человѣкъ и еще не рѣшилъ.

— Если вашего сына,—сказалъ Бунинъ,—не будетъ укачивать на кораблѣ, то отдайте его въ Морской корпусъ.

Отецъ затруднялся, но Бунинъ прибавилъ:

— Пришлите его только въ Питеръ, я берусь опредѣлить его, это уже мое дѣло

Съ этой минуты мое назначеніе служить во флотѣ было рѣшено.

Послѣ Бунина, пріѣхала меньшая сестра его, извѣстная дѣвица-поэтъ Анна Петровна Бунина. По неизвѣстнымъ мнѣ связямъ, Бунины были близки къ Ахвердову, бывшему учителю или кавалеру великихъ князей Николая и Михаила Павловичей. Онъ жилъ въ Михайловскомъ замкѣ, въ которомъ скончался императоръ Павелъ. Будучи 17 лѣтъ, А. П. Бунина пріѣхала погостить у Ахвердова, и онъ, видя бѣдность дѣвушки, посовѣтовалъ просить милости у вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны и написать ей письмо. Деревенская дѣвушка, конечно, затруднялась сочиненіемъ письма, сидѣла около окна и сочиняла.

Ахвердовъ подошелъ сзади, взглянулъ и удивился, увидавъ, что дѣвушка пишетъ письмо стихами. Этотъ первый трудъ Буниной былъ представленъ Маріи Ѳеодоровнѣ. Бунина получила 500 руб. пенсіона. Это ободрило дѣвушку, она написала посланіе къ императору Александру и получила отъ него тоже пенсіонъ. Тогда Бунина стала писать ко всей царской фамиліи. Знаю, что даже Константинъ Павловичъ и тотъ далъ ей 150 руб. пенсіи, такъ что бѣдная дѣвушка была обезпечена въ жизни. Подобный успѣхъ въ стихотворствѣ ободрилъ Бунину, и она стала сочинять басни, оды, элегіи и пр. Сочиненій ея набралось на два томика съ разгонистой печатью. Стихи стоили страшнаго труда Аннѣ Петровнѣ, но за то и читать ихъ можно только за большое преступленіе. Можетъ быть, ихъ никто и не читалъ, но всѣ хвалили Бунину, называли ее—«десятая муза».

На святкахъ отецъ съ матерью послали меня съ Василисою послушать, что со мною сбудется? Противъ насъ жилъ купецъ Жаркихъ; мы подошли къ его окну и услыхали, что хозяинъ дома говорилъ сыну:

— Нечего откладывать, постомъ поѣзжай въ Москву.

Этого было довольно, и судьба моя рѣшилась, отецъ отвезъ меня въ Москву. Тамъ была Анна Петровна Бунина и, собираясь ѣхать въ Питеръ, она взяла меня съ собою. Дома были молебны, прощанія, благословенія; мать заливалась слезами и приговаривала, что меня болѣе не увидитъ; всѣ плакали, одинъ я радовался, что избавлюсь отъ розогъ. При выѣздѣ изъ Москвы, отецъ провожалъ, сидя на облучкѣ, и, прощаясь на заставѣ, обратясь ко мнѣ, строго сказалъ:

— Похоронилъ я своего отца и мать и не плакалъ, а провожая тебя, не удержалъ слезъ—такъ помни же это. Боже тебя сохрани, если услышу о тебѣ что-нибудь худое,—задеру!

При этомъ, какъ теперь вижу страшный его указательный палецъ, которымъ онъ грозилъ мнѣ.

Путешествіе съ А. П. Буниной мы совершали на долгихъ, въ рогожной кибиткѣ. Останавливались въ Твери, гдѣ жила сестра государя, Екатерина Павловна, бывшая замужемъ за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, котораго вся Россія звала: «Принцъ шишка» по опухоли, бывшей у него на лбу. Провожая тетку Бунину во дворецъ, я одинъ разъ видѣлъ великую княгиню, помнится, она была красавица. Герцога не было дома, онъ былъ въ Новгородѣ.

По пріѣздѣ въ Гатчину, гдѣ жила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, насъ помѣстили во дворцѣ, и отвели двѣ комнаты въ нижнемъ этажѣ, съ окномъ въ садъ. Я влѣзъ на окно, усѣлся спустивъ ноги наружу и, колотя ими о стѣну, смотрѣлъ на вычищенную и усыпанную пескомъ аллею. День былъ прекрасный; смотрю, идутъ двѣ дамы: одна

тетка моя Бунина, а другая толстая, круглолицая старуха, подарившая мнѣ конфектъ и оказавшаяся императрицею.

Бунина была небольшаго роста, но прехорошенькая, говорятъ, она имѣла много жениховъ, но такъ дорожила славою своего имени, что не рѣшилась лишиться извѣстности, и умерла дѣвицей.

А. П. Бунина передала меня брату, а тотъ на другой день отвезъ меня въ Морской корпусъ, и я въ первый же день поступленія отлично подрался съ кадетомъ Слезовымъ, таковъ былъ обычай: новичковъ сводили драться со старшими кадетами, и когда я повалилъ Слезова, то мнѣ велѣли бить, пока не скажетъ: «покоренъ», что я исполнилъ, и сдѣлался старымъ кадетомъ. Бунина по праздникамъ брала меня изъ корпуса, возила съ собою ко всей аристократіи, часто мы бывали у сенатора Бакунина, Архарова, Шишкова, и другихъ. Когда же бралъ меня Бунинъ, то я постоянно былъ въ домѣ адмирала Ханыкова, такъ какъ Бунинъ былъ у него адъютантомъ. Тогда пѣли:

Ванька Бунинъ негодяй,
Ванька Бунинъ не зѣвай,
Твоя Анна [1]) хороша,
У ней добрая душа.

Адмиралъ Ханыковъ—извѣстенъ исторіи русскаго флота и былъ знаменитостью; въ это время онъ былъ уже въ параличѣ, но въ общемъ уваженіи. Параличъ его разбилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: во время войны съ англичанами, два непріятельскіе корабля напали на нашъ корабль «Всеволодъ», Ханыковъ далъ сигналъ не помню какому кораблю: идти на помощь «Всеволоду», но капитанъ этого корабля, получивъ сигналъ, схватился за голову, крикнулъ: «моя жена, мои дѣти!» и не пошелъ съ кораблемъ на помощь. «Всеволодъ» такъ сражался съ двумя кораблями, что изъ 800 человѣкъ команды осталось 60 человѣкъ и когда ихъ взяли всѣхъ ранеными, то англичане отдали всѣ почести храбрецамъ, а командира Руднева встрѣтили съ обнаженными головами и вмѣсто плѣна отпустили всѣхъ. Ханыковъ, какъ всѣ высокостоящіе, имѣлъ много враговъ, его обвинили передъ государемъ, онъ приказалъ назначить судъ. Судъ приговорилъ Ханыкова разжаловать въ матросы, но государь написалъ: «разжаловать на 12 часовъ и Ханыкову не объявлять». Старикъ Ханыковъ имѣлъ обыкновеніе каждое утро гулять два часа; у воротъ, одинъ врагъ его уже дожидалъ и спросилъ, почему онъ не въ платьѣ матроса? При этомъ показалъ ему приказъ. Это такъ поразило Ханыкова, что съ нимъ сдѣлался параличъ. Государь очень любилъ старика и очень жалѣлъ. Ханыковъ былъ старикъ средняго роста, толстый, добродушный, простой и очень умный. О Ханыковѣ ходило мно-

[1]) Анна Петровна—супруга Ханыкова.

жество анекдотовъ, когда онъ былъ главнымъ командиромъ Кронштадтскаго порта, Онъ всякій день повѣрялъ самъ цѣны на базарѣ и доброту провизіи, всякій день самъ покупалъ себѣ сухари, крендели; завтракъ его состоялъ почти всегда изъ яичницы. Разъ приходитъ мичманъ съ рапортомъ; адмирала не было дома, мичманъ соблазнился, съѣлъ яичницу и ушелъ. Ханыковъ узналъ, но не сказалъ ни слова, а за тѣмъ всякое утро къ мичману являлся ординарецъ и приглашалъ къ адмиралу кушать яичницу. Такъ прошло болѣе мѣсяца. Однажды осенью въ дурную погоду, ординарецъ, по обычаю является къ мичману.

— Пожалуйте къ адмиралу,—докладываетъ онъ.

— Сегодня я не хочу ѣсть яичницы—не пойду,—отвѣчалъ мичманъ.

Тогда явилось шесть матросовъ съ ружьями и отвели его подъ карауломъ къ Ханыкову. Старикъ объявилъ, что его звалъ не Ханыковъ, а адмиралъ, посадилъ его подъ арестъ и продержалъ тамъ столько дней, сколько онъ съѣлъ яичницъ. Императоръ Александръ I очень любилъ Ханыкова и часто пріѣзжалъ къ нему обѣдать въ Кронштадтъ. Государь очень любилъ портеръ, ввозъ котораго въ Россію былъ строго запрещенъ. Ханыковъ за обѣдомъ призываетъ камердинера и говоритъ, что въ углу подвала, кажется должна быть одна бутылка портера, привезенная самимъ Ханыковымъ изъ Англіи; бутылка является. Послѣ многихъ обѣдовъ, на которыхъ всегда подавалась послѣдняя бутылка, государь позвалъ камердинера и повторилъ приказаніе Ханыкова поискать послѣднюю бутылку портера. И на этотъ разъ бутылка явилась. Посмѣявшись императоръ, попросилъ подарить ему дюжину послѣднихъ бутылокъ портера, и Ханыковъ исполнилъ желаніе гостя. Адмиралъ имѣлъ привычку каждаго называть душенька; говорятъ, онъ часто и государя называлъ «душенька ваше величество».

Тетка Бунина часто ѣздила ко дворцу, и я присутствовалъ при ея туалетѣ. Замѣтивъ, что она румянится и бѣлится, я по простотѣ спросилъ ее:

— Вы, тетенька, такая бѣленькая и румянецъ во всю щеку, для чего же вы бѣлитесь и румянитесь?

— Глупенькій,—отвѣтила она,—этого требуетъ этикетъ двора, я могу сконфузиться, поблѣднѣть или покраснѣть и тѣмъ поставить другихъ въ неловкое положеніе, а набѣлившись и нарумянившись, я не перемѣнюсь, хотя бы и сконфузилась.

Чаще другихъ вельможъ тетка возила меня къ сенатору Бакунину; онъ былъ важенъ и жилъ великолѣпно. Семейство Бакунина состояло изъ жены, пяти дочерей и одного сына. Порядокъ былъ всегда одинъ: передъ обѣдомъ все семейство разряженное собиралось въ гостиной; самъ Бакунинъ Михаилъ Михайловичъ—въ бѣломъ галстухѣ, бѣломъ жилетѣ, во фракѣ, въ короткихъ брюкахъ, въ шелковыхъ чулкамъ и башмакахъ

съ большими серебряными пряжками, украшенными драгоцѣнными камнями, завитъ и напудренъ. Мужъ церемонно бралъ подъ руку жену и велъ ее въ столовую,гдѣ всякій день накрывалось 30 приборовъ. Приходилъ обѣдать, кто хотѣлъ, только дворецкій наблюдалъ, чтобы каждый былъ прилично одѣтъ, да еще новый гость не имѣлъ права начинать говорить съ хозяевами, а только отвѣчать. Мнѣ помнится, что лица большею частью были новыя. За столомъ была большая чинность, говорили только хозяева и близкіе гости. Послѣ обѣда и кофе, незнакомые кланялись и уходили.

Въ то время, во многихъ домахъ у вельможъ накрывалось лишнихъ 30, 20 и 15 приборовъ для бѣдныхъ приходящихъ, фамилій которыхъ хозяинъ и хозяйка не старались никогда узнавать. Я помню званый и парадный обѣдъ у Нарышкина; обѣдало, думаю, человѣкъ 150. Послѣ обѣда всѣхъ гостей развозили въ хозяйскихъ каретахъ и каждому гостю дарили полный приборъ со стола; серебряный ножъ съ вилкой, ложку, ложечку, фарфоровыя тарелки и остатки фруктовъ и конфектъ. Такіе обѣды давались немногими и въ рѣдкихъ случаяхъ. Аристократы всѣ имѣли свои большіе дома и въ наемъ ихъ не отдавали, а всѣ лишнія комнаты многіе предоставляли раненымъ офицерамъ, вдовамъ офицеровъ и другимъ неимущимъ. У Бакунинныхъ и Архарова отдавалось квартиръ по 20 и болѣе—бѣднымъ. Чуть какой-нибудь праздникъ, бѣдныхъ жильцовъ приглашали обѣдать. Помню, я подсмотрѣлъ за двумя вдовами, какъ онѣ зимою, за обѣдомъ, когда подавали, какъ рѣдкость, на десертъ груши, дѣлали складку на краю скатерти, клали на складку грушу и когда никто не смотрѣлъ, дергали за скатерть и груша падала въ подставленный и раскрытый на колѣнахъ ридикюль. Я разсказалъ это теткѣ и спросилъ:

— Для чего онѣ это дѣлаютъ?

— Онѣ бѣдны,—отвѣчала она; эту грушу снесутъ въ Милютины лавки и продадутъ за 50 коп., а купцы продаютъ по рублю; бѣдная же вдова купитъ себѣ необходимое.

Послѣ обѣда, тетка похвалила искусство повара. Бакунина расхвалила его и какъ человѣка. Она разсказала, что однажды, когда опоздали оброки изъ деревень, поваръ не обезпокоилъ Михаила Михайловича, а содержалъ весь домъ на свои деньги, а послѣ Бакунинъ заплатилъ ему 45 тысячъ рублей.

— Поваръ, вѣдь, крѣпостной, откуда онъ взялъ столько денегъ?—спросилъ я тетку.

— Конечно, нажилъ отъ своихъ господъ,—отвѣчала она, смѣясь, и замѣтила: богатые господа живутъ и даютъ жить другимъ.

У Бакунинныхъ былъ одинъ сынъ, Вася, мнѣ ровестникъ. Хотя я былъ уже гардемариномъ, но удивлялся знаніямъ Васи, чего, чего, онъ

*

не зналъ: языки древніе и новые, исторію, географію, отличный былъ математикъ, физикъ, химикъ, и проч. и проч. Васѣ Бакунину предстояла блестящая карьера по службѣ въ Россіи. Воспитаніе, богатство, связи, всѣ пути были ему открыты, только выбирай, а онъ выбралъ дорогу заговорщика, отдался коммунизму, сдѣлался отчаяннымъ республиканцемъ и радикаломъ; былъ сосланъ въ Сибирь, бѣжалъ за границу и сдѣлался заклятымъ врагомъ Россіи. Было много у меня ровесниковъ изъ дѣтей вельможъ, и ни одинъ не пошелъ далеко по службѣ. Мнѣ припомнился отвѣтъ Нарышкина. Какъ-то разъ у него обѣдалъ императоръ Александръ I и съ чувствомъ неудовольствія сказалъ Нарышкину:

— Я стараюсь поддержать старыя фамиліи, но, къ удивленію, дѣти вельможъ не оправдываютъ надеждъ.

— Это не должно удивлять ваше величество,—отвѣчалъ Нарышкинъ; —наши дѣти всѣ въ воспитательномъ домѣ, а законныя, которыя живутъ при насъ, все дѣти нашихъ лакеевъ и кучеровъ.

За этимъ же обѣдомъ, государь жаловался, что у него становится слабо зрѣніе, и спрашивалъ, гдѣ бы найти хорошія очки. Нарышкинъ указалъ на обѣдавшаго на другомъ концѣ стола Пестеля, который былъ въ очкахъ.

— Я лучшихъ очковъ не знаю,—сказалъ Нарышкинъ,—Пестель постоянно живетъ въ Петербургѣ и видитъ все, что̀ дѣлается въ Сибири.

Эта острота много повредила Пестелю, онъ былъ генералъ-губернаторъ Сибири и не выѣзжалъ 13 лѣтъ изъ Петербурга.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXXIII [1]).

Назначеніе генералъ-адъютанта графа Граббе наказнымъ атаманомъ войска Донскаго. — Его отношенія къ дѣятельности своего предшественника. — Столкновеніе В. А. Панаева съ графомъ Граббе. — Приговоръ объ уничтоженіи желѣзной дороги.—Командированіе изъ Петербурга на Донъ генерала барона Дельвига. — Путешествіе наслѣдника Николая Александровича по Волгѣ и Дону. — Пребываніе его въ Царицынѣ, Цимлянской станицѣ и въ Новочеркасскѣ.

Надо сказать, что въ концѣ 1861 года, когда Хомутовъ былъ еще атаманомъ, онъ получилъ, секретно, записку военнаго министра о преобразованіи, которое предполагается сдѣлать въ войскѣ, при чемъ долженъ былъ быть уничтоженъ особый бюджетъ войска, которое по этому случаю лишалось винныхъ и соляныхъ доходовъ. Зимой 1862 г. князь Дондуковъ былъ въ Петербургѣ и передъ отъѣздомъ своимъ подалъ, помимо министра, частную записку государю, гдѣ высказывалъ пагубныя послѣдствія реформы и возможныя волненія въ донскомъ казачествѣ. Секретная записка была переписана во многихъ экземплярахъ и распространена между простымъ казачествомъ, и тамъ распространился слухъ, что казаковъ хотятъ обратить въ государственныхъ крестьянъ.

Съ отозваніемъ Хомутова, Дондуковъ не былъ назначенъ атаманомъ, а исправлялъ только эту должность. Онъ ежеминутно ожидалъ назначе-

[1]) См. „Русскую Старину“ декабрь 1902 г.

нія, но таковое не являлось. По войску полетѣли адъютанты и чиновники особыхъ порученій для того, чтобы успокаивать впрочемъ не волновавшееся казачество, которые главнымъ образомъ и разнесли то, чего простое казачество не могло и знать.

И вотъ, по отъѣздѣ атамана стали безпрерывно являться изъ разныхъ станицъ депутаціи къ Дондукову. Онъ принималъ эти депутаціи торжественно по воскресеньямъ и объявлялъ имъ, чтобы онѣ были покойны и что, пока онъ будетъ на Дону, не допуститъ преобразованій, а на другой день доносилъ объ этихъ депутаціяхъ, говоря, что онъ успокаиваетъ ихъ.

Министръ, конечно, понялъ интригу и послалъ въ Новочеркасскъ флигель-адъютанта Мезенцова, какъ бы для рекрутскаго набора по тѣмъ немногимъ селамъ, которыя находятся въ землѣ войска Донскаго. Никто, конечно, не подозрѣвалъ миссіи Мезенцова. Это былъ человѣкъ веселый, общительный, чрезвычайно умный и очень образованный.

Онъ бывалъ во всѣхъ обществахъ и черезъ два мѣсяца вернулся въ Петербургъ, съ запасомъ наблюденій того, что творилось въ Новочеркасскѣ.

Между тѣмъ, приказа о назначеніи князя Дондукова атаманомъ не появлялось. Въ Новочеркасскѣ затѣяли дать ему обѣдъ, на которомъ онъ сказалъ, что если не будетъ назначенъ атаманомъ, то не останется начальникомъ штаба.

Наконецъ, былъ назначенъ атаманомъ старикъ Граббе. Тогда нашли нужнымъ дать опять обѣдъ Дондукову, чтобы онъ имѣлъ приличный поводъ отказаться отъ своихъ словъ. И, дѣйствительно, на этомъ второмъ обѣдѣ, Дондуковъ объявилъ, что онъ почтетъ за честь служить подъ начальствомъ такого высокопочтеннаго и храбраго генерала, и на другой же день поѣхалъ къ нему навстрѣчу.

Граббе, по своей дряхлости, непрактичности и незнанію всѣхъ условій края, попалъ подъ вліяніе Дондукова.

Во всякомъ случаѣ, наблюденія, которыя могъ вынести Мезенцовъ изъ Новочеркасска, должно быть, порѣшили вопросъ объ удаленіи оттуда Дондукова.

Въ это время я собрался ѣхать въ Петербургъ и пошелъ откланяться Граббе.

— Вы когда ѣдете?—спросилъ онъ.

— Завтра или послѣ завтра,—отвѣтилъ я.

— Я попрошу васъ сдѣлать мнѣ одолженіе ѣхать сегодня же. Я пришлю вамъ сейчасъ конвертъ и курьерскую подорожную. Этотъ пакетъ прошу васъ, не переодѣваясь, прямо съ поѣзда, доставить лично военному министру. Дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства и касается назначенія начальника штаба.

По пріѣздѣ въ Петербургъ, на третій день утромъ въ 9 часовъ, я отправился прямо на квартиру къ военному министру и заявилъ фельдъегерю, что я привезъ пакетъ отъ Граббе, который приказалъ мнѣ лично доставить министру, прямо съ поѣзда.

Министръ вышелъ, и я подалъ ему пакетъ. Онъ прочелъ, смялъ бумагу въ клубокъ, бросилъ ее на полъ и сталъ спрашивать, въ какомъ положеніи постройка дороги.

Вечеромъ того же дня, ко мнѣ на квартиру пріѣхалъ генералъ-адъютантъ Орловъ-Денисовъ.

— Я получилъ сейчасъ высочайшее повелѣніе, сказалъ онъ, отправиться немедленно въ Новочеркасскъ и везу приказъ о назначеніи начальникомъ штаба генералъ-маіора Ѳомина.

Дондуковъ былъ назначенъ начальникомъ кавалерійской дивизіи въ Воронежѣ, но туда не поѣхалъ и вышелъ въ отставку.

Нѣтъ сомнѣнія, что Граббе былъ достойнѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, имѣвшій репутацію храбраго генерала; но не практичный, трудно понимающій все до его спеціальности не относящееся, имѣлъ взгляды либеральнаго пошиба первой четверти нынѣшняго столѣтія, постоянно проповѣдывалъ о необходимости самоуправленія, былъ склоненъ къ громкимъ фразамъ и человѣкъ уже слишкомъ дряхлый.

Граббе пріѣхалъ на Донъ съ большимъ предубѣжденіемъ противъ Хомутова, подобно тому, какъ мнѣ обрисовали его передъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга. Онъ не скрывалъ этого предубѣжденія и очень рельефно проявлялъ его на каждомъ шагу. Обидно было для уважавшихъ и любившихъ искренно благороднѣйшаго Хомутова быть свидѣтелями разныхъ эпизодовъ, въ которыхъ высказывалось неделикатное отношеніе новаго атамана къ своему предшественнику.

Вотъ одинъ изъ образчиковъ этой неделикатности. Надо сказать, что наказному атаману отводилось отъ войска значительное количество земли, которая сдавалась въ аренду на торгахъ. Арендаторъ слѣдующія съ него деньги приносилъ прямо Хомутову. Послѣдній любилъ аренду получать большею частью серебряными цѣлковыми для того, чтобы носить ихъ съ собою для раздачи разнымъ обращавшимся къ нему бѣднымъ лицамъ. Арендаторъ, простой торговый казакъ, принесъ слѣдующую съ него аренду въ мѣшкѣ цѣлковыми и вошелъ съ нимъ въ кабинетъ Граббе, находившійся рядомъ съ общей пріемной залой.

Граббе разразился непстовымъ крикомъ, вынесъ мѣшокъ съ цѣлковыми въ залу, бросилъ его и приказалъ адъютантамъ сосчитать серебро и, при этомъ обращаясь къ арендатору, сказалъ:

— Какъ вы смѣете приносить деньги прямо ко мнѣ, а не въ войсковое правленіе. Я васъ не знаю и знать не хочу. Прошу отвыкнуть отъ прежнихъ порядковъ, теперь уже не то!

И вслѣдъ за тѣмъ торжественно возвратился въ кабинетъ.

Вернувшись недѣли черезъ три изъ Петербурга въ Новочеркасскъ, я, разумѣется, не нашелъ уже Дондукова. Въ тотъ же день явился ко мнѣ старшій техникъ, десять лѣтъ служившій у меня на Николаевской дорогѣ, человѣкъ испытанный, знающій работы и въ особенности честный, и сообщилъ мнѣ, что сынъ его, одинъ изъ многихъ младшихъ десятниковъ, находился на работахъ для надзора за мощеніемъ камнемъ откосовъ, спускающихся къ рѣкѣ Аксаю. Подъѣхали три казака, остановились на работахъ и спрашиваютъ его: Что онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Мощу камнемъ откосы.

— Для чего это дѣлаешь, вѣдь весной вода все смоетъ въ рѣку, только деньги наши изводите.

— А вамъ какое дѣло, я исполняю приказаніе начальства, убирайтесь отсюда вонъ.

— Какъ какое дѣло, и какъ ты смѣешь гнать насъ. Самъ атаманъ приказалъ намъ осмотрѣть работы и донести, что̀ не ладно. Не мы уберемся отсюда, а ты убирайся.

И казаки стали бить его нагайкой.

— Сынъ мой,—говорилъ техникъ,— бросился бѣжать съ откоса на рѣку, гдѣ былъ тонкій ледъ и провалился; казаки за нимъ съ нагайками, избили его и потащили въ полицію, гдѣ онъ и сидитъ уже пять дней.

Я былъ убѣжденъ въ вѣрности сообщеннаго мнѣ разсказа отцомъ и написалъ сейчасъ письмо полицеймейстеру, прося его сообщить, что за люди, приведшіе десятника съ желѣзной дороги, и просилъ немедленно выпустить его, чтобы узнать, въ чемъ заключается дѣло.

На это я никакого отвѣта не получилъ, и десятникъ не былъ выпущенъ. На слѣдующій день я написалъ другое письмо уже съ категорическимъ требованіемъ выпустить подчиненнаго мнѣ десятника. Это письмо тоже осталось безъ отвѣта. Меня это крайне удивило.

Вечеромъ, не получивъ отвѣта на второе мое письмо, я отправился къ Граббе, разсказалъ ему о томъ, что мой подчиненный десятникъ взятъ съ работъ и сидитъ пятый день въ полиціи, и что полицеймейстеръ не отвѣтилъ мнѣ на два письма и десятника не выпускаютъ.

Выслушавъ мой разсказъ, Граббе, потрясая кулакомъ, сказалъ:

— О, я ему покажу!

Я принялъ этотъ возгласъ за обращенный къ полицеймейстеру и удивился такой энергіи. Но вслѣдъ за тѣмъ Граббе началъ ругать десятника и безпрестанно повторять: «я ему покажу, я ему покажу». Тогда я сказалъ Граббе, что у меня до 20 человѣкъ десятниковъ, что я не знаю ихъ всѣхъ въ лицо, что если десятникъ сдѣлалъ какое-либо преступленіе или проступокъ, такъ его надо отдать подъ судъ, но что я не могу допустить, чтобы посторонніе люди брали десятника съ работъ,

гдѣ онъ приставленъ для наблюденія, чтобы они при этомъ били его и затѣмъ посадили въ полицію, гдѣ десятникъ до сихъ поръ находится, и что мой авторитетъ, какъ начальника желѣзной дороги, будетъ абсолютно уничтоженъ.

Моихъ поясненій Граббе не понялъ. Видя его въ раздраженномъ положеніи, причину котораго я тогда не понялъ, я ушелъ, не достигши никакого результата.

На другой день, надѣвъ уже мундиръ, я пріѣхалъ къ Граббе и подалъ ему рапортъ съ требованіемъ о назначеніи форменнаго слѣдствія. Граббе поморщился и, подержавъ рапортъ нѣкоторое время въ рукахъ, положилъ его передо мной и сказалъ:

— Я прошу взять рапортъ назадъ.

Я категорически и рѣшительно отвѣтилъ, что рапорта назадъ не возьму.

— Такъ до вашей дороги,—сказалъ Граббе,—точно до святыни дотрогиваться нельзя.

Послѣ такихъ словъ, я конечно сейчасъ же уѣхалъ.

Спустя часъ времени, ко мнѣ пріѣхалъ одинъ господинъ и разъяснилъ мнѣ обстоятельство, случившееся съ десятникомъ. Три казака, пріѣхавшіе на работу, были станичные атаманы города Новочеркасска. Въ административномъ отношеніи Новочеркасскъ считался не городомъ, а совокупностью трехъ станицъ, съ выборными атаманами. Эти атаманы, подогрѣтые членами войсковаго правленія, явились къ Граббе съ жалобой на стѣсненія, которыя причинила будто бы городу желѣзная дорога. Граббе, бредившій самоуправленіемъ, отвѣтилъ имъ:

— Поѣзжайте, осмотрите дорогу и донесите мнѣ о вашихъ претензіяхъ.

Тогда мнѣ сдѣлалось понятнымъ раздраженіе Граббе на неизвѣстнаго десятника и попытка его возвратить мнѣ рапортъ, требовавшій слѣдствія. Понятно, что слѣдствіе должно было обнаружить, что работы осматривали атаманы по приказанію самого Граббе. Я немедленно поѣхалъ къ нему и разсказалъ, что станичные атаманы ссылаются на приказаніе, полученное ими будто бы отъ самого наказнаго атамана, и потому, принимая это во вниманіе, я готовъ взять мой рапортъ обратно.

Граббе не понялъ моей деликатности и сказалъ:

— Такъ они ссылаются на меня, мы посмотримъ!

Прошла недѣля, но по моему рапорту однако не послѣдовало назначеніе слѣдствія.

Тогда я свезъ ему прошеніе объ отставкѣ и длинное письмо, объяснивъ при этомъ лично, что буду въ необходимости объяснить главноуправляющему путями сообщенія и военному министру причину моей

отставки, за три мѣсяца до окончанія дороги, которою они оба сильно интересовались. Въ тотъ же день, Граббе возвратилъ мнѣ прошеніе объ отставкѣ и сообщилъ, что онъ назначилъ слѣдствіе по дѣлу о десятникѣ.

Слѣдствіе постаралось, конечно, скрыть, что станичные атаманы объѣзжали работы съ согласія Граббе, и приказомъ по войску былъ сдѣланъ имъ выговоръ.

Я былъ удовлетворенъ. Но члены войсковаго правленія, которые и подослали станичныхъ атамановъ, потерпѣвшихъ пораженіе, затѣяли другую интригу. Составленъ былъ приговоръ будто бы отъ всѣхъ жителей Новочеркасска, который разносили по домамъ, для подписей; ихъ набралось до 400.

Когда этотъ приговоръ былъ врученъ Граббе съ просьбою посылки его въ Петербургъ къ министру, онъ передалъ приговоръ въ свою канцелярію и приказалъ составить рапортъ по этому предмету. Правитель дѣлъ нашего желѣзнодорожнаго комитета доложилъ членамъ комитета, что въ канцеляріи атамана заготовленъ рапортъ къ министру съ приложеніемъ приговора; что сущность приговора состоитъ въ томъ, что желѣзная дорога, строющаяся на ихъ деньги, не приноситъ войску никакой пользы, а принесла лишь вредъ, и потому просятъ срыть дорогу, отнести ее верстъ на 12 отъ города, и для разбирательства ихъ претензій прислать генерала.

Комитетъ состоялъ изъ наказнаго атамана, какъ предсѣдателя, начальника штаба, члена отъ военнаго министерства, трехъ штабъ-офицеровъ отъ войска и меня.

Услыхавъ о готовящемся рапортѣ, всѣ удивились, что предсѣдатель не обратился въ комитетъ для разъясненія приговора. Даже члены отъ войска оскорбились такимъ пренебрежительнымъ отношеніемъ Граббе къ комитету, въ которомъ онъ, сверхъ того, ни разу и не былъ.

Всѣ члены комитета, за отсутствіемъ начальника штаба, жалѣя старика, рѣшились пойти къ Граббе и предупредить его о послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти отъ посылки приговора; при этомъ я предупредилъ всѣхъ членовъ, что я, какъ заинтересованное лицо, ни единаго слова не скажу атаману. Объяснить ему дѣло взяли на себя подполковникъ Полушкинъ, маіоръ Ѳоминъ, братъ начальника штаба и членъ отъ военнаго министерства, подполковникъ Гернгроссъ.

Когда ему стали объяснять дѣло, то Граббе приподнялся и объявилъ торжественно:

— Это бунтъ, прошу васъ удалиться.

На другой же день приговоръ и рапортъ Граббе были отосланы въ Петербургъ.

Въ это время, члену отъ военнаго министерства Гернгроссу надо было представить полугодовой отчетъ о ходѣ работъ, и онъ поспѣшилъ въ Петербургъ, но не успѣлъ доложить военному министру о приговорѣ. Приговоръ былъ доложенъ государю, и вслѣдствіе этого былъ назначенъ, по высочайшему повелѣнію, инженеръ генералъ-лейтенантъ Дельвигъ для разобранія претензій жителей Новочеркасска, изложенныхъ въ приговорѣ.

Приведу здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ писемъ ко мнѣ Гернгросса.

«Изъ вчерашней моей депеши вы уже знаете, добрѣйшій Валер. Александ., что дѣло наше приняло хорошій оборотъ. Сегодня хочу передать вамъ подробности послѣдняго моего разговора съ министромъ, который приказалъ мнѣ остаться здѣсь еще на нѣсколько дней и сказалъ слѣдующее: «государь узналъ обо всѣхъ казацкихъ продѣлкахъ, очень недоволенъ и приказалъ мнѣ написать атаману сильное письмо; я увѣренъ, что письмо это подѣйствуетъ и что всѣ глупости прекратятся».

«Все къ лучшему, если бы я не заболѣлъ воспаленіемъ въ боку, то давно уже выѣхалъ бы въ Черкасскъ и письмо привезъ бы не я, а получили бы по почтѣ. По моему мнѣнію, въ томъ-то и заключается вся суть, что письмо съ нахлобучкой привезу я, т. е. членъ комитета, противъ котораго атаманъ вздумалъ интриговать.

«Министръ мнѣ сказалъ, что ему показалось, что я упалъ духомъ, а потому, и проситъ меня выдержать характеръ до конца, ужасно расхвалилъ васъ и вообще былъ все время удивительно внимателенъ и любезенъ. Возраженіе на приговоръ, въ такомъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ войсковыхъ вѣдомостяхъ, не можетъ быть помѣщено въ «Инвалидѣ», на за то будетъ перепечатано въ тѣхъ журналахъ, которые перепечатали приговоръ».

Далѣе Гернгроссъ пишетъ:

«Государь узналъ обо всемъ и приказалъ написать письмо, которое я съ удовольствіемъ вручу недѣли черезъ двѣ атаману. Гр. Строгановъ думаетъ везти наслѣдника изъ одной изъ прибрежныхъ станицъ въ Грушевку въ экипажѣ, но я сказалъ ему, что вѣроятно движеніе откроется въ половинѣ августа, и, вслѣдствіе этого, онъ рѣшилъ, что наслѣдникъ доѣдетъ до Аксая на пароходѣ, а изъ Аксая въ Черкасскъ и Грушевку по желѣзной дорогѣ. Это обстоятельство также для насъ очень важно, потому-то я и рѣшился сказать графу, что движеніе откроется къ ихъ пріѣзду.

«Дельвигъ выѣхалъ 2-го числа, но онъ пробудетъ два дня въ Москвѣ и день въ Самарѣ».

Вскорѣ пріѣхалъ баронъ Дельвигъ. Онъ былъ знакомъ съ Граббе, имѣлъ порученіе разобрать претензію жителей Черкасска, выраженную въ протоколѣ, представлявшемъ образецъ невѣжества, наглаго

вранья, но не менѣе того санкціонированномъ атаманомъ рапортомъ, въ которомъ онъ просилъ о назначеніи компетентнаго инженера. Порученіе Дельвига было щекотливаго свойства, и онъ, желая разрѣшить вопросъ такъ, чтобы «волки были сыты и овцы цѣлы», сталъ уговаривать меня построить въ удовлетвореніе претензіи жителей Черкасска хоть одинъ подъѣздной мостикъ.

На это я ему отвѣтилъ категорически и рѣшительно, что не построю ни одного болѣе. Во-первыхъ, потому, что онъ будетъ стоить все-таки до 7.000 руб.; во-вторыхъ, потому, что подъѣздныхъ мостовъ построено около города 19, тогда какъ по смѣтѣ полагалось всего 9; въ третьихъ, потому, что подъѣздные мосты поставлены не только противъ всѣхъ спусковъ съ горы, но и противъ тѣхъ улицъ, гдѣ впослѣдствіи могли бы потребоваться спуски; въ четвертыхъ потому, что постройкою одного подъѣзднаго моста, мы, т. е. я и прежній атаманъ, сознали бы свой недосмотръ, вызвавшій пресловутый протоколъ.

— Если же вы, сказалъ я, порѣшите дѣло устройствомъ новаго подъѣзднаго моста, то прошу дать мнѣ на то предписаніе, къ исполненію котораго я, однако, не приступлю, а донесу прежде военному министру, съ представленіемъ плана города Черкасска и съ обозначеніемъ всѣхъ проѣздовъ подъ дорогу.

Услыхавъ мой категорическій отвѣтъ, Дельвигъ долженъ былъ измѣнить свою политику, вызвалъ на другой день депутацію отъ жителей Черкасска и назначилъ осмотръ дороги.

Вечеромъ, окончивъ осмотръ, онъ подозвалъ къ себѣ депутацію и сказалъ:

— У васъ столько сообщеній подъ дорогой, что ихъ гораздо больше, чѣмъ было бы нужно, и потому считаю вашу претензію вздорной, и ни единаго подъѣзднаго моста къ постройкѣ не назначаю.

На другой день Дельвигъ вызвалъ опять депутацію для осмотра дороги въ другую сторону, къ Грушевкѣ. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, онъ остановился для осмотра одного сооруженія. Депутація обступила его, и одинъ изъ депутатовъ обратился къ нему въ дерзкомъ тонѣ съ слѣдующими словами:

— Если вы, ваше превосходительство, не хотите исполнить наши претензіи и послушать насъ, то незачѣмъ намъ и ѣхать, и отпустите насъ по домамъ.

Какъ ни воздержанъ и ни хладнокровенъ былъ по характеру баронъ Дельвигъ, онъ вспылилъ и возвысилъ голосъ.

— Я пріѣхалъ сюда,—сказалъ онъ,—по волѣ государя, выслушать, а не слушать васъ! и вотъ второй день я выслушиваю отъ васъ однѣ глупости и одинъ вздоръ.

Депутація тутъ же вернулась, а мы поѣхали дальше.

Дельвигъ дня четыре писалъ длиннѣйшій рапортъ; всѣ претензіи, изложенныя въ приговорѣ, были имъ опровергнуты, и, въ концѣ концовъ, онъ заключилъ свой рапортъ слѣдующими словами. «Признавая всѣ претензіи, изложенныя въ приговорѣ жителей Черкасска, неосновательными, я могу объяснить ихъ только тѣмъ, что для южныхъ степныхъ жителей и верстовой столбъ считается стѣсненіемъ».

Такъ кончилось дѣло не совсѣмъ пріятнымъ образомъ для Граббе, исходъ котораго мы и хотѣли предотвратить, обратившись къ нему цѣлымъ составомъ комитета, и заслужили тогда отъ него названіе бунтовщиковъ.

Въ то же время въ Черкасскѣ получено было увѣдомленіе, что наслѣдникъ Николай Александровичъ предпринимаетъ путешествіе по Россіи, спустится по Волгѣ до Астрахани и оттуда обратно до Царицына, а потомъ по Волго-Донской желѣзной дорогѣ до Калача и затѣмъ на пароходѣ по Дону, гдѣ будетъ заѣзжать въ разныя станицы, осматривать табуны и вообще знакомиться съ бытомъ казаковъ; путешествіе по Дону должно было занять до 10 дней. Изъ Аксайской станицы предполагалось везти наслѣдника въ экипажѣ до Черкасска, гдѣ передъ въѣздомъ онъ долженъ былъ сѣсть на коня и проѣхать къ собору, гдѣ соберется казачій кругъ, который и вручитъ ему всѣ атрибуты атамана казачьихъ войскъ. Маршрутъ былъ согласованъ съ путешествіемъ императрицы Маріи Александровны, которая должна была спуститься до Царицына и Дономъ до Ростова и оттуда ѣхать въ Ливадію.

Я принялъ всѣ мѣры, чтобы Грушевско-Донская желѣзная дорога была окончена къ пріѣзду наслѣдника. Въ это время, въ виду натянутыхъ отношеній съ Граббе, я не посѣщалъ его. Въ одинъ день, въ 9 ч. утра, я отправился къ Граббе и доложилъ ему, что дорога окончена въ такомъ видѣ, что я сегодня около 4-хъ часовъ пріѣду въ Новочеркасскъ на паровозѣ, который привезетъ цѣлый поѣздъ, и, слѣдовательно, онъ можетъ доложить наслѣднику, что, если онъ захочетъ, то можетъ ѣхать въ Черкасскъ и въ Грушевку по желѣзной дорогѣ, а не на лошадяхъ.

Пріѣхавъ съ паровозомъ въ Черкасскъ въ $3^1/_2$ часа, я былъ встрѣченъ тысячами народа, кричавшаго «ура!». Граббе не выѣхалъ навстрѣчу поѣзду. Сойдя съ него, я сейчасъ поскакалъ на тройкѣ къ дому Граббе; но, къ великому моему удивленію, дежурный казакъ сказалъ, что уже четверть часа, какъ атаманъ уѣхалъ въ Калачъ навстрѣчу наслѣднику.

— Развѣ атаманъ не видалъ идущаго поѣзда?

— Какъ же, съ балкона было давно видно, что поѣздъ идетъ.

Было очевидно, что Граббе уѣхалъ раньше прихода поѣзда, для того чтобы не доложить наслѣднику о томъ, что по желѣзной дорогѣ уже есть ѣзда.

Я, не раздумывая ни минуты, приказалъ гнать въ догонку. Не смотря

на то, что я пустился, быть можетъ, 20 минутами позднѣе отъѣзда Граббе, я подъѣхалъ къ первой станціи вмѣстѣ съ его коляской. Онъ оставался въ экипажѣ; я подошелъ къ нему и сказалъ:

— Я прибылъ въ 4-мъ часу съ поѣздомъ въ Новочеркасскъ, какъ я васъ предупредилъ сегодня утромъ, и потому вы можете сказать, что дорога для ѣзды готова.

— Хорошо, хорошо,—отвѣтилъ Граббе и ничего больше мнѣ не сказалъ. Но моя цѣль была достигнута.

Въ ту же ночь я поѣхалъ въ Царицынъ навстрѣчу наслѣдника, такъ какъ я состоялъ директоромъ распорядителемъ Общества Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону. На третій день, пріѣхавъ въ Калачъ, этотъ первый пунктъ Донской области, я уже нашелъ тамъ Граббе остановившимся въ домѣ Общества.

Я, понятно, отправился къ нему, такъ какъ онъ являлся гостемъ въ домѣ Общества, которымъ я распоряжался. Граббе, увидавъ меня, былъ совершенно изумленъ.

— Какъ вы здѣсь?—спросилъ онъ меня, ибо не зналъ, что я былъ директоромъ Общества.

— Я ѣду въ Царицынъ навстрѣчу наслѣдника и для сопровожденія его по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ по Дону.

Онъ былъ всѣмъ этимъ такъ озадаченъ, что, повидимому, не довѣрялъ моимъ словамъ.

Въ тотъ же день я пріѣхалъ въ Царицынъ, а въ 5 часовъ прибылъ наслѣдникъ на пароходѣ и оттуда прямо отправился въ городъ на обѣдъ, даваемый, кажется, царицынскимъ городскимъ обществомъ.

Вечеромъ, около 8 часовъ явился ко мнѣ придворный служитель и, освѣдомившись, что я Панаевъ, сказалъ:

— Его высочество проситъ васъ къ чаю, на пароходъ въ $10^1/_2$ часовъ.

Я спросилъ его, не ошибка ли это, не въ половинѣ ли десятаго?

— Никакъ нѣтъ, мнѣ сказано въ $10^1/_2$ часовъ.

Между тѣмъ въ 10 часовъ явился уже другой придворный офиціантъ и сказалъ:

— Его высочество ожидаетъ васъ на пароходѣ.

— Служитель, который приходилъ ко мнѣ, объявилъ, что его высочество назначилъ $10^1/_2$ часовъ.

— Никакъ нѣтъ, онъ давно уже за чаемъ, и васъ всѣ ждутъ.

Я тотчасъ пошелъ на пароходъ, гдѣ наслѣдникъ и вся свита сидѣли около чайнаго стола на палубѣ. Великій князь имѣлъ уже нѣкоторое свѣдѣніе обо мнѣ отъ моего брата Ліодора, который служилъ унтеръ-шталмейстеромъ при его высочествѣ. Я началъ разсказывать о цѣли постройки Грушевской дороги, о богатствѣ залежей Донецкаго бассейна,

о его важномъ значеніи для нашего государства. Объяснилъ наслѣднику, что Грушевская дорога проведена подъ прямымъ угломъ къ первоначально утвержденному направленію черезъ Новочеркасскъ къ Аксайской станицѣ на Дону, что такимъ образомъ столица земли Войска Донскаго можетъ современемъ войти въ связь съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ.

На другой день надо было ѣхать по желѣзной дорогѣ въ Калачъ. У меня была изготовлена довольно обширная записка, излагавшая то, что могло интересовать наслѣдника о желѣзной дорогѣ и Донецкомъ бассейнѣ и проч. Я отдалъ эту записку О. Б. Рихтеру, тогда полковнику, сопровождавшему наслѣдника, и сказалъ:

— Потрудитесь передать эту записку графу Строганову и, если онъ одобритъ ее, то записка эта можетъ занять отчасти время 4-хъ часовой ѣзды до Калача.

О. Б. Рихтеръ вошелъ въ вагонъ и черезъ минуту вернулся въ тотъ вагонъ, гдѣ сѣлъ я.

— Его высочество проситъ васъ перейти въ его вагонъ-салонъ,— сказалъ онъ.

Когда я вошелъ, то увидалъ наслѣдника, держащаго уже въ рукахъ мою записку. Свистокъ раздался, и мы тронулись.

— Садитесь,—сказалъ онъ, показалъ мѣсто подлѣ себя на диванѣ и сталъ читать записку.

На каждомъ шагу онъ останавливался и просилъ поясненій. Между прочимъ, онъ остановился въ томъ мѣстѣ, гдѣ было упомянуто о новой системѣ дѣленія пара.

— Здѣсь трудно, сказалъ я, безъ чертежа изложить это вашему высочеству, а если вамъ угодно будетъ поѣхать по желѣзной дорогѣ, то я передъ паровозомъ объясню вамъ.

— Такъ не забудьте же дать мнѣ это объясненіе.

Окончивъ чтеніе записки, онъ передалъ ее гр. Строганову и сказалъ:

— Прочтите, графъ, записка очень интересна.

Графъ сталъ читать записку. Такимъ образомъ она пошла не съ низу въ верхъ, какъ я предполагалъ, а съ верху въ низъ.

Вскорѣ пріѣхали въ Калачъ, гдѣ наслѣдника встрѣтилъ Граббе со всѣми чинами.

На квартирѣ у Граббе былъ приготовленъ завтракъ, какъ бы даваемый имъ, но онъ былъ сдѣланъ на счетъ Общества, въ которомъ я былъ директоромъ.

Всѣ лица были приглашены Граббе, даже всѣ офицеры парохода, на которомъ долженъ былъ ѣхать наслѣдникъ; но я приглашенія не получилъ. Дѣлать нечего, отправился на пароходъ и тамъ перекусилъ.

Въ этотъ день пароходъ долженъ былъ остановиться на два дня на Нижнечирской станціи. Въ первый день давался обѣдъ на счетъ вой-

ска, т. е. подъ распоряженіемъ Граббе. Всѣ лица и офицеры парохода, мнѣ подчиненные, были приглашены, а меня приглашеніемъ не удостоили. Въ этотъ день наслѣдникъ не возвращался на пароходъ; на другой день давался обѣдъ отъ дворянства. Никто не являлся ко мнѣ для приглашенія.

Вдругъ вижу: подъѣзжаетъ къ пароходу тройка, и оттуда выскакиваетъ какой-то казачій штабъ-офицеръ, обращается ко мнѣ съ извиненіемъ и проситъ ѣхать сейчасъ же съ нимъ на обѣдъ.

— Вѣдь теперь четверть четвертаго и будетъ поздно,—сказалъ я.

— Никакъ нѣтъ, наслѣдникъ еще не садился.

Я надѣлъ мундиръ и поѣхалъ. Изъ передней въ полурастворенную дверь, я увидалъ, что человѣкъ обноситъ уже блюдо съ рыбой.

— Какъ же вы увѣрили меня что наслѣдникъ не садился еще за столъ,—сказалъ я и, не входя въ комнату, повернулся, чтобъ уходить.

Штабъ-офицеръ схватилъ меня за полы мундира и умоляющимъ образомъ просилъ меня остаться и войти въ столовую. Я отдернулъ его руку и уѣхалъ.

Вѣроятно, наслѣдникъ, не видя меня ни на завтракѣ въ Калачѣ, ни на обѣдѣ наканунѣ, спросилъ обо мнѣ. Тогда-то дворянскій предводитель и поскакалъ ко мнѣ на пароходъ.

Къ вечеру подъѣхалъ наслѣдникъ со всей свитой, взошелъ быстро на пароходъ, подошелъ прямо ко мнѣ, подалъ руку и приказалъ сервировать чай. Всѣ усѣлись около стола, и завязалась общая бесѣда какъ на пароходѣ въ Царицынѣ. Графъ Строгановъ былъ особенно любезенъ со мною въ этотъ вечеръ.

На другой день явился ко мнѣ придворный лакей и сказалъ, что его высочество проситъ къ завтраку въ каютъ-компанію. За завтракомъ, наслѣдникъ былъ веселъ и разговорчивъ. Выйдя на палубу, всѣ усѣлись около рубки пить чай и кофе.

Я рѣшился поставить наслѣднику вопросъ, пожелаетъ ли онъ ѣхать изъ Аксая по желѣзной дорогѣ.

— Конечно,—отвѣтилъ онъ; но графъ Строгановъ замѣтилъ ему, что по высочайше утвержденному маршруту онъ долженъ изъ Аксая ѣхать въ Новочеркасскъ и Грушевку на лошадяхъ.

— Въ такомъ случаѣ, пошлите телеграмму съ вопросомъ о перемѣнѣ маршрута,—сказалъ наслѣдникъ и пошелъ отдыхать.

Передъ обѣдомъ явился опять придворный лакей съ приглашеніемъ къ обѣду.

Послѣ обѣда мы вышли на палубу, и наслѣдникъ, взявъ меня подъ руку, сталъ со мной ходить.

— Что за исторія—спросилъ онъ меня,—по которой былъ удаленъ

князь Дондуковъ, и что это за протоколъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ государю?

Я, по возможности, деликатно объяснилъ всю эту исторію и старался выгородить Граббе, незнакомаго еще съ лицами, устроившими эту интригу.

На слѣдующіе дни, все шло тѣмъ же порядкомъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ бесѣды становились интимнѣе, и каждый день наслѣдникъ спрашивалъ:

— Не получена ли отвѣтная телеграмма отъ государя?

Но государь былъ въ это время тоже въ путешествіи, и телеграмма не являлась.

На Дону начались перекаты.

Противъ каждаго переката на обоихъ берегахъ рѣки стояли многія сотни казаковъ. По первому сигналу съ парохода казаки бросались въ воду и подходили пѣшкомъ къ пароходу, подпирая корпусъ его плечами, и такимъ образомъ проводили его черезъ перекатъ. За каждое такое перетаскиваніе я выдавалъ казакамъ по 100 руб., какъ директоръ Общества, везшаго наслѣдника. Картина была оживленая, всѣ находились на палубѣ, и когда пароходъ послѣ переката вступалъ въ плёсъ, казаки оглашали воздухъ громкими криками «ура!».

Наконецъ, приближалась станица Цимлянская, въ которой наслѣдникъ долженъ былъ остановиться на два дня.

— Если ваше высочество пожелаете ѣхать изъ Аксая на желѣзной дорогѣ,—сказалъ я,—то отъ Цимлянской станицы идетъ почтовый трактъ, по которому я въ сутки доѣду до Черкасска для того, чтобы приготовить все къ вашему пріѣзду.

— Получена ли телеграмма?—спросилъ онъ графа.

Графъ отвѣчалъ, что не получена и вѣроятно получится въ Цимлянской станицѣ.

По пріѣздѣ въ станицу, вся каютъ-компанія отправилась въ домъ, приготовленный для наслѣдника. Когда, послѣ переодѣванія, наслѣдникъ вышелъ къ чайному столу, онъ первымъ словомъ спросилъ:

— Что, графъ, получена ли телеграмма?

Графъ отвѣчалъ: нѣтъ.

— Такъ я рѣшаю, что во всякомъ случаѣ я изъ Аксая поѣду по желѣзной дорогѣ.

Такимъ образомъ недоумѣніе кончилось къ моему вящшему удовольствію.

Въ это время хозяинъ-казакъ принесъ двѣ бутылки цимлянскаго, которое онъ берегъ для выдающагося случая и которое выдерживалось, какъ онъ сказалъ, 50 лѣтъ. Всѣ вышли на крыльцо и разсѣлись по ступенькамъ вмѣстѣ съ наслѣдникомъ. Вино оказалось чистымъ нектаромъ,

имѣло цвѣтъ коричневый, вкусъ мягкій, по виду маслениcтое и подходило къ превосходному венгерскому. Несмотря на его мягкость, вино было крѣпкое, такъ что всѣ мы не могли выпить и полторы бутылки.

Наслѣдникъ въ 12-мъ часу пошелъ спать. Граббе, начальникъ канцеляріи Боковъ, адъютантъ Граббе и я вернулись въ комнату. Боковъ сѣлъ писать начальнику штаба о послѣдовавшей перемѣнѣ маршрута и о новомъ церемоніалѣ для въѣзда, а Граббе оставался, чтобы подписать бумаги. Когда все было готово, Граббе отдалъ мнѣ пакетъ для немедленнаго врученія его начальнику штаба Ѳомину.

Пріѣхавъ въ Новочеркасскъ ночью, я, не заѣзжая домой, свезъ пакетъ на квартиру Ѳомина, сказавъ, что я пріѣду въ 9 часовъ утра. На другое утро, я не засталъ Ѳомина. Братъ его, членъ комитета, сказалъ, что начальникъ штаба поѣхалъ въ одну изъ станицъ по Дону навстрѣчу наслѣднику.

— Развѣ онъ не получилъ пакета, который я привезъ отъ Граббе сегодня ночью?

— Нѣтъ, получилъ, и потому-то онъ и поѣхалъ навстрѣчу къ наслѣднику объявить ему, что церемоніала измѣнить нельзя, что если наслѣдникъ пожелаетъ непремѣнно ѣхать по желѣзной дорогѣ, то надо остановиться верстахъ въ 7-ми отъ города, въ Мышкинѣ пересѣсть въ экипажи и затѣмъ въѣхать въ городъ по утвержденному церемоніалу,

— Вашъ братъ,—сказалъ я,—должно быть, рехнулся. Развѣ можно на каждомъ мѣстѣ спустить людей изъ вагона,—для этого нужна платформа или надо устроить сходныя лѣстницы, для чего нѣтъ времени. Гдѣ же онъ вздумалъ помѣстить экипажи для принятія наслѣдника и его свиты? Тамъ, гдѣ онъ назначаетъ, крутѣйшая гора и не можетъ повернуться и телѣга. Какъ же онъ, не дождавшись меня, поѣхалъ докладывать такую невозможность наслѣднику!

— Ничего не знаю,—отвѣчалъ Ѳоминъ съ улыбкой и насмѣшливымъ тономъ:—и такъ вотъ сѣлъ да и поѣхалъ.

Въ этомъ отвѣтѣ слышалось злорадство, что вотъ тебѣ пилюля, и своего ты все-таки не достигнешь.

Между тѣмъ я сдѣлалъ всѣ распоряженія. Приказалъ обить коврами вагоны, поставить въ нихъ мебель: диваны, кресла, стулья, сдѣлать крышу, повѣсить синяго казацкаго цвѣта занавѣси, вездѣ разукрасить ихъ орлами и, на всякій случай, если наслѣдникъ исполнитъ то, что предлагалъ Ѳоминъ, заготовилъ сходныя лѣстницы.

Я пріѣхалъ въ Аксай за нѣсколько часовъ до прихода парохода. Въ Аксаѣ Граббе обратился ко мнѣ со словами:

— Вы все еще сердитесь на меня?

— Нисколько,—былъ отвѣтъ.—Я ничѣмъ не выразилъ этого, но если, по необходимости, защищалъ свое положеніе, то ради того, чтобы имѣть

возможность завершить дѣло, порученное мнѣ по особому ко мнѣ довѣрію.

Тѣмъ разговоръ нашъ и кончился, но по самому вопросу и тону его можно было заключить, что Граббе хотѣлось загладить тѣ непріятности, которыя онъ мнѣ доставилъ.

Вечеромъ, я опять былъ приглашенъ къ чаю. Наслѣдникъ еще не выходилъ, и между свитой шелъ разговоръ по поводу того, что предлагалъ Ѳоминъ.

Когда наслѣдникъ вышелъ, то обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Развѣ дорога не кончена до Черкасска?

— Нѣтъ, кончена,—отвѣтилъ я,—не только до Черкасска, но и до Грушевки.

— Зачѣмъ же мы останавливаемся за шесть верстъ отъ Черкасска и ѣдемъ оттуда на лошадяхъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ графу Строганову.

— Чтобы сохранить порядокъ церемоніала, назначенный по маршруту, и проѣхать по городу верхомъ къ собору, гдѣ будетъ казачій кругъ.

— Гдѣ стоитъ въ городѣ станція и далеко ли отъ собора?—спросилъ меня его высочество.

— Она стоитъ противъ самой широкой улицы, около версты отъ собора, который и виденъ со станціи.

— О! цѣлая верста, этого слишкомъ достаточно для церемоніала. Слѣдовательно: я въѣду въ городъ по желѣзной дорогѣ. Пожалуйста, Павелъ Христофоровичъ, распорядитесь церемоніаломъ сообразно этому.

Тогда Ѳоминъ тотчасъ же отправился на лошадяхъ, чтобы изготовить новый порядокъ церемоніала, и интриги его разлетѣлись въ прахъ.

Послѣ чая Граббе захотѣлось тоже ѣхать въ Черкасскъ, чтобы тамъ встрѣтить наслѣдника, и онъ просилъ меня отправить его ночью на поѣздѣ. Я не могъ этого сдѣлать потому, что у меня было только два готовыхъ паровоза. Одинъ подъ поѣздъ наслѣдника, а другой запасный, и потому Граббе для удовлетворенія своего намѣренія пришлось ѣхать 25 верстъ въ 11 часовъ ночи въ экипажѣ, на лошадяхъ.

На другой день наслѣдникъ, подъѣхавъ къ поѣзду, направился къ вагону.

— Вы хотѣли,—сказать онъ,—показать и объяснить мнѣ новую систему дѣленія пара.

Я повелъ его къ паровозу и показалъ всю систему, которая была расположена снаружи. Затѣмъ мы тронулись въ путь.

Дорога извивалась, какъ змѣя, между рѣкой и высокой горой, покрытой деревьями и виноградниками, между которыми виднѣлись дачи. Путь былъ очень живописный. Всѣ были въ хорошемъ расположеніи духа.

*

Подъѣзжая къ Новочеркасску, я сказалъ наслѣднику:

— Вотъ сейчасъ въ городѣ пойдутъ подъѣздные мосты, гдѣ на протяженіи съ небольшимъ версты построено 7 штукъ, и всѣхъ около города 19, на недостатокъ будто-бы ихъ и были жалобы въ извѣстномъ государю протоколѣ. Вотъ первый мостъ.

Послѣ седьмаго моста поѣздъ сейчасъ подъѣхалъ къ станціи. На платформѣ ожидалъ его Граббе съ разными чинами. Подавъ руку Граббе, наслѣдникъ сказалъ:

— Какая прекрасная дорога!—дальше я уже ничего не разслышалъ.

Вечеромъ былъ назначенъ такъ называемый пикникъ. Это музыка и танцы, на открытомъ воздухѣ, на платформѣ въ саду, увѣшанномъ разноцвѣтными фонарями.

Дня черезъ два его высочество поѣхалъ по желѣзной дорогѣ на Грушевскія копи. Послѣ осмотра шахтъ, назначенъ былъ обѣдъ отъ углепромышленниковъ. Для этого былъ устроенъ большой павильонъ изъ столбовъ, сложенныхъ изъ антрацита; на столбы упирались легкія стропила, которыя были покрыты клеенкой, и между столбами висѣли занавѣси. Все это прекрасно оборудовалъ военный инженеръ Врангель, переведенный въ войско изъ горныхъ инженеровъ. Обѣдъ былъ сервированъ на 200 слишкомъ человѣкъ.

На этотъ разъ Граббе, сидѣвшій рядомъ съ наслѣдникомъ, пригласилъ меня сѣсть съ нимъ рядомъ.

Когда наслѣдникъ провозгласилъ тостъ за наказнаго атамана, Граббе подсунулъ свою руку съ бокаломъ подъ мою, въ которой я держалъ тоже бокалъ, и сказалъ мнѣ:

— Выпьемте брудершафтъ.

Наслѣдникъ слышалъ слова Граббе.

Послѣ обѣда я почувствовалъ, что кто-то сзади стиснулъ пальцами мою руку повыше локтя; я обернулся и увидалъ наслѣдника, отходящаго отъ стола.

Онъ наклонился къ моему уху и сказалъ съ улыбкой:

— Вы скоро помирились съ атаманомъ.

Это слово вѣнчало все дѣло, въ немъ выразился умъ, тактъ, деликатность, сердечность, задушевность и тонкая политичность.

Положеніе мое въ войскѣ радикально измѣнилось послѣ проѣзда наслѣдника, и я сталъ дышать легко, какъ было при Хомутовѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Россія и папскій престолъ [1]).

1580—1601 гг.

Къ исходѣ шестнадцатаго вѣка, сношенія между Россіей и папскимъ престоломъ пріобрѣтаютъ чрезвычайно важное значеніе. Былъ моментъ, когда дальнѣйшая судьба славянскаго міра находилась въ рукахъ тѣхъ лицъ, кои возсѣдали на папскомъ престолѣ, и когда папская политика оставила въ русской исторіи глубокій слѣдъ.

Въ 1579 г., король польскій, Стефанъ Баторій предпринялъ свой первый походъ на Москву, который былъ для него побѣдоносенъ, такъ же точно, какъ и два послѣдующіе похода, и Іоаннъ IV, видя, что его войско разстроено, и многіе города взяты поляками приступомъ, прибѣгнулъ къ папѣ Григорію XIII съ просьбою о посредничествѣ. Этотъ шагъ имѣлъ, во всѣхъ отношеніяхъ, огромное значеніе.

Баторій, гордый своими успѣхами, не хотѣлъ вначалѣ и слышать о мирѣ, но когда побѣда начала измѣнять ему, онъ съ радостью согласился принять услуги безпристрастнаго посредника, и уполномоченные обѣихъ сторонъ съѣхались въ Запольскомъ Ямѣ, захолустномъ городкѣ Россіи, гдѣ 6-го (15-го) января 1582 года было заключено ими перемиріе на десять лѣтъ.

Нѣкоторые ставятъ папамъ въ вину, что они задержали Польшу въ ея побѣдоносномъ шествіи и тѣмъ самымъ обезпечили побѣду ея соперницѣ—Москвѣ. Въ дѣйствительности, обѣ стороны были утомлены войною и жаждали мира, хотя не могли придти къ соглашенію отно-

---

[1]) Извлеченіе изъ сочиненія П. Пирлинга «La Russie et le Saint Siège. Etudes diplomatiques». P. Pierling, t. II.

сительно его условій. Надобно было приложить къ дѣлу много энергіи, терпѣнія и необычайной проницательности, чтобы примирить интересы обѣихъ сторонъ и удовлетворить ихъ требованія.

Григорій XIII возложилъ это дѣло на іезуита, итальянца, Антонія Поссевина, благодаря которому до насъ дошли нѣкоторыя подробности переговоровъ, происходившихъ въ это время, хотя большинство документовъ утеряно безвозвратно [1]).

I.

Политическое положеніе Московскаго государства въ концѣ XVI столѣтія.— Сношенія Іоанна Грознаго съ папою. — Его предложеніе поднять Европу противъ турокъ. — Цѣль такого предложенія. — Отправленіе посольства въ Прагу и Римъ. — Аудіенція и пріемъ русскаго посла. — Подложное письмо его венеціанскому дожу. — Результаты посольства.—Взятіе Великихъ Лукъ Баторіемъ.—Заключеніе перемирія.—Поссевинъ у Баторія.—Отзывъ Тедальди объ Іоаннѣ.

16-го (25-го) августа 1580 г., Іоаннъ Грозный созвалъ своихъ совѣтниковъ въ мрачномъ дворцѣ Слободы, который сталъ его обычнымъ мѣстопребываніемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался грозою своего народа и своихъ враговъ. На горизонтѣ появились въ то время мрачныя тучи; пораженія, понесенныя на полѣ битвы, не предвѣщавшія ничего добраго, побудили царя обратиться за совѣтами къ боярамъ и къ своему сыну Ивану.

Второй походъ Баторія начался при такихъ же блестящихъ для по-

---

[1]) Увлекаясь своею страстью къ собиранію документовъ и не боясь суда потомства, Поссевинъ тщательно сохранялъ свою переписку и снималъ копіи съ оффиціальныхъ актовъ, а затѣмъ, поселившись въ 1604 г. въ Венеціи, при монастырѣ, чтобы отдохнуть отъ своей трудной и бурной дипломатической дѣятельности, онъ составилъ, въ тишинѣ, опись собранному имъ рукописному матеріалу и передалъ его на храненіе генералу Аквавивѣ. Въ числѣ этихъ документовъ былъ цѣлый томъ Acta Moscovitica, письма Стефана Баторія, Замойскаго и большой мѣшокъ съ русскими документами, полученными Поссевиномъ въ Кремлѣ изъ рукъ самого Іоанна IV.

Изъ всего этого сокровища уцѣлѣла только самая ничтожная часть. Къ счастію Поссевинъ поспѣшилъ напечатать главнѣйшіе документы своей Moscovitica; его письма къ разнымъ лицамъ и ихъ отвѣты хранятся въ Ватиканѣ, и въ венеціанскихъ архивахъ существуетъ цѣлое собраніе документовъ, носящее названіе Affare di Moscovia maneggiato — dal P . Possevino, Gesuita, 1581—1582 (Sen. Rel. t. XXV). Эти, частью неизданные, документы вмѣстѣ съ тѣми, которые были въ свое время обнародованы, даютъ возможность прослѣдить ходъ переговоровъ, предшествовавшихъ заключенію мира 1582 г.

ляковъ предзнаменованіяхъ, какъ и его первый походъ. Великимъ Лукамъ угрожала судьба Полоцка и Сокола, коими поляки овладѣли въ предъидущемъ году. Съ паденіемъ Великихъ Лукъ непріятель могъ проникнуть въ самое сердце страны. При томъ, король польскій былъ не единственный врагъ, котораго царь могъ опасаться: шведы, коимъ Іоаннъ нанесъ пораженіе, снова ободрились и заявляли свои права на Эстляндію; Данія только и ждала случая объявить условія перемирія, заключеннаго ею съ царемъ въ 1578 г., слишкомъ тягостными. Съ другой стороны, Іоанну угрожали на востокѣ татары, которые были тѣмъ страшнѣе, что они были всегда вооружены: среди нихъ ежеминутно могло вспыхнуть возстаніе, и Россія могла потерять пріобрѣтенныя ею Казань и Астрахань—лакомый кусокъ для крымскаго хана, за спиною котораго развивалось грозное знамя пророка. Положеніе дѣлъ осложнялось серьезными внутренними смутами. Царя обуяла жажда крови, которую онъ утолялъ періодически человѣческими жертвами; самые родовитые бояре пали жертвою его незаслуженной кары; изъ нихъ многіе, обезумѣвъ отъ страха и ненависти, направлялись, по примѣру князя Курбскаго, въ Польшу, между тѣмъ какъ люди, окружавшіе Іоанна и пользовавшіеся его довѣріемъ, были не болѣе какъ товарищи его оргій и его палачи: напрасно сталъ бы онъ искать среди нихъ доблестнаго полководца.

Поэтому неудивительно, что въ совѣтѣ, созванномъ царемъ, одержали верхъ миролюбивыя стремленія. Но можно ли было добиться почетныхъ условій мира отъ противника, который не думалъ отказываться отъ плодовъ своихъ побѣдъ? Баторій поклялся, что онъ не сложитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не покоритъ всей Ливоніи; а Іоаннъ упорно желалъ сохранить хотя бы часть этой провинціи, которая открывала ему путь на западъ. Не зная на что рѣшиться, объятый страхомъ, царь вздумалъ вступить на путь политики, дотолѣ неслыханной въ Кремлѣ: онъ рѣшилъ торжественно объявить себя заклятымъ врагомъ турокъ и побудить папу и императора поднять Европу противъ нихъ крестовымъ походомъ. Само собою разумѣется, что этотъ планъ не могъ быть осуществленъ до тѣхъ поръ, пока Баторій и Іоаннъ не заключили бы мира. Такого рода выходъ изъ затруднительнаго положенія былъ придуманъ ловко: польскія дѣла утратили ли бы свое значеніе, коль скоро ихъ заслонилъ бы Восточный вопросъ; такимъ образомъ дѣло улаживалось и вмѣстѣ съ тѣмъ царь могъ пріобрѣсти симпатіи Австріи и Рима. Турціи принадлежали въ то время двадцать пять санджаковъ въ Венгріи; а между тѣмъ Габсбурги явно стремились къ тому, чтобы присоединить къ своимъ владѣніямъ все королевство св. Стефана; слѣдовательно, между этими двумя соперниками не могло существовать прочнаго мира, и Австрія всегда была рада, когда у

Турціи появлялся лишній врагъ. Что касается папы, то московскій царь предлагалъ ему выполнить исконную программу папскаго престола: стремясь противодѣйствовать распространенію владычества мусульманъ, папы всегда лелѣяли мысль о союзѣ христіанскихъ державъ и обращали, съ этой цѣлью, свои взоры на Москву.

Не трудно было понять тайныя цѣли въ предложеніи царя: прежде всего ему надобно было выиграть время и, если окажется возможнымъ, остановить побѣдоносное шествіе Баторія. Въ этомъ смыслѣ дѣйствовали и русскіе агенты, посланные въ Польшу, чтобы подготовить почву для заключенія мира; имъ было строго-на-строго приказано отвѣчать на «лаянье» поляковъ кротко, и если дѣло дойдетъ до самоуправства, терпѣливо сносить всякія оскорбленія, лишь бы переговоры не были прерваны. Перемѣнивъ тонъ, царь написалъ собственноручно письмо Стефану Баторію, котораго онъ называлъ теперь «братомъ»; предлагая ему выгодныя условія мира,—ни болѣе ни менѣе, какъ уступку всей Ливоніи, за исключеніемъ четырехъ крѣпостей [1]). Послѣднее условіе уничтожало, конечно, всякую надежду на миролюбивый исходъ переговоровъ. Царь это понималъ и хотѣлъ только выиграть время: одновременно съ этимъ была предпринята дипломатическая кампанія въ Прагѣ, Мадридѣ и Римѣ въ надеждѣ, что это могло измѣнить положеніе дѣлъ къ лучшему.

28-го августа (6-го сентября) на совѣтѣ, въ Слободѣ, было рѣшено отправить посольство въ Прагу и Римъ.

Русскіе были въ то время уже не новички въ дипломатіи, какъ во времена Іоанна III, и ихъ дипломаты раздѣлялись на нѣсколько категорій. Для исполненія важнѣйшихъ порученій посылались къ иностраннымъ дворамъ великіе послы. Блескъ, коимъ они окружали себя, ихъ многочисленная свита, драгоцѣнные мѣха, кои они раздавали въ подарки, давали за границей всѣмъ высокое понятіе объ ихъ монархѣ; но такія дорого стоившія посольства посылались только въ сосѣднія страны. Въ большинствѣ посылались посланники, которые окружали себя меньшимъ блескомъ и роскошью, хотя они точно также посвящались въ дѣла и уполномочивались вести переговоры отъ имени царя. Послѣднюю категорію среди дипломатовъ составляли гонцы, которымъ поручалось только передать письма и привезти отвѣтъ и которые не посвящались обыкновенно въ тайны политики.

Во главѣ посольства, отправленнаго въ Прагу и Римъ въ 1580 г., стоялъ такой именно скромный дипломатъ, гонецъ Шавригинъ, типичный представитель служилыхъ людей стараго закала, изворотливый, грубый, алчный до наживы, въ высшей степени хитрый и коварный,

---

[1]) Книга посольская, т. II, стр. 136.

но одаренный въ достаточной степени здравымъ смысломъ, чтобы исполнить рабски приказанія своего монарха и понять практическую сторону дѣла. Ему было строго-на-строго приказано, если его остановятъ въ пути и будутъ допрашивать: «плюнуть тѣмъ, кто будетъ говорить съ нимъ» въ глаза, не говоря ни слова. Его преданность не доходила до самоотверженія; во время путешествія онъ былъ все время озабоченъ мыслію, какъ бы извлечь изъ него наибольшую пользу. Какъ истый москвичъ, онъ говорилъ только по-русски, поэтому съ нимъ ѣхалъ переводчикъ нѣмецъ, Вильгельмъ Поплеръ, уроженецъ Ливоніи, по происхожденію литовецъ и католикъ, принявшій лютеранство, и затѣмъ перешедшій въ православіе. Въ Любекѣ къ нимъ присоединился второй переводчикъ, Франческо Паллавичини, уроженецъ Милана, торговавшій ранѣе въ Москвѣ и превратившійся изъ торговца въ дипломата. Трудно было этимъ тремъ, совершенно чуждымъ другъ другу лицамъ, ужиться между собою въ согласіи; Поплеръ и Паллавичини не могли терпѣть другъ друга, но они сошлись въ своей ненависти къ Шавригину и не стѣсняясь высказывали о немъ самыя предосудительныя вещи.

Избѣгая поѣздки по Польшѣ и Литвѣ, московскій гонецъ отправился моремъ изъ Пернова. Высадившись въ Копенгагенѣ, онъ поѣхалъ въ Любекъ, оттуда въ Лейпцигъ и прибылъ въ первыхъ числахъ января 1581 г., въ Прагу, гдѣ императоръ Рудольфъ II велъ среди пышнаго и блестящаго двора уединенную жизнь, предаваясь научнымъ занятіямъ.

Мало интересуясь государственными дѣлами, коими руководили по своему усмотрѣнію его министры, Рудольфъ не охотно отрывался отъ своихъ книгъ, цвѣтовъ и тигелей и отъ своихъ лошадей, чтобы бесѣдовать съ иностранцами, и рѣдко давалъ имъ аудіенціи; но Шавригину была оказана эта честь.

1-го (10-го) января 1581 года за нимъ явился шталмейстеръ, который повезъ его на аудіенцію. Согласно даннымъ ему инструкціямъ, Шавригинъ долженъ былъ передать императору два письма и сорокъ соболиныхъ шкуръ. Въ отвѣтъ на вопросы, которые могли быть ему предложены, онъ долженъ былъ сказать, что ему не дано никакихъ словесныхъ порученій. Очевидно, царь возлагалъ бо́льшую надежду на свое перо, нежели на дипломатическія способности своего гонца; въ письмѣ Іоаннъ распространялся о своей дружбѣ съ императоромъ Максиміліаномъ, о планахъ относительно Польши, которые они лелѣяли съ нимъ, и о необходимости заключить союзъ противъ турокъ. Упомянувъ имя Баторія, царь писалъ, что воинственный король польскій, союзникъ и посаженникъ султана, возведенный на престолъ султаномъ, былъ единственнымъ препятствіемъ къ союзу христіанскихъ монарховъ и непримиримымъ врагомъ Москвы, по причинѣ дружбы, существовавшей

между нимъ, царемъ и императоромъ. Говоря это, царь имѣлъ въ виду, что Австрія должна была негодовать на Баторія за то, что онъ овладѣлъ короною Ягеллоновъ. Но, съ другой стороны, Ливонія могла явиться помѣхою къ соглашенію между Рудольфомъ и Іоанномъ: въ Прагѣ ее считали своимъ леннымъ владѣніемъ, а Іоаннъ настаивалъ на ея возвратѣ, смотря на нее какъ на удѣлъ, унаслѣдованный имъ отъ предковъ.

Второе письмо московскаго царя касалось торговыхъ сношеній: царь горько жаловался на нѣкоторыя запретительныя мѣры и требовалъ ихъ отмѣны. Шавригину было объяснено, на всякій случай, какія вины Іоаннъ считалъ за Баторіемъ и въ какомъ положеніи находился вопросъ о Ливоніи; на случай, еслибы рѣчь зашла о татарахъ, ему велѣно было сказать, что завоеваніе Казани и Астрахани было совершившимся фактомъ, что тамъ введена христіанская вѣра, что жившіе тамъ народы могутъ выставить войско по первому требованію, что царь часто обмѣнивается посольствами съ крымскимъ ханомъ, но что ему, Шавригину, неизвѣстно, какую цѣль имѣли эти посольства.

Когда Шавригинъ выразилъ желаніе имѣть какое-либо доказательство оказаннаго ему въ Прагѣ хорошаго пріема, то ему было дано письмо за императорскою подписью (помѣченное 2-мъ (11-мъ) января 1581 г.), написанное однако въ самыхъ осторожныхъ выраженіяхъ. О Турціи и Польшѣ въ немъ не упоминалось ни слова, о Ливоніи, зависѣвшей отъ сейма, также говорилось сдержанно, а въ торговыхъ сношеніяхъ не предполагалось никакой перемѣны. Такимъ образомъ русскій дипломатъ не могъ похвастать особеннымъ успѣхомъ. Вопросы политики не подверглись обсужденію въ Прагѣ, а существовавшее запрещеніе вывозить оружіе не было отмѣнено. Это особенно возмущало царя и вызывало съ его стороны жалобы; но министры императора Рудольфа дѣлали видъ, что они этого не понимаютъ.

Не смотря на аудіенцію, данную Шавригину императоромъ, дипломатическій корпусъ, какъ сказали бы въ наше время, не сближался съ нимъ. Папскій нунцій первый прислалъ ему своего секретаря, привѣтствовать съ пріѣздомъ; затѣмъ у него установились сношенія съ представителемъ Венеціанской республики. Везя письмо, адресованное «великому правителю и правителямъ великой Венеціи», Шавригинъ потребовалъ паспорта для въѣзда въ Венецію. Венеціанскій посланникъ Бадоеръ поспѣшилъ удовлетворить его просьбу, а переводчикъ Шавригина, Паллавичини, сдѣлалъ при этомъ посланнику весьма любопытныя для него сообщенія. Онъ открылъ Бадоеру истинную цѣль русскаго посольства, планы царя относительно торговли и разсказалъ ему о только-что бывшемъ въ Москвѣ случаѣ съ турками, состоявшемъ въ томъ, что на запросъ, сдѣланный султаномъ по поводу завоеванія Казани и

Астрахани, царь приказалъ, вмѣсто отвѣта, бросить въ тюрьму прибывшаго въ Москву несчастнаго чауша и снарядилъ гонцовъ, чтобы проповѣдывать монархамъ крестовый походъ противъ Турціи.

Въ Прагѣ заподозрѣли, что подъ Восточнымъ вопросомъ скрывалось желаніе заключить миръ съ Баторіемъ. Выслушавъ Паллавичини, венеціанскій посланникъ въ Прагѣ возымѣлъ было желаніе пригласить русскихъ дипломатовъ къ столу, но раздумалъ, побоявшись, что это могло вызвать неудовольствіе Порты.

16-го (25-го) января посольство выѣхало изъ Праги и прибыло въ Венецію 4-го (13-го) февраля.

Шавригинъ былъ пораженъ при видѣ этой блестящей царицы Адріатическаго моря съ ея золотыми куполами и мраморными дворцами, построенными въ стилѣ Возрожденія, съ ажурными каменными украшеніями и порфировыми колоннами, съ ея каналами, по которымъ безшумно снуютъ гондолы. Въ восторгѣ отъ всѣхъ этихъ чудесъ, изумленный обиліемъ богатства и роскоши, Шавригинъ не могъ утѣшиться по поводу того, что ему не былъ извѣстенъ подробный титулъ дожа. Каково же было его удивленіе, когда, едва поселившись въ скромномъ домикѣ Маріетты Галетта, онъ сдѣлался вдругъ предметомъ всеобщаго вниманія; къ нему отнеслись какъ къ лицу, облеченному оффиціальной миссіей, и ему было предложено переселиться въ великолѣпный монастырь Санто-Джіованни и Паоло, гдѣ онъ былъ принятъ, какъ гость Венеціанской республики. Одного извѣстія о присутствіи въ Венеціи московскаго посланника было достаточно, чтобы вызвать эту любезность со стороны дожа, который былъ уже предувѣдомленъ изъ Праги о цѣли прибытія русскаго посольства.

Два дня спустя, 15-го февраля, Шавригинъ былъ принятъ дожемъ съ обычнымъ церемоніаломъ въ залѣ іезуитской коллегіи.

Не смотря на неоднократно повторенное приглашеніе сѣсть, Шавригинъ стоялъ во время аудіенціи съ непокрытой головою, произнесъ торжественно царскій титулъ и при помощи своихъ переводчиковъ сказалъ рѣчь, которую Поплеръ переводилъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ, а Паллавичини—съ нѣмецкаго на италіанскій. Держа въ рукахъ письмо царя, которое онъ поцѣловалъ, Шавригинъ разсыпался въ извиненіяхъ по поводу того, что ему не былъ извѣстенъ титулъ дожа. Формулы этикета играли всегда большую роль въ Кремлѣ; Іоаннъ IV, не желавшій, чтобы его называли болѣе великимъ княземъ, былъ въ этомъ отношеніи особенно щепетиленъ. Поэтому, понятно, замѣшательство гонца: малѣйшая неловкость съ его стороны могла навлечь неудовольствіе царя, всегда грознаго въ своемъ гнѣвѣ. Русскій дипломатъ поспѣшилъ наивно объяснить причину своего затруднительнаго положенія.

— Иностранные языки изгнаны изъ Москвы,—сказалъ онъ,—такъ

какъ царь боялся бы измѣны, еслибы онъ не могъ понимать своихъ подданныхъ; а за отсутствіемъ частыхъ сношеній съ Италіей, въ Посольскомъ приказѣ не сохранилось употребительнаго въ этомъ случаѣ титула. Венецію считали даже принадлежащею къ папскимъ владѣніямъ; поэтому царь писалъ подробно о войнѣ противъ турокъ и татаръ, что составляло главную цѣль посольства только въ письмѣ къ папѣ.

Что же касалось торговли, которую царю желательно было завести съ Венеціанской республикой, то Шавригинъ высказалъ, что царь горячо желалъ этого, и совѣтовалъ венеціанцамъ, въ довольно сбивчивыхъ выраженіяхъ, избрать путь на Москву чрезъ Каспійское море и Волгу. Вопросъ о пути обсуждался во время аудіенціи двукратно, пока присутствующіе не убѣдились окончательно, что свѣдѣнія московскихъ людей по части географіи были чрезвычайно смутны и сбивчивы.

Дожъ Николо да-Понте привѣтствовалъ прибывшихъ, обѣщалъ предложить вопросъ о торговыхъ сношеніяхъ на обсужденіе совѣта и дать царю отвѣтъ въ самомъ непродолжительномъ времени.

По окончаніи аудіенціи, русскіе дипломаты осматривали достопримѣчательности дворца, коллекцію оружія, большое зало совѣта и зало совѣта Десяти. Послѣдующіе дни были посвящены осмотру города: русскихъ заинтересовалъ болѣе всего арсеналъ, съ его бассейнами, верфями и службами,—безмолвное, но краснорѣчивое доказательство военнаго могущества Венеціи.

Переводъ царскаго письма былъ сдѣланъ секретаремъ Франческо, который воспользовался случаемъ, чтобы проникнуть тайны Кремля, которыя царь оберегалъ такъ ревниво. Въ разговорѣ съ нимъ Шавригинъ и его спутники не преминули повторить общія мѣста о Баторіи и его кровожадныхъ стремленіяхъ, и о великодушіи Іоанна IV, который готовъ былъ выставить на помощь императору въ его борьбѣ съ турками сто-тысячное войско. Но нѣсколько необдуманныхъ словъ, вырвавшихся у Шавригина во время этого разговора, который Франческо умышленно старался затянуть, объяснили ловкому секретарю истинное положеніе дѣла. Франческо понялъ, что царь, окруженный врагами, ничего такъ не желалъ, какъ заключить почетный миръ съ Баторіемъ, и что его положеніе было бы весьма затруднительно, если бы Польша не согласилась сложить оружіе, но, проникнувъ эту тайну, онъ былъ введенъ въ заблужденіе относительно другаго обстоятельства. Въ рѣчи Шавригина можно было подмѣтить нѣкоторыя несообразности. Ему было поручено передать письмо царя къ дожу, а между тѣмъ онъ заявлялъ, что ему неизвѣстенъ титулъ дожа; выходило, какъ будто царь, обращаясь къ иностраннымъ владѣтельнымъ особамъ, не зналъ хорошенько, что они изъ себя изображали. Эта несообразность объясняется между тѣмъ весьма просто: письмо, переданное Шавригинымъ дожу, было подложное.

Чтобы объяснить себѣ этотъ фактъ, надобно забѣжать нѣсколько впередъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1581 г. іезуитъ Поссевинъ, которому папа поручилъ проводить русскихъ посланцевъ въ Москву, былъ свидѣтелемъ довольно бурной сцены, разыгравшейся между ними въ Венеціи. Шавригинъ обвинялъ Паллавичини въ воровствѣ; а тотъ, выйдя изъ себя, воскликнулъ:

— Такъ вотъ какъ ты обращаешься со мною, нанявъ меня за нѣсколько рублей; дай мнѣ только пріѣхать въ Москву, я донесу на тебя царю: всѣ узнаютъ, что ты сочинялъ подложныя письма для венеціанцевъ.

Эти слова были откровеніемъ для Поссевина. Онъ приложилъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы разузнать истину, и оказалось, что Шавригинъ, желая заставить дожа расщедриться, безъ всякаго стѣсненія написалъ собственноручно дожу письмо якобы отъ царя и для того, чтобы въ подлинности его не могло быть сомнѣнія, приложилъ къ нему печать, снятую съ письма къ курфюрсту Саксонскому. Сдѣлавъ это открытіе, Поссевинъ сообщилъ о немъ одному изъ кардиналовъ, присовокупивъ въ видѣ успокоенія, что письма царя къ папѣ и императору были подлинныя.

Обвиненіе, взведенное имъ на Шавригина, было весьма серьезное, а между тѣмъ нельзя не признать, что оно было вполнѣ основательное. Въ самомъ дѣлѣ, Шавригину были даны при отъѣздѣ изъ Россіи письма не только къ императору Рудольфу II и къ папѣ Григорію XIII, но онъ получилъ также охранные листы или опасныя граматы, какъ ихъ называли въ то время, къ королю Датскому и курфюрсту Саксонскому. Всѣ эти документы были должнымъ образомъ зарегистрованы въ Кремлѣ; къ венеціанскому же дожу ему не было дано ни письма, ни охраннаго листа. Была ли это случайная ошибка? По свидѣтельству самого Шавригина, Венеція была въ глазахъ московскихъ людей простой провинціей Папской области, и Іоаннъ IV, предвидя возможность, что Григорій XIII захотѣлъ бы послать въ Москву купцовъ изъ Риги или Венеціи, далъ своему посланному соотвѣтственныя инструкціи.

По возвращеніи въ Москву, гонецъ сообщилъ Іоанну точныя свѣдѣнія о республикѣ, какъ о владѣніи, вполнѣ самостоятельномъ и независимомъ.

Трудно допустить, чтобы царь далъ Шавригину, на всякій случай, письмо къ управителю одной изъ провинцій Папской области, каковымъ онъ считалъ дожа, а изъ этого ясно, что письмо, представленное дожу 6-го (15-го) февраля 1581 г., было подложное и что подлогъ былъ совершенъ тѣмъ, кто подалъ это письмо.

Это подтверждается еще и тѣмъ, что Шавригинъ былъ простымъ гонцомъ; таковымъ онъ названъ во всѣхъ оффиціальныхъ документахъ; въ одномъ только письмѣ къ венеціанскому дожу онъ названъ пять разъ

посланникомъ. Между тѣмъ въ древней Москвѣ разница между гонцомъ и посланникомъ была огромная. Кромѣ того въ данныхъ ему охранныхъ листахъ говорится кратко о посылкѣ Шавригина, а въ упомянутомъ письмѣ говорилось, что на него возложено важное дѣло, въ коемъ заинтересованъ весь христіанскій міръ.

И такъ, титулъ, присвоенный гонцу въ письмѣ къ дожу, и вся редакція этого письма наводятъ на мысль, что оно не могло быть писано въ Москвѣ.

Этимъ объясняется вѣроятно и то обстоятельство, что Шавригинъ постарался уничтожить отвѣтъ дожа на это письмо.

Когда онъ доѣхалъ, на обратномъ пути, до Любека, то имъ овладѣла боязнь быть ограбленнымъ въ дорогѣ; чтобы спасти корреспонденцію, которую онъ везъ въ Москву, онъ зашилъ ее въ одежду, но письмо дожа, ради вящшей предосторожности, было имъ поручено особому гонцу, который, какъ и надобно было ожидать, былъ ограбленъ по пути разбойниками, такъ что компрометтирующее Шавригина письмо не было доставлено по назначенію.

Все это было настолько правдоподобно, что царь легко могъ повѣрить разсказу своего гонца. Вдобавокъ, Шавригинъ умолчалъ о своемъ свиданіи съ дожемъ Николо да-Понте,въ февралѣ мѣсяцѣ 1581 г., и мысль завести торговыя сношенія Венеціи съ Москвою была приписана папѣ и Поссевину.

На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ странныхъ совпаденій и данныхъ, которыя были извѣстны Поссевину, онъ заподозрилъ, что письмо, предъявленное дожу, было подложное и подозрѣвалъ даже, что италіанскій переводчикъ, скончавшійся въ дорогѣ, былъ убитъ своими сотоварищами, чтобы онъ не могъ сдѣлать въ Москвѣ какихъ-либо неблагопріятныхъ Шавригину разоблаченій.

Шавригинъ поспѣшилъ уѣхать изъ Венеціи. Единственныя свѣдѣнія, которыя онъ собралъ объ этомъ городѣ и которыя передалъ впослѣдствіи царю, заключались въ томъ, что Венеція построена на водѣ, а не на землѣ, что она не находится въ зависимости ни отъ папы, ни отъ императора, что, сѣвъ въ этомъ городѣ на корабль, можно проѣхать по «Гишпанскому морю» до Константинополя и Іерусалима, и наконецъ, что венеціанцы дѣлаютъ ежегодно великолѣпные подарки туркамъ, не смотря на то, что они разбили ихъ съ помощью испанцевъ.

24-го февраля русскій посланецъ въѣхалъ въ Римъ. Въ XVI вѣкѣ прибытіе иностраннаго посла волновало оффиціальный міръ не менѣе частныхъ лицъ и народа, всегда жаднаго до зрѣлищъ. Москва была менѣе знакома жителямъ Рима, нежели Китай и Японія. Уже много лѣтъ ни одинъ москвитянинъ не переступалъ порога Вѣчнаго города. Поэтому появленіе Шавригина возбудило весьма естественно всеобщее

любопытство, и ему былъ оказанъ болѣе торжественный пріемъ, нежели подобало простому гонцу. Его встрѣтили за городомъ двѣ депутаціи. Онъ пересѣлъ въ папскій экипажъ и окруженный блестящей свитою двинулся во дворецъ, находящійся на площади Двѣнадцати Апостоловъ, гдѣ для него было приготовлено помѣщеніе. Въ этомъ дворцѣ жилъ Джіакомо Бонкомпаньи, начальникъ папскаго войска и управитель замка св. Ангела, которому папа поручилъ принять посольство, что онъ и исполнилъ въ совершенствѣ. По словамъ Шавригина, списокъ кушаньямъ, которыя имъ подавались, былъ не только роскошный, но прямо чудовищный по количеству блюдъ и угощеній, которыя подавались въ строго опредѣленный часъ два раза въ день.

Аудіенція въ Ватиканѣ состоялась 17-го (26-го) февраля. Петръ Вольскій, епископъ Плоцкій, представитель Польши въ Ватиканѣ, настаивалъ на томъ, чтобы аудіенція была обставлена какъ можно проще. По его ли просьбѣ или по какой иной причинѣ, гонцу была дана частная аудіенція. Шавригинъ поцѣловалъ папѣ туфлю и произнесъ свою рѣчь, стоя на колѣняхъ,—на что до него не соглашался никто изъ русскихъ. Впрочемъ, Шавригинъ не упомянулъ объ этомъ обстоятельствѣ въ своемъ донесеніи царю. Онъ писалъ только, что, передавъ папѣ письмо и соболей, просилъ его отправить въ Москву посольство. Онъ дѣйствовалъ согласно приказанію, полученному въ Кремлѣ: не входить ни въ какія объясненія и держаться строго сказаннаго въ оффиціальномъ письмѣ Іоанна.

На слѣдующій день, 18-го (27-го) февраля папа Григорій XIII объявилъ собравшимся членамъ консисторіи о прибытіи русскаго посланнаго съ письмомъ, которое было имъ передано переводчикомъ.

Въ своемъ посланіи къ папѣ Іоаннъ ссылался на дружественныя сношенія съ Римомъ своего отца Василія III и на свои лично къ папскому престолу; «стоитъ только протянуть руку,—говорилъ онъ,—и общими усиліями Исламъ будетъ побѣжденъ. Но прежде всего надобно устранить одно препятствіе: князь Трансильванскій (Баторій) завладѣлъ польскимъ престоломъ и заключилъ двойственный союзъ съ султаномъ Мурадомъ и съ крымскимъ ханомъ.—Надѣясь на своихъ новыхъ союзниковъ и презрѣвъ данныя имъ клятвы, онъ проливаетъ русскую кровь потоками». Царь просилъ папу приказать королю Стефану (Баторію) отказаться отъ союза съ мусульманами и прекратить войну съ христіанами. Письмо кончалось просьбою, чтобы посланникъ, который будетъ посланъ въ Москву и пріѣдетъ туда вмѣстѣ съ Шавригинымъ, извѣстилъ царя о томъ, какія дѣлаются приготовленія къ войнѣ съ турками.

Какъ тонко и хитро ни было написано это письмо, но въ Римѣ, такъ же точно, какъ въ Венеціи и Прагѣ, сразу поняли, что царь только

прикрывался походомъ противъ турокъ, но что главною его заботою было добиться мира съ Польшею. На папу и кардиналовъ произвело неблагопріятное впечатлѣніе то обстоятельство, что царь не обмолвился ни словомъ на счетъ религіи. Не смотря на это, св. отецъ и его совѣтники сочли долгомъ откликнуться на предложеніе Іоанна, въ надеждѣ, что политика откроетъ широкое поприще для католической пропаганды въ Россіи.

6-го марта, Григорій XIII объявилъ собравшимся кардиналамъ, что письмо Іоанна переведено, разсмотрѣно, и что въ Москву будетъ отправленъ папскій посолъ.

Для этой цѣли былъ избранъ Антоній Поссевинъ, іезуитъ, соединявшій всѣ необходимыя качества для столь важнаго порученія: выдающійся умъ, обширныя познанія, наблюдательность, опытность въ дѣлахъ, дипломатическія способности и твердый, но въ то же время вкрадчивый характеръ и умѣнье ладить съ людьми. Желѣзное здоровье, почти никогда ему не измѣнявшее, позволяло Поссевину работать безъ устали, удовлетворяя этимъ своей ненасытной жаждѣ къ дѣятельности. Но у него былъ одинъ недостатокъ, вытекавшій изъ самыхъ свойствъ его характера. Зная себѣ цѣну и вполнѣ полагаясь на свои силы, онъ овладѣвалъ всецѣло тѣмъ дѣломъ, которое ему поручалось, и считалъ себя въ правѣ вести его вполнѣ самостоятельно, не обращая вниманія на тѣхъ лицъ, коимъ приходилось работать вмѣстѣ съ нимъ. Поэтому нунціи, съ коими онъ имѣлъ дѣло, находили его не особенно покладистымъ сотрудникомъ.

Шавригинъ пробылъ въ Римѣ довольно долго, до Пасхи; но торжественное богослуженіе, совершаемое католической церковью въ дни Святой недѣли, не произвело на него, какъ разсчитывалъ папа, особеннаго впечатлѣнія, точно такъ же, какъ его «варварское ухо» не оцѣнило дивной гармоніи композитора Палестрины и великолѣпнаго пѣнія въ Сикстинской часовнѣ.

Его замѣчанія о великолѣпномъ Римѣ, родинѣ Рафаеля и Микель Анджело, ограничиваются сухимъ перечисленіемъ церквей, мощей, религіозныхъ церемоній, названіемъ странъ, исповѣдующихъ католическую вѣру, и монарховъ, имѣвшихъ своихъ представителей при папскомъ престолѣ.

Лично его интересовало главнымъ образомъ одно обстоятельство,— подарки, которые онъ получитъ при отъѣздѣ. Григорій XIII полагалъ, что онъ будетъ вполнѣ удовлетворенъ, получивъ великолѣпный Agnus Dei, золотую цѣпь и кошелекъ съ шестьюстами экю. Венеціанскій посланникъ, все время пристально слѣдившій за Шавригинымъ, доносилъ своему двору, что гонецъ уѣхалъ изъ Рима вполнѣ довольный щедростью

папы; но впослѣдствіи всѣ убѣдились, что алчность его нельзя было ничѣмъ удовлетворить.

18-го (27-го марта) 1581 г. русское посольство, въ сопровожденіи Поссевина, пустилось наконецъ въ обратный путь въ Москву, пробывъ въ Римѣ болѣе мѣсяца.

II.

Отправленіе папою посольства въ Россію. — Цѣль посольства. — Рѣчь Поссевина въ Венеціи. — Характеристика членовъ посольства. — Показанія Поплера о состояніи Московскаго государства. — Возвращеніе посольства въ Россію. — Сцена ревности, окончившаяся смертью Паллавичини. — Поссевинъ и его характеристика. — Побѣды Баторія. — Посредничество папы къ заключенію мира между враждующими сторонами. — Аудіенція Поссевина у Баторія. — Замойскій и его значеніе. — Флорентійскій купецъ Тедальди. — Свиданіе его съ царемъ Іоанномъ. — Положеніе евреевъ въ Москвѣ.

Путешествіе папскаго посла вмѣстѣ съ русскими дипломатами было прекраснымъ случаемъ дать москвитянамъ высокое понятіе о могуществѣ, богатствѣ и военныхъ силахъ папы. Сообразно съ этимъ, было отдано приказаніе мѣстнымъ властямъ производить до границы папскихъ владѣній всѣ путевые расходы изъ папской казны.

Въ то время, путешествіе по Италіи было сопряжено со всевозможными случайностями. Страна была наводнена разбойниками, ѣхать приходилось съ большими неудобствами, большею частію верхомъ; по пути нигдѣ не было хорошихъ гостиницъ, гдѣ можно было бы удобно отдохнуть; путешественнику приходилось то и дѣло имѣть недоразумѣнія съ таможенными чиновниками и съ врачами, которые постоянно были подъ страхомъ, что пріѣзжіе занесутъ какую-нибудь заразу. Впрочемъ, во время управленія областью Григоріемъ XIII въ ней произошли большія улучшенія: въ различныхъ мѣстахъ были сооружены прочные и изящные каменные мосты и улучшены дороги.

По приказанію папы, русскому посольству оказывали всюду почетный пріемъ, его привѣтствовали власти, а войска выстраивались, чтобы отдать имъ честь.

Первая большая остановка была въ Венеціи, гдѣ Поссевинъ далъ жалъ, 11-го апрѣля, въ совѣтѣ Десяти, рѣчь, въ которой изложилъ цѣль, преслѣдуемую папой, при посылкѣ его въ Россію. Перечисливъ успѣхи, достигнутые католической пропагандой въ разныхъ странахъ, онъ указалъ на необходимость воспользоваться случаемъ, для сближенія съ Москвою, которая искала новыхъ рынковъ для сбыта своихъ товаровъ. Для торговцевъ католиковъ было необходимо, по его словамъ, добиться такихъ же льготъ, какія были дарованы въ Московскомъ государствѣ лютеранамъ и магометанамъ, пользовавшимся полной свобо-

дой исповѣдывать свою религію; затѣмъ, можно будетъ привлечь царя къ союзу противъ турокъ,—сказалъ онъ,— и мало-по-малу можно будетъ подготовить путь къ соединенію церквей.

Поссевинъ заявилъ во всеуслышаніе о желаніи папы, чтобы Іоаннъ заключилъ съ Баторіемъ союзъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ турокъ и чтобы вопросъ политическій обсуждался въ Москвѣ совмѣстно съ вопросомъ о религіи.

Рѣчь Поссевина произвела большое впечатлѣніе на дожа и на всѣхъ присутствующихъ и была дважды перечитана и подвержена обсужденію въ сенатѣ.

9-го (18-го апрѣля) Поссевинъ и Шавригинъ были приглашены въ іезуитскую коллегію. Русскому гонцу было вручено письмо съ золотою печатью, для передачи царю Іоанну; ему была пожалована дожемъ золотая цѣпь съ медалью съ изображеніемъ на ней св. Марка, стоимостью въ 500 экю; Поплеръ получилъ въ подарокъ всего сто экю. Дожъ выразилъ при этомъ свое удовольствіе по поводу присылки папскаго посла.

Во время пребыванія въ Венеціи, Поссевинъ счелъ нужнымъ обезпечить себя, относительно тѣхъ лживыхъ донесеній, какія Шавригинъ могъ представить царю по пріѣздѣ въ Кремль. Съ этой цѣлью, онъ заставилъ его написать подъ свою диктовку письмо къ царю и, снявъ съ него копію, сохранилъ ее для собственнаго употребленія. Въ этомъ оригинальномъ посланіи было высказано столько похвалъ по адресу папы и іезуитской коллегіи, что это обстоятельство невольно выдавало его автора. Предательскимъ пунктомъ этого письма было упоминаніе о томъ, что письмо царя (которое было, какъ выше сказано, подложнымъ) передано венеціанскому дожу; такимъ образомъ Шавригинъ самъ написалъ противъ себя обвинительный документъ. Крайне этимъ встревоженный, онъ тщетно старался въ бытность свою въ Прагѣ измѣнить текстъ этого письма, или вовсе уничтожить его. Впрочемъ, кажется, оно не было представлено царю; во всякомъ случаѣ, оно не подало повода къ какимъ-либо непріятностямъ или недоразумѣніямъ.

Какъ оскорбительны ни были предосторожности, принятыя Поссевинымъ, но онѣ вполнѣ оправдывались характеромъ и личными свойствами трехъ дипломатовъ, совершавшихъ вмѣстѣ путь въ Москву. Шавригинъ и Поплеръ въ особенности выказали себя въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Движимые корыстолюбіемъ, они платили за гостепріимство оскорбленіями и занимались постоянно самаго сомнительнаго свойства коммерческими сдѣлками: золотыя цѣпи, полученныя ими въ Римѣ и Венеціи, были тщательно взвѣшаны и едва не проданы, чѣмъ Поссевинъ былъ глубоко возмущенъ. По его понятію, это изобличало черную неблагодарность по отношенію къ папѣ и большую низость души.

Какъ только дѣло заходило о торговлѣ, Поплеръ всегда дѣйствовалъ заодно съ Шавригинымъ, хотя самъ зорко слѣдилъ за нимъ. Опасаясь, что Шавригинъ могъ обокрасть его, онъ хотѣлъ даже отдать Поссевину на храненіе покупки, сдѣланныя имъ съ цѣлью перепродать ихъ съ барышемъ въ Москвѣ, но это предложеніе было отклонено; точно также Поссевинъ отвѣчалъ ему отказомъ на всѣ его просьбы одолжить ему денегъ. Несмотря на такія натянутыя отношенія, нунцій съумѣлъ заставить Поплера разговориться и получилъ отъ него весьма важныя свѣдѣнія.

По словамъ болтливаго Поплера, положеніе Московскаго государства было весьма плачевное: въ 1571 г. крымскій ханъ Девлетъ-Гирей двинулъ на Москву татаръ, которые опустошили страну, отмѣтивъ пройденный путь кровавымъ слѣдомъ; самая столица едва не попала въ ихъ руки. Только одинъ Кремль былъ пощаженъ; съ высоты его стѣнъ можно было видѣть пожаръ предмѣстій и Китай-города, страшный грабежъ, который производился въ окрестностяхъ, дымившіяся развалины, груды труповъ, а на горизонтѣ виднѣлись очертанія татаръ, носившихся на своихъ быстрыхъ лошадяхъ по равнинѣ. Московское государство избѣгло окончательнаго разоренія только цѣною унизительнаго мира. Съ тѣхъ поръ призракъ татаръ не давалъ покоя Іоанну; боязнь новаго нашествія не позволяла ему сосредоточить свои силы противъ Польши. Покинутый боярами, напуганный побѣдами Баторія, царь унизился до посылки пословъ къ своему сопернику и даже прибѣгнулъ къ посредничеству папы: Поплеръ видѣлъ въ этомъ небесную кару за безумную гордость Іоанна.

Изъ этихъ откровенныхъ бесѣдъ Поссевинъ могъ почерпнуть гораздо больше, чѣмъ изъ оффиціальныхъ документовъ. Онъ понималъ это какъ нельзя лучше, но когда разузналъ все, что ему было необходимо, то разстался со своими докучливыми спутниками безъ малѣйшаго сожалѣнія. Они простились въ Виллахѣ, въ Каринтіи, съ тѣмъ, чтобы встрѣтиться вновь въ Вѣнѣ или Прагѣ.

Шавригинъ поѣхалъ со своими спутниками кратчайшимъ путемъ, а Поссевинъ заѣхалъ въ Грацъ, гдѣ остановился на короткое время; 4-го мая онъ уже былъ въ Вѣнѣ.

Два дня передъ тѣмъ, Хевригинъ проѣхалъ чрезъ столицу Австріи, не останавливаясь въ ней даже для того, чтобы представиться эрцгерцогу Эрнесту. Эта поспѣшность объясняется весьма прискорбной исторіей, случившейся съ нимъ по пути. По словамъ Поплера, съ коими почти во всемъ согласуется разсказъ самого Шавригина: отдѣлавшись въ Виллахѣ отъ стѣснительнаго для нихъ надзора Поссевина, москвитяне начали вести веселую жизнь. Случайно, въ одномъ экипажѣ съ ними оказалась женщина, и между спутниками, отуманенными страстью

и винными парами, завязался споръ изъ-за ѣхавшей съ ними австрійской красавицы. Паллавичини, схвативъ шпагу, бросился на Шавригина; Поплеръ сталъ защищать его и смертельно ранилъ итальянца. Они поѣхали дальше, но дня черезъ полтора состояніе раненаго внушило такія опасенія, что его пришлось оставить на попеченіи сельскаго священника, въ 26 верстахъ отъ Вѣны.

Поссевину этотъ разсказъ показался весьма неправдоподобнымъ.

Онъ заподозрилъ, что это была продѣлка Шавригина съ цѣлью замять дѣло о подложномъ письмѣ, которое Паллавичини могъ обнаружить въ порывѣ откровенности. Извѣстіе о смерти Паллавичини, полученное въ скоромъ времени, подтвердило эту догадку.

По пріѣздѣ Поссевина въ Прагу, гдѣ его поджидалъ Шавригинъ, по желанію послѣдняго были написаны и отправлены письма Іоанну, боярину Никитѣ Романову, брату покойной царицы Анастасіи и дьяку Щелкалову. Шавригинъ далъ, въ свою очередь, Поссевину, охранный листъ и письмо къ царю и просилъ его, хотя безуспѣшно, уничтожить письмо, написанное въ Венеціи. Вообще, въ Прагѣ онъ былъ любезенъ и предупредителенъ, быть можетъ, желая заставить позабыть прискорбный случай съ Паллавичини.

Вѣрный своей привычкѣ почерпать гдѣ только можно новыя свѣдѣнія, Поссевинъ разузналъ отъ Венгерскаго канцлера Перштейна, что въ Прагѣ не были довольны русскими, которые упорно настаивали на союзѣ противъ турокъ. У Австріи были въ то время иныя заботы, и отвѣтъ на предложеніе царя былъ отложенъ до болѣе удобнаго времени. Золотая цѣпь стоимостью въ сто флориновъ, подаренная Шавригину, была слабымъ вознагражденіемъ за неудачу его дипломатическаго порученія. Что касается аудіенціи у императора, которая была главною цѣлью поѣздки Поссевина въ Прагу, то онъ ея не получилъ; Рудольфъ, поглощенный астрономическими наблюденіями, избѣгалъ общества.

Скоро пришлось подумать объ отъѣздѣ. Шавригинъ, желая избѣгнуть польскихъ провинцій и сберечь деньги, поѣхалъ на Любекъ, а Поссевинъ, въ сопровожденіи четырехъ іезуитовъ, двинулся черезъ Польшу.

Дипломатическая кампанія, предпринятая въ Римѣ и Прагѣ, не остановила хода событій на театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ счастье по-прежнему благопріятствовало полякамъ. Продолжая свое побѣдоносное шествіе, Баторій овладѣлъ Велижемъ и нѣкоторыми другими крѣпостями въ бассейнѣ Двины. Чтобы добраться до Великихъ Лукъ, пришлось прокладывать себѣ съ топоромъ въ рукахъ путь чрезъ дремучіе лѣса и сооружать наскоро мосты чрезъ болота. Послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, которые истомили бы менѣе выносливое войско, поляки подошли къ неприступной крѣпости. Можно было ожидать энергическаго сопротивленія, такъ какъ русскіе, менѣе искусные и менѣе стойкіе въ

открытомъ полѣ, защищались за крѣпостными стѣнами всегда до послѣдней возможности.

27-го августа (5-го сентября) 1580 г. пожаръ, причиненный взрывомъ пороховаго погреба, пришелъ на помощь осаждающимъ; воспользовавшись имъ, поляки пошли на приступъ и овладѣли пылающими развалинами. Не смотря на приказаніе Баторія, всѣ жители Великихъ Лукъ были перебиты.

Въ то время какъ обѣ воюющія стороны сражались съ такимъ ожесточеніемъ, изъ Рима раздался голосъ, призывавшій ихъ къ миру.

Надобно замѣтить, что Польша смотрѣла не особенно благосклонно на сношенія, происходившія между Римомъ и Москвою. Сигизмундъ Августъ ни разу не позволилъ папскому нунцію проѣхать въ Москву черезъ свои владѣнія; Баторій поступилъ въ предъидущемъ году точно такъ же. Что же могло повліять на него, что заставило его внезапно измѣнить свою политику?

Безъ сомнѣнія, никто не слѣдилъ въ Европѣ такъ внимательно за Шавригинымъ, какъ Баторій; его посланники сообщали ему о немъ малѣйшія подробности. 2-го февраля 1581 года король завелъ о немъ рѣчь съ нунціемъ Калигари и заявилъ, что онъ готовъ опровергнуть клеветы, которыя москвитяне, по его словамъ, навѣрно распустятъ на его счетъ. Сообщая объ этомъ папѣ, Калигари писалъ, что онъ болѣе заботится о будущемъ, нежели о настоящемъ. Предвидя, что въ Россію будетъ посланъ Поссевинъ, онъ писалъ: «лишь бы между нами установились сношенія, мы будемъ дѣйствовать такъ, что въ этой странѣ двери откроются для истины». Затѣмъ этотъ вопросъ обсуждался неоднократно между Баторіемъ и Калигари.

Въ глубинѣ души Баторій былъ доволенъ шагомъ, сдѣланнымъ Іоанномъ, такъ какъ онъ изобличалъ его слабость и былъ, очевидно, предвѣстникомъ мира, котораго сеймъ страстно желалъ. Но питая надежду на міръ, Баторій не прекращалъ своихъ вооруженій. «Я не отступлю ни на шагъ», сказалъ онъ нунцію. Какъ только папою было обѣщано содѣйствіе Шавригину, нунцію Калигари было сообщено объ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ему было поручено получить паспорты для проѣзда русскихъ и Поссевина чрезъ Польшу.

Просьба эта объяснялась желаніемъ избавить путешественниковъ отъ необходимости ѣхать моремъ; въ сущности, папа хотѣлъ этимъ расположить Баторія къ своей новой политикѣ и заставить его косвенно принять свое посредничество.

При этомъ Григорій XIII велѣлъ успокоить Баторія относительно того, что его побѣдоносное шествіе на Москву не будетъ остановлено, и что если начнутся переговоры, то содѣйствіе его, папы, обезпечено королю; ему сулили даже увеличеніе его владѣній. «Обстоятельства

благопріятствуютъ рѣшенію Восточнаго вопроса,—говорилось въ депешѣ изъ Рима,—Турецкая имперія обречена на погибель, а Валахія находится на границѣ Польши» и слѣдовательно легко можетъ быть присоединена къ ней.

Этой депешей возлагалось на нунція Калигари весьма щекотливое порученіе, не особенно подходившее къ нему по его природнымъ дарованіямъ. Человѣкъ не далекаго ума, мало предпріимчивый, не стремившійся расширить своихъ свѣдѣній, онъ не съумѣлъ завоевать себѣ виднаго положенія среди гордыхъ польскихъ магнатовъ; былъ въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ со всемогущимъ Замойскимъ и не пользовался никакимъ вліяніемъ у Баторія. Посылка въ Москву Поссевина была для него непріятна; онъ самъ имѣлъ право разсчитывать на это назначеніе, которое казалось ему блестящимъ и не труднымъ. Тѣмъ не менѣе онъ принялъ дѣло близко къ сердцу и не пожертвовалъ общественными интересами ради личныхъ счетовъ.

Его хлопоты увѣнчались успѣхомъ. 29-го апрѣля онъ изложилъ королю свою просьбу письменно и затѣмъ отправился на свиданіе съ нимъ въ Вильно, но уже по пути получилъ отвѣтъ короля и желаемые паспорты; Баторій, не заблуждаясь на счетъ истинныхъ цѣлей Іоанна, хотѣлъ выказать этимъ свое уваженіе къ папѣ. Это было сдѣлано весьма ловко, ибо въ то время какъ Шавригинъ хлопоталъ въ Римѣ о посредничествѣ со стороны папы, другіе русскіе посланцы, предлагавшіе королю всю Ливонію, за исключеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей, отказались мало-по-малу отъ этого условія и завели рѣчь о свиданіи короля съ Іоанномъ.

Поэтому Баторій полагалъ, что либо миръ будетъ заключенъ съ уступкою Ливоніи, и въ такомъ случаѣ посылка Поссевина въ Москву сама собою сдѣлается излишней; либо возникнутъ новыя осложненія, и тогда посредничество папы могло быть полезно, ибо Баторій, не смотря на одержанныя имъ побѣды, былъ не прочь заключить миръ; побѣды обошлись ему не дешево, убыль, происшедшую въ войскѣ, пополнить было трудно, а сеймъ желалъ какъ можно скорѣе уменьшить чрезвычайные расходы, вызванные войною.

Король скоро раскаялся въ поспѣшности, съ какою онъ исполнилъ просьбу относительно паспортовъ; ему представили въ ложномъ свѣтѣ участіе кардинала Мадруччи въ дѣлѣ Шавригина и остановку Поссевина въ Венеціи, Грацѣ, Вѣнѣ и Прагѣ; этого было достаточно для Баторія, чтобы подумать, что императоръ Рудольфъ строилъ противъ него козни. Кромѣ того зная, какъ враждебно относился Іоаннъ къ католической церкви, онъ не могъ понять, какимъ образомъ возникли надежды на успѣшную проповѣдь католицизма въ Московскомъ государствѣ. Его подозрѣнія усилились, когда онъ узналъ, что Шавригинъ не поѣхалъ

черезъ Польшу, а избралъ благоразумно путь на Любекъ. Онъ отдалъ строгое приказаніе во что бы то ни стало задержать его по пути, но опытный гонецъ не мѣшкалъ, и догнать его не удалось.

Поэтому не удивительно, что когда нунцій Калигари пріѣхалъ въ Вильно, то первая аудіенція его у Стефана Баторія была довольно бурная.

Сообщивъ нунцію о ходѣ военныхъ дѣлъ, Баторій жаловался на своихъ враговъ и на ихъ интриги, выразилъ сожалѣніе по поводу выдачи паспортовъ и заявилъ, что впредь будетъ дѣйствовать осторожнѣе.

Къ Поссевину Баторій выразилъ полное недовѣріе и, считая его преданнымъ русскимъ, хотѣлъ, для наблюденія за нимъ, приставить къ нему переводчика въ видѣ шпіона.

Но когда іезуитъ пріѣхалъ, то къ великому удивленію нунція, который надѣялся руководить имъ и покровительствовать ему, оказалось, что онъ не только не нуждался въ его покровительствѣ, но быстро и довольно успѣшно обдѣлалъ все дѣло одинъ.

Въ три дня онъ успѣлъ подружиться съ Замойскимъ, съ которымъ онъ составлялъ вмѣстѣ донесенія въ Римъ.

Когда, 8-го (17-го) іюня, состоялась наконецъ оффиціальная аудіенція Поссевина у Баторія, то іезуитъ, въ искусно импровизированной рѣчи, настаивалъ на томъ, что, посылая его въ Москву, папа имѣлъ въ виду главнымъ образомъ обезпечить торжество католической церкви въ Ливоніи и подготовить почву къ религіозному сближенію съ Москвою. Чтобы разсѣять всякія подозрѣнія короля, Поссевинъ изъявилъ согласіе взять съ собою такихъ спутниковъ и такихъ переводчиковъ, какихъ пожелаетъ Баторій.

Рѣчь Поссевина произвела на короля сильное впечатлѣніе; она разсѣяла составленное имъ ошибочное мнѣніе, что Шавригинъ былъ посланъ въ Римъ не Іоанномъ, а императоромъ Рудольфомъ.

Изложивъ въ своей отвѣтной рѣчи причины своей распри съ Москвою и ходъ военныхъ дѣйствій, король сказалъ:

— Пушкинъ, посланникъ Іоанна, пріѣхалъ просить мира и предлагаетъ за исключеніемъ Нарвы всю Ливонію и небольшое военное вознагражденіе, съ условіемъ, что ему будутъ возвращены Великіе Луки и двѣ другія крѣпости.

Для выясненія этихъ вопросовъ къ Іоанну было отправлено два посланца, и при данныхъ обстоятельствахъ король не считалъ возможнымъ предпринять что-либо, не получивъ отвѣта изъ Кремля. Собираясь ѣхать въ Дисну, крѣпость, расположенную при впаденіи Десны въ Двину, онъ предложилъ Поссевину сопровождать его съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ надобности, отправиться въ Москву черезъ Великіе Луки, вмѣсто обычнаго пути на Смоленскъ.

По желанію короля путешествіе изъ Вильны въ Дисну совершилось въ обществѣ Замойскаго. Ѣхали медленно, цѣлыхъ девять дней, и въ

это время между могущественнымъ канцлеромъ и іезуитомъ установились весьма близкія отношенія.

Для Поссевина это было чрезвычайно важно. Замойскій, ревностный патріотъ, былъ другомъ и совѣтникомъ Баторія; снискать его довѣріе было равносильно получить довѣріе короля и многочисленной и вліятельной королевской партіи. Поссевинъ вскорѣ убѣдился въ этомъ: король становился съ нимъ все болѣе и болѣе сообщителенъ и благосклоненъ. Одна бесѣда его съ королемъ была тому блестящимъ доказательствомъ.

Это было въ Диснѣ; 26-го іюня (5-го іюля), по настоятельной просьбѣ Поссевина, онъ согласился познакомиться съ граматой папы къ Іоанну. Завязалась бесѣда. Король говорилъ между прочимъ о Полоцкой коллегіи, основанной имъ, и которая была предметомъ его особенныхъ заботъ, затѣмъ о Германіи, о Рудольфѣ II, о Богеміи, наконецъ, о Москвѣ и о Восточномъ вопросѣ съ точки зрѣнія славянства. Хотя московскій царь выступалъ въ роли освободителя христіанскаго міра, но Баторій полагалъ, что Іоаннъ не предприметъ ничего противъ турокъ, отъ которыхъ его отдѣляли громадныя степи, и по пути къ которымъ находились враждебные ему крымскіе татары. Единственный слабый пунктъ Турціи представлялъ, по мнѣнію Баторія, Азовъ, имѣвшій чрезвычайно важное стратегическое значеніе. Любопытно, что Стефанъ Баторій, какъ прозорливый полководецъ, намѣтилъ этими словами планъ кампаніи, который впослѣдствіи безуспѣшно пытался осуществить Василій Голицынъ въ правленіе Софьи и который былъ выполненъ Петромъ I, утвердившимся такимъ образомъ на берегахъ Чернаго моря.

Пока въ Диснѣ ожидали отвѣта изъ Москвы, тамъ появился одинъ флорентійскій купецъ, по имени Джіованни Тедальди. Ему было 78 лѣтъ, онъ давно уже уѣхалъ изъ отечества и между прочимъ провелъ три года въ Москвѣ, посѣтилъ Астрахань, Грузію, Персію и наконецъ поселился въ Данцигѣ. Это былъ человѣкъ богатый опытомъ, и Поссевинъ, со своимъ обычнымъ умѣньемъ, узналъ отъ него не мало интересовавшихъ его новостей.

По словамъ Тедальди, онъ долго не рѣшался ѣхать въ Москву, но воевода полоцкій Станиславъ Довойна разсѣялъ его страхъ относительно жестокости Іоанна.

Дѣйствительность оправдала его слова.

Царь принялъ Тедальди какъ нельзя болѣе милостиво, и ему было дозволено нѣсколько разъ уѣзжать изъ Москвы и возвращаться туда; поэтому Тедальди принадлежитъ къ числу весьма немногихъ современниковъ Іоанна, которые отзываются о немъ съ похвалою.

Въ одно изъ своихъ свиданій съ Тедальди царь предложилъ ему вопросъ, какого мнѣнія о немъ «христіане», на что ловкій флоренти-

нецъ отвѣчалъ, что его считаютъ великимъ монархомъ; а когда Іоаннъ сталъ настаивать, чтобы онъ высказался опредѣленнѣе, то онъ сказалъ, что царю ставятъ въ вину его жестокость.

— Я жестокъ,—отвѣчалъ Іоаннъ,—по отношенію къ злымъ людямъ, но не по отношенію къ добрымъ.

Это былъ его обычный отвѣтъ на подобнаго рода обвиненія.

Когда разговоръ коснулся иностранцевъ, съ коими обращались въ Москвѣ, какъ съ плѣнными, то Іоаннъ сказалъ:

— Если я ихъ отпущу, то мой дорогой братъ Сигизмундъ (это было около 1551 г.) не впуститъ ихъ обратно въ Польшу.

Мало-по-малу, становясь откровеннѣе, Іоаннъ показалъ Тедальди письма Климента VII къ Василію III и сказалъ, что онъ принялъ бы папскихъ посланцевъ съ большою готовностью.

Іоаннъ прекрасно понималъ выгоды сношеній съ западными державами и былъ не прочь ими воспользоваться.

Бесѣда Поссевина съ Тедальди коснулась между прочимъ только-что передъ тѣмъ появившагося сочиненія Гваньини (Guagnini), уроженца Вероны, который писалъ о Москвѣ. По отзыву Тедальди, многіе факты, приводимые имъ, были преувеличены, и оцѣнка ихъ невѣрна. Такъ напр. все, что Гваньини говорилъ о преслѣдованіи евреевъ въ Московскомъ государствѣ, было невѣрно; въ сущности имъ было воспрещено только торговать, при томъ эта мѣра была вызвана слѣдующимъ довольно оригинальнымъ случаемъ.

Нѣкто Адріанъ, полякъ, торговавшій въ Москвѣ, желая отдѣлаться отъ конкуренціи евреевъ, выдумалъ провезти въ тюкѣ одного еврея мумію и затѣмъ предупредилъ властей, что еврей везетъ контрабанду. Велико было всеобщее изумленіе, когда увидѣли этотъ странный трупъ. Самъ царь не зналъ, какъ отнестись къ этому факту. Виновникъ этой продѣлки, бывъ спрошенъ, заявилъ, что этими чудовищами околдовываютъ людей. Услыхавъ это, Іоаннъ пришелъ въ бѣшенство и хотѣлъ отдать повелѣніе перевѣшать всѣхъ жидовъ, но Адріанъ убѣдилъ его, что достаточно конфисковать ихъ товары и воспретить имъ торговлю, а самъ радовался тому, что благодаря этой хитрости онъ навсегда скомпрометтировалъ своихъ соперниковъ.

Поссевинъ, какъ человѣкъ ловкій, старался разузнать у Тедальди разныя мелочи, даже о томъ, какой цвѣтъ и покрой надобно было соблюдать въ Москвѣ въ одеждѣ. Тедальди успокоилъ его на счетъ чернаго цвѣта, но настаивалъ на томъ, что платье должно быть длинное, восточнаго покроя; короткое платье, какія носили въ Италіи, и высокіе шелковые чулки, плотно обрисовывавшіе икры, могли, по его словамъ, произвести самое неблагопріятное впечатлѣніе при дворѣ строгаго и богобоязненнаго царя.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Просьба француза Виста перемѣнить свою фамилію и именоваться Безсоновымъ.

Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Правительствующему Сенату.

22-го марта 1829 г. № 2873.

Г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ мнѣ, что учитель французскаго языка Екатеринославской гимназіи Александръ де-Висто, въ присланномъ къ нему чрезъ начальство Харьковскаго учебнаго округа прошеніи на высочайшее имя изъяснилъ, что, бывъ подданнымъ Франціи, служилъ онъ во французской арміи и, во время вторженія непріятеля въ предѣлы Россіи, взятъ былъ въ плѣнъ и отведенъ во внутреннія губерніи, потомъ въ 1814-мъ году учинилъ присягу на вѣчное подданство Россіи, и изучась русскому языку, въ 1823-мъ году вступилъ въ службу учителемъ въ сказанную гимназію и по внутреннему убѣжденію совѣсти, принялъ православное грекороссійское исповѣданіе въ февралѣ мѣсяцѣ 1825 года, а впослѣдствіи сочетался бракомъ съ дочерью дворянина Черняка. Чувствуя въ полной мѣрѣ попеченія его императорскаго величества о благѣ вѣрноподданныхъ и почитая особеннымъ счастіемъ и честію быть русскимъ именемъ и дѣломъ, онъ пожелалъ перемѣнить фамилію французскую на фамилію русскаго значенія и потому просилъ дозволить ему принять съ нисходящимъ отъ него потомствомъ фамилію Безсоновъ.

О семъ онъ, г. министръ народнаго просвѣщенія, вносилъ записку въ Комитетъ гг. министровъ, который выпискою изъ журналовъ своихъ 26-го февраля и 12-го марта далъ ему знать, что, не находя препятствія удовлетворить просьбу учителя де-Висто, полагалъ дозволить ему съ нисходящимъ отъ него потомствомъ именоваться, вмѣсто нынѣшней его фамиліи, фамиліею Безсоновъ, но съ такимъ ограниченіемъ, что чрезъ сіе не предоставляется ему никакихъ правъ и преимуществъ по роду и наслѣдію въ фамиліи другихъ Безсоновыхъ, а въ засѣданіи 12-го марта объявлено Комитету, что государь императоръ положеніе сіе высочайше утвердить соизволилъ.

О таковомъ высочайшемъ повелѣніи я имѣю честь предложить Прав. Сенату для зависящаго къ исполненію онаго распоряженія.

Сообщ. Г. К. Рѣпинскій.

КНЯГИНЯ Д. Х. ЛИВЕНЪ

и ея переписка съ разными лицами[1].

I.

Рожденіе, юность и выходъ въ замужество.—Жизнь въ Берлинѣ и Лондонѣ.—Положеніе, занятое княгинею среди лондонскаго общества.—Пребываніе въ Англіи великаго князя Николая Павловича.—Поѣздка княгини Ливенъ въ Ахенъ во время конгресса.—Встрѣча съ Меттернихомъ и ея послѣдствія.—Пребываніе въ Веронѣ въ 1822 году.—Заявленіе англійскаго короля парламенту объ отклоненіи нѣкоторыхъ постановленій Веронскаго конгресса.—Посылка въ Лондонъ гр. Ожаровскаго благодарить короля за посредничество въ разрѣшеніи греческаго вопроса.—Положеніе императора Александра I въ Европѣ и впечатлѣніе, произведенное его кончиною.—Мнѣніе иностранцевъ о первыхъ дняхъ царствованія императора Николая I.

Дарья Христофоровна Ливенъ родилась 17-го декабря 1785 г. въ Ригѣ, гдѣ ея отецъ, генералъ-отъ-инфантеріи Христоферъ Ивановичъ Бенкендорфъ былъ военнымъ губернаторомъ. Ея мать, рожденная баронесса Анна-Юліанна Шеллингъ фонъ-Канштадтъ, была другомъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Скончавшись въ 1797 г., она оставила двухъ сыновей и двухъ дочерей на попеченіе императрицы, которая заботилась о нихъ до самой смерти своей, обезпечивъ ихъ матеріально, дала приданое дочерямъ и, въ свою очередь, просила императора въ

[1]) Letters of Dorothea, princess Lieven, during her residence in London 1812—1834. Edited by Lionel G. Robinson. London 1902.

La princess de Lieven Ernest Daudet. „Revue des deux Mondes“. Paris. 15 Septebre 1901.

Изъ переписки княгини Ливенъ съ графомъ Греемъ. В. Н. Александренко. „Варш. Унив. Изв.“ 1891. № 4.

своемъ завѣщаніи оказать покровительство четыремъ дѣтямъ особы, которая была «ея ближайшимъ другомъ и память которой была ей всегда дорога».

Старшая изъ дочерей Бенкендорф, баронесса Марія Христофоровна, вышла замужъ за ген.-лейт. Шевича, а младшая, Дарья Христофоровна, окончивъ курсъ въ Смольномъ институтѣ, была пожалована въ 1799 г. во фрейлины, но уже въ слѣдующемъ году выдана императрицею замужъ за генералъ-лейтенанта князя Христофора Андреевича Ливена, который, не смотря на свой чинъ и на занимаемый имъ постъ, былъ всего на двѣнадцать лѣтъ старше своей жены. Впрочемъ, супруги составляли во всѣхъ отношеніяхъ полную противуположность.

Генералъ Ливенъ, точный и исполнительный по службѣ, былъ по отзыву всѣхъ современниковъ человѣкъ скучный, неинтересный, вполнѣ ничтожный, онъ стоялъ во всѣхъ отношеніяхъ несравненно ниже своей жены и безъ сомнѣнія обязанъ ей всей своей дипломатической карьерой.

Жена скоро оцѣнила его по достоинству, пріобрѣла надъ нимъ верхъ и руководила имъ во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

Въ 1809 г. княгиня Ливенъ послѣдовала за мужемъ въ Берлинъ, куда онъ былъ назначенъ посланникомъ. Придя въ соприкосновеніе съ государственными людьми и дипломатами, въ то время, когда политика и дипломатія были дѣломъ нелегкимъ, и столь же капризнымъ, какъ своенравенъ былъ человѣкъ, диктовавшій въ то время законы Европѣ, княгиня Д. Х. Ливенъ завоевала себѣ, въ двадцать шесть лѣтъ, репутацію женщины выдающагося ума и прекрасно ознакомленн съ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. Благодаря ей, мужъ преуспѣвалъ на новомъ поприщѣ, и посольство, во главѣ котораго онъ стоялъ и которымъ руководила его жена вмѣсто него, сдѣлалось вскорѣ однимъ изъ самыхъ видныхъ на материкѣ Европы.

Этотъ дипломатическій успѣхъ былъ причиною перемѣщенія кн. Ливена въ 1812 г. посланникомъ въ Англію. Война съ Наполеономъ только-что началась, и императоръ Александръ счелъ нужнымъ возобновить сношенія съ Англіей, прерванныя Тильзитскимъ миромъ; это было не трудно, такъ какъ англійскіе министры и лондонское общество были готовы привѣтствовать возвратъ дружественныхъ отношеній съ своими бывшими союзниками. Ливены были приняты въ Лондонѣ съ распростертыми объятіями.

Молодая женщина, отличавшаяся умѣніемъ вести домъ и быть гостепріимной хозяйкой, въ томъ возрастѣ, когда ея сверстницы нерѣдко сидятъ еще за класснымъ столомъ, имѣла полную возможность проявить въ Лондонѣ свои природныя способности и заняла вскорѣ выдающееся мѣсто среди дипломатическаго корпуса, соперничая только съ супругою австрійскаго посланника, княгинею Эстергази.

Англійскій дворъ былъ въ то время самымъ экцентричнымъ и распущеннымъ дворомъ въ Европѣ. Подъ именемъ короля Георга III, неизлѣчимо больнаго и впавшаго въ дѣтство, царствовалъ его сынъ, принцъ-регентъ, не пользовавшійся любовью подданныхъ, вслѣдствіе своей развратной жизни.

Онъ нѣсколько лѣтъ не жилъ со своей супругой, принцессой Каролиной Брауншвейгской, замѣнивъ ее фаворитками, сначала лэди Гертфордъ (Hertford), а затѣмъ лэди Конингамъ (Coningham). Чтобы оправдать ихъ присутствіе подлѣ себя, онъ приглашалъ зачастую во дворецъ дамъ дипломатическаго корпуса и чаще другихъ супругу русскаго посланника. Это послужило основаніемъ крайне неблагопріятныхъ толковъ, которые распространялись по поводу чуть не каждодневныхъ ея посѣщеній принца-регента, но эти слухи не имѣли никакого основанія.

По отзывамъ современниковъ, Д. Х. Ливенъ была женщина высокаго роста, очень худощавая, но искусно сшитыя платья скрывали до нѣкоторой степени ея худобу; въ обществѣ она была въ высшей степени привлекательна, говорила сжато и кратко, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, увлекательно, пикантно, подъ часъ шутливо, но всегда кстати. Она была первоклассная музыкантша, но не знала самыхъ элементарныхъ вещей, извѣстныхъ всякому школьнику.

По свидѣтельству лицъ, ее знавшихъ, ничто не могло сравниться съ прелестью и непринужденностью ея бесѣды, украшенной блестками самаго тонкаго остроумія, а ея письма были настоящія образцовыя произведенія; она была очень умна, проницательна и умѣла быть очаровательной, когда захочетъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ она была доброжелательна, но «нерѣдко блистала умомъ на счетъ другихъ», умѣя пользоваться ими; обладала удивительной способностью все понимать и все усвоивать, умѣла хранить тайны и могла быть вѣрнымъ и преданнымъ другомъ, но и сама много требовала отъ дружбы».

Талейранъ, встрѣчавшійся съ княгинею Ливенъ въ Лондонѣ послѣ 1830 г., отзывается о ней въ своихъ мемуарахъ такъ:

«У нея много врожденнаго ума, но она мало образована, впрочемъ она пишетъ восхитительно, характеръ у нея повелительный, она некрасива, но держится съ большимъ достоинствомъ. Удивительно, что при живомъ, пытливомъ умѣ и богатыхъ способностяхъ, Ливенъ не имѣла ни малѣйшаго влеченія къ чтенію, не любила отвлеченныхъ споровъ и бесѣдъ о литературѣ, за то чрезвычайно интересовалась всѣми вопросами политики, всѣми злобами дня. Обладая ненасытимою жаждою новостей, она весьма естественно не любила уединенія, постоянно искала общества—она принимала у себя каждый вечеръ. Личныя качества и свѣтское воспитаніе помогли ей быстро завоевать симпатіи высшаго англійскаго общества и освоиться съ нимъ.

«Въ скоромъ времени послѣ своего прибытія въ Англію, она могла считать въ числѣ своихъ поклонниковъ многихъ выдающихся государственныхъ людей; и ей удалось сблизиться съ выдающимися представителями важнѣйшихъ политическихъ партій».

Ея салонъ сдѣлался центромъ политической дѣятельности и интригъ; въ немъ принимали съ одинаковымъ радушіемъ министровъ и членовъ оппозиціи.

Кажется, никогда еще личныя чувства и интересы не играли столь видной роли въ политикѣ, какъ во время пребыванія князя Ливена посломъ въ Лондонѣ. Греческій, португальскій и бельгійскій вопросы, возникшіе вслѣдствіе народнаго движенія, которое началось въ этихъ странахъ, волновали умы и были предметомъ оживленныхъ толковъ въ дипломатическомъ мірѣ.

Въ этихъ толкахъ принимала живое участіе «русская посланница». Не примкнувъ ни къ какой партіи, она старалась воспользоваться тѣми орудіями, которыя находились у нея подъ рукою, чтобы дѣйствовать на пользу своей страны. Она была готова дѣйствовать заодно съ Каннингомъ, такъ какъ онъ поддерживалъ виды Россіи относительно Греціи и не довѣрялъ Турціи; а послѣ его смерти она всячески старалась поколебать вліяніе герцога Веллингтона на короля и его партію и пользовалась всякимъ случаемъ, чтобы возстановить противъ него Георга IV.

Неудивительно, что все это, вмѣстѣ взятое, создало ей репутацію интриганки.

«Я вполнѣ увѣренъ,—писалъ о ней герцогъ Веллингтонъ,—что эта дама готова причинить нашей странѣ всевозможное зло, въ признательность за доброту и любезность, съ какою здѣсь относились къ ней во время ея многолѣтняго пребыванія въ Англіи» [1]).

Мѣсяцъ спустя онъ писалъ тому же лицу: «Никто лучше меня не знаетъ той дамы, о которой вы упоминаете; она способна обмануть всякаго и обманетъ всякаго, если это будетъ соотвѣтствовать ея цѣлямъ» [2]).

Лордъ Пальмерстонъ отзывался о ней въ томъ же духѣ въ своихъ письмахъ къ брату, Вилліаму Тэмплю, бывшему одно время повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Петербургѣ. Она хорошо знала, какой опасности она подвергала свою репутацію.

Въ число ея обязанностей входило писать еженедѣльно вдовствующей императрицѣ и сообщать ей всѣ новости и всѣ сплетни, ходившія при англійскомъ дворѣ; весьма возможно, что многіе изъ ея мѣткихъ и быть можетъ не особенно лестныхъ отзывовъ объ англичанахъ повто-

---

[1]) Письмо къ T. Raikes, отъ 23-го ноября 1840 г.

[2]) Тоже отъ 23-го декабря 1840 г.

рялись въ Петербургѣ и возвращались обратно въ Англію, изукрашенные и искаженные, какъ всякая сплетня. Кромѣ того, послѣ конгресса въ Веронѣ (1822 г.) княгиня Ливенъ вела постоянную переписку съ графомъ Нессельроде, и онъ слѣдилъ по ея письмамъ за настроеніемъ общественнаго мнѣнія въ Англіи и взглядами ея политическихъ дѣятелей. Аккуратныя и кропотливыя донесенія князя Ливена не могли бы служить руководящей нитью русской дипломатіи, если бы ихъ не дополняла его жена, давая въ своихъ письмахъ болѣе тонкую оцѣнку событій и людей, стоявшихъ во главѣ англійскаго министерства и оппозиціи.

Что касается отзывовъ княгини Ливенъ о государственныхъ людяхъ Англіи, то надобно замѣтить, что на нихъ вліяло обыкновенно то обстоятельство, какъ высоко стояла въ данное время извѣстная личность во мнѣніи общества и насколько прочно было ея политическое положеніе. Эту характерную особенность посланницы можно прослѣдить въ оставленной ею обширной перепискѣ. Она любила писать, писала интересно, и въ своихъ письмахъ, не предназначавшихся для печати и поэтому писанныхъ откровенно, касалась всевозможныхъ вопросовъ, такъ или иначе волновавшихъ политическій міръ; поэтому понятенъ интересъ, какой представляютъ эти письма не только для характеристики ея личности, но и для изученія эпохи.

Что касается роли, которую княгиня Ливенъ играла въ Англіи при дворѣ и въ дипломатическомъ мірѣ, то надобно замѣтить, что она не представляла въ этомъ отношеніи исключительнаго явленія, ибо въ то время, когда еще не существовало телеграфа, личныя качества посланниковъ имѣли несравненно болѣе значенія, нежели теперь, и ихъ жены принимали нерѣдко видное участіе въ дѣятельности своихъ мужей.

Переписка княгини Ливенъ представляетъ собою поразительное доказательство перемѣны, происшедшей въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ въ положеніи представителей иностранныхъ державъ при великобританскомъ дворѣ и въ средѣ лондонскаго общества. Въ царствованіе Георга IV и Вильгельма IV иностранные представители Россіи, Австріи, Франціи и Пруссіи жили въ близкихъ отношеніяхъ къ этимъ государямъ и составляли при дворѣ ихъ излюбленное общество. Они занимали тамъ равное мѣсто со старинными фамиліями, пользовавшимися въ странѣ наибольшимъ почетомъ и вліяніемъ, и въ свою очередь сами составляли часть той замкнутой аристократіи, господство которой въ настоящее время составляетъ достояніе историческаго прошлаго. Отсюда понятно, почему извѣстнѣйшіе представители старыхъ аристократическихъ фамилій, поперемѣнно смѣнявшіеся у кормила государственнаго правленія, охотно завязывали связи съ представителями тогдашней дипломатіи, дорожили ихъ мнѣніемъ, какъ лицъ, стоявшихъ

внѣ борьбы политическихъ партій, хотя и внимательно слѣдившихъ за ея ходомъ и результатами.

И такъ Ливены, какъ свидѣтельствуютъ письма Дарьи Христофоровны, встрѣтили въ Лондонѣ самый радушный пріемъ; не было празднества и увеселенія, въ которомъ они не принимали бы участія.

Любопытно, какое впечатлѣніе произвела на молодую женщину Англія и какъ она чувствовала себя на первыхъ порахъ въ чуждой ей странѣ, среди общества, во многомъ отличавшагося отъ того, какое она встрѣчала въ Петербургѣ и Берлинѣ.

Отвѣтъ на это мы находимъ въ одномъ изъ ея писемъ къ А. Х. Бенкендорфу. Говоря о своемъ препровожденіи времени и описывая брату свои впечатлѣнія спустя нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, княгиня Ливенъ пишетъ [1]):

«Прекрасная Англія однообразна, эта безконечная цѣпь совершенствъ, которыя говорятъ уму, но не трогаютъ воображенія. Мѣсяца два можно быть очарованной этой страною, такъ какъ вначалѣ все кажется прекрасно и столь необычно, что по неволѣ всѣмъ восторгаешься, но когда все перевидѣлъ и устанешь удивляться, то захочется чувствовать, Англія же не есть страна, которая говорила бы чувству».

Восторженная поклонница императора Александра I, душою вполнѣ преданная Россіи, Дарья Христофоровна всѣмъ сердцемъ радовалась славному окончанію войны 1812 г. и побѣдоносному шествію русскихъ войскъ «отъ Москвы до береговъ Эльбы» и восхищалась умѣренностью, выказанною императоромъ послѣ столькихъ побѣдъ.

«Это ставитъ императора выше всѣхъ его предшественниковъ на престолѣ, какъ бы ни было достойно ихъ царствованіе, и Европа счастлива тѣмъ, что ея судьба находится въ рукахъ Александра».

«Императоръ великолѣпенъ,—читаемъ въ другомъ письмѣ [2]),—я могу засвидѣтельствовать, что всѣ восхищаются имъ; умѣренность хорошо согласуется съ могуществомъ. Его слава вполнѣ упрочена.

Я содрогаюсь при мысли, что бѣдный Моро [3]) раненъ подлѣ императора. Императоръ не долженъ забывать, что спасеніе міра зависитъ въ настоящее время отъ его жизни. Если бы онъ вполнѣ сознавалъ это, то онъ не подвергалъ бы себя опасности».

---

[1]) Письмо изъ Лондона отъ 6-го апрѣля 1813 г.

[2]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу отъ 16-го (28-го) сентября 1813 г.

[3]) Генералъ Моро, командовавшій съ отличіемъ французской арміею на Рейнѣ въ 1796 и 1799 г., участвовалъ впослѣдствіи въ заговорѣ противъ Наполеона и долженъ былъ удалиться въ Америку. Когда началась война 1812 г., онъ возвратился въ Европу и принялъ участіе въ походѣ союзной арміи. Въ битвѣ подъ Дрезденомъ, находясь верхомъ подлѣ императора Александра, онъ былъ смертельно раненъ ядромъ, пущеннымъ изъ батареи, которую направлялъ самъ Наполеонъ.

Въ числѣ русскихъ, съ которыми княгиня Ливенъ встрѣтилась въ Лондонѣ вскорѣ послѣ войны, она упоминаетъ особенно сочувственно о Маріи Антоновнѣ Нарышкиной и отмѣчаетъ успѣхъ, который имѣла Нарышкина въ тамошнемъ обществѣ, не столько по своей красотѣ, сколько по причинѣ своего привѣтливаго и любезнаго обхожденія. Ею чрезвычайно увлекался принцъ-регентъ, отзывавшійся о ней въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. «Я нахожу ее очень милой, писала Ливенъ [1]). Такъ какъ я всегда готова сойтись со всѣми русскими, которые выразятъ къ тому малѣйшее желаніе, то мы очень быстро сблизились съ нею, и я нахожу, что она много выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ; она очень тактична, разсудительна, безъ всякихъ претензій и очень сговорчива, умѣетъ ко всему приноровиться и благоразумна во всѣхъ отношеніяхъ».

Въ исходѣ 1816 года посѣтилъ Лондонъ великій князь Николай Павловичъ, путешествовавшій по Европѣ. «Онъ всѣмъ нравится,—поспѣшила сообщить княгиня Ливенъ А. Х. Бенкендорфу [2]),—и по истинѣ очаровательнъ; единственный его недостатокъ—это пристрастіе къ мундирамъ, но я упоминаю объ этомъ только для того, чтобы показать. что въ людяхъ не можетъ быть совершенства.

«Онъ находится въ наилучшихъ отношеніяхъ съ принцемъ-регентомъ, и это надобно приписать всецѣло великому князю, ибо онъ очаровываетъ своимъ обхожденіемъ. Онъ имѣетъ даръ держать себя такъ, что всѣ чувствуютъ себя съ нимъ безъ стѣсненія, а это необходимо для того чтобы сдѣлать болѣе развязными натянутыхъ англичанъ. Съ женщинами онъ робокъ; но онъ одаренъ вкусомъ и ухаживаетъ за ними съ оттѣнкомъ почтительности. Вообще, великій князь имѣетъ успѣхъ въ обществѣ, и я этимъ горжусь; въ настоящее время онъ уѣхалъ въ Шотландію и вернется въ Лондонъ черезъ мѣсяцъ. Онъ далъ большой оффиціальный обѣдъ въ честь принца-регента, но онъ не любитъ обѣдовъ, предпочитая имъ вечернія собранія".

«Сюда (въ Лондонъ) возвратился (изъ Россіи) [3]) герцогъ Девонширскій; онъ въ восторгѣ отъ пріема, оказаннаго ему царской фамиліей, но не особенно доволенъ отношеніемъ прочихъ лицъ. Я понимаю, какъ это произошло; надъ нимъ смѣялись,—и напрасно, такъ какъ, не смотря на его сумрачный видъ, онъ очень уменъ и остроуменъ, и оказанный ему пріемъ дастъ англичанамъ плохое понятіе о любезности русскихъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы вмѣсто того, чтобы смѣяться надъ неловкостью иностранцевъ, вы бы не посылали за границу русскихъ, которые возбу-

[1]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу отъ 30-го октября 1816 г.
[2]) Письмо изъ Лондона отъ 1-го (13-го) декабря 1816 г.
[3]) Писано 12 го (26-го) ноября 1817 г.

ждаютъ здѣсь ненависть; я встрѣчала подобныхъ лицъ въ Парижѣ, и они вызывали мое негодованіе».

Въ 1818 г. состоялся, какъ извѣстно, конгрессъ въ Ахенѣ; въ числѣ дипломатовъ, бывшихъ на этомъ конгрессѣ, находился князь Ливенъ съ супругою.

Эта поѣздка имѣла въ ея личной жизни особо важное значеніе.

«Мы только-что вернулись изъ Ахена,—писала она брату изъ Лондона 3-го (15-го) января 1819 г. Мой мужъ въ восторгѣ отъ милости и довѣрія, оказанныхъ ему императоромъ, а я въ восторгѣ отъ всего видѣннаго. Ахенскій конгрессъ есть, безъ сомнѣнія, событіе, выдающееся по результатамъ, какіе оно будетъ имѣть, и весьма замѣчательное по тому, какъ просто и согласно обсуждалось на немъ столько важнѣйшихъ вопросовъ. Я, со своей стороны, сдѣлала нѣсколько интересныхъ знакомствъ, о которыхъ я всегда сохраню пріятное воспоминаніе.

«Вдовствующая императрица была, по обыкновенію, весьма милостива. Я увидѣла снова весь русскій дворъ, возобновила дружескія отношенія съ великимъ княземъ Константиномъ. Покончивъ съ конгрессомъ мы поѣхали освѣжиться въ Парижъ, гдѣ происходила въ это время ожесточенная борьба партій.

«Мы ожидаемъ Михаила Воронцова, онъ предполагаетъ провести въ Англіи полъ-года. Въ Парижѣ я видѣлась съ г-жею Нессельроде; это умная особа, съ которой весьма пріятно проводить время».

Въ Парижѣ было множество русскихъ. «Вся Россія говорила мнѣ о вашей женѣ, дорогой Александръ; всѣ находятъ ее очаровательной, умной, чувствительной—словомъ, приписываютъ ей всѣ качества, которыя могутъ составить ваше счастье».

Въ числѣ «интересныхъ знакомствъ», сдѣланныхъ княгинею Ливенъ въ Ахенѣ, о чемъ она упоминаетъ въ вышеприведенномъ письмѣ было одно, оставившее въ ея жизни глубокій слѣдъ. Она встрѣтилась на конгрессѣ съ Меттернихомъ. Между ними быстро завязались дружественныя отношенія, которыя перешли вскорѣ съ той и другой стороны въ глубокое чувство. Связь, которая завязалась въ Ахенѣ, поглотила ее всецѣло, составила горе и радость ея жизни и сдѣлала ее нечувствительной ко вниманію окружающихъ.

Въ февралѣ 1819 г. англичанинъ Древиль, видавшій княгиню Ливенъ въ Лондонѣ, записалъ о ней въ своемъ дневникѣ, что она глубоко разочарована (blasé) и что ее снѣдаетъ тоска.

Въ это время, мѣсяцъ спустя по возвращеніи изъ Ахена въ Лондонъ, она дѣйствительно жестоко скучала и не могла примириться съ мыслію о разлукѣ съ Меттернихомъ.

Нѣсколько строкъ, писанныхъ ею Меттерниху 30-го октября, изъ

замка Мадлетонъ, гдѣ она гостила у лэди Джерси, вполнѣ объясняютъ причину ея тоски.

«... Ничто не приноситъ мнѣ такую пользу, какъ путешествіе, пишетъ она. Я чувствую себя сегодня вечеромъ прекрасно, потому что я проѣхала семьдесятъ миль. Если бы я проѣзжала по столько же каждый день, то я была бы скоро подлѣ тебя. Но, другъ мой, не смотря на все мое стараніе, я должна остаться тутъ. Скажи мнѣ, что будетъ съ нами далѣе? Можешь ли ты примириться съ мыслію о дальнѣйшей разлукѣ? и если мы примирились съ этой мыслью въ 1819 г., считаешь ли ты это возможнымъ въ 1820 году? Скажи мнѣ, Клементій, что будетъ съ нами? Думалъ ли ты объ этомъ?

«Я должна быть тутъ! Что будетъ съ нами»? Эти слова, вырвавшіяся изъ глубины души, объясняютъ причину ея тоски, и ея мрачное настроеніе объясняется всецѣло той душевной мукой, которую она испытывала въ это время. Разлука съ Меттернихомъ была для нея тяжкимъ испытаніемъ; хотя онъ и писалъ ей: «Я люблю тебя въ Карлсбадѣ не менѣе, чѣмъ у подошвы Везувія, у развалинъ Пестума и въ Елисейскихъ поляхъ», но она не могла помириться съ необходимостью жить вдали отъ него

Ея отношенія къ Меттерниху, начавшіяся въ томъ возрастѣ, когда у нея уже не было иллюзій молодости (ей было уже 34 года), доставили ей болѣе горя, нежели радости.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1822 г. Ливенъ видѣлась съ нимъ послѣдній разъ.

«Я рада, что пріѣхала сюда,—писала Дарья Христофоровна брату (изъ Вероны 23-го октября 1822 г.). Мое любопытство вполнѣ удовлетворено; этотъ конгрессъ пожалуй самый любопытный изъ всѣхъ доселѣ бывшихъ. Какъ долго онъ продлится, пока неизвѣстно; говорятъ — недѣли четыре, но по моему мнѣнію этого будетъ мало. Мы не останемся по всей вѣроятности до конца, мужъ мой принимаетъ участіе въ засѣданіяхъ, очень занятъ, поэтому я сильно сомнѣваюсь, что намъ удастся увидѣть прелестную Италію.

«Здѣсь много русскихъ, дипломатовъ и другихъ лицъ; всѣ они смотрятъ на меня какъ на иностранку».

«Европа очень интересна [1]); кружокъ, въ которомъ я вращаюсь, даетъ мнѣ полную возможность удовлетворить мое любопытство и мои вкусы. Конгрессъ собирается каждый вечеръ у м е н я. Графъ Нессельроде и князь Меттернихъ просили меня о томъ, какъ объ удобствѣ для нихъ; и я нахожу это весьма пріятнымъ, ибо я сталкиваюсь такимъ образомъ ежедневно со всѣми людьми, выдающимися либо по роли, которую они играютъ въ Европѣ, либо по ихъ личнымъ качествамъ. Я и

[1]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу отъ 1-го дек. н. ст. 1822 г.

раньше знала князя Меттерниха, такъ какъ неоднократно имѣла случай встрѣчаться съ нимъ, но здѣсь я сошлась съ нимъ самымъ дружескимъ образомъ. У меня бываетъ также постоянно герцогъ Веллингтонъ, наиболѣе близкій изъ знакомыхъ мнѣ англичанъ. Эти двѣ звѣзды, на которыхъ приближенные императора косятся, совершенно лишаютъ меня общества моихъ соотечественниковъ, такъ что я вижу въ Веронѣ всю Европу, за исключеніемъ Россіи. Впрочемъ, надобно сдѣлать исключеніе относительно Нессельроде, который всегда остается истиннымъ джентльменомъ и относительно Поццо-ди-Борго и Татищева (русскій посланникъ въ Вѣнѣ), которые, какъ члены конгресса, бываютъ у меня ежедневно. Грустно видѣть, что тѣ, кои должны бы быть со мною въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ, удаляются отъ меня какъ отъ врага. Они смотрятъ на меня, какъ на англичанку, потому что я провела десять лѣтъ въ Англіи, и считаютъ меня преданной Австріи, потому что я вижусь ежедневно съ княземъ Меттернихомъ. Подобнаго рода заключенія, выведенныя безъ всякаго основательнаго къ тому повода, не дѣлаютъ особенной чести уму вашихъ коллегъ. Я имѣю основаніе думать, что императору хорошо извѣстно недоброжелательство, съ какимъ ко мнѣ относятся, и что онъ это не одобряетъ. Мнѣ извѣстно, что нѣкоторыя лица пытались вселить въ него предубѣжденіе противъ меня, но это имъ не удалось; онъ относится ко мнѣ весьма доброжелательно, и я льщу себя надеждою, что онъ вполнѣ меня понимаетъ. Что касается меня, то могу сказать, что я относилась къ русскимъ очень предупредительно, но они отвѣтили на всѣ мои любезности вышеописаннымъ образомъ».

Въ это время княгини Ливенъ начала тяготиться своимъ пребываніемъ въ Англіи и, желая быть ближе къ своему другу, мечтала о перемѣщеніи мужа въ Вѣну или хотя бы въ Парижъ; о чемъ она просила брата похлопотать со своей стороны.

«Въ исходѣ будущей недѣли всѣ разъѣзжаются изъ Вероны,—писала она брату 7-го декабря, — я буду скучать по Веронѣ, гдѣ я провела время весьма пріятно. Мы возвращаемся въ Лондонъ, надолго ли— неизвѣстно; вотъ уже десять лѣтъ, какъ мы тамъ живемъ постоянно, это черезчуръ долго. Я сказала графу Нессельроде, что по моему мнѣнію мы засидѣлись тамъ и были бы весьма благодарны, если бы онъ далъ намъ другое назначеніе, какъ только польза службы это дозволитъ. Выборъ, правда, невеликъ, ибо приходится выбирать между Парижемъ и Вѣною. Въ Вѣну ѣдетъ посланникомъ Татищевъ, человѣкъ весьма способный, а Поццо-ди-Борго великолѣпно исполняетъ свои обязанности въ Парижѣ.

«При свиданіи съ Нессельроде поговорите обо мнѣ. Онъ очень нравится мнѣ, и я вполнѣ ему довѣряю, какъ самому искреннему и предан-

ному другу. Мнѣ также очень нравится его жена, и я сожалѣю, что ея не было тутъ, это умная женщина»!

Пріѣхавъ съ конгресса въ Лондонъ, Ливенъ продолжала вести прежнюю жизнь, на взглядъ блестящую, но въ сущности пустую, свыкаясь мало-по-малу съ мыслію о разлукѣ съ любимымъ человѣкомъ и о томъ, что ихъ отношенія должны были прерваться, такъ какъ они не могли преодолѣть препятствій, которыя ихъ разъединяли.

Глубоко разочарованная, она часто не могла скрыть удручавшей ее тоски, стала озлоблена и раздражительна, что многіе несправедливо приписывали ея характеру, и старалась наполнить жизнь, еще пристальнѣе слѣдя за политикой. Въ это время вниманіе Европы приковывали весьма тревожныя событія: борьба Греціи съ Турціей, междоусобія въ Испаніи и во Франціи. Ливенъ внимательно слѣдила за ходомъ этихъ событій и за направленіемъ внѣшней политики Сентъ Джемскаго кабинета, коей руководилъ тогда талантливый Георгъ Каннингъ.

По открытіи сессіи англійскаго парламента въ 1823 г., король заявилъ въ своей тронной рѣчи, что онъ отклоняетъ отъ себя всякое участіе въ постановленіяхъ Веронскаго конгресса [1]), которыя могли бы имѣть характеръ вмѣшательства во внутреннія дѣла Испаніи со стороны иностранныхъ державъ, и что онъ употребитъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы успокоить раздраженіе, возникшее между Франціей и Испаніей, и предотвратить войну, которая могла бы возгорѣться между этими двумя державами. Во время оживленныхъ преній, вызванныхъ этой рѣчью, нѣкоторыми членами парламента были высказаны рѣзкія обвиненія противъ Россіи за ея стремленіе играть въ Европѣ руководящую роль и вмѣшиваться во внутреннія дѣла державъ.

«Первое засѣданіе парламента ознаменовалось весьма бурными преніями обѣихъ сторонъ,—писала княгиня Ливенъ брату, 2-го (14-го) февраля 1823 г., — т. е. на насъ (русскихъ) нападали со всѣхъ сторонъ. Браугамъ энергично нападалъ на правительство за то, что оно не съумѣло противустоять желанію Россіи вмѣшаться въ дѣла Испаніи. Но когда первый взрывъ негодованія прошелъ, то всѣ начали мало-по-малу успокоиваться, и я надѣюсь, что въ скоромъ времени всѣ благоразумные люди окончательно успокоятся. Матеріально, Англія можетъ только потерять въ случаѣ войны, а что касается нравственной стороны, то мысль быть поддержкою всѣхъ якобинцевъ въ Европѣ можетъ прельщать только радикаловъ».

«Англійская публика начинаетъ выказывать немного здраваго

---

[1]) Этотъ конгрессъ былъ созванъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ для обсужденія мѣръ, клонившихся къ прекращенію революціоннаго броженія въ Европѣ и въ особенности въ Испаніи.

смысла—писала она мѣсяцъ спустя [1]), и что̀ гораздо важнѣе—сознаетъ свои собственные интересы, которые имѣютъ всегда особенное значеніе въ глазахъ англичанъ. Они не истратятъ ни одного шиллинга на интересы испанцевъ, которымъ они посылаютъ столько добрыхъ пожеланій. Симпатіи публики несомнѣнно на сторонѣ испанцевъ, но самое большее, что̀ могло бы сдѣлать якобинское министерство—это обѣщать нейтралитетъ».

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1824 г. прибылъ въ Лондонъ графъ Ожаровскій, присланный императоромъ Александромъ I, чтобы выразить его благодарность англійскому королю Георгу III за посредничество въ рѣшеніи греческаго вопроса.

«Всѣ взоры пристально обращены къ Петербургу,—писала Ливенъ своему брату 19-го (31-го) декабря 1824 г.,—всѣ слѣдятъ за тѣмъ, что сдѣлаетъ императоръ. Надобно признаться, что онъ имѣетъ огромное вліяніе на Европу и что онъ высоко поднялъ значеніе Россіи.

«Всѣ прочіе интересы имѣютъ второстепенное значеніе по сравненію съ его волей, отъ которой зависитъ быть миру или войнѣ. Императора боятся, но вмѣстѣ съ тѣмъ это единственный монархъ, котораго дѣйствительно уважаютъ. Всѣ безъ исключенія считаютъ его самымъ глубокимъ политикомъ Европы; по сравненію съ нимъ всѣ прочіе знаменитости кажутся безцвѣтны».

Смерть отняла Александра у Россіи прежде, чѣмъ онъ успѣлъ покончить съ труднымъ греческимъ вопросомъ. Письма княгини Ливенъ къ графу Грею [2]), съ которымъ, незадолго передъ тѣмъ, у нея завязалась дружеская переписка, свидѣтельствуютъ о той глубокой скорби, съ какой она встрѣтила это извѣстіе.

«Во всей Англіи вы одни, дорогой милордъ, поняли мою печаль», писала она Грею изъ Брайтона 15-го (27-го) декабря 1825 г. Ваши выраженія глубоко трогаютъ меня... Благодарю васъ за ваши симпатіи и за форму, въ которой онѣ выражены...

«Императоръ Александръ былъ наилучшимъ изъ государей—наиболѣе гуманный, благородный и справедливый изъ людей. Въ теченіе своего двадцатипятилѣтняго самодержавнаго правленія онъ пользовался этой властью только для того, чтобы дѣлать добро. Его память будетъ благословляема долгое время, пока существуетъ русскій народъ... Подробности о смерти императора, взятыя изъ «Etoile»—вѣрны. Къ г. Ли-

[1]) Письмо отъ 15-го (27-го) апрѣля 1823 г.

[2]) Лордъ Грей, р. 1764, умеръ 1845 г., былъ съ 1830—1834 г. главою кабинета, которому было суждено осуществить великое дѣло избирательной реформы и провести извѣстный биль 1832 г. (Reform biel). Эта важная законодательная мѣра, объ осуществленіи которой Грей мечталъ еще въ молодости, сдѣлала его имя популярнымъ въ странѣ.

вену прибылъ курьеръ изъ Петербурга, выѣхавшій оттуда 9-го декабря и привезшій ему депеши съ тѣми же сообщеніями. Я получила кромѣ того письмо отъ моего сына, адресованное ко мнѣ изъ императорскаго дворца. Онъ прибавляетъ только, что императоръ находился въ состояніи сна въ теченіе трехъ послѣднихъ дней жизни и произнесъ всего нѣсколько словъ, и то съ большими перерывами. Онъ тихо скончался и при полномъ сознаніи».

Для поздравленія императора Николая Павловича съ восшествіемъ на престолъ былъ посланъ изъ Англіи герцогъ Веллингтонъ; на этотъ выборъ имѣли вліяніе политическія соображенія, такъ какъ ему было поручено между прочимъ обсудить совмѣстно съ русскимъ правительствомъ дальнѣйшій образъ дѣйствій державъ по отношенію къ Греціи и Турціи.

Въ Англіи полагали, что Николай I будетъ слѣдовать относительно Греціи иной политики, нежели его предшественникъ, не задолго до своей кончины созвавшій, въ Петербургѣ, конференцію, на которой было рѣшено потребовать отъ султана, чтобы онъ принялъ посредничество державъ. Какъ извѣстно, конференція эта не имѣла практическаго результата.

«Посылаю тебѣ нѣсколько строкъ съ герцогомъ Веллингтономъ, дорогой Александръ», писала княгиня Ливенъ. «Я чрезвычайно довольна тѣмъ, что онъ ѣдетъ въ Россію, и увѣрена, что императоръ и всѣ русскіе будутъ довольны его посѣщеніемъ. Это самый свѣтски образованный и благородный изъ современныхъ людей Англіи; трудно было бы избрать человѣка, болѣе достойнаго быть посланнымъ въ этомъ случаѣ въ Россію.

«Онъ, также какъ и весь міръ, преклоняется передъ изумительнымъ поведеніемъ нашего императора. Какія крупныя событія свершились! Сколько характера выказалъ императоръ! Онъ снискалъ уваженіе всего міра, всѣ восторгаются имъ! Какъ доблестны наши монархи! И какъ ничтожны по сравненію съ ними всѣ прочіе монархи Европы! Какая разница съ нашими!

«Я до глубины души страдала отъ всего пережитаго! Всѣ мои думы были обращены къ Россіи! Мы страстно ожидаемъ окончанія дѣла, возложеннаго на слѣдственную коммиссію.

«Кто могъ предвидѣть, когда мы бесѣдовали прошлымъ лѣтомъ о великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ, что все, что́ мы предугадывали въ немъ, осуществится такъ быстро? Мы предвидѣли въ немъ въ будущемъ великаго человѣка, и онъ выказалъ себя дѣйствительно вторымъ Петромъ.

«Ты не обмолвился ни словомъ о кончинѣ нашего дорогаго императора Александра, между тѣмъ ты легко можешь понять, какъ мы жа-

ждемъ извѣстій изъ Петербурга въ настоящее время. Что дѣлаетъ наша прелестная и очаровательная императрица?»

Во время пребыванія въ Россіи Веллингтона, въ Петербургъ былъ вызванъ изъ Лондона нашъ посланникъ князь Ливенъ. Онъ вернулся, по словамъ княгини Ливенъ, «безъ ума отъ императора» [1].

«Я приписываю себѣ заслугу, что я предугадала въ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ великаго человѣка,—писала она брату; какъ видишь, я приписываю это себѣ, хотя не отрицаю и вѣрности твоего сужденія, ибо я помню, какъ часто мы говорили о немъ. Онъ уже пользуется большой славою за границей, со временемъ она конечно увеличится и упрочится. Мой мужъ, обыкновенно весьма сдержанный, въ совершенномъ восторгѣ отъ него. По возвращеніи сюда, онъ былъ принятъ всѣми особенно любезно; его приглашали король, министры и многія другія лица, желавшія поговорить съ нимъ. Такъ какъ, надобно признаться, я довольно любопытна, то и я не давала ему покоя.

«Мнѣ было весьма пріятно и интересно слышать о новыхъ обязанностяхъ, возложенныхъ на тебя довѣріемъ императора. Твое положеніе весьма трудное [2]), но я вполнѣ понимаю, что можно отдаться всею душою такому монарху, а когда что-либо дѣлаешь отъ души, то дѣло становится легкимъ».

«Я въ восторгѣ отъ всего, что ты мнѣ пишешь объ императорѣ», писала Ливенъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя [3]), «онъ уже пользуется за границей выдающейся славою. Принимая во вниманіе, какъ трудно упрочивается слава вообще, можно подумать, что онъ царствуетъ уже лѣтъ двадцать, такое составилось о немъ громкое мнѣніе. Европа признала за нимъ умъ, твердость характера и справедливость—это сдѣлалось ея credo [4]).

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Письмо ея къ брату отъ 13-го августа 1826 г.

[2]) Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ былъ только-что передъ тѣмъ назначенъ шефомъ жандармовъ и начальникомъ главной квартиры императора.

[3]) Письмо къ А. Х. Бенкендорфу, изъ Брайтона отъ 6-го (18-го) января 1827 г.

[4]) Символъ вѣры.

Монастырская реформа въ Царствѣ Польскомъ.

V [1]).

Протесты епископовъ.—Нота кардинала Антонелли.—Принятіе монастырскихъ имѣній въ казну и свѣдѣнія о финансовой сторонѣ этой реформы.

Исполненіе монастырской реформы не встрѣтило со стороны епархіальныхъ властей прямаго фактическаго противодѣйствія. Епископы августовскій и подлясскій и администраторы калишско-куявскій и люблинскій воздержались отъ всякаго рода представленій по сему предмету, другіе же обратились къ папѣ.

Замѣчательно впрочемъ, что администраторъ варшавской епархіи епископъ Ржевускій не порицалъ реформу; онъ между прочимъ писалъ:

«Указъ вовсе не уничтожаетъ у насъ учрежденій иноческой жизни, но уменьшаетъ только число монастырей и конгрегацій, и остается еще много монастырей мужскихъ и женскихъ.

«При церквахъ, находящихся при упраздненныхъ монастыряхъ, правительство оставило по одному, по два и даже по три ксендза для отправленія богослуженія, такъ что ни одна изъ церквей не закрыта, и вездѣ богослуженіе совершается.

«Нынѣ на 120.000 католическихъ жителей въ Варшавѣ состоитъ—только пять приходовъ. Они будутъ раздѣлены на 12 съ должнымъ числомъ викаріевъ, считая по одному на каждыя двѣ тысячи душъ. Правительство будетъ содержать ихъ на свой счетъ.

---

[1]) См. „Русскую Старину“, декабрь 1902 г.

*

«Отъ такого устройства приходовъ ожидается не мало пользы въ управленіи архіепархіею.

«Имѣнія монастырей, правительство принимая въ свое вѣдѣніе, взамѣнъ оныхъ, назначаетъ изъ казны содержаніе для монаховъ и монахинь».

Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ Ржевускій заявлялъ сильное убѣжденіе, «что остающіеся монастыри, подчиняясь непосредственно епархіальному начальству, принесутъ большую пользу въ отношеніи благочинія между монахами; ибо затрудненія, встрѣчавшіяся донынѣ генеральными настоятелями въ посѣщеніи монастырей въ Царствѣ, равно дальнее разстояніе отъ Рима много способствовали ослабленію монашескихъ правилъ [1]).

Администраторъ Кѣлецкой епархіи епископъ Маерчакъ, епископъ сандомірскій Юшинскій и въ особенности плоцкій епископъ дозволили себѣ выдти изъ предѣловъ должныхъ отношеній къ правительству, выражая свои представленія къ папѣ не въ видѣ просьбъ, но въ смыслѣ жалобъ на верховную власть, отъ коей исходилъ указъ 27-го октября и дополнительныя къ нему правила. Первый изъ нихъ говорилъ, что все имущество, принадлежащее не только шести упраздненнымъ въ Кѣлецкой епархіи, но и другимъ оставшимся монастырямъ, отнято правительствомъ; отмѣнена всякая зависимость монастырей отъ ихъ генеральныхъ начальниковъ, равно упразднено званіе провиціаловъ и т. п. Юшинскій испрашивалъ разрѣшеніе папы «на право одобрить и принять назначенное монахамъ жалованье, а равно увеличенное содержаніе бѣлаго духовенства насчетъ помонастырскихъ доходовъ».

Наконецъ, плоцкій епископъ Попель просилъ папу «дать епископамъ Царства временно особыми уполномочіями необходимую власть надъ монашескими орденами впредь до окончательнаго разрѣшенія этого дѣла, благополучнаго исхода коего можно достигнуть, безъ сомнѣнія, лишь при участіи св. апостольской столицы».

Вообще сущность представленій епископовъ къ папѣ по поводу монастырской реформы сводилась къ слѣдующему—они просили уполномочить ихъ:

Принять монастыри мужскіе и женскіе въ непосредственное епархіальное вѣдѣніе съ прекращеніемъ зависимости ихъ отъ провинціаловъ мѣстныхъ и генеральныхъ начальниковъ въ Римѣ;

---

[1]) Дѣлая подобное представленіе, епископъ Ржевускій поступалъ подъ впечатлѣніемъ очевидности фактовъ и въ виду тѣхъ выгодъ, которыя монастырская реформа предоставляла епархіальному начальству вообще и бѣлому духовенству въ Варшавѣ въ особенности. Основывать на подобномъ образѣ дѣйствій Ржевускаго его преданность, а тѣмъ болѣе солидарность правительству было бы совершенно неосновательно. Это и было имъ доказано впослѣдствіи, когда пришлось удалить его изъ предѣловъ царства Польскаго.

избрать изъ свѣтскихъ духовныхъ лицъ визитаторовъ для наблюденія за исполненіемъ монастырской дисциплины съ тѣмъ, чтобы о преступленіяхъ всякаго рода, совершаемыхъ въ монастыряхъ, они доносили епархіальному начальству, для прекращенія злоупотребленій и взысканія съ виновныхъ лицъ;

принять назначенное правительствомъ для монаховъ и монахинь содержаніе, взамѣнъ поступившихъ въ казну монастырскихъ имѣній; принять также новое содержаніе, назначаемое правительствомъ для свѣтскаго духовенства насчетъ помонастырскихъ доходовъ;

принять въ епархіальное вѣдѣніе церкви и строенія, оставшіяся послѣ упраздненныхъ монастырей, и обратить эти церкви въ филіальныя или приписныя къ приходамъ, равно назначить въ оныя священниковъ для совершенія богослуженія;

монаховъ какихъ бы то ни было орденовъ, по случаю недостатка духовенства и уменьшенія числа монастырей, назначить для исполненія приходскихъ требъ и другихъ духовныхъ обязанностей.

Наконецъ, распространить помѣщеніе состоящей при варшавскомъ митрополитальномъ соборѣ семинаріи, какъ соединяемой съ семинаріею, бывшею при упраздненномъ орденѣ миссіонеровъ, предоставленіемъ ей дома, принадлежащаго варшавскому суфрагану, а въ вознагражденіе за этотъ домъ принять тотъ, который правительство назначитъ епископу-суфрагану.

Такимъ образомъ, въ своихъ представленіяхъ папѣ епископы отвергали право правительства на тѣ мѣры, которыя были постановлены закономъ 27-го октября (8-го ноября) 1864 г. и повсюду безпрепятственно уже исполнялись въ Царствѣ. Ни одинъ, рѣшительно ни одинъ монахъ, потомъ ни одинъ ксендзъ не отказались отъ назначеннаго правительствомъ жалованья, а напротивъ получали его съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

Поглубже взглянувъ на дѣло и сущность этихъ представленій, нельзя не остановиться на мысли, что они просто играли глупую комедію, разсчитывая на возможность запугать правительство и поймать его въ ловушку. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что римскій дворъ подробно зналъ о всемъ происходившемъ и самъ поощрялъ всѣ эти подчасъ грубыя и вообще ребяческія выходки епископовъ. Не вдаваясь въ неотносящіяся до настоящаго предмета подробности, я не могу не сказать, что римская курія была крайне неразборчива въ доставленіи епископамъ своихъ распоряженій, и нерѣдко папскія бреве и распоряженія, за подписью самыхъ высокопоставленныхъ кардиналовъ, приходили въ Царство черезъ посредство людей, вовсе несоотвѣтствовавшихъ такимъ порученіямъ.

Протестовали хотя и косвенно епископы, протестовалъ также и римскій дворъ. Рука руку мыла, и одинъ другаго поддерживалъ по зара-

нѣе, разумѣется, составленному плану, но такъ какъ планъ тщательно маскировался, то выходила трогательная, но для насъ мало убѣдительная солидарность во взглядахъ и убѣжденіяхъ.

Отъ имени папы, противъ закрытія монастырей протестовалъ кардиналъ Антонелли, нотою весьма задорнаго содержанія. Задорность и неясность ея становились тѣмъ бо́льшими, что именно въ то время курія нисколько не церемонилась съ нами и папа неоднократно позволялъ себѣ публично дѣлать самыя неприличныя выходки противъ русскаго правительства.

Епископскія представленія и нахальство римскаго двора были оцѣнены нашимъ правительствомъ по достоинству. Первыя не были отправлены въ Римъ, а нота кардинала Антонелли осталась безъ послѣдствій.

Хозяйственная часть монастырской реформы, т. е. пріемъ въ вѣдѣніе казны монастырскихъ имѣній—шелъ канцелярскимъ порядкомъ. По указу онъ былъ порученъ правительственнымъ коммиссіямъ внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и финансовъ при содѣйствіи епархіальнаго духовенства и мѣстныхъ губернскихъ учрежденій. Для пріема имѣній по распоряженію губернаторовъ, назначались особыя коммиссіи, состоявшія изъ чиновниковъ, командированныхъ отъ губернскаго и уѣзднаго управленій, военно-участковыхъ начальниковъ, деканов (благочинныхъ) и мѣстныхъ войтовъ гминъ и бургомистровъ городовъ.

Пріѣхавъ въ 1865 году въ Радомъ губернаторомъ, я нашелъ массу пріемныхъ актовъ съ цѣлыми томами приложеній. Въ Радомской губерніи стараго состава (т. е. до раздѣленія ея въ 1867 г.) было двѣ епархіи — Сандомірская и Кѣлецкая, а потому губернскому управленію предстояло разсмотрѣть и рѣшить около 400 приходовъ и монастырей. Всѣ эти дѣла были просто свалены въ кучу. Къ разбору ихъ не приступали, и винить въ томъ мѣстныхъ чиновниковъ было трудно. Они совершенно не были знакомы съ этой работой, не имѣли никакихъ указаній отъ коммиссіи финансовъ, занятой въ то время другими болѣе серьезными работами, и, сверхъ того, просто страшились массы предстоящей работы, привалившей совершенно неожиданно. Пришлось мнѣ самому сдѣлать починъ дѣлу. Я приказалъ выбрать изъ массы дѣлъ три—особенно сложное, очень легкое и среднее. Не мало я провозился съ ними, но все-таки одолѣлъ и составилъ собственноручно проекты трехъ журналовъ для внесенія на коллегіальное разсмотрѣніе губернскаго правленія. Проекты эти были тѣмъ важны, что ясно и точно распредѣляли порядокъ изложенія, опредѣляли, что именно должно быть изложено по каждому приходу или монастырю, и наконецъ давали ключъ къ разрѣшенію встрѣчавшихся вопросовъ. Пріемъ въ казну домовъ, земель и наличныхъ капиталовъ, разумѣется, не представлялъ особыхъ

затрудненій. Точно также легко было дать этому имуществу и должное назначеніе съ цѣлью извлеченія дохода для казны, но не то было съ капиталами ипотекованными, по которымъ тѣ или другія имѣнія платили проценты въ пользу духовныхъ учрежденій. Не мало также затрудненій представляли вопросы о сервитутахъ и записяхъ въ пользу монастырей и приходовъ. Съ капиталовъ ипотекованныхъ потребовано было внесеніе процентовъ въ казну и предложены всѣмъ владѣльцамъ вопросы объ условіяхъ погашенія самыхъ долговъ. Сервитуты натуральные были замѣняемы по взаимному соглашенію денежными взносами и единовременнымъ выкупомъ. Земли временно отдавались въ аренду на годъ, съ обѣщаніемъ продолжить этотъ срокъ еще на годъ, если до того времени не выйдетъ окончательныхъ правилъ о распредѣленіи этихъ земель. Работа, уже исполненная лично мною, не могла затѣмъ считаться неодолимою для чиновниковъ. Формы журналовъ, опредѣляя веденіе работы, значительно облегчали и упрощали разсмотрѣніе представленій экономическихъ ассессоровъ, т. е. чиновниковъ губернскаго правленія, принимавшихъ имѣнія. Для большаго еще его ускоренія я вызвалъ желающихъ и за каждый заготовленный журналъ положилъ опредѣленную плату. При такомъ порядкѣ дѣло пошло очень быстро и окончилось весьма удовлетворительно.

Впослѣдствіи, секретарь губернскаго правленія А. К. Зентковскій составилъ по моему порученію особую статью, которая подъ заглавіемъ «Обзоръ духовныхъ имуществъ Радомской губерніи, занятыхъ въ вѣдѣніе казны и исключенныхъ изъ занятія въ силу высочайшихъ указовъ 27-го октября 1864 и 14-го декабря 1865 г.»— напечатана въ «Памятной книжкѣ Радомской губерніи 1872 г.» Въ «Обзорѣ» приняты были во вниманіе границы новой, уменьшенной съ 1867 г. Радомской губерніи и за малыми исключеніями соотвѣтствующей предѣламъ Сандомірской епархіи.

Главною цѣлью этой статьи было фактически доказать, что принятіе въ вѣдѣніе казны духовныхъ имуществъ въ царствѣ Польскомъ было сдѣлано для полученія источниковъ къ болѣе правильному и соразмѣрному обезпеченію *постоянным*ъ содержаніемъ всего духовенства края, которое послѣ этой операціи не только не лишилось своихъ прежнихъ доходовъ, но стало получать больше.

Подъ дѣйствіе указовъ о монастыряхъ и бѣломъ духовенствѣ, въ Радомской губерніи подошли 13 монастырей и 183 прихода, въ которыхъ считалось сверхъ приходскихъ еще 7 филіальныхъ (приписныхъ) костеловъ.

Духовенство Радомской губерніи, какъ оказалось изъ пріемныхъ вѣдомостей, имѣло:

1. Собственно ему принадлежавшихъ.

а) капиталовъ безспорныхъ	373.744 р. 97 к. [1]
„ спорныхъ	58.343 „ 51 „
б) строеній каменныхъ	381.
„ деревянныхъ	2.247.
в) земель	41.451 м. 19¼ пр.
г) лѣсовъ	8.926 „ 51 „
д) инвентаря fundi instructi, служившаго для веденія хозяйства продано на	17.161 р. 27 к.
е) посѣвовъ продано на	5.606 „ 13¼ „
ж) разныхъ недоимочныхъ платежей за время до принятія имѣній въ казну поступило	20.602 „ 43¼ „
з) компетенцій и чиншей	13.789 „ 3¼ „
и) пособія отъ казны	21.123 „ — [2]

2. принадлежавшихъ братствамъ:

а) капиталовъ	12.922 р. 56 к.
б) чиншей	14 „ 57 „

3. принадлежавшихъ богоугоднымъ заведеніямъ.

а) капиталовъ	9.211 руб. 72½ коп.
б) строеній	22.
в) земли	156 мор. 189 пр.
г) чиншей на сумму	178 руб. 5 коп.

4. принадлежавшихъ начальнымъ училищамъ.

а) строеній	2
б) земли	3 морга.
в) чинша	22 р. 50 к.

Кромѣ того описаны были разные сервитуты, стоимость которыхъ даже приблизительно не могла быть опредѣлена въ 1872 г. Доходы съ десятинъ и jura stolae отъ занятія въ казну были изъяты.

Вышеприведенныя цифры о средствахъ римско-католическаго духо-

---

[1]) Изъ этихъ суммъ 58.343 руб. 51½ коп. были обезпечены на ипотекѣ, остальные капиталы въ наличныхъ деньгахъ хранились въ банкѣ или были въ распоряженіи правительства, платившаго духовенству проценты. Эти оплачиваемые казною капиталы составились: во-первыхъ, изъ суммъ, отданныхъ духовенствомъ въ ссуду революціонному правительству 1831 г. (36.715 руб. 52½ к.) и во-вторыхъ—изъ вознагражденія духовенству за имущества, отобранныя отъ него австрійскимъ правительствомъ. Часть стоимости, соотвѣтственная имуществамъ, отобраннымъ Австріею, въ предѣлахъ настоящей Радомской губерніи, возвращена Россіи по конвенціи 1815 г. и правительство выплачивало съ нея духовенству ежегодно 19.219 р. 24½ к.

[2]) На содержаніе епископа, капитула, семинаріи и другихъ духовныхъ учрежденій.

венства чрезвычайно характерны. Онѣ показываютъ, куда устремлены были всѣ усилія римско-католическаго духовенства при обезпеченіи себѣ различныхъ пожертвованій. Духовенство ухищрялось такъ, что все почти шло въ его полное распоряженіе подъ видомъ «средствъ на содержаніе духовенства». Такъ на этотъ предметъ въ Сандомірской епархіи пріобрѣтено было болѣе 430 тысячъ рублей, а на благотворительныя заведенія менѣе 10.000 и наконецъ для народнаго образованія всего 22 р. 50 к. Эти цифры вполнѣ краснорѣчивы.

Вообще ежегодные доходы римско-католическихъ монастырей и приходовъ Сандомірской епархія составляли:

1) процентовъ съ капиталовъ, а также чиншей и компетенцій	14.344 р. $15^3/_4$ к.
2) десятинъ	49.087 „ $38^1/_2$ „
3) съ хозяйства	45.247 „ $36^3/_4$ „
4) Jura stolae	16.880 „ $8^3/_4$ „
5) кружечнаго сбора	395 „ 15 „
6) случайныхъ пожертвованій	54 „ 72 „
Итого	126.008 р. $86^3/_4$ к.

На эти доходы упадали слѣдующіе ежегодные расходы:

1) на содержаніе причтовъ	26.555 р. 3 к.
2) на содержаніе церковной утвари	13.526 „ $44^1/_4$ „
3) на уплату податей	19.399 „ $21^1/_4$ „
4) мелкіе расходы	318 „ $11^1/_2$ „
Итого	59.798 р. 80 к.

Слѣдовательно, ежегодные доходы превышали обязательные расходы на 66.210 р. $6^3/_4$ к. Прибавляя же сюда 21.123 р., отпускавшіеся казною на содержаніе епископа и капитула, получимъ, что всего духовенство римско-католическое Сандомірской епархіи до отобранія отъ него имѣній получало въ годъ доходовъ до 87.333 р. $6^3/_4$ к., которые и составляли личныя средства духовенства.

Въ силу указовъ 27-го октября 1864 и 14-го декабря 1865 г. то же духовенство на свое содержаніе получаетъ изъ казны:

1) Монашествующее	9.650 р. —
2) Бѣлое	88.605 „ —
Итого	98.255 р. —
вычитая изъ этого прежніе доходы	87.333 р. $6^3/_4$ к.
Получимъ	10.921 р. $93^1/_4$ к.

которые и составляютъ увеличеніе средствъ духовенства въ силу примѣненія названныхъ указовъ.

Но такъ какъ при занятіи въ казну имѣній и доходовъ римско-католическаго духовенства, отъ этого занятія изъяты были нѣкоторые

доходы, въ сущности и нынѣ поступающіе въ пользу духовенства, то къ 10.921 р. $93^1/_4$ к. слѣдовало бы причислить:

а) десятину	49.087 р. $38^1/_2$ к.
б) jura stolae	16.880 „ $8^3/_4$ „
в) кружечный и случайный доходъ. . . .	449 „ 87 „
т. е. . .	66.417 р. $27^1/_2$ к.

Но если послѣ указовъ доходы римско-католическаго духовенства въ Привислинскомъ краѣ значительно увеличились противъ прежнихъ, то изъ этого не слѣдуетъ выводить заключенія, что казна приплачиваетъ на содержаніе духовенства. Это едва-ли справедливо, потому что въ вышеприведенные разсчеты не введены средства, полученныя казною отъ продажи подуховныхъ земель, отъ податей, уплачиваемыхъ крестьянами съ надѣленныхъ имъ подуховныхъ же земель, доходы съ домовъ и проч. Мы не ошибемся, если скажемъ, что взятіе имѣній римско-католическаго духовенства въ вѣдѣніе правительства не увеличило средствъ казны, но дало возможность болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія между членами духовенства получавшихся доходовъ.

Въ заключеніе для полноты картины и для уясненія, какъ именно правительство распорядилось съ поступившими въ его вѣдѣніе капиталами и имѣніями духовенства, приведу нѣсколько не безынтересныхъ данныхъ по этому предмету, тоже по Радомской губерніи, отсылая любопытныхъ за болѣе подробными свѣдѣніями къ вышеназванной статьѣ «Обзоръ и пр.».

Капиталы. Всѣ капиталы, принадлежавшіе римско-католическому духовенству, находившіеся какъ въ наличности, такъ и обезпеченные на ипотекахъ—сосредоточены въ рукахъ казны.

Строенія: а). Зданія монастырей—бернардиновъ въ Казановѣ (около г. Конска) и доминикановъ въ Сандомірѣ отданы въ собственность Конской и Сандомірской городскихъ кассъ.

б) Зданіе реформатскаго монастыря въ Сандомірѣ передано въ вѣдѣніе таможеннаго вѣдомства, устроившаго въ нихъ православную церковь и квартиры для чиновниковъ.

в) Зданіе монастыря того же ордена въ посадѣ Солецъ—передано учебному округу, помѣстившему тамъ педагогическіе курсы съ образцовымъ начальнымъ училищемъ.

г) Изъ помонастырскихъ зданій францискановъ въ Завихостѣ и Смардзевицахъ часть отдана въ пользу начальныхъ училищъ, часть отдана подъ помѣщеніе приходскаго викарія и причта, и часть передана въ вѣдомство министерства финансовъ.

д) Зданіе монастыря филиппиновъ въ Студзянѣ распредѣлено между

начальнымъ училищемъ, гминнымъ управленіемъ, церковнымъ причтомъ и финансовымъ вѣдомствомъ.

е) Въ помонастырскомъ зданіи бернардиновъ въ г. Радомѣ устроена казарма земской стражи, а отдѣльный флигель съ обширнымъ садомъ переданъ женской гимназіи.

ж) Зданія штатныхъ монастырей: реформатовъ въ Высокомъ Коло и бенедектинокъ въ Сандомірѣ оставлены монастырямъ вполнѣ, кромѣ флигеля послѣдняго монастыря, который сперва самими монахинями отдавался въ наймы подъ помѣщеніе мѣстнаго уѣзднаго управленія, а послѣ указовъ поступилъ на ту же надобность безплатно.

з) 381 каменныхъ и 2.271 деревянныхъ зданій бѣлаго духовенства поступили:

	зданій кам.	дер.
Для помѣщенія причта и вообще духовенства . .	312	1.227
Передано совѣтамъ общественнаго призрѣнія	—	22
Передано въ собственность крестьянамъ по закону 19-го февраля 1864 г.г.	—	47
Отведено сельскимъ училищамъ	—	2
Отдано подъ помѣщеніе Таможеннаго училища и Сандомірской женской прогимназіи	—	2
Занято въ казну	69	971
	381	2.271

Земли. Собственно земель занято 41.618 мор. 208¼ пр. и лѣсовъ 8.926 мор. 51 пр. Всѣ лѣса поступили въ казну, а земли распредѣлены такъ:

а) въ собственность приходовъ подъ строеніями, подъ огороды и кладбища отдано	1.616	мор.	208½	пр.
б) признано собственностью крестьянъ и имъ передано	23.347	„	5	„
в) отдано подъ благотворительныя заведенія	156	„	189	„
г) дано одному начальному училищу .	3	„	—	„
д) занято въ казну и предположено въ продажу	16.495	„	105¾	„

Инвентарь и посѣвы: на принятыхъ отъ духовенства земляхъ были проданы, первый за 17.161 р. 27 к., а вторые—за 5.606 р. 13¼ к.

Сервитуты: въ казенныхъ лѣсахъ уничтожены, а въ частныхъ имѣніяхъ предположены къ обращенію въ деньги по взаимному соглашенію казны съ владѣльцами.

Выше было сказано, что всего подуховныхъ земель въ одной Радомской губерніи поступило въ казну 41.618 мор. 208¼ пр. Во всемъ же царствѣ Польскомъ количество подобныхъ земель было очень велико. Возникла мысль отдать ихъ подъ поселеніе старообрядцамъ изъ Пруссіи.

Глава или уполномоченный этихъ старообрядцевъ Павелъ Прусскій пріѣзжалъ въ Варшаву и просилъ о переселеніи Н. А. Милютина. Графъ Бергъ вполнѣ одобрилъ эту мѣру, но отъ нея пришлось отказаться, во-первыхъ, вслѣдствіе упорнаго несогласія со стороны варшавскаго архіепископа Іоанникія, а во-вторыхъ, потому, что еще болѣе упорнаго сопротивленія ожидали со стороны высшихъ духовныхъ властей въ Петербургѣ. Если предположить, что всѣхъ земель могло быть до 400 тысячъ морговъ, то, образуя участки отъ 10 до 15 морговъ, можно было бы поселить отъ 2.600 до 4.000 семей, а это во всемъ краѣ образовало бы сѣть изъ самыхъ благонадежныхъ въ нравственномъ и политическомъ смыслѣ людей. Православное духовенство въ Царствѣ было въ то время не только противу допущенія старообрядцевъ, но и дѣятельно хлопотало о запечатаніи молелень, Муравьевымъ украшенныхъ и снабженныхъ колоколами.

Д. Г. Анучинъ.

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

цѣлей обнаруживается въ его многократныхъ просьбахъ и ходатайствахъ объ амнистіи декабристовъ. Настойчивость Жуковскаго вызвала, было, даже грозное неудовольствіе императора Николая Павловича. «Слушай!—сказалъ однажды императоръ Жуковскому,—знаешь ли пословицу: «скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я скажу тебѣ, кто ты». Ее можно примѣнить къ тебѣ. Не смотря на то, что Тургеневъ осужденъ, ты безпрестанно за него вступался и не только мнѣ, но и вездѣ говорилъ, что считаешь его невиннымъ... Ты навлекъ на себя нареканіе. Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кто только худъ съ правительствомъ»... И послѣ такой, какъ самъ Жуковскій выразился, «головомойки», Жуковскій записалъ въ своемъ дневникѣ: «Я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринымъ, ни Бенкендорфу [1]): у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность государю».

Въ заключеніе Н. Ѳ. Сумцовъ говоритъ: «Жуковскій оставилъ послѣ себя прекрасную память, какъ человѣкъ, писатель, педагогъ; выше всего стоялъ онъ, какъ человѣкъ, и всѣ прочія его достоинства были лишь отраженіемъ его прекраснаго добраго сердца».

Въ отношеніи къ крѣпостничеству В. А. Жуковскій шелъ въ рядъ съ лучшими людьми своего времени. Правда, онъ не высказывался такъ рѣзко, какъ, напримѣръ, Н. И. Тургеневъ, который сѣтовалъ, что «русскіе не имѣютъ права говорить о ненавистномъ рабствѣ крестьянъ, не смѣютъ показывать всю его мерзость и беззаконность». Жуковскій отрицалъ крѣпостничество и не мало потрудился для увѣчеванія нѣкоторыхъ язвъ его, для спасенія его жертвъ. Въ 1822 г. онъ отпустилъ на волю крѣпостныхъ людей, купленныхъ на его имя книгопродавцемъ Поповымъ; это стоило ему 2.400 руб. «Дѣло лежитъ у меня на душѣ, и я виню себя очень, что давно его кончилъ». Вскорѣ онъ далъ свободу лично ему принадлежавшему семейству крѣпостныхъ, бѣлевскому Максиму съ дѣтьми.

Въ статьѣ «В. А. Жуковскій и Н. В. Гоголь» профессоръ Сумцовъ выясняетъ взаимныя отношенія этихъ двухъ писателей, жившихъ одновременно и сошедшихъ въ могилу въ одномъ и томъ же году. Гоголь довѣрялся вполнѣ Жуковскому, а послѣдній платилъ ему живымъ сочувствіемъ, покровительствомъ и ходатайствами въ его пользу передъ высшей властью, вообще, самой широкой нравственной и матеріальной поддержкой. Жуковскій просилъ своего пріятеля Плетнева оказать Гоголю поддержку, и П. А. Плетневъ въ 1831 г. пристроилъ Гоголя учителемъ исторіи въ Патріотическомъ институтѣ и, кромѣ того, доставилъ ему частныя занятія. Благодаря ходатайству Жуковскаго и Вільгорскаго, рукопись «Ревизора» была прочитана императору Николаю I и получено высочайшее разрѣшеніе на изданіе и представленіе комедіи. Въ своемъ послѣднемъ письмѣ, отъ 2-го февраля 1852 г., Гоголь говоритъ, что молится за Жуковскаго, и добавляетъ: «горячѣй бы гораздо мнѣ слѣдовало о тебѣ молиться, какъ о человѣкѣ, которому я много, много долженъ».

Жуковскій помогъ Я. К. Гроту сдѣлаться ученымъ и оказалъ, такимъ образомъ, услугу русской наукѣ. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ Гротъ: «въ то время (1839 г.) я еще служилъ въ Государственной канцеляріи, но страстно желалъ перейти на ученое поприще, именно въ Финляндію, гдѣ открывались виды на университетскую каѳедру по русской литературѣ. Узнавъ о томъ, Жуковскій вытребовалъ у меня записку о планѣ будущихъ моихъ занятій и самъ отвезъ ее къ тогдашнему министру статсъ-секретарю княжества Финляндскаго, барону Ребиндеру. Такимъ образомъ, Жуковскій помогъ мнѣ сдѣлаться изъ чиновника ученымъ».

Любовь къ живописи Жуковскій обнаруживалъ съ малыхъ лѣтъ. По словамъ А. П. Зонтагъ, онъ 4 или 5-ти-лѣтнимъ мальчикомъ забрался въ пустую комнату и мѣломъ срисовалъ на полу стоявшій тамъ образъ Боголюбской Божіей матери. Обученіе въ Московскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ отведено было значительное мѣсто искусству, знакомство съ любителями искусства, русскими и иностранными художниками и западными картинными галлереями, — все это поддерживало и развивало въ Жуковскомъ любовь къ живописи. Пробовалъ онъ свои силы въ рисованіи и живописи въ однихъ случаяхъ въ видѣ шутки, въ другихъ—съ серіозными цѣлями. Когда Блудовъ завелъ злую комнатную собаку, В. А. боялся къ нему ходить. Въ письмѣ къ Блудову онъ говоритъ, что заказанное имъ платье для защиты отъ зубастаго врага еще не готово, для наглядности приложилъ рисунокъ, на которомъ изобразилъ себя рыцаремъ въ латахъ и шлемѣ, съ забраломъ, съ огромнымъ копьемъ въ рукѣ [1]). Извѣстно до 20 альбомовъ его собственноручныхъ рисунковъ, иллюстрирующихъ почти всѣ его путешествія по Россіи и за границей. Въ 1824 г. въ Петербургѣ вышелъ альбомъ изъ 6-ти видовъ Павловска, срисованныхъ съ натуры Жуковскимъ, имъ же и Кларою награвированныхъ въ Дерптѣ; милыми гравюрками Василія Андреевича украшена рѣдкая брошюра Шторха «Путеводитель по саду и городу Павловску». Жуковскому принадлежитъ 8 видовъ Царскаго Села и 23 вида Павловска.

Въ концѣ книги помѣщена интересная статья «Къ вопросу о творчествѣ Н. В. Гоголя» и обзоръ Жуковско-Гоголевской выставки.

Н. К-ш-ъ.

---

[1]) Напечатано: «Бенгондорфу»; къ сожалѣнію, въ книгѣ слишкомъ много опечатокъ.

[1]) Юмористическіе рисунки Жуковскаго къ письмамъ его къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой воспроизведены въ нашемъ журналѣ (апрѣль 1902 г., стр. 121—127).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1903 г.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за **12** книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтоваго союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина.**

☞ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

☞ Можно получать въ конторѣ редакціи **„Русскую Старину“** за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1902 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **безплатно.**

Издатель **С. Зыковъ.** Редакторъ **Н. Дубровинъ.**

2241-28/2

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.